

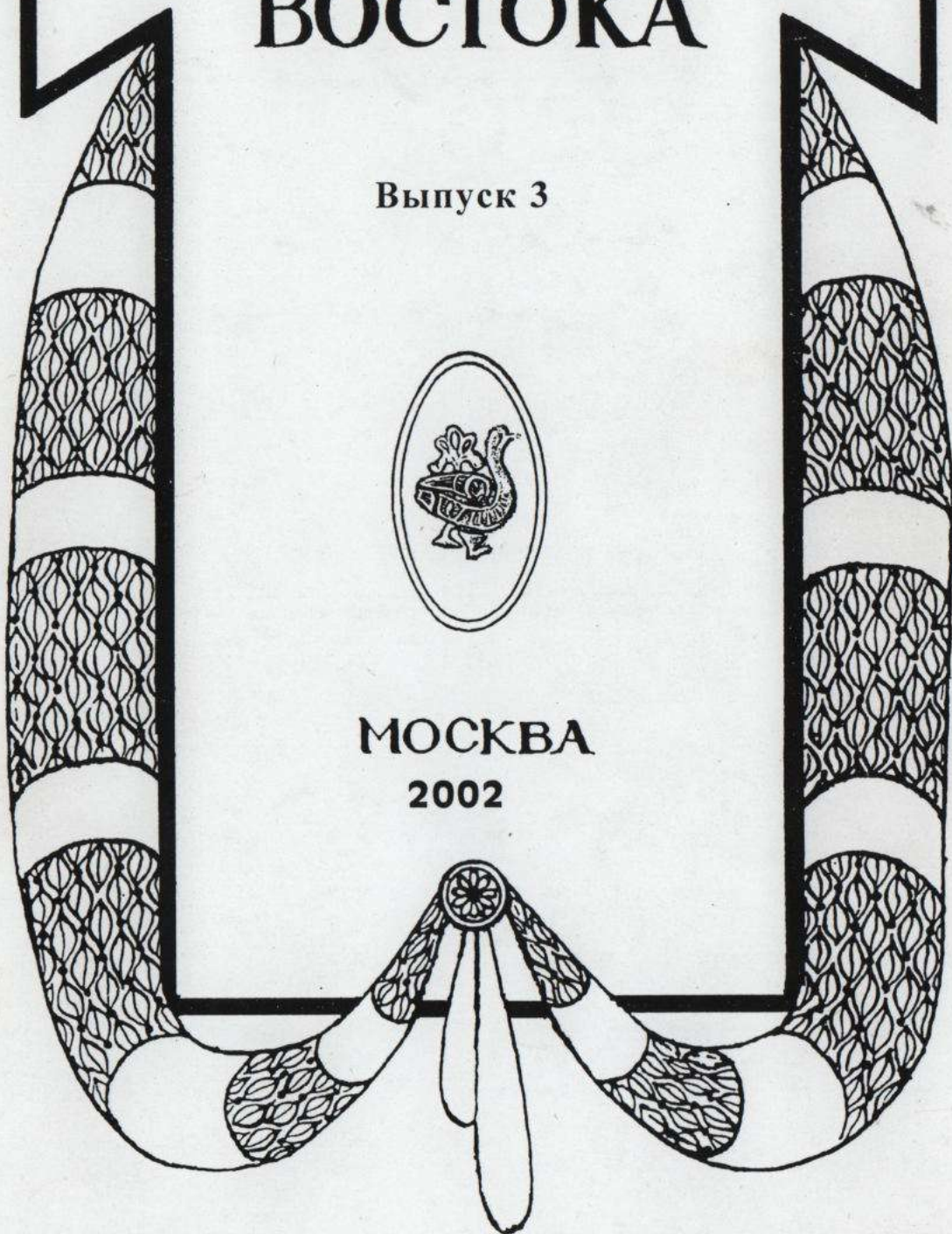

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

Выпуск 3

МОСКВА
2002

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ВОСТОКА

Проблема организации ремесленного производства на территории Средней Азии в древности не раз затрагивалась в различных исследованиях по истории и археологии. На сегодняшний день опубликовано несколько научных работ (Ташкелдеев, 1975, С. 58-69; Тусев, 1967, С. 157-161).

В то же время она до сих пор далека от решения. В частности, уже более 70 лет дискутируется вопрос о существовании объединений ремесленников по профессиональному признаку, а также о времени появления ремесленных корпораций.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

В предлагаемой статье предпринята попытка рассмотреть этот вопрос, опираясь на все существующие на настоящий момент археологические данные по территории Средней Азии, в большей степени отражающие технологический уровень, а именно: формы керамического производства в определенный период времени. В работе упомянуты памятники, датируемые второй половиной I тыс. до н.э. - началом I тыс. н.э. Этот хронологический период выделен не случайно. Именно в это время на территории Средней Азии, после свержения державы Александра Македонского, складываются самостоятельные и мощные государственные образования: Грече-Бактрийское царство, а затем Селевкская империя на территории Бактрии, Парфянское царство в предгорьях Загросских гор, «Восточное Римское царство» в долине Инда и др. Именно в этот период в Средней Азии появились государственные рынки, что, в свою очередь, стимулировало развитие ремесленного, товарного производства.

Вместе с тем оно оживляло организацию ремесла.

В исследованиях, посвященных истории ремесла в Средней Азии, опубликовано несколько научных работ (Ташкелдеев, 1975, С. 58-69; Тусев, 1967, С. 157-161). В то же время, почти не учитывались данные археологии (Литвинский, Селов, 1983, С. 132-137; Толстой, 1962, С. 57-160).

Выпуск 3

Москва 2002

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

Материальная культура Востока: Сборник статей. Вып. 3+.
Государственный Музей Востока. М., 2002.

Ответственный редактор: кандидат исторических наук Л.М. Носкова

Рецензент: доктор исторических наук С.Я. Берзина

Редакционная коллегия: Н.А. Гожева, У.И. Трейнер

Художественное оформление: Н.С. Сурвилло, Е.А. Куркина

От редакции

Настоящий выпуск сборника «Материальная культура Востока» является третьим в серии, выходящей с 1988 года. Поскольку издание стало периодическим, с настоящего времени каждому выпуску присваивается номер. Первые два сборника, опубликованные без указания порядкового номера, мы считаем соответственно «1» (1988) и «2» (1999).

**К вопросу о формах ремесленного керамического
производства на территории Средней Азии в древности
(конец I тыс. до н.э. - начало I тыс н.э.)**

Проблема организации ремесленного производства на территории Средней Азии в древности не раз затрагивалась в различных исследованиях по истории и археологии. На эту тему опубликовано несколько специальных работ (Ташходжаев, 1975. С. 58-69; Тревер, 1967. С. 157-161).

В то же время она до сих пор далека от решения. В частности, уже более 70 лет дискутируется вопрос о существовании объединений ремесленников по профессиональному признаку, а также о времени появления в Средней Азии ремесленных корпораций, известных по позднесредневековым источникам.

В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть этот вопрос, используя все существующие на настоящий момент археологические данные по территории Средней Азии, в большей или в меньшей степени отражающие технологический уровень, а также развитие форм керамического производства в определенный период времени. В работе учтены памятники, датируемые второй половиной I тыс. до н.э. - началом I тыс. н.э. Этот хронологический период выбран не случайно. Именно в это время на территории Средней Азии, после распада державы Александра Македонского, складываются самостоятельные крупные государственные образования: Греко-Бактрийское царство, а затем Кушанская империя на территории Бактрии, Парфянское царство в предгорьях Копетдага, Древнехорезмийское государство в низовьях Амударьи. Политическое объединение этих областей шло параллельно с формированием внутригосударственных рынков, что, в свою очередь, стимулировало развитие ремесленного товарного производства,

значительно усиливало специализацию ремесла.

В исследованиях, посвященных истории развития ремесла Средней Азии, а также Ближнего и Среднего Востока этого периода, в основном использовались данные письменных источников. Они содержат крайне мало сведений по организации производства в этот период. В то же время, почти не учитывались данные археологии (Литвинский, Седов, 1983. С. 132-137; Толстов, 1962. С. 57-160).

Вместе с тем, вопросы, касающиеся форм организации ремесла, могут, как сейчас представляется, решаться только при комплексном подходе, с использованием всех возможных источников: сведений древних авторов, эпиграфических памятников, данных археологии.

Ведущее место среди археологических памятников, относящихся к категории производственных, занимают объекты, связанные с древним гончарством. Однако не всегда они становились предметом специального исследования. В большинстве случаев остатки производства изучались попутно, результаты исследования публиковались не полностью. Основное внимание уделялось конструкции керамических обжигательных горнов, довольно подробно анализировался материал из раскопок и очень редко раскапывалась территория около самих горнов. Если и проводился сравнительный анализ объектов, то он ограничивался пределами одного памятника. При этом не учитывалось соотношение объема производства и типа поселения. Единственная работа, в которой рассматривались вопросы организации керамического производства на территории Средней Азии, была опубликована

почти сорок лет тому назад (Воробьева, 1961. С. 148-171).

В этой статье была дана предварительная классификация объектов, связанных с гончарством, основой для которой послужили размеры производства и соотношение их с различными типами поселений. С тех пор, благодаря интенсивным археологическим исследованиям на территории Средней Азии, особенно в 70-80-е годы, накоплен большой материал по керамическому производству, что позволяет значительно расширить наши представления о формах его организации, а также, с учетом нового материала, уточнить выводы, сделанные М.Г. Воробьевой.

Керамическое производство в различных областях Средней Азии изучено неравномерно. В связи с этим кажется целесообразным привести краткую сводку памятников середины I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э., связанных с гончарством (рис. 1).

Наиболее полно и всесторонне керамическое производство середины I тыс. до н.э. изучено на территории Маргианы (юго-восточная Туркмения). В.М. Массон выделяет здесь несколько земледельческих оазисов, в каждом из которых были более или менее крупные гончарные центры (Массон, 1959. С. 82-83).

Наряду с одиночными горнами (Кушбеги-тепе) зафиксированы группы керамических горнов, расположенных как на территории поселений, так и за их пределами. Наиболее крупное производство обнаружено на поселении Северное Уч-депе, где рядом с центральным бугром располагалось свыше 10 обжигательных горнов (Воробьева, 1959. С. 159-160). В это время (середина I тыс. до н.э.) на территории Маргианы формируется двухъярусный, округлый керамический горн с прямой вертикальной тягой и топкой центрального действия (Сарианиди, 1957. С. 73; Сарианиди, 1958. С. 333-345; Бобринский, 1991. С.

115-116).

Керамическое производство первой половины I тыс. до н.э. зафиксировано на территории юго-западной Туркмении (культура архаического Дахистана). Здесь сравнительно крупные производственные центры (площадь до 1 га) располагались на окраинах больших укрепленных поселений (Массон, 1956. С. 390-391). На городище Изат-кули раскопана часть такого производственного центра («квартал керамистов»). Обращает на себя внимание тот факт, что конструкция дахистанских горнов резко отличается от маргианских, что, возможно, свидетельствует об их различном происхождении (Мурадова, 1991. С. 135-139).

Значительно хуже изучено керамическое производство в южной Туркмении парфянского времени (III в. до н.э. - III в. н.э.). Достаточно сказать, что в одном из крупнейших городских центров Средней Азии, столицы области - Древнем Мерве, раскопан лишь один горн III в. н.э., находящийся на территории квартала керамистов в северо-восточной части городища. Здесь вскрыта оригинальная конструкция, не имеющая аналогий на территории Средней Азии (Ахраров, Усманова, 1980. С. 52-53).

Пять горнов, относящихся к I в. до н.э. - I в. н.э., раскопаны на поселении Джин-тепе, недалеко от Мерва. Все они двухъярусные с прямой вертикальной тягой. Следует заметить, что здесь топочная камера имеет купольное перекрытие топки в сочетании с керамическим диском (Мережин, 1962. С. 12 и сл.). Квартал керамистов, расположенный в центральной части городища, зафиксирован на Дурнали-депе.

В Парфиене (подгорная полоса Копетдага) керамические обжигательные горны парфянского времени раскопаны на трех памятниках. Гончарное производство зафиксировано как на поселениях городского типа (Ярык-депе), так и на рассредоточенных сельских поселе-

ниях (Гарры-Кяриз).

На поселении Гаш-депе найдено четыре обжигательных горна, что дало основание считать его небольшим производственным центром. По данным исследователя этих поселений В.Н. Пилипко, в Парфиене пока неизвестны крупные керамические центры (Пилипко, 1972. С. 75). Вместе с тем, тот факт, что следы керамического производства обнаружены на многих сельских поселениях, позволяет предполагать, что они сами удовлетворяли свои потребности в керамической посуде (Древнейшие государства..., 1985. С. 221).

На территории Северной Бактрии сравнительно хорошо изучено керамическое производство эпохи бронзы. Однако в этой области почти неизвестно керамическое производство эпохи раннего железа (первая половина I тыс. до н.э.). В это время здесь возникают крупные укрепленные поселения городского типа, подобные Кызыл-тепе в долине Сурхандарьи, которые являлись центрами по переработке сельскохозяйственной продукции, а также ремесла, прежде всего гончарного (Сарианиди, 1977. С. 151; Сагдуллаев, 1989. С. 50; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 29). Однако никаких данных, подтверждающих или опровергающих это положение, нет.

Археологические материалы первой половины I тыс. до н.э. с территории Северной Бактрии свидетельствуют лишь о том, что в это время здесь, безусловно, использовался гончарный круг, и керамика обжигалась в горнах, хотя до сих пор в регионе не раскопано ни одного керамического горна этого времени. Керамическое производство эпохи раннего железа зафиксировано на поселении Алтын-3 в Северном Афганистане, но раскопки здесь не производились. Конструкция горнов, также как и условия размещения производства, не известны. Без этих данных говорить о

формах организации и уровне специализации производства кажется преждевременным.

Значительно лучше изучено керамическое производство Северной Бактрии второй половины I тыс. до н.э. - первых веков н.э.

На городище Саксанохур в южном Таджикистане частично вскрыты два жилищно-производственных комплекса и девять обжигательных горнов на площади 360 кв.м. Горны двухъярусные овальные в плане. Весь комплекс датируется IV-II вв. до н.э. (Мухитдинов, 1968. С. 31).

Три округлых двухъярусных горна раскопаны на городище Ай-Ханум. Они рассредоточены по территории городища и относятся к периоду частичного обживания Ай-Ханум («варварская оккупация») (Veuve, 1987. Pl. 11). Надо полагать, учитывая основную хронологию городища, что эти горны можно датировать II-I вв. до н.э.

Весной 2000 г. на городище Кампыр-тепе автором этой статьи была раскопана керамическая мастерская, которая располагалась в юго-восточной части «пригородной зоны». Мастерская состояла из двухъярусного керамического обжигательного горна, землянки неподалеку от него, площадки для просушки готовой продукции. Рядом обнаружены ямы, заполненные производственным мусором (рис. 3). На основании стратиграфических наблюдений установлено, что мастерская функционировала недолго, в течение нескольких сезонов. По материалам из раскопа производственный комплекс датируется III-II вв. до н.э.

Керамические горны кушанского (?) времени зафиксированы в начале 30-х годов у северо-восточного холма Кара-тепе в Старом Термезе. Судя по описанию, они располагались между холмом и валом – «акведуком», ограничивающим с севера территорию городища (Ставиский, 1988. С. 44-45). Здесь

же были найдены куски металлических шлаков и кричного железа, что дало основание М.Е. Массону предположить здесь наличие ремесленных мастерских, удовлетворявших не только потребности монахов, но и работавших на рынок (Массон, 1945. С. 5).

Керамическое производство первых веков н.э. обнаружено на городище Айртам, в 18 км к востоку от Термеза. Здесь вскрыты остатки двух керамических горнов, один из них для обжига кирпича. Следует отметить, что оба горна располагались неподалеку от построек буддийского культового комплекса (Тургунов, 1973. С. 63). Из публикации неясно, в какой период жизни памятника функционировали эти горны. По мнению исследователей, они работали в I-II вв. н.э. и удовлетворяли местные нужды в хозяйственных керамических изделиях. Горн для обжига кирпича использовался во время строительства здания.

На Дальверзин-тепе квартал керамистов, площадь которого составляет 5400 кв.м, занимает юго-восточный угол городища. В результате раскопочных работ вскрыто более половины его площади. Здесь выявлены, по крайней мере, три мастерские, которые включали в себя несколько помещений, соединявшихся проходами. Рядом с мастерскими вскрыто 11 горнов. Ранние горны Дальверзин-тепе были округлыми, а более поздние - прямоугольными в плане. Весь комплекс датируется кушанским временем. На территории квартала раскопан небольшой храм-святилище, посвященный «Великой Бактрийской богине» (рис. 3,IV). По мнению исследователя памятника Г.А. Пугаченковой, это был небольшой храм при ремесленном хозяйстве (Пугаченкова, 1978. С. 203; Пугаченкова, 1981. С. 112-117).

Благодаря сплошному археологическому обследованию территории Северной Бактрии (Ртвеладзе, Хакимов, 1973. С. 10-33; Ртвеладзе, 1974. С. 74-72; Пу-

гаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 62-75), можно представить принципы размещения керамического производства в регионе в первые века н.э. Основываясь на материалах изучения густозаселенной в кушанское время долины Сурхандарьи, Э.В. Ртвеладзе сделал вывод о том, что, в отличие от городов, сельские поселения микрооазисов имели ярко выраженный земледельческий характер при отсутствии ремесленного производства. Продукция гончарных мастерских, сосредоточенных в городах, шла на удовлетворение нужд не только городского, но и сельского населения (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 63, 76).

Несколько особняком стоит керамическое производство на поселении Хатын-Рабат, где были раскопаны керамические обжигательные горны обычного для Бактрии типа (Пугаченкова, 1973а. С. 213). По классификации Э.В. Ртвеладзе, этот памятник относится к поселениям полугородского-полусельского типа, для которых характерно отсутствие цитадели и рассредоточенная планировка. По всей видимости, Хатын-Рабат являлся ремесленным центром - помимо гончарного производства, на поселении раскопана мастерская и дом ремесленника-каменотеса.

Однако такое положение, как в долине Сурхандарьи, существовало не на всей территории Северной Бактрии. Эта область по естественным географическим условиям распадается на ряд более мелких территориальных единиц, которыми являются долины крупных рек с располагавшимися там земледельческими оазисами. Некоторая природная изолированность обуславливала, видимо, специфику хозяйственной системы оазисов, своеобразие черт материальной культуры при сохранении общего единства (Седов, 1987. С. 107).

Эти различия, в частности, проявляются и в условиях размещения керамического производства на территории области.

В долине Кафирнигана, в оазисе Шах, на сельской усадьбе Хирман-тепе раскопан керамический горн, который в древности, по всей видимости, составлял с усадьбой единое целое. Памятник датируется II-III н.э (Литвинский, Седов, 1983. С. 68-70).

В северной части долины, неподалеку от поселения Ак-тепе II, в 300-350 м к северу от поселения, на берегу магистрального канала, раскопано 3 керамических горна. По-видимому, их было больше: к северу от основной части поселения отмечено еще три скопления керамических шлаков (Седов, 1987. С. 11, 112).

Оба указанных выше памятника являются сельскими поселениями. Хирман-тепе - небольшая усадьба, Ак-тепе II - укрепленное сельское поселение. Э.В. Ртвеладзе относит подобные памятники к первому типу сельских поселений в Северной Бактрии (Ртвеладзе, 1974. С. 84).

Специфической чертой хозяйственной системы Кобаданского оазиса (долина Кафирнигана) было сосуществование на довольно ограниченной территории оазиса на протяжении всего кушанского периода двух групп населения с различными типами хозяйственной деятельности - преимущественно скотоводческого и преимущественно земледельческого. В связи с этим следует отметить, что поселение Ак-тепе II расположено в северной части оазиса. В непосредственной близости от него, в предгорьях Туюн-тау и Баба-тага (Бишкентская долина), раскопаны курганные могильники, принадлежавшие скотоводческому населению (Мандельштам, 1975. С. 131).

По мнению исследователя Ак-тепе II А.В. Седова, это поселение было своеобразным производственным центром, удовлетворявшим потребности жителей окрестных поселков, а возможно, и более отдаленных районов оазиса (Седов, 1987. С. 113).

Учитывая наличие в этой части долины могильников скотоводческого населения, а также позднюю датировку (I-IV вв. н.э.) этих памятников, предложенную Б.А. Литвинским и А.В. Седовым (Литвинский, Седов, 1984. С. 134), можно предположить, что этот производственный центр удовлетворял потребности скотоводческого населения оазиса.

Видимо, такая же хозяйственная система существовала в Северо-Западной Бактрии (область среднего течения Амударьи), где также, наряду с земледельческими поселениями, открыты курганные могильники (долина Кугитанга), самым известным из которых является Баба-Шов (Мандельштам, 1975. С. 143-147; Пилипко, 1975а. С. 254; Пилипко, 1975б, С. 104).

К сожалению, в археологическом отношении этот район изучен еще недостаточно. Судя по отрывочным данным, керамическое производство существовало здесь как в крупных центрах городского типа (Мирзабек-кала), так и на сельских поселениях (Пультатдыдепе). Однако в настоящее время нет никаких сведений о конструкции керамических горнов и объемах производства.

Материалы по истории гончарного производства центрального Согда середины I тыс. до н.э. получены при раскопках поселения Сары-тепе 2, расположенного в 8 км к западу от Афрасиаба. Оно занимает площадь около 3 га. Здесь обнаружено 20 обжигательных горнов и более 80 ям с производственными отвалами. Все раскопанные горны принадлежат к типу округлых двухъярусных. Во время раскопок памятника не выявлено каких-либо строительных конструкций, которые можно было бы квалифицировать как остатки жилых или производственных сооружений. Вполне возможно, что они были уничтожены при распашке территории, однако, отсутствие в слое строительного

мусора, кусков пахсы или кирпичей, а также то, что в процессе раскопок не зафиксировано обмазок пола, позволяет считать, что никаких капитальных построек здесь не было (Иваницкий, 1992. С. 23-28).

Видимо, Сары-тепе было крупным производственным центром, функционировавшим рядом с крупным городищем (Афрасиаб) на ранних этапах существования последнего.

Значительно меньше сведений о гончарстве конца I тыс. до н.э. На городище Афрасиаб известен всего один объект, связанный с гончарным производством, который можно датировать первыми веками до н.э. А.И. Тереножкиным была раскопана часть керамической мастерской, в которой найдены части гончарного круга (?) и подготовленная к работе глина (Тереножкин, 1951. С. 136-140).

Остатки керамического производства начала - первой половины I тыс. н.э. выявлены на крупнейшем городище Южного Согда (долина Кашкадарьи) - Ер-Курган. Общая площадь древнего города составляет 40 га. В восточной его части, вплотную к городской стене, расположен отдельный холм, где, как показали раскопки, находился прежде квартал керамистов. В результате многолетних исследований удалось установить, что он существовал здесь во все периоды жизни города, по крайней мере, начиная с первых веков н.э. (Сулейманов, 2000. С. 122-124). Лучше всего изучены слои, относящиеся к эпохе раннего средневековья - VI-VII вв. В процессе раскопок выявлено, два жилищно-производственных комплекса, а рядом вскрыто 8 керамических горнов. Примечательно, что эта территория, во всяком случае, в эпоху раннего средневековья была обнесена общей стеной (Исаметдинов, Сулейманов, 1984. С. 17; Исаметдинов, Раимкулов, 1991. С. 123-132).

Крайне мало данных о керамиче-

ском производстве конца I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. таких областей как Фергана, среднее течение Сырдарьи, а также Восточное Приаралье.

Например, на территории Ферганской долины раскопан всего один горн, датирующийся первыми веками нашей эры (Мунчак-тепе). В публикации, вышедшей в 1949 г., детально рассматривается его конструкция, а также, в связи с этим, разбираются устройства других обжигательных горнов, известных к тому времени на территории Средней Азии (Гайдукевич, 1949. С. 77-82). Примечательно, что этот горн имел прямоугольную форму и по формальным признакам был близок бактрийским этого же времени.

На территории Восточного Приаралья также известен лишь один горн, относящийся к интересующему нас периоду. Он раскопан на городище Бабиш-Мулла и датируется первыми веками до нашей эры (Воробьева, 1961. С. 171). В этом районе (южная часть древней дельты Сырдарьи) в IV-II вв. до н.э. была распространена Чирик-Рабатская культура, финальным этапом которой, видимо, и следует датировать этот горн. Обращает на себя внимание тот факт, что горн на Бабиш-Мулле, в отличие от наиболее территориально близких ему хорезмийских, имеет прямоугольную форму. По этому признаку он, также как и горн на Мунчак-тепе, близок бактрийским.

На территории средней Сырдарьи (Чач, Шаш) пока не раскопано ни одного памятника конца I тыс. до н.э., в той или иной степени связанного с керамическим производством. Гончарство более поздних периодов изучено крайне неравномерно. Широкомасштабные реконсцировочные работы на территории Чача позволили выявить места концентрации ремесленного производства в регионе в первой половине I тыс. н.э. Следует отметить, что мастерские здесь были сосредоточены не только в горо-

дах, но и на поселениях, расположенных вокруг них (Буряков, 1982. С. 116).

Наиболее ранними памятниками, известными в настоящее время, являются обжигательные печи, раскопанные на Кендык-тепа. Они датируются заключительным этапом периода Каунчи I - Каунчи II (II-IV вв. н.э.). Судя по краткому описанию, конструкция их была примитивна - округлые в плане, одноярусные, полуподземные (Буряков, 1982. С. 38, 117).

Печь аналогичной конструкции была раскопана в долине реки Арысь, на поселении Караул-тобе, в его северной части, являвшейся хозяйственным двором. Это - овальная в плане конструкция, ее стенки сохранились на высоту не более 70 см. На высоте 17-20 см от основания стенок, во внутреннем пространстве печи, имеются следы площадки, на которую, вероятно, ставили предназначенную для обжига посуду. Примечательно, что рядом с этой печью была расчищена площадка для открытого обжига керамики (Подушкин, 1973. С. 184-185).

Материалы раскопок опубликованы отрывочно, что не позволяет отнести раскопанные горны к какому-либо из типов, известных в Средней Азии в это время.

На территории Южного Приаралья отмечен 31 пункт, где выявлены остатки керамического производства интересующего нас периода. Из тридцати одного объекта раскопки проводились на пятнадцати, что составляет 48% от общего количества. Нужно заметить, что в большинстве случаев это были горны. Всего на территории Приаралья зафиксировано и нанесено на карту 178 керамических горнов. В большей или в меньшей степени изучено 38 из них (21,4% от общего количества).

По своему месту расположения и размерам производства все памятники на территории Южного Приаралья, связанные с гончарством, подразделяются

на несколько категорий. Прежде всего, следует отметить специализированные ремесленные поселения, которые отличаются внушительными объемами производства. Типичным примером такого поселения является Нурумское (Присарыкамьшская дельта Амударьи) (рис. 2, II). Здесь около каждой усадьбы зафиксировано по два, а то и по четыре горна - всего более 50. Каждая пара включала в себя большой и маленький горны. Здесь же, около горнов, расчищены производственные площадки, ямы для замешивания глины, над которыми были возведены навесы (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 50).

Несколько особняком стоит керамическое производство, расположенное у подножия крепости Гяур-кала I, на берегу канала. Большое количество керамических обжигательных горнов по масштабам производства позволяет сравнивать его с Нурумским, однако, незначительное количество жилых построек, явно не соответствующее объемам производимой продукции, говорит о том, что его нельзя считать сельским поселением в полном смысле этого слова (рис. 3, I). По-видимому, в данном случае речь может идти о специализированном ремесленном центре, который был ориентирован на один вид продукции - керамику (Неразик, 1976. С. 217-218).

Ещё один производственный керамический центр - Хумбуз-тепе - открыт на территории Южного Хорезма. Во время раскопок 1996-1997 гг. здесь не удалось выявить остатков жилых помещений. Вместе с тем, на территории поселения вскрыты постройки явно производственного характера. Одна из них располагалась рядом с обжигательным горном. Нижние слои Хумбуз-тепе можно датировать концом VII - началом VI в. до н.э. Пока это самый ранний памятник на территории Хорезма, связанный с гончарным производством. Значительная площадь поселения (4,2 - 4,5

га) позволяет считать его крупным производственным центром, который снабжал посудой область Южного Хорезма на первом этапе освоения этой территории земледельцами. Напомним, что памятников, датированных более ранним временем, на территории Южного Хорезма пока не обнаружено (Болелов, 1999а. С. 87-90).

К отдельной категории можно отнести специализированные производства. Это скопления горнов, обычно не менее восьми, но не более пятнадцати, расположенные изолированно, иногда на значительном расстоянии от поселений.

Всего на территории Хорезма выявлено 9 таких объектов. Сейчас мы можем выделить некоторые характерные признаки, отличающие их от всех прочих. Это сравнительно многочисленные группы горнов, расположенные компактно на небольшой площади, близко друг от друга. В большинстве случаев они находятся на берегу канала или русла, например, керамическое производство у замка Якке-Парсан в правобережном Хорезме (рис.3,II). Известны случаи, когда специализированные производства устраивались на заброшенных городищах, как, например, на городищах Кюзели-гыр и Базар-кала. Примечательно, что ни в одном случае не отмечено капитальных жилых зданий, однако зафиксировано наличие небольших построек, возможно мастерских, а также рабочих площадок около горнов. Остатки одного, явно производственного помещения, раскопаны на городище Кюзели-гыр (рис. 2,1). Небольшие постройки зафиксированы на территории специализированного производства около городища Уй-кала в правобережном Хорезме (Воробьева, 1961. С. 199. Рис. 1).

Еще одной категорией объектов являются отдельные горны или пары горнов. Всего на территории южного Приаралья выявлено 17 таких объектов. К

ним же, по всей видимости, следует отнести горны, сооруженные на заброшенных поселениях и крепостях, а также на развалинах отдельных зданий.

Характерной чертой этой группы памятников является размещение многих из них на территории поселений, а также еще и то, что практически любой из горнов можно соотнести с конкретным жилым зданием, как, например на поселении Турпак-кала (рис. 3, III). На территории поселения Барак-там (северная Акчадарьинская дельта) отмечены три горна, расположенные в непосредственной близости от жилых домов, но на значительном удалении друг от друга (Толстов, 1962. С. 238. Рис. 149). Два горна зафиксированы рядом с домом № 2 на поселении около юго-западного мыса Тарым-кая. Один из них, по всей видимости, располагался в пределах ограды усадьбы (Вайнберг, 1991. Рис. 13).

Обращает на себя внимание расположение выделенных типов памятников на территории Хорезма, соотношение их с типами поселений, а также районы концентрации производства.

Наиболее крупные по масштабам производства - гончарные ремесленные поселения и крупные производственные центры (Нурумское поселение и Гяур-кала) - располагаются на границах земледельческих оазисов, в зоне активных контактов земледельцев и скотоводов. Все они, за исключением Хумбуз-тепе, датируются первыми веками до н.э. - первыми веками н.э. Несколько особняком стоит поселение Хумбуз-тепе, расположенное в центре оазиса, вблизи крупного городского центра Хазарасп, возможно, существовавшего в это же время. По-видимому, это объясняется его особым статусом, несколько отличным от упомянутых выше памятников, а также значительно более ранним периодом его существования.

Специализированные производства зафиксированы практически на всей

территории Хорезма. Наиболее раннее из них (Кюзели-гыр) датируется IV-II вв. до н.э. Большая часть относится к первым векам нашей эры. В правобережном Хорезме эти производства располагались на освоенной территории вдоль магистрального канала, в зоне орошения древнего Кельтеминара. Особенно много их отмечено в районе городища Базар-кала и крепости Кой-Крылган-кала. Два таких объекта зафиксированы в окрестностях Джанбас-калы. Все эти памятники находятся в хвостовых частях магистральных каналов. Примерно такая же ситуация наблюдается и в зоне орошения магистрального канала Гавхорэ (Андрианов, 1969. Рис. 40).

Все это хорошо освоенные в античный период земледельческие районы. Меньшее количество памятников этого типа известно в левобережном Хорезме. Здесь можно назвать лишь один объект, который с полным основанием можно было бы отнести к этой категории - производство на городище Кюзели-гыр. Оно также располагалось в зоне искусственного орошения русла южного Даудана, в зоне земледельческих поселений. Наибольший интерес представляет тот факт, что неподалеку находился культовый центр Калалы-гыр 2, который, по всей видимости, и являлся основным потребителем продукции этого производства.

Одиночные керамические обжигательные горны также зафиксированы на всей территории Хорезма. Они отмечены как на территории поселений, так и за их пределами, но всегда в непосредственной близости от жилых построек. Исключение составляют, может быть, лишь два горна, раскопанные на городище Калалы-гыр 1 и функционировавшие в тот период, когда городище было уже оставлено. Довольно часто одиночные керамические горны соседствуют со специализированными производствами, например, возле городища

Базар-кала, неподалеку от крепости Кой-Крылган-кала в правобережном Хорезме. Любопытно отметить, что объекты этого типа существуют в достаточно широком временном диапазоне - с VI-V в. до н.э. (Дингильдже, Кюзели-гыр) по IV в н.э. (Канга-гыр-кала), в то время как наиболее раннее на территории Хорезма специализированное производство на городище Кюзели-гыр датируется IV-II вв до н.э., а все остальные относятся к первым векам нашей эры.

Таким образом, весь объем имеющихся археологических данных с территории Южного Приаралья, учитывая другие источники, прежде всего данные этнографии, позволяет соотнести выделенные категории археологических памятников с определенными формами производства.

Мелкие мастерские, включающие в себя 1-2 горна, рабочую площадку и, возможно, мастерскую внутри дома, работали, по-видимому, на заказ, обслуживая членов сельской общины, жителей поселения.

Более крупные мастерские - специализированные производства (8-15 горнов) - вырабатывали продукцию на рынок и обеспечивали население небольших оазисов в зоне обводнения магистральных каналов. В таких мастерских могли работать уже коллективы ремесленников - артели.

Наконец, самые крупные по размеру производства - ремесленные поселения и специализированные производственные центры (более 30 обжигательных горнов) - обслуживали обширные рынки на окраине оазиса, в зоне контактов между скотоводами и земледельцами.

Выше приведены сведения лишь о наиболее значимых археологических объектах на территории Средней Азии, непосредственно связанных с керамическим производством. Тем не менее, этих данных, как кажется, вполне достаточно для выделения определенных категорий

памятников. Основными критериями для этой классификации послужили место расположения памятника, степень концентрации и объем производства.

Следует оговориться, что нижеследующие заключения основаны на материалах Хорезма, Бактрии, Маргианы и Согда, как регионов, где наиболее полно исследовано керамическое производство изучаемого периода. Вполне вероятно, что в дальнейшем, после того как на территории Ферганы, Шаша, Восточного Приаралья и других районов Средней Азии будут раскопаны значительные по объему и уровню информации объекты, связанные с керамическим производством, предлагаемая классификация может быть дополнена и скорректирована.

Специализированные ремесленные поселения и производственные центры - наиболее значительные по объемам производства (более 30 керамических горнов). Они располагались в сельской местности, а в Хорезме - на границах земледельческих оазисов. Одним из основных занятий жителей было гончарство. Горны, как правило, были рассредоточены и находились около жилых построек или производственных помещений. На территории этих памятников зафиксировано от 20 до 50 обжигательных горнов (Сары-тепе - 2, Хумбуз-тепе в Южном Хорезме - середина I тыс. до н.э.; Нурумское поселение, Гяуркалинское поселение в левобережном Хорезме - первые века до н.э. - первые века н.э.).

Кварталы керамистов - несколько меньше по объему производства. Во всех случаях они располагались в пределах крепостных стен, на территории городища. Как правило, это несколько примыкающих друг к другу мастерских и расположенные рядом с ними керамические обжигательные горны от 10 до 15 (Дальверзин-тепе, Мерв, Саксанохур, Ер-курган).

Специализированные керамиче-

ские производства - по объему производства приблизительно равны кварталам керамистов. Наиболее полно эта категория памятников изучена в Хорезме. Это компактные группы горнов, не более 15-ти, расположенные в зоне поселений вдоль магистральных каналов, иногда на значительном удалении от жилых построек. Отличие этой категории памятников от кварталов керамистов состоит, прежде всего, в том, что они не связаны с крупными городскими центрами. По этому признаку к этой же группе памятников можно отнести Джин-тепе в Маргиане, горны, раскопанные неподалеку от Ак-тепе II в Кобадане, а также производство на Северном Уч-депе в Маргиане. Наиболее ранние из них датируются серединой I тыс. до н.э. (Уч-депе).

Одиночные керамические обжигательные горны - наиболее многочисленная категория памятников. Чаще всего это один или пара горнов (один большой, один маленький), которые находились в непосредственной близости от жилых построек, иногда, особенно в сельской местности, на территории усадьбы. Одиночные горны располагались как на территории поселений (Барак-там в Южном Приаралье, Тарымка в левобережном Хорезме, Хишт-тепе в Северной Бактрии), так и городищах (Мерв, Афрасиаб, Айртам). Как уже отмечалось выше, они существовали на протяжении всего изучаемого периода (середина I тыс. до н.э. - первые века н.э.).

Такие различия в степени концентрации, условиях размещения и масштабах производства кажутся не случайными и, как представляется, могут свидетельствовать о различных формах организации керамического производства в данный период времени.

Одиночные горны, видимо, соответствуют мелким мастерским ремесленников, обеспечивающих нужды одного или нескольких поселений, распо-

ложенных неподалеку друг от друга. По археологическим данным можно предполагать на территории Средней Азии существование гончаров-ремесленников, работавших на узкий внутренний рынок. Во всяком случае, наличие отдельных горнов, и следовательно, небольших гончарных мастерских на сельских поселениях Хорезма, как кажется, подтверждает это предположение.

Общинное ремесло как этап развития производства фиксируется уже у раннеземледельческих племен Малой Азии и Среднего Востока, где сельское хозяйство обеспечивало устойчивую продовольственную базу. В этот период появляются мастера-ремесленники, обслуживавшие потребности всех членов общин в силу своего членства в ней. В это же время прослеживается тенденция к локализации производства на территории поселения (Массон, 1976. С. 62-64).

Сосуществование различных форм производства, например, домашнего - кустарного и общинного фиксируется на самых ранних этапах развития общества. Такая же ситуация была, например, в Хорезме не только на ранних этапах его истории, но и в последующие периоды.

В урочище Дингильдже, в середине I тыс. до н.э., помимо выявленных при раскопках усадьбы следов домашнего промысла, зафиксированы отдельные пункты, которые можно конкретно связать с определенными видами ремесла, например, металлургией и гончарством. В них работали специалисты ремесленники, обслуживавшие население оазиса (Воробьева, 1973. С. 211-212).

Подобная ситуация наблюдается в различные исторические периоды не только в Хорезме. В эпоху эллинизма в сельских общинах Малой Азии посуда и другие гончарные изделия производились на месте. Каждая деревня имела своих доморощенных мастеров, работающих на внутренний рынок. Кроме

того, в этих же селениях жили не принадлежавшие к общине и не являвшиеся её членами лица, трудившиеся за плату. В селе имелись мастерские, в которых они и работали (Голубцова, 1972. С. 38).

К сожалению, у нас нет никаких объективных данных о социальном статусе ремесленников в Средней Азии в древности. В письменных источниках и эпиграфических памятниках не содержится сведений о положении их в сельской общине. В качестве гипотезы, на основании некоторых сопоставлений с другими, более изученными в этом отношении областями Древнего Востока, можно предполагать, что многие из них являлись членами общины, как это было в Малой Азии. В Селевкидском государстве ремесла, также как и все виды сельскохозяйственных работ, облагались разнообразными налогами (Бинкерман, 1985. С. 104).

В государстве Крорайна, в Восточном Туркестане, ремесленники также не выделялись из среды крестьянства в отдельное сословие. Они имели свои участки земли и платили налоги (Воробьева-Десятковская, 1992. С. 105).

Но такие мастерские обслуживали, по всей видимости, не только сельские поселения. Наличие керамического обжигательного горна на территории буддийского храмового комплекса Айртам, вполне возможно, свидетельствует о том, что они существовали и при некоторых культовых центрах. Керамические горны зафиксированы и в непосредственной близости от Кара-тепе - буддийского культового центра в Старом Термезе. Кроме того, специализированное производство Кюзели-гыр в левобережном Хорезме располагалось неподалеку от культового центра Калалы-гыр 2, который и являлся основным потребителем продукции. Можно предполагать, что упомянутые выше керамические производства не являлись частью храмового хозяйства, но то, что эти производства удовлетворяли по-

требности культовых центров в керамической продукции, кажется вполне вероятным.

Второй по численности категорией памятников, связанных с гончарством, были специализированные производства. Они наиболее характерны для Хорезма. Капитальных жилых построек поблизости не обнаружено. Рядом с горнами раскопаны производственные помещения и рабочие площадки (Воробьева, 1959. С. 200-201; Воробьева, 1961. С. 149. Рис. 1).

Это позволяет предполагать, что мастерские работали не постоянно, а периодически, во время определенного сезона. Видимо, для жителей соседних оазисов и предназначалась эта посуда. Мастерские работали в течение одного сезона, скорее всего, это было летом или осенью. Продукция вывозилась на близлежащие рынки. Подобная практика существовала в Средней Азии и много позже. Е.Е. Неразик, рассматривая условия размещения гончарного производства на сельских поселениях Хорезма, приводит свидетельство А. Шишова о том, что в конце XIX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса, обычно в летнее время, выезжали мастера и на месте делали и обжигали посуду (Неразик, 1976. С. 217). Эти сведения подтверждаются материалами Е.Е. Пещеревой. В ее исследовании содержится сообщение о том, что некоторые ташкентские мастера выезжали на работу за 30-40 км от города (Пещерова, 1959. С. 164).

Так же работали гончары-ремесленники в III-V вв. н.э. далеко за пределами Хорезма - в Поднепровье, на территории распространения Черняховской культуры. Особенность временных сезонных производств состоит в том, что организаторы последних перемещаются из района своего постоянного местожительства в район или районы обитания непосредственных потребителей их посуды. Сырье добывается на месте, там

же устраиваются и приспособления для обжига - горны. Постоянные сезонные производства рассчитаны почти исключительно на местного потребителя и создаются в рамках долговременных поселений. Непосредственными их организаторами могли быть как местные жители, так и приезжие гончары (Бобринский, 1991. С. 86-87).

Вполне возможно, именно таким сезонным производством являлась мастерская на Кампыр-тепе в Северной Бактрии. По объему изготавливаемой продукции она относится к одиночным горнам. Однако отсутствие рядом капитальных построек, которые можно было бы считать жилищем, незначительная мощность культурного слоя в землянке, отсутствие бытовых очагов и хозяйственной зоны около неё позволяет считать эту мастерскую временным специализированным производством, весьма незначительным по объему.

Наличие специализированных производств, как расположенных изолированно, так и включенных в систему городской застройки, позволяет предполагать существование крупных ремесленных мастерских на территории Средней Азии в конце I тыс. до н.э. - начале I в. н.э. По уровню организации и разделения труда они могли напоминать керамические мастерские античной Греции, где работало несколько человек и каждый выполнял свои функции.

Количество работников могло быть значительным. В греческой мастерской, изображенной на сосуде-гидрии (середина I тыс. до н.э.) из Мюнхенского музея, работало семь человек - один мастер и шесть подмастерьев (Сайко, 1971. С. 42. Рис. 14, 15). Много позднее, в крупных мастерских Самарканда второй половины XII в., включавших в себя от четырёх до восьми обжигательных горнов, а также обособленные рабочие и подсобные помещения, по расчётам Ш.С. Ташходжаева, работало не менее 20 человек (Ташходжаев, 1975. С. 64-

65).

Надо заметить, что, по предполагаемым объемам производства, такие мастерские вполне сопоставимы со специализированными производствами в Хорезме начала I тыс. н.э. Вполне вероятно, что в этих же мастерских мог использоваться и подневольный труд. В них же, учитывая особенности технологии производства керамических сосудов, существовало разделение труда, что предполагает наличие мастеров, подмастерьев и учеников. Примечательно, что специализированные производства появляются на территории Хорезма в период сложения самостоятельного Древнехорезмийского государства. В это время отмечен необычайно высокий уровень стандартизации хорезмийской посуды (Болелов, 1999б. С. 20-21). Это, как представляется, свидетельствует о товарном производстве керамики и о работе ремесленников на рынок. Отметим также, что в это же время на сосудах появляются различные знаки, нанесенные до обжига. Очень может быть, что этими знаками метили партии сосудов работники определенной мастерской.

По предполагаемым объемам производимой продукции специализированным производствам наиболее близки кварталы керамистов, которые отличаются от первых, прежде всего тем, что они входили в систему городской застройки (Дальверзин-тепе, Саксанохур, Мерв, Ер-курган).

В археологической литературе не раз поднимался вопрос о времени возникновения ремесленных организаций или цехов на территории Среднего Востока. Большинство исследователей относит их формирование к эпохе развитого средневековья. Подробные известия об этом датируются не ранее XIII-XIV вв. н.э. (Якубовский, 1933. С. 9-33; Лунина, 1962. С. 406-407; Белова, 1995. С. 180-181).

В то же время, в письменных ис-

точниках, относящихся к значительно более ранним периодам, содержатся отрывочные сведения о наличии каких-то организаций у ремесленников, основанных на профессиональной принадлежности, которые контролировались государственной властью. Так, в одном из документов раннединастического периода Шумера (XXVI-XXIV вв. до н.э.) из Шуруппака о купле-продаже земли, покупателем ее является некий Ниммах, староста водоносов. Среди прочих свидетелей, помимо управляющего кораблями и заведующего сельскохозяйственными работами, упоминается управляющий ремесленниками (Дьяконов, 1959. с. 53, 95).

По-видимому, какие-то организации ремесленников существовали и в хеттском обществе эпохи Нового царства (XIV-XIII вв. до н.э.). Так, в хеттских законах недвусмысленно говорится о социальной категории ремесленников – «людей орудия», которые кроме всего прочего имели право владения земельным участком и получали это право от местной власти (Герни, 1987. С. 93). Например, в параграфе 112 этих законов сказано о том, что «если какой-то человек получит поле (?) ремесленника, то, начиная с четвертого года владения им, он начинает нести повинности, и он примыкает (?) к ремесленникам». Некоторые статьи законов позволяют предполагать, что взаимоотношения внутри этой категории отчасти регламентировались законодательством. Так, в некоторых параграфах устанавливаются цены на отдельные виды продукции, а также цены на рабов (?) - ремесленников (Хрестоматия, 1963. С. 320-323).

На основании некоторых параграфов хеттских законов можно предполагать, что внутри социальной категории ремесленников существовала определенная иерархия. Во всяком случае, вполне определенно можно говорить о существовании наставников и учеников, отношения между которыми также

были установлены законодательством (Хрестоматия, 1963. С. 325).

Организации ремесленников даже разного социального и имущественного статуса, но занимавшихся определенным производством, в середине I тыс. до н.э. существовали в Индии. Эти профессиональные корпорации назывались «шрени». Их созданию способствовали локализация ремесел и существование наследственных профессий, передававшихся из поколения в поколение (Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 287). Есть все основания предполагать, что в древней Индии взаимоотношения между членами корпораций регулировались существующим законодательством и внутри профессиональных корпораций была своя иерархия (Литвинский, Седов, 1983. С. 133-134).

В государстве Ахеменидов (середина I тыс. до н.э.) известны лишь царские ремесленники, которые были размещены на отведённых им из государственного фонда землях, и за право пользования этой землёй коллективно платили царские подати и отбывали повинности. Если организации ремесленников и существовали в Иране в это время, то они находились под строгим контролем государства (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 185).

Фискальные службы, надзирающие за ремесленниками в государствах Среднего Востока существовали и в более поздние периоды. Как свидетельствуют документы, эти функции зачастую передавались местным властям. В Персии, находившейся под властью Селевкидов, сатрапы отдельных областей собирали налоги с ремесленников (Бинкерман, 1985. С. 104). В Парфянском государстве налоги на ремесло входили в систему «царских налогов» (Луконин, 1987. С. 149).

В позднесасанидское время (VI-VII вв.) в документах помимо «главы земледельцев» упоминается и «глава ремесленников», который, по-видимому, и ве-

дал царскими мастерскими (Тревер, 1967. С. 159; Луконин, 1987. С. 143).

По существу наиболее ранние данные, позволяющие предполагать наличие ремесленных корпораций в Иране, относятся ко времени правления Сасанидов. В пехлевийских текстах упоминаются различные группы ремесленников, у которых было 16 храмов огня (Касумова, 1983. С. 80-81).

В протоколах несторианских соборов упоминаются старшины ремесленных объединений: глава работников в серебре, глава работников в золоте, глава лудильщиков. Кроме того, анализ терминологического материала позволил К.В. Тревер не только допустить, что в сасанидском Иране были ремесленные корпорации, но и высказать мнение о том, что внутри этих объединений существовала своеобразная иерархия (Тревер, 1967. С. 157-160).

Немногочисленные и скудные литературные и эпиграфические источники, которыми мы располагаем по Средней Азии, не сохранили данных относительно существования здесь в древности корпораций ремесленников. Тем не менее, некоторые исследователи считают их существование вполне вероятным уже в кушанское время, подчеркивая при этом, что степень «оформленности» этих корпораций в Средней Азии был ниже, чем в Индии (Литвинский, Седов, 1983. С. 135).

Археологические данные косвенно свидетельствуют в пользу этого предположения. На многих городищах выявлены ремесленные кварталы, где достаточно компактно были расположены мастерские ремесленников и горны. На Дальверзин-тепе, в долине Сурхандарьи, на территории квартала керамистов, раскопан храм (рис. 3, IV), который Г.А. Пугаченкова считает кварталным святилищем, храмом при ремесленном хозяйстве (Пугаченкова, 1978. С. 203).

В связи с этим любопытно обра-

таться к этнографическим материалам позднефеодальной Бухары. Жителей отдельных кварталов города связывала общность занятий, особенно занятие одним ремеслом, что отражено в названиях некоторых кварталов. В каждом из них имелась своя мечеть и квартальная святыня (Сухарева, 1976. С. 208, 239).

Вместе с тем, в Средней Азии, на территории города, в пределах оборонительных стен, зафиксировано рассредоточенное ремесленное производство. На Афрасиабе существовали отдельные мастерские с двумя - тремя горнами, расположенные на значительном расстоянии друг от друга (Шарахимов, 1977. С. 107-115). Большинство из них относится к эпохе средневековья. Эти факты позволяют предполагать, что в средневековом городе Средней Азии, помимо ремесленных организаций-цехов, работали ремесленники-единоличники, как это было, например, в позднесредневековом Иране (Белова, 1995. С. 181).

На основе изложенных выше археологических данных, полученных на территории Хорезма и других областей Средней Азии, в качестве гипотезы можно предполагать существование, наряду с отдельными мастерскими, каких-то, может быть недолговременных, объединений людей по профессиональному признаку - артелей, которые занимались изготовлением посуды на рынок в специализированных производствах. Вполне вероятно, что подобные артели или объединения работали в специализированных ремесленных кварталах. Следует ещё раз подчеркнуть, что если в городах такое производство было постоянным, то в сельской местности, например в Хорезме, оно было сезонным.

Специализированные поселения и производственные центры неоднородны по своей структуре. Как уже упоминалось выше, несколько особняком стоят производственные центры Сары-тепе 2 и Хумбуз-тепе. Эти два памятника

сближает то, что оба они располагались недалеко от крупных городских центров. Кроме того, они датируются одним периодом - серединой I тыс до н.э. - начальным этапом становления ремесленного керамического производства на территории Согда и Хорезма. Учитывая эти факты, можно предполагать, что и Сары-тепе 2, и Хумбуз-тепе являлись крупными керамическими центрами, вынесенными за пределы городских стен, возможно, ближе к источникам сырья. В них работали коллективы ремесленников-профессионалов, удовлетворявшие потребности крупных городских центров и земледельческих поселений около них. Принимая во внимание раннюю датировку этих памятников, а также то, что именно к этому времени относится появление двухъярусного обжигательного горна и двухдискового гончарного круга в указанных областях, нельзя исключать возможности того, что ремесленники переселились сюда из южных областей Средней Азии, где технологический уровень гончарства был несколько выше.

Видимо, несколько иные функции в хозяйственно-экономической системе государства выполняли существовавшие позже производственные центры и специализированные поселения, расположенные на окраинах земледельческих оазисов. Гяуркалинское поселение в Левобережном Хорезме, по сути, является крупным специализированным производством, включавшим в себя, по крайней мере, три крупных мастерских. Однако по объему изготавливавшейся здесь продукции, оно сопоставимо с ремесленным поселением. В данном случае можно предположить, что Гяуркалинское поселение было ремесленным производственным центром, который специализировался исключительно на изготовлении керамики. По-видимому, здесь, также как и на специализированных производствах, мастера работали не круглый год, а периодически, во время

сезона, приезжая сюда из мест постоянного проживания, что подтверждается отсутствием здесь капитальных жилых построек. Большие масштабы производства можно объяснить обширным рынком сбыта, так как поселение располагалось на границе земледельческих оазисов и скотоводческой периферии. Следует заметить, что создание подобных производственных центров вряд ли было возможно без участия государства. Тем более, что Хорезмийское государство всегда, вплоть до конца XIX в., проводило протекционистскую политику в отношении кочевников, живших на границах оазиса (Вайнберг, 1989. С. 175-176).

Таким образом, учитывая имеющийся материал, можно с определенной

долей уверенности говорить о том, что на территории Средней Азии в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. сосуществовали различные формы ремесленного производства, зачастую в пределах одного небольшого региона (например, Кобадиян и долина Сурхандарьи в Северной Бактрии, Присарыкамышская дельта Амударьи в Хорезме). При этом в каждом из районов можно отметить свою специфику организации товарного производства посуды, на что оказывало влияние множество факторов. Но, как кажется, одним из основных была хозяйственно-экономическая система каждой конкретной области, которая в свою очередь обладала своими, присущими только ей характерными чертами.

Библиография

- Андреанов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Ахраров И.А., Усманова З.И. Керамическая печь позднеантичного периода // Культура Туркмении в средние века. Труды ЮТАКЭ. 1980. Т. XVII.
- Белова Н.К. Традиционный город в Иране и его эволюция // Город как социальное культурное явление-исторического процесса. М., 1995.
- Бинкерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бобринский А.А. Гончарные мастерские и гончарные горны Восточной Европы (по материалам II-V вв.). М., 1991.
- Болелов С.Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбуз-тепе // ОНУ. № 9-10. Ташкент, 1999а.
- Болелов С.Б. К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме) // VI Чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. Тез.докл. М., 1999б.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.
- Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Вайнберг Б.И. Курганные могильники Северной Туркмении (Присаракамышская дельта Амударьи) // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. 1989. Т. IX.
- Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 70-80 гг. // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. 1. М., 1991.
- Вайнберг Б.И., Болелов С.Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности 1997-1998. СПб., 1999.
- Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. ТХАЭЭ. 1959. Т. IV.
- Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М-Л., 1961.
- Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба середины I тыс. до н.э. в Хорезме. МХАЭ. 1973. Вып. 9.
- Воробьева-Десятовская М.В. Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Гайдукевич В.Ф. Керамическая обжигательная печь. Мунчак-тепе // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
- Герни О.Р. Хетты. М., 1987.
- Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии. М., 1972.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
- Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
- Иваницкий И.Д. Сары-тепе 2 - поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. 1992. Вып. 26.
- Исаметдинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
- Исаметдинов М.Х., Раимкулов А.А. Квартал керамистов на Еркургане VI-VII вв. н.э. (Р. - 20) // ИМКУ. 1991. Вып. 25.
- Касумова О. Южный Азербайджан в III- VII вв. Баку, 1983.
- Литвинский Б.А. Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский Б.А. Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
- Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
- Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - нач. XIII вв. // Труды ЮТАКЭ. 1962. Т. XI.
- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
- Массон В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении // Труды ЮТАКЭ. 1956. Т. VII.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. 1959. № 75.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Массон М.Е. Работы Термезской Археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. // Тр. АН УзССР. Серия I. Том II. Ташкент, 1945.
- Мережин Л.Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // Труды ЮТАКЭ. 1962. Т. XI.
- Мурадова Э.А. Поселения архаического Дахистана. Ашхабад, 1991.
- Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур // Известия ООН АН Тадж.ССР. 3 (53). Душанбе, 1968.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV). ТХАЭЭ. 1976. Т. IX.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М., 1959.
- Пилипко В.Н. Археологические памятники кушанского времени на побережье среднего течения Амударьи // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том II. М., 1975а.
- Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1975б.
- Подушкин Н.П. Гончарные печи раннеземледельческих поселений долины Арыси // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Пугаченкова Г.А. Керамические печи кушанского времени в южном Узбекистане // СА. 1973. №2..
- Пугаченкова Г.А. Кварталы ремесленников и их мастерство // Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Пугаченкова Г.А. Храм бактрийской богине на Дальверзин-тепе // Древний восток и мировая культура. М., 1981.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия - Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
- Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Маршрутные исследования памятников северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Ртвеладзе Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Сагдуллаев А.С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
- Сайко Э.В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971.
- Сарианиди В.И. Керамические печи древней Маргианы // КСИИМК. 1957. Вып. 69.
- Сарианиди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений // Труды ЮТАКЭ. 1958. Т. VIII.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987.
- Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1988.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Ташкент, 2000.
- Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.
- Таишходжаев Ш.С. Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников в X-XIII вв. // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.
- Тереножкин А.И. Раскопки на городище Афрасиаб // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

- Тревер К.В. К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия, Иран. М., 1967.
- Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Бактрии. Ташкент, 1973.
- Хрестоматия. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М. 1963.
- Шарахимов Ш. К истории изучения гончарного дела на Афрасиабе // ИМКУ. 1977. Вып. 13.
- Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии в X-XV вв. // Труды ИАИ и ИВ АН СССР. 1933. Вып. 3.
- Veuve S. Le Gymnase. Architecture, ceramique, sculpture // MDAFA. T. XXX. Paris, 1987.

Условные обозначения к рис. 1

1 – Изат-кули; 2 – Чиалык-депе; 3 – Тангсыкыл-джа; 5 – Гярры-кяриз; 5 – Куня-кала; 6 – Гаш-депе; 7 – Ярык-депе; 8 – Уч-депе; 9 – Чурнок; 10 – Айрак 2; 11 – Кушбеги-депе; 12 – Тахирбай 2; 13 – Дурнали; 14 – Джин-тепе; 15 – Мерв; 16 – Канга-гыр-кала; 17 – Нурумское поселение; 18 – Гяуркалинское поселение; 19 – Шахсенем; 20 – Кюзели-гыр; 21 – Калалы-гыр I; 22 – Турпаккалинское поселение; 23 – Карга-Тышкан-кала; 24 – Адамли-кала; 25 – Кой-Крылган-кала; 26 – Базар-кала; 27 – Джанбас-кала; 28 – Яккен-Парсан; 29 – Уй-кала; 30 – Кош-Парсан; 31 – Барак-там; 32 – Бабиш-Мулла; 33 – Сары-тепе 2; 34 – Афрасиаб; 35 – Ер-курган; 36 – Пультанды-депе; 37 – Кампыр-тепе; 38 – Термез; 39 – Дальверзин-тепе; 40 – Айртам; 41 – Хатын-Рабат; 42 – Ак-тепе II; 43 – Тепе-и-Шах; 44 – Саксанохур; 45 – Ай-Ханум; 46 – Мунчак-депе; 47 – Кендык-тепа; 48 – Хумбуз-тепе; 49 – Хазарасп.

Одиночные горы

Кварталы
керамистов

Специализированные
производства

Специализированные
ремесленные поселения

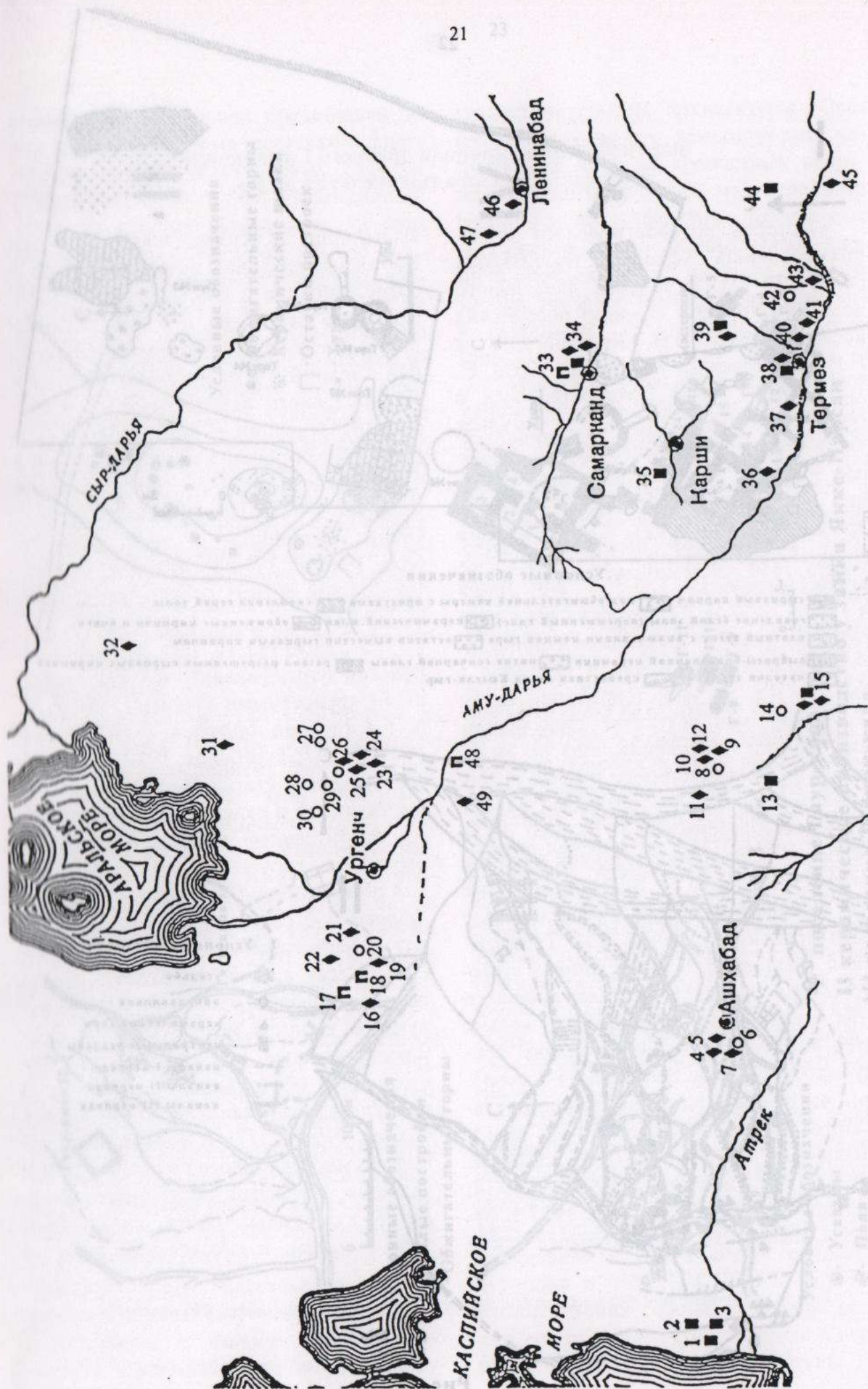

Рис. 1. Керамические производства на территории Средней Азии (вторая половина I тыс. до н.э.-первые века н.э.)

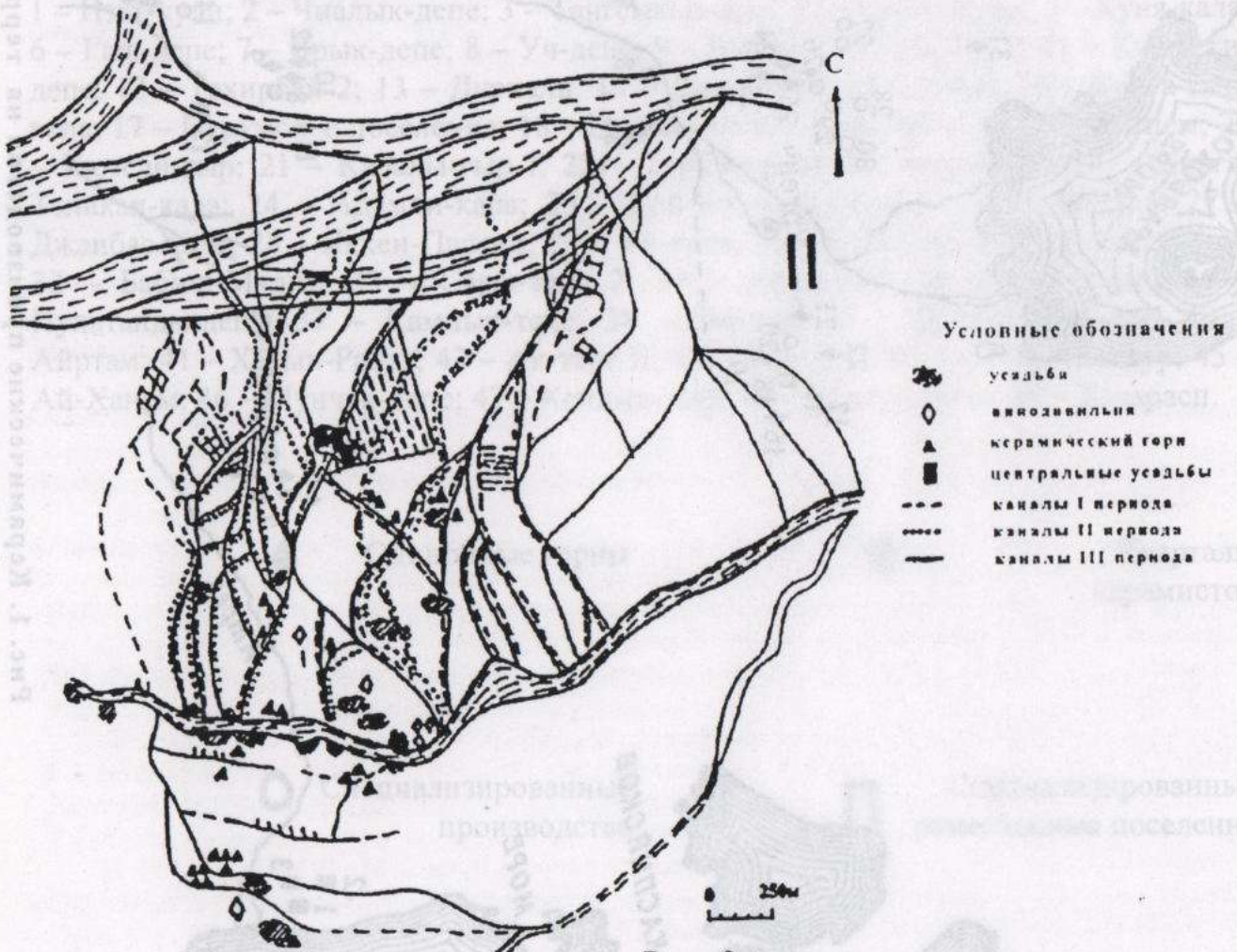
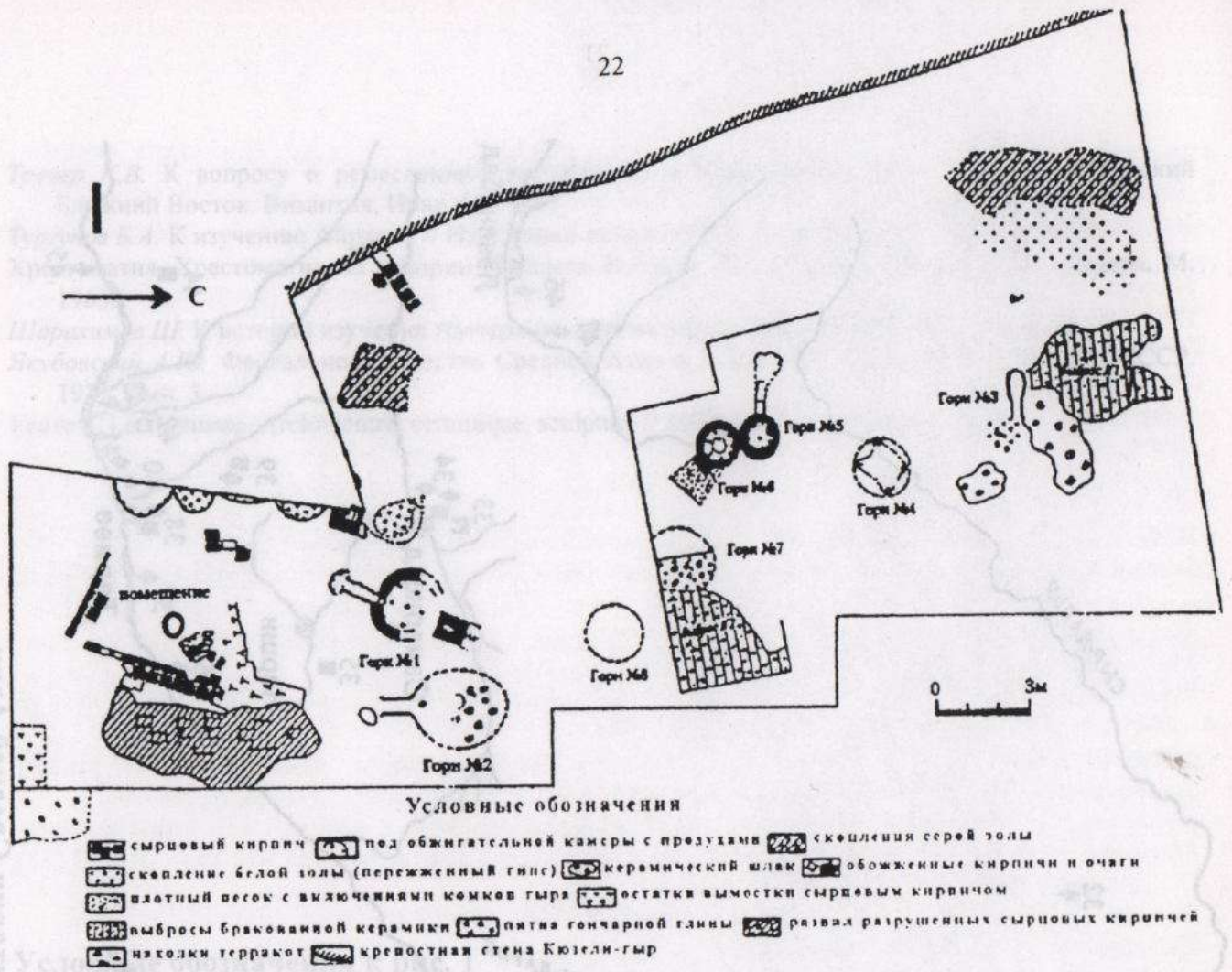

Рис. 2

I керамическое производство на городище Кюзели-гыр
 II план-схема Нурумского оазиса

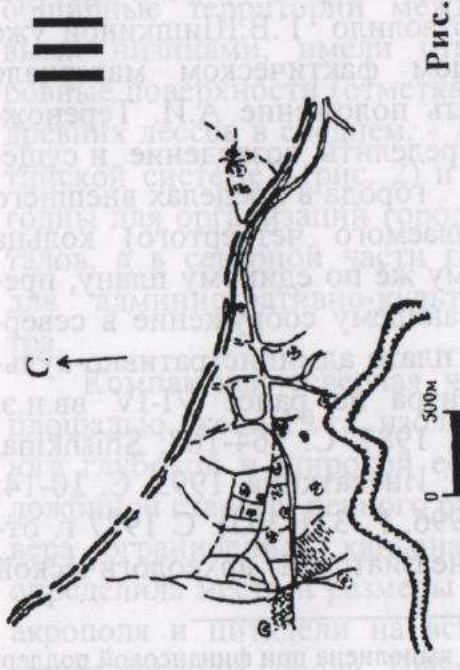
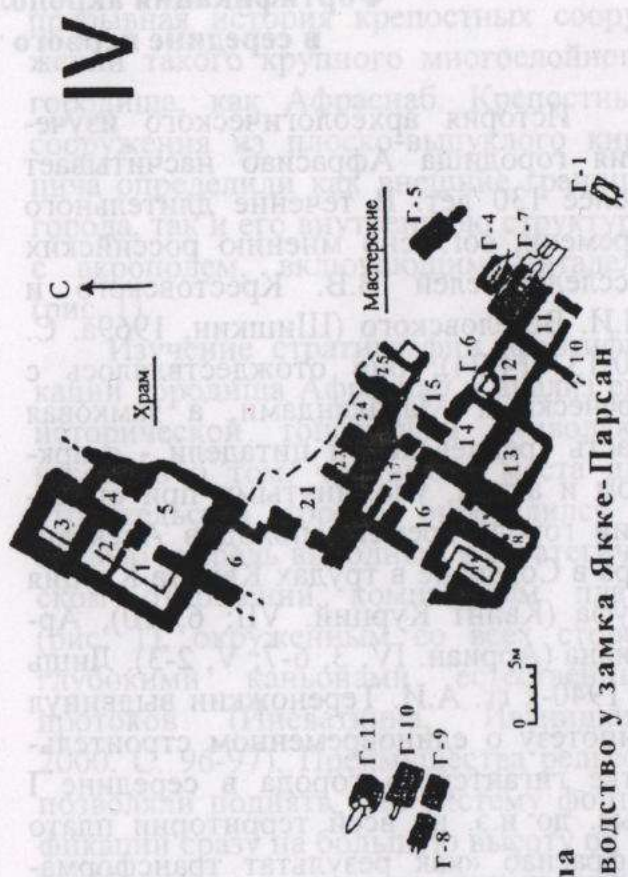
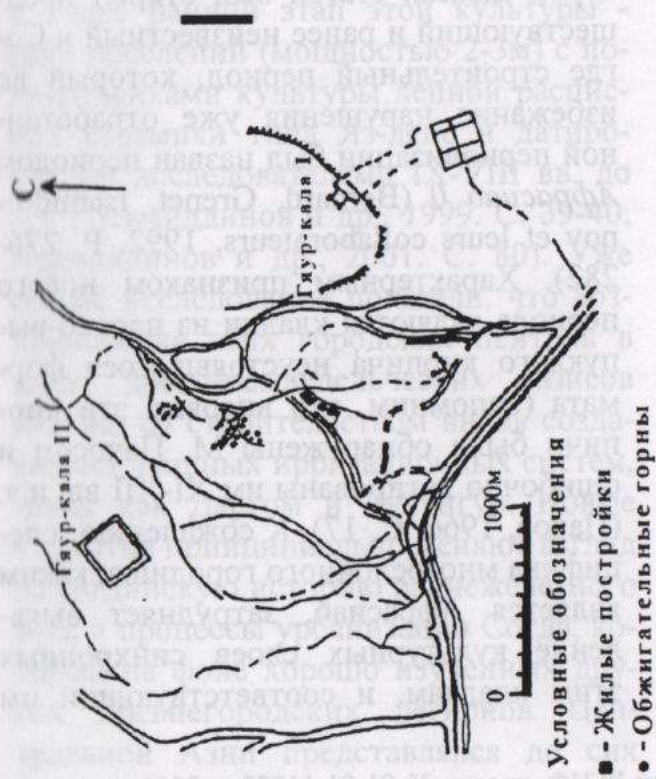
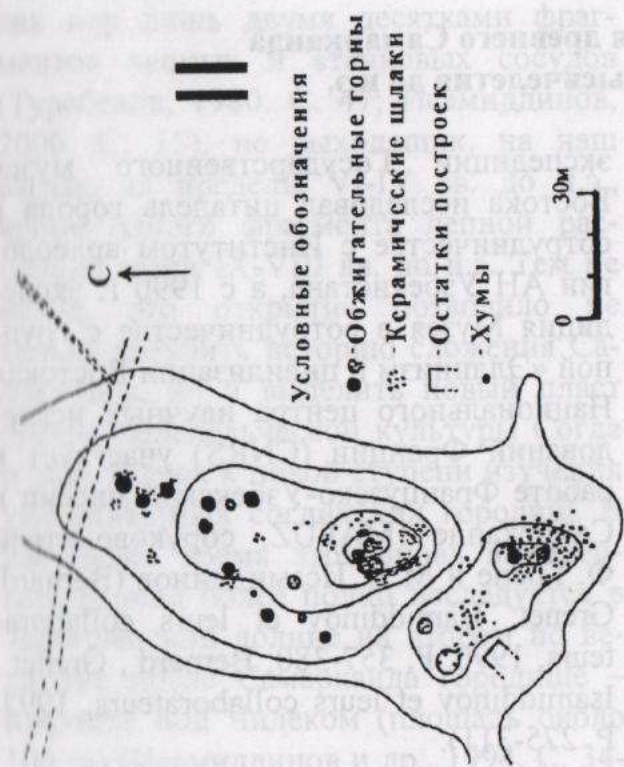

Рис. 3

- I поселение Гаур-кала
- II керамическое производство у замка Якке-Парсан
- III поселение Турпак-кала
- IV Дальверзин-тепе

Сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что именно сооружения из плоско-выпуклых кирпичей лежат в начале истории всей согдийской

града, прорезанного понижениями и обрамлениями, были умело приспособлены для

* Даныи П. Жителю

Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э.*

История археологического изучения городища Афрасиаб насчитывает более 130 лет. В течение длительного времени, согласно мнению российских исследователей В.В. Крестовского и Н.И. Веселовского (Шишкин, 1969а. С. 10-13, 14-24), оно отождествлялось с греческими Маракандами, а замковая часть средневековой цитадели - с арком и акрой, упомянутыми при описании города времени походов Александра в Согдиане в трудах Квинта Курция Руфа (Квинт Курций. VII; 6, 10), Арриана (Арриан. IV, 3, 6-7; V, 2-3). Лишь в 1940-х гг. А.И. Тереножкин выдвинул гипотезу о единовременном строительстве гигантского города в середине I тыс. до н.э. на всей территории плато Афрасиаб «как результат трансформации родового поселения, еще не выявленного археологическим путем» (Тереножкин, 1950. С. 159-160). Комплексное изучение Афрасиаба в 1970-1980 гг., и особенно всей оборонительной системы города, позволило Г.В.Шишкиной уже на большом фактическом материале подтвердить положение А.И. Тереножкина и определить возведение и существование города в пределах внешнего (так называемого четвертого) кольца стен, к тому же по единому плану, предусматривающему сооружение в северной части плато административно-культурного центра не ранее VI-IV вв.н.э. (Шишкина, 1987. С. 164-168; Shishkina, 1994. P. 85; Иневаткина, 1995. С. 10-14; Bernard, 1996. P. 331-365). С 1987 г. отряд Среднеазиатской археологической

экспедиции Государственного музея Востока исследовал цитадель города в сотрудничестве с Институтом археологии АН Узбекистана, а с 1990 г. экспедиция Музея в сотрудничестве с группой «Эллинизм и цивилизации Востока» Национального центра научных исследований Франции (CNRS) участвует в работе Французско-Узбекской миссии в Самарканде (MAFUZ, соруководители Ф. Грене и М.Х. Исамиддинов (Bernard, Grenet, Isamiddinov et leurs collaborateurs, 1990. P. 357-380; Bernard, Grenet, Isamiddinov et leurs collaborateurs, 1992. P. 275-311).

В 1990-1993 гг. при изучении городской фортификации под уже известными крепостными стенами VI-IV вв. до н.э. (период *Афрасиаб I*) (Шишкина, 1987. С. 167; Туребеков, 1980. С. 40) автором данной статьи был открыт предшествующий и ранее неизвестный в Согде строительный период, который во избежание нарушения уже отработанной периодизации был назван периодом *Афрасиаб 0* (Bernard, Grenet, Isamiddinov et leurs collaborateurs, 1992. P. 276-282). Характерным признаком нового периода являются кладки из плоско-выпуклого кирпича неустоявшегося формата (напомним, что впервые эти кирпичи были обнаружены М. Пачосом и ошибочно датированы им XI-XII вв. н.э. (Пачос, 1966. С. 17). К сожалению, специфика многослойного городища, каким является Афрасиаб, затрудняет выявление культурных слоев синхронных этим кладкам, и соответствующий им

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 01-01-11203 за 2001 год.

керамической комплекс представлен до сих пор лишь двумя десятками фрагментов лепных и станковых сосудов (Туребеков, 1980. С. 47; Исамиддинов, 2000. С. 15), не выходящих, на наш взгляд, за пределы VI-IV вв. до н.э., кроме одного фрагмента лепной расписной чаши IX-VIII вв. до н.э. Тем не менее, это открытие позволило не только углубить историю сложения Самарканда, но и выделить новый пласт древнеземледельческой культуры Согда и дать толчок к новой ступени изучения уже известных согдийских городищ. В настоящее время этот вновь выявленный период более полно исследуется в Зеравшанской долине на втором по величине после Самарканда городище – Кок-тепе под Чилеком (площадь около 100 га) (Исамиддинов и др., 1994. С. 34-35; Исамиддинов, Рапен, 1999. С. 70-71, Исамиддинов, 2000. С. 10-11), а в долине Кашкадарьи – на Сангир-тепа и Подастак-тепе (Работы Узбекско-Американской экспедицией). Здесь выделен и более ранний этап этой культуры – слои поселений (мощностью 2-3м) с полужемлянками культуры лепной расписной керамики типа Яз-депе и датированные исследователями IX-VIII вв. до н.э. (Исамиддинов и др., 1999. С. 39-40; Исамиддинов и др., 2001. С. 80). Уже сейчас исследования показали, что возникновение этих городских центров в зонах древнеземледельческих оазисов связано со строительством вновь создаваемых мощных ирригационных систем, таких как Даргом и Булунгур. Новые открытия принципиально меняют взгляд на согдийскую историю раннежелезного века и процессы урбанизации Согда, который на фоне хорошо изученных других древнегородских регионов Центральной Азии представлялся до сих пор слабо урбанизированным.

Сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что именно сооружения из плоско-выпуклых кирпичей лежат в начале истории всей согдийской

градостроительной архитектуры. Особенно наглядно это демонстрирует непрерывная история крепостных сооружений такого крупного многослойного городища, как Афрасиаб. Крепостные сооружения из плоско-выпуклого кирпича определили как внешние границы города, так и его внутреннюю структуру с акрополем, включающим цитадель (рис. 1).

Изучение стратиграфии, фортификации городища Афрасиаб и анализ его исторической топографии позволяют говорить о том, что выбор места для строительства города определился в первую очередь выгодным в стратегическом отношении компактным плато (рис. 1), окруженным со всех сторон глубокими каньонами естественных протоков (Иневаткина, Иваницкий, 2000. С. 96-97). Преимущества рельефа позволяли поднять всю систему фортификации сразу на большую высоту от 16 до 25 метров, а каньоны организовать в качестве оборонительных рвов. Поверхность плато, рассеченная оврагами и карстами, зрительно создавала впечатление холмистой местности. Однако обширные территории между карстовыми низинами, имели относительно ровные поверхности (отметка уровня их древних лессов в среднем, - 702 по Балтийской системе*) (рис. 2) и были пригодны для организации городских кварталов, а в северной части городища и для административно-культового центра.

Компактная северная часть плато площадью около 19 га, изолированная с юга глубокой и широкой естественной ложбиной старого речного русла, а с севера ограниченная каньонами Сиаба, определила место и размеры городского акрополя и цитадели на всю историю существования города. Перепады рельефа, прорезанного понижениями и оврагами, были умело приспособлены для

* Данные П.Жантеля.

нужных планировочных решений: на западе глубокая низина I, защищенная с севера и с юга лессовой грядой, была наиболее пригодна для организации водоемов; к востоку от нее находились удобные массивы для главных элементов административно-культовой зоны города - цитадели и храмовой площадки (рис. 1). Для цитадели был выбран восточный массив с небольшим возвышением, на котором была возведена первая кирпичная платформа - кладка 110, ставшая доминантной точкой в рельефе этой части города (рис. 2). Центральный массив был отведен, очевидно, сакральной зоне. Низина II, в современном виде сложившаяся лишь в VI-VII вв. н.э. (Шишкин, 1969б. С. 137) и, возможно, впервые углубленная в процессе строительства платформы, служила внутренней площадью акрополя. Меандрирующий край обрыва, образованный оврагами, приспособлялся для устройства ворот (рис.1,В). Северный и западный фасы крепостной стены этой части города входят в систему общегородских сооружений, а южный фас отделяет весь массив от основной территории города. Таким образом, весь комплекс сооружений северного плато с самых ранних этапов жизни города позволяет считать его административно-культовым центром - акрополем (Иневаткина, 1995. С. 6).

На сегодняшний день на Афрасиабе оборонительные сооружения доэллинистического Самарканда наиболее исследованы на южном фасы акрополя. Общая протяженность вскрытых участков стен составляет около 200 метров. Стратиграфически все древние кладки на городище залегают на предварительно подготовленных краях склонов плато или на вершинах лессовых холмов. В зависимости от особенности рельефа полоса вдоль края либо нивелировалась подрезками (P-28A* рис. 7,

разрез 1-1, поверхность 101**), либо подсыпками из перемещенного лесса - слой 102, стесанного с возвышенных участков (P-15Г/10, рис.4, P-50 на южном фасы городища). Очевидно, во время этих работ были уничтожены как следы обживания территории в эпоху бронзы (Джуракулов, Аванесова, 1999. С. 37-39), так и слои поселений, предшествующих городу. Лишь на цитадели под древними крепостными стенами сохранились слои поселения, наиболее близкого ко времени зарождения города, в какой-то мере, позволяющие ограничить нижние пределы датировки первых стен Афрасиаба. На лессовой материке зафиксированы четыре последовательные системы каналов с отложениями черного песка, следующих вдоль южного края нижней площадки цитадели (русла 050, 061 и 062, 063, 064). В илистых серо-зеленых отложениях на берегах (065), была найдена лепная керамика: черные лощеные фрагменты полусферической чаши,

следующее - буква P- раскоп, последующая цифра или цифры с литерами (например - P-50 или P-28A) - порядковые номера раскопов начиная с 1958 г. В 1989 году МАФУЗ ввела свою нумерацию, которая в данной статье указывается латиницей и в случае совпадения со старой нумерацией дается следующим образом например: P-6=Ch-2. На раскопе южной крепостной стены цитадели P-15Г- заложены несколько разрезов, которые обозначены цифрами за косой чертой.

** В обозначении слоев трехзначной цифрой принята следующая система: - первая цифра означает исторический период (001-099 - догородской период - X-VIII вв. до н.э.; 100-199- период Афрасиаб 0= VII?-VI вв. до н.э.; 200-299- период Афрасиаб I- VI-IV вв. до н.э.; 300-399 период Афрасиаб II - III к. IV-II до н.э., II-I вв. до н.э.; 400-499 период Афрасиаб-IV- I в. до н.э.-III в. н.э. 500-599- период Афрасиаб IV - IV-п.п. V вв. н.э.; 600-699- период Афрасиаб VI к. V-VI вв. н.э.), две последних означают наиболее важные элементы этого периода, пронумерованные в хронологическом порядке. Например: поверхность 101 - относится к периоду Афрасиаб 0 и является хронологически самым ранним фактом внутри данного периода.

* Здесь и далее в обозначении раскопов принято

близкие по облику к керамике Тагискена и датирующиеся, согласно Н.А. Аванесовой, X-VIII-вв. до н.э. В перекрывшем их нивелировочном слое 102 под первую стену 110 из плоско-выпуклого кирпича периода *Афрасиаб 0* был обнаружен и фрагмент придонной части цилиндро-конического хума из уже известных на городище комплексов. Следовательно, отнести время возведения первых стен периода *Афрасиаб 0* глубже, чем конец VII-VI вв. до н.э., сейчас не представляется возможным.

Естественно, возведение первой оборонительной системы города общей протяженностью в 5 км (учитывая также и отсутствие опыта такого масштабного строительства у населения) происходило не единомоментно, а заняло определенный отрезок времени и выразилось в разном характере подстилающих слоев на известных участках городской обороны. Вероятно, этим, на наш взгляд можно объяснить иную, чем на линии акрополя, стратиграфическую ситуацию в самом низком месте на линии западного фаса внешнего кольца (P-27 и P-27B), где на подтесанном материке был сооружен вал из лесса и комков пахсы высотой более 3-х м и шириной 11 м (Туребеков, 1980. С. 47). Синхронность же кладок по южному фаса акрополя подтверждается болотистым серо-зеленым слоем (слой 103), зафиксированным под ними на разных структурных элементах акрополя: на нижней площадке, под платформой цитадели ((P-15Г/10, рис.4, и P-45, рис.5) и на юго-западном фаса храмовой площадки (P-44, рис.6, разрез 1-1). Эти болотистые отложения могли происходить из древних геологических русел как у подножия акрополя (старое русло Сиаба), так и из какой-то более ранней водоснабжающей системы (см. выше).

На северном фаса самих кладок из плоско-выпуклого кирпича не сохранилось, но отмечают только ремонтные пахсовые массивы этого периода,

залегающие под кладками периода *Афрасиаб I* (P-6).

*Строительная техника
и материалы конструкций
периодов Афрасиаб 0 и Афрасиаб I.*

Афрасиаб 0. На протяжении рассматриваемых периодов, как отмечалось выше, в строительном деле Согда происходит эволюция строительного материала. Насыпной лесс и глина первых подготовительных укреплений в виде валов (P-27) сменяется неизвестным ранее в Согде плоско-выпуклым кирпичом неустоявшегося формата (42-46x30-33x5-9; 44x27x7; 52x25x9; 55-60x27-30x8-10 см) со знаками на его выпуклой поверхности, как формованного в рамке, так и лепного. Характерной деталью для формованных кирпичей являются полочки вдоль длинных сторон, часто с напльвом-валиком, образующим рамку-закраину (рис. 8,а). Вдоль нее четко отпечатывались неширокие деревянные планки. Одна из боковых граней кирпича чаще всего скошена, а углы скругленные.

Способ изготовления такого кирпича восстанавливается следующим образом. Очевидно, при формовании использовалась деревянная рамка без дна, которая отличалась от известных до сих пор в Средней Азии дополнительными продольными планками, прибитыми для жесткости конструкции. Густой раствор с примесью соломы, лежащий на строительной площадке, плотно утрамбовывался в форму, ладонью заглаживалась верхняя поверхность, о чем свидетельствуют вмятины от кулака и продольные полосы, излишки раствора убирались рукой. Знаки в основном наносились пальцем, лишь в одном случае использован острый предмет - прутик (?) (P-15Г), а в другом - ногтем большого пальца (P-27). Некоторые экземпляры кирпичей как бы демонстрируют первые

опыты подобной деятельности: неполностью заполненная форма - отсюда различная толщина самого кирпича, подправка его рукой. Среди кирпичей, помеченных одним знаком, наряду с выпуклыми имеются и плоские с выровненной поверхностью, изготовленные тем же способом, но более аккуратно. Кроме сформованных, в кладках стены присутствует небольшой процент лепных кирпичей овальной или подквадратной формы с покатыми гранями и с подчеркнутой выпуклой поверхностью (Р-15Г, рис. 3, секция 7; а также Р-44, рис. 6, стена 110). Следствием подобной формовки являлась неровность рядов кладки, которая нивелировалась дополнительным слоем раствора толщиной от 5 до 10 см, а иногда и пластами пахсы толщиной до 0,5 м (Р-27). Поверхность большинства кирпичей нарушена трещинами, возникающими в результате быстрой просушки на солнце. Укладка непросушенного кирпича привела к сцеплению его поверхности с раствором. Технология изготовления кирпича, в отличие от известных позже на Афрасиабе приемов, не предусматривала его переворачивание для дополнительной просушки. Очевидно, этим можно объяснить укладку кирпича в стену поверхностью со знаком вверх.

Форма плоско-выпуклого кирпича генетически восходит к очень древним образцам. В Месопотамии протодинастического периода (III-II тыс. до н.э.) использовался мелкий плоско-выпуклый кирпич. Заметим, что исследователи строительной техники Месопотамии архаического периода происхождения рамки с закраинами, отпечатанными на плоско-выпуклом кирпиче, объясняют процесс стаскивания формы (Sauvage, 1998. P. 116). Впервые в Средней Азии «протокирпичи» появляются на памятниках неолита Южной Туркмении (Джейтунская культура) в виде блоков длиной от 60 до 70 см, шириной 20-

25 см, овальные в сечении, замешанные на самане (Массон, 1957. С. 144-146). Техника формования плоского кирпича осваивается в Средней Азии с эпохи энеолита, и первые подобные опыты демонстрируют кладки стен Чагылыктепе, в которых одновременно использовался и «протокирпич», и формованный плоский кирпич меньшего размера (60 x 20 x 10 см) (Массон, 1971. С. 51). В эпоху бронзы и раннего железа, до середины I тыс. до н.э., в Маргиане, в Бактрии и на территории Ирана прослеживается непрерывная традиция монументальной архитектуры с использованием плоского длинного кирпича. На городищах VII-VI вв. до н.э. и VI-IV вв. до н.э. также преобладает длинный плоский кирпич со знаками: в Маргиане - Эрк-кала (Усманова, 1989. С. 27), в Парфии - Елькен-депе (Марущенко, 1959. С. 154-159) в среднем течении Аму-Дарьи, в Бактрии - Одой-тепе, Кызыл-тепе, Бандыхан-2 (Сагдуллаев, 1989. С. 48), в Уструшане Нур-тепа, в южном Согде - Узункыр (Лушпенко, 1988. С. 22-30) и в Хорезме - Кюзелигыр (Толстов, 1962. С. 99). Лишь в кладках бактрийских памятников Бандыхан 1 и Алтын-10 в это время впервые отмечается квадратный кирпич (Сагдуллаев, 1989. С. 48).

В Согде традиция использования плоского кирпича со слегка вогнутой верхней поверхностью, получавшейся от налегания жидкого раствора на стенки деревянной формы (эту особенность, не отмеченную А. Исаковым в монографии (Исаков, 1991. С. 71-74), автор наблюдал лично на раскопе), прослеживается также в эпоху бронзы в Саразме, но прерывается в середине II тыс. до н.э. с затуханием поселения. Появление плоско-выпуклого кирпича в Согде на Кук-тепе и Афрасиабе, Сангир-тепа и Падаетак-тепа (работы ведутся Узбекско-американской экспедицией), как бы прерывает древнюю земледельческую

традицию и свидетельствует как о первых опытах населения Согда в освоении строительных приемов монументальной архитектуры, так и о появлении элементов новой культуры и новой исторической общности.

Этот же кирпич появляется в Фергане в стенах на городищах Эйлатан (Оболдуева, 1962. С. 38-47) и, судя по описанию, на Дальверзин-тепе (Заднепровский, 1985. С. 195-198; Заднепровский, 1972. С. 57-59).

Сейчас на Афрасиабе насчитывается 19 разновидностей знаков на выпуклой поверхности кирпичей. Преобладание какого-то одного из знаков пока не замечено (рис. 8а). Как правило, это варианты сочетаний простых элементов в виде точек, параллельных линий, кругов и точек, «восьмерок», образованных двумя зеркальными «тройками». Варианты написания одного знака, по мнению А.И. Гертмана, это ни что иное, как почерк работников этой группы или артели, включавшей от трех до семи человек (Гертман, 1992. С. 284-285).

Большинство археологов и архитекторов, писавших о таких знаках на кирпичях, едины во мнении, что это метки мастеров или групп работников, связанные с учетом количества изготовленного кирпича (Гудкова, 1964. С. 354; Пугаченкова, 1978. С. 191-192; Толстов, 1948. С. 94-95; Топрак-кала, 1984. С. 22, 107, 114; Филанович, 1961. С. 39-41; Chichkina, 1986. Р. 76). Письменные источники показывают, что изготовление кирпича являлось одним из видов трудовой повинности и население древневосточных городов несло коллективную ответственность за уплату налогов и выполнение общественных работ (см. например, текст о восстановлении стен Иерусалима: Библия. Книга Ниемии. 4, 1; 3.10, 23, 28-30; 6). Маркирование кирпичей в первой половине I тыс. до н.э., очевидно, следуя древней месопотамской традиции, применялось и при выполнении большого строительного

заказа как ассирийских, так и ахеменидских царей. Кирпичи, в данных случаях жженые, метились знаками с именем царя, либо штампами с символикой царской власти (лев), либо оттисками печатей (например: дворец Артаксеркса в Сузах) (Sauvage, 1998. Р. 42-43). В Самарканде же изготовление кирпичей для строительства крепостных стен являлось, видимо, тем видом трудовой повинности всего населения, которая распределялась между определенными группами жителей. Для облегчения подсчета продукции группы наделялись своими знаками (или имели их постоянно?) (Chichkina, 1986. Р. 76).

Техника кладки оборонительных стен лучше всего прослеживается на нижней площадке цитадели (Р-15Г), где на большом пространстве проводилась горизонтальная расчистка рядов и их тщательная фиксация (рис. 3). Стена сложена поперечными секциями шириной до 2-2,5 м. Каждая секция выкладывалась способом «тычок – ложок» из кирпичей с одним знаком, и только в двух секциях, находящихся друг от друга через 17 м (секции 14 и 36), знаки повторяются. Такая система кладки отражает хорошую организацию управления строительным процессом, начиная с привлечения людских ресурсов и распределения заданий по группам населения и заканчивая четким контролем за выполнением задачи. Так, например, для строительства исследованного стометрового участка стены на нижней площадке цитадели (Р-15Г) толщиной 6 м и высотой 3 м, было привлечено 17 таких групп, которые изготовили и уложили в кладку примерно 54 тыс. штук кирпичей. Для всего периметра городских укреплений при высоте стен, судя по реконструкции (см. статью Е.А. Куркиной в данном сборнике), в 6 м и протяженности около 6 км потребовалось участие не менее 1100 групп населения и около 6,5 млн. штук кирпичей. Следует отметить, что прием выкладки мо-

нолитных массивов поперечными секциями в сырцовой архитектуре известен с глубокой древности на памятниках III тыс. до н.э. в Месопотамии и сопредельных регионах, что наглядно демонстрирует реконструкция системы кладки платформы Тюрнг-тепе в Западном Иране (Deshves, 1973. P. 141-153. Pl. 169). В эпоху бронзы при сооружении стен дворцового здания Дашлы-3 также использовался этот прием, хотя толщина стены не превышала вместе с пилястром 2 м (Сарианиди, 1977. С. 41).

Очевидно, что способ изготовления плоско-выпуклого кирпича и техника кладки, на первый взгляд кажущиеся примитивными, на самом деле - одни из самых эффективных и экономичных способов выполнения такого большого государственного заказа, как строительство монолитных оборонительных стен столичного города.

Для стен периода *Афрасиаб I* изготовлялся плоский продолговатый кирпич размерами: 70x26x11, 67x28x12, 62x27x10, 62x22x12,5, 58x25x11, 52x25x11 см (рис. 8б). Он формовался в открытой форме из более жидкого раствора, что требовало дополнительной равномерной просушки и переворачивания кирпича на строительной площадке. Вследствие этого в кладку кирпич укладывался лицевой поверхностью со знаком вниз. На этом этапе на кирпичах появляются и более сложные знаки (рис. 8б). Очевидно, к этому времени изменился и сам принцип организации строительного процесса. Это прослежено на участке стены нижней площадки цитадели, где новая кладка 210 сорожена полосой вдоль подтесанного старого фасада (рис. 3, 4). Группирование кирпичей с одним знаком здесь отмечается лишь в горизонтальных рядах. Более четкая форма кирпича позволила выкладывать вертикальные световые и вентиляционные щели в толщах стены и

перекрывать их кирпичами, поставленными на ложок, как это делалось и в перекрытиях подобных щелей в Бактрии (Сарианиди, 1977. С. 41), а позже - в Хорезме (Топрак-кала, 1984. С. 66. Рис. 36,а). Для сводчатого перекрытия узких коридоров по лекалу изготовлялся дугообразный кирпич с тщательно заглаженными гранями (размер 90x10x10 см, рис. 9,5). В этот период в кладках использовалась также и пахса. Для плоских перекрытий применялись деревянные балки длиной не менее 3-х метров и диаметром 20 см (Р-28, рис. 7, разрезы 1-1, 2-2).

Оборонительные сооружения периода Афрасиаб 0

Доминирующей структурой акрополя, выполнявшей и административные, и военные функции в ансамбле, является цитадель.

Цитадели, как самостоятельные оборонительные сооружения в системе городской обороны, появляются в регионах Средней Азии в VII-VI вв. до н.э. При основании городов в пересеченной или в предгорной местности активно использовались особенности естественного рельефа и наиболее выступающий останец приспособлялся под цитадель: Нур-тепа (Негматов и др., 1982. С. 94, 104), Ходжент (Беляева, Билялов, 1975. С. 291), Кызыл-тепе (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 32). В городах равнинной зоны для цитаделей и храмов сооружались искусственные высокие платформы: Эрк-кала (Усманова, 1989. С. 27), Елькен-депе (Марущенко, 1959. С. 67). Обычно исследователи рассматривают цитадель как основной административно-оборонительный центр и нередко имеют в виду только ее замковую часть.

Оформление акрополя Афрасиаба как самостоятельного укрепленного сооружения начиналось с подготовки

строительных площадок под мощные монолитные стены - кладка 110 толщиной около 6-8 м и высотой до 6 м (рис. 2-4). На юго-востоке северного плато под замковую часть возводится подквадратная платформа высотой 4,5 м и размерами, не превышающими 80-90x70 м, со скошенными под углом в 75° гранями. Перед платформой была оставлена лессовая берма 111 шириной не менее 4,5 м (рис. 5, 111). Не исключено, что в оформлении цитадели присутствовали полукруглые башни, о наличии которых в монументальной архитектуре Согда раннежелезного века свидетельствуют открытия последних лет на городище Кок-тепе (Исамиддинов и др., 1999. С. 79-81). С востока к платформе примыкала нижняя площадка, вместе с замком составлявшая внутри акрополя самостоятельное единое укрепление, северный фас которого входил в систему городских укреплений.

Об остальных важных элементах фортификации цитадели древнего периода, учитывая устойчивую топографию такого рода сооружений, внутри ограниченного пространства, можно говорить, лишь проецируя на них данные более позднего времени. Въезд на нижнюю площадку цитадели мог осуществляться через ложбину у северо-восточного угла замка или (и) у юго-восточного угла нижней площадки, возле городской стены (рис. 1«В»), где его защищали укрепления с лессовыми холмами в основании, обживание которых отмечается только с III-II вв. до н.э. Оба въезда могли функционировать одновременно. Въезд в сам замок цитадели в древности и в раннее средневековье со стороны низины II осуществлялся с его северо-восточного угла, где, по крайней мере, с рубежа нашей эры традиционно сохранялась дворовая часть, а в раннее средневековье здесь сооружается сложная система въезда, защищенного башней (рис. 1). С северо-запада и запада цитадель выделялась низиной II и глу-

бокой ложбиной. В топографии акрополя выделяются два возможных места для ворот со стороны города (рис. 1«В»): первое - на месте водотока у юго-западного угла низины I и второе - у юго-восточного угла храмовой площадки, рядом с цитаделью (P-22), где возможно был ров, перекрытый дамбой лишь в раннем средневековье (Федоров. № 163). Кроме того, акрополь имел общие с городом ворота с серпантинным спуском у северо-западного угла «храмовой площадки» (P-6=Ch-2), которые в силу технических причин в VI-IV вв. до н.э. были перенесены к северо-восточному углу площадки (P-41=Ch-3), в более удобную низинку или овраг (?) (Шишкина, 1976. С. 99-100).

При строительстве первой оборонительной системы акрополя соблюдались все технологические требования, необходимые при работах подобного рода. В частности, учитывалась тенденция высоких (от 10 м до 25 м) лессовых склонов к вертикальному слоению, поэтому на краю вертикальных срезов оставалась берма 111 шириной не менее 3 м (рис. 4-6). Стены, уже имевшие в основе этот естественный цоколь, возводились достаточно высокими - более 3 м. В отличие от фортификационных сооружений древней Бактрии первой трети I тыс. до н.э. (Кызыл-тепе, Бандыхан, Талашкан (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 32) они следовали изгибам рельефа и не имели выступающих за фасад стен башен. Роль выступающих башен выполняли массивы на местах изгибов стен (рис. 7, план). Монолитной стене, вознесенной на высокие холмы и вместе с ними составляющей высоту более 16 м на нижней площадке цитадели (P-15Г/10, рис. 4) и более 25 м на юго-западном углу акрополя (P-28А, рис.7), достаточно было иметь, по мнению архитектора экспедиции Е.А. Куркиной, открытую стрелковую площадку за парапетом, с которой мог бы осуществляться обстрел подножия стены (см.

статью Е.А. Куркиной, рис. 1). Нельзя исключить, что ее внешний облик мог напоминать образцы монолитных в основе крепостных сооружений Ассирии и Мидии (Persians: Masters of empire, 1995. P. 8, 56). В этот период устанавливается необходимое для фортификации правило: внутреннее пространство вдоль стены шириной 3 м, столь необходимое для свободного доступа и передвижения защитников в случае опасности, остается свободным от застройки (P-15/10, рис. 5, слой 120; P-44, рис. 6, слой 116).

На запад от цитадели южная стена акрополя прослежена на юго-западном углу храмовой площадки (P-44, рис. 6, план) и на юго-западном углу акрополя (P-28А, рис. 7). Основу фортификации участка P-28А составляет естественный гребень, окаймляющий с юго-запада низину I и служащий уже сам по себе природным укреплением. Его продолжением на восток являлся лессовый гребень в ложбине (P-28, рис. 1), возвышавшийся над древней поверхностью низины I даже в разрушенном состоянии на 5 м и прорезанный лишь вводом водотока (рис. 1«К»). Остатки первой монолитной стены *Афрасиаб 0* (рис. 7, разрез 1-1, кладка 110), дают самое общее впечатление о фортификационных укреплениях этого угла. Вероятно, стена, как и на других отрезках, имела берму и также повторяла изгибы рельефа. Но, видимо, фортификаторами не совсем были учтены особенности сооружения тяжелой монолитной стены на узком и высоком лессовом гребне, ширина которого местами составляет 15 м, и уже ко времени возведения новых укреплений, вероятнее всего, не ранее V в. до н.э., стена настолько разрушилась, что представляла лишь небольшой оплывший вал.

Напротив низины I в линии южной кирпичной стены существует разрыв в 50 м необъяснимого пока происхожде-

ния (рис. 1, P-28). Сохранность кирпичной стены на P-28А и современная топография западного и южного склонов «храмовой площадки» (Иваницкий, 1990. С. 40-42) таковы, что одинаково трудно как отрицать, так и утверждать существование продолжения стен через ложбину (P-28) и на восток вдоль южного фаса «храмовой площадки» в сторону цитадели (P-45). С точки зрения обороны, казалось бы, разрывы в линии укреплений недопустимы, их непрерывность является неперенным условием организации акрополя. Однако, если принимать во внимание естественный рельеф как основу фортификации, то лессовая гряда южного борта низины I показывает нам, что она как бы продолжает линию укреплений и фактически прикрывает низину со стороны города. Возможно, этот участок акрополя *Афрасиаба*, по мнению Г.В. Шишкиной (Шишкина, 1987. С. 167), имел своеобразную систему защиты: как бастион (?) на юго-западе «храмовой площадки» и как какое-то укрепление на противоположном берегу сухого русла, где в рельефе напротив ложбины выделяется округлый холм (рис. 1).

Период Афрасиаб I

Фортификационная система цитадели следующего периода *Афрасиаб I* уже учитывает естественный цоколь, и фортификаторы рационально используют остатки прежних стен, приспособив их в качестве цоколя или ядра новых сооружений принципиально иной строительной традиции.

На нижней площадке цитадели, где уже невозможно было использовать внутреннее пространство, новая стена 210 возводилась вдоль наружного фасада с дополнительной кирпичной бермой 212 (рис. 3). На храмовой площадке (P-44, рис. 6), как и на западном фасаде городища (P-27), старые стены стали

ядром нового цоколя, а на юго-западном фасе акрополя (P-28A) - прочным основанием строительной площадки (рис. 7, разрез 1-1). Возводя южный фас стен акрополя, обращенного к городу, строители стремились придать фасаду четкую горизонтальную линию зрительного восприятия ярусов обороны и умело камуфлировали кирпичной кладкой лессовый склон, скрывая на отдельных участках отсутствие внутрискладочного пространства. Например, основание стены на нижней площадке цитадели (P-15Г) по отметкам (-702.21, -702.94) несколько выше полов коридора на западных отрезках этой линии: P-28A (-699,73) и P-44 (-701,86). И на цитадели внутрискладочный коридор имитируется двумя рядами ложных бойниц, выложенных в приставном массиве новой кладки (рис. 9,1). Поверх этого монолита располагался стрелковый коридор, а по гребню стены - площадка за парапетом, с которых мог осуществляться обстрел подножия холма (см. статью Е.А. Куркиной, рис. 2-3). Эта стена по-прежнему не имеет башен и пилястр и следует, как и первая, изгибам рельефа. В замковой части новой кирпичной бермой 212 укрепляется подножие платформы 110, массивом из пахсы прослойками дробленого сланца 213 надстраивается новая платформа- 210, а по краю - новые стены 215 (рис. 5). Свободные пространства (дворов?) устилаются дробленным щебнем или плоской галькой (прослойка 213). Как была оформлена цитадель в этот период, мы не знаем, во всяком случае признаки пилястр и выступающих башен не обнаружены. В этот период на отдельных участках внешнего кольца города в случае сложного рельефа, как, например, на юго-западе городища (P-27B), в качестве дополнительной защиты глубокого кармана сооружаются и круглые башни диаметром 7 м с внутренним стрелковым помещением (Иванников, Шпенева, 1999. С. 82). Вероятно,

в IV в. до н.э. начинают застраивать и прилегающую к оборонительной стене территорию.

Оборонительные сооружения остаточной линии южного фаса акрополя сохранились на уровне цокольного этажа с внутрискладочным коридором. На юго-западном углу храмовой площадки (P-44) использовалась ранняя лессовая берма, а ярус с внутрискладочным коридором был поставлен на монолит сохранившихся кладок. За счет новых кладок 210 толщина стены составила 8 м. Ширина коридора 2,25-2,6 м (рис. 6, разрезы 1-1, 2-2). В коридор со стороны храмовой площадки вел узкий проход 216 шириной 110 см (рис. 6, план), аналогичный, видимо, арочным проходам на P-28A (см. ниже). Возможно, второй проход 217 находился на самом западном крае современного обрыва, который восстанавливается по прокаленному пятну, как бы продолжающему линию внутренней стены коридора на север (рис.6, план). В свое время именно это обстоятельство позволило Г.В. Шишкиной предположить поворот коридора к северу и считать это сооружение типом прямоугольного бастиона (Шишкина, 1987. С. 167). Однако зачистки 1992-1993 гг. не обнаружили признаков существования стены коридора в северном направлении, а подтвердили прокаленность пола лишь на ширину внутренней стены, то есть в пределах прохода. Таким образом, скорее всего, юго-западный угол храмовой площадки в этот период не был специально оформлен как отдельное фортификационное сооружение, а линия стены толщиной в 6,5 м, вероятно, здесь заканчивалась с небольшим северо-западным отклонением, либо ее продолжение (?) над 50-метровой ложбиной (P-28) было разрушено.

На юго-западном углу акрополя (P-28A) новая стена 210 возводилась на остатках предшествующей уже с учетом оползания лессовых обрывов, с бермой

шириной более 3 м (общая толщина стены 8 м, а ширина коридора 2,60 - 2,75 м). Как и ранняя, она повторяет изгибы рельефа и не имеет пилястр. В месте резкого поворота рельефа к северу сооружен узкий коленчатый переход 219 со сводчатым перекрытием (рис. 7, план; рис.9, 5). Напротив прохода в промежутке между «бойницами» была устроена еще и вылазная калитка 213, выводящая на берму (рис. 7, план). Высота прохода узкого коридора до замка свода 1,30 м, ширина - 1,10 м. Вертикальные щеки прохода высотой в 5 рядов кирпичей (0,73 м) и полочка оштукатуривались толстым слоем глино-саманной штукатурки (рис. 9,5). На полочку устанавливались дугообразные кирпичи. Такие перекрытия известны в монументальной архитектуре более древних сооружений Мидии и Ирана в VIII-VI вв. до н.э., например, тепе Нуш-и-джан (Besenval, 1984. Vol. 1. P. 121-123, Vol. 2. Pl. 67a, 153); в Парфии – Шахри-кумыз, а также в Сеистане ахеменидской поры (Besenval, 1984. Vol. 1. P. 127, 132-133, Vol. 2. Pl. 68, 177). Таким же способом был оформлен и выход из коридора в сторону города на восточной оконечности раскопа (рис. 7, план, 218.) Очевидно, цокольный коридор делился на отсеки с разными уровнями полов, которые соединялись узкими арочными переходами. Отсеки периодически использовались для хранения запасов продовольствия, о чем свидетельствуют обугленные зерна в бойницах и швах.

В топографии этого участка южной линии акрополя хорошо заметно, как линия стен 210 на Р-28А слегка заворачивает в сторону низины на С-В (рис. 1). Возможно, что особенности рельефа этой части плато и наличие водотока у подножия стены обусловили и какие-то особенности обороны данной части акрополя. О том, что эти отрезки стен (Р-28А и Р-44) существовали синхронно,

свидетельствует и одинаковая стратиграфическая ситуация в их коридорах: два ремонтных пола со следами пожара 211/1-2 (рис. 6-7). На прокаленных полах сохранилась прослойка, состоящая из древесного угля, пыли, обгоревших обломков кирпичей, золы и пепла толщиной 10-15 см. Первоначальная толщина слоя с остатками горения в коридоре на Р-28А была значительно больше, поскольку на стенах коридора зола прослеживается на высоту до 50 см. Золой были заполнены бойницы, большое ее количество попало в кирпичную кладку эллинистического времени. Стены коридора прокалены на глубину до 0,45 м.

Происхождение двух пожаров внутри коридоров и по стратиграфической ситуации, и по историческому контексту можно связать с событиями борьбы за Самарканд в 326 г. до н.э., когда шла оборона города от греческой армии и когда затем оставленный Александром гарнизон оборонялся за этими стенами от воинов Спитамена. Подготовительные работы, проведенные «ахеменидскими» фортификаторами перед возведением стены, были основательны настолько, что после греческого завоевания сама стена, берма и куртины были в хорошем боевом состоянии и нужно было только реконструировать стрелковые галереи, превратив цокольный этаж в монолитное основание. К раннему средневековью бермы оседают, потянув за собой в некоторых местах и внешние стены коридора.

Таким образом, акрополь древнего Самарканда, несмотря на существующие разрывы в южной линии фортификационных сооружений, представляет собой самостоятельное топографическое единство. В его топографии выделяются четыре элемента: двухчастная цитадель (кешк и нижняя площадка), храмовая площадка, водоснабжающая система в низине I, обеспечивающая автономное существование этой части и

площадь в низине II. Фортификационные сооружения южной линии акрополя и водоемы сохраняют свое значение и реконструируются в конце IV-III вв. до н.э. Ворота и крепостная стена из оврага (P-41) в этот период поднимаются на уровень поверхности плато.

Фортификация Афрасиаба показывает, что стены с самого основания города строились с учетом противостояния технике осадных и метательных машин, в то время как фортификация восточного Ирана служила для отпора пехоты и кавалерии (Leriche, 1986. P. 86). Как уже отмечалось выше, в строительных материалах и конструкциях афрасиабских стен имеется много элементов, которые связаны с культурным наследием Ирана и далеко отстоящих как по времени, так и территориально цивилизаций Ближнего Востока. Это особенно заметно проявляется в деталях и элементах конструкции, начиная с самой ранней фортификации, как-то: сооружения монолитной стены секциями, а затем при Ахеменидах - использование лекального кирпича в сводах перекрытий, вылазные калитки, коленчатые переходы, вертикальные щелевидные продухи. Все это говорит о тесных контактах северных территорий с центральными областями империи и обмену передовой технологией на уровне, возможно, личных контактов, которые активно происходили в едином государстве и проникали сюда с персидской администрацией и военным наместником.

Несомненно, что первое укрепление Самарканда периода *Афрасиаб 0* явилось результатом целенаправленной деятельности по строительству круп-

ного столичного центра, необходимость которого была вызвана внутренней потребностью общества. Возведение города на плато Афрасиаб по времени, вероятнее всего, происходило несколько позже, чем на городище Кок-тепе - на заключительной стадии урбанизации. Тогда накануне ахеменидской экспансии.

Строительство стен со стрелковыми галереями можно отнести к деятельности центральных ахеменидских властей в V-IV вв. до н.э. в новоприсоединенной сатрапии. При таком скрещении привычных приемов и новшеств фортификации можно думать, что армию Александра Самарканд встретил практически неприступными укреплениями, неуязвимыми для осадных машин и саперных работ. Основные принципы оборонительной системы Самарканда, выработанные в предшествующее время, в период эллинизма совершенствуются, а достижения фортификационного дела греческого мира были восприняты и переработаны на базе местных условий и традиций в области военного искусства (Chichkina, 1986. P. 77).

Оборонительная система акрополя, сложившаяся на ранних этапах жизни города, была использована и успешно функционировала в период эллинизма до кризисного состояния Самарканда в первые века нашей эры. При генеральной реконструкции в раннем средневековье древний акрополь возрождается в прежних пределах, сохраняя основные функции административно-культового центра вплоть до падения города под ударами монгольских завоевателей.

Библиография

- Арриан. Поход Александра (пер. М.Ю. Сергеев). М.-Л, 1993.
 Квинт Курций. История Александра Македонского. (под ред. Б.С. Соколова). М, 1963.
 Беляева Т.В., Билялов А.И. Об исследовании цитадели Ходжента в 1975 г. // АРТ. XV. Душанбе, 1975.
 Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. М. 1983.

- Гертман А. Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Древности южного Хорезма. Труды ХАЭЭ. 1991.
- Гудкова А. Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Доурбанистический Афрасиаб // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. Самарканд, 1999.
- Заднепровский Ю.А. Историческая топография Дальверзина // МИА. Л., 1972.
- Заднепровский Ю.А. Фергана. Эйлатанская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Иваницкий И.Д. К истории сложения Соборной мечети Афрасиаба // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1990.
- Иваницкий И.Д., Шпенева Л.Ю. Основные итоги работ в юго-западной части Афрасиаба (Р-27В) // «Согд в системе культурных связей Центральной Азии». Научная конференция, посвященная 60-летию Р.Х. Сулейманова. Тез. докл. Самарканд, 1999.
- Иневаткина О.Н. Акрополь древнего Самарканда. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- Иневаткина О.Н., Иваницкий И.Д. Периодизация и этапы развития водоснабжения Афрасиаба (по материалам раскопок магистрального канала в 1996-1997 г.) // ИМКУ. 2000. Вып. 30.
- Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991.
- Исамиддинов М.Х. Генезис городской культуры Самаркандского Согда. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 2000.
- Исамиддинов М.Х., Иневаткина О.Н., Иваницкий И.Д. Об обнаружении нового древнесогдийского городища // Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Тез. докл. конференции, посвященной 60-летию проф. Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 1994.
- Исамиддинов М., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. 1999. Вып. 30.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К., Грене Ф. Раскопки на городище Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 год. Самарканд, 2001.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К., Хасанов М. О двух разных традициях на раннем этапе формирования городов // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. Тез. докл. Самарканд, 1999.
- Лушпенко О.Н. Изучение поселений раннежелезного века в Шуробосайском оазисе // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Сборник научных трудов Таш.ГУ. Ташкент, 1988.
- Маруценко А.А. Елькендепе (отчет о раскопках 1953, 1955-56 гг) // ТИИАЭ. 1959. Вып. V.
- Массон В.М. Джейтун и Кара-Депе // СА. 1957. № 1.
- Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА. 1971. № 180.
- Негматов Н.Н., Белыева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа – Нур-тепа // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982.
- Оболдуева Т.Г. Раскопки 1960г. на городище Эйлатан // МИА. 1962. № 91.
- Пачос М. Оборонительные сооружения Афрасиаба; Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1966, с. 17.
- Пугаченкова Г.А. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы // Труды ЮТАКЭ. 1978. Т. XV.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия - Тохаристан. Ташкент, 1990.
- Сагдуллаев А.С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Топрак-кала. Дворец // Труды ХАЭЭ. 1984. Т. XIV.
- Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. 1950. № 33.
- Турбеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1980.
- Усманова З.И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний Мерв. Труды ЮТАКЭ. 1989. Т. XIX.
- Федоров М.Н. Полевой отчет о работах на Афрасиабе осенью 1962 г. // Архив ИА АН УзССР, № 163.
- Филанович М.И. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва // ИАН ТССР. Ашхабад, 1961.
- Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969а.
- Шишкин В.А. Кала и Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969б.
- Шишкина Г.В. Северные ворота древнего Самарканда // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.

- Шшишкина Г.В.* Древний Самарканд и его округа // Городская среда и культура Бактрии, Тохаристана и Согда (Античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1987.
- Bernard P.* Maracanda-Afrasiab colonie grecque // La Persia e l'Asia centrale da Alessandro al X secolo. Convengno internazionale sul tema Roma, 9-12 november 1994. Atti dei Convegni Lincei 127. Roma, 1996.
- Bernard P., Grenet F, Isamiddinov M. et leurs collaborateurs.* Fouilles de la mission franco-ouzbègue à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): première campagne (1989) CRAI., avril-juin. Paris, 1990.
- Bernard P., Grenet F, Isamiddinov M. et leurs collaborateurs.* Fouilles de la mission franco-ouzbègue à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): deuxième et troisième campagnes (1990-1991). CRAI., avril-juin. Paris, 1992.
- Hesenvat R.* Technologie de la voute dans l'orient ancisen. Vol. I, text. Vol. II, planche. Paris, 1984.
- Chichkina G.V.* Les remparts de Samarcande à l'époque hellénistique // La fortification et sa place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde grec. Actes du colloque international de Valbonne, decembre 1982. Paris, 1986.
- Deshves J.* Rapport preliminaire sur la neuviem campagne de fouille à Tureng tepe // Iran. Vol. XI. London, 1973.
- Leriche P.* Le remparts et les monuments associes // MDAFA. T.XXIX. 1986.
- Persians: Masters of empire.* Time-Life Books. Alexandria, Virginya, 1995.
- Sauvage M.* La brique et la mise en oeuvre en Mesopotamie des origine à la époque achéménide. Paris, 1998.
- Shishkina G.V.* Ancient Samarkand: capital of Soghd // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 8. 1994.

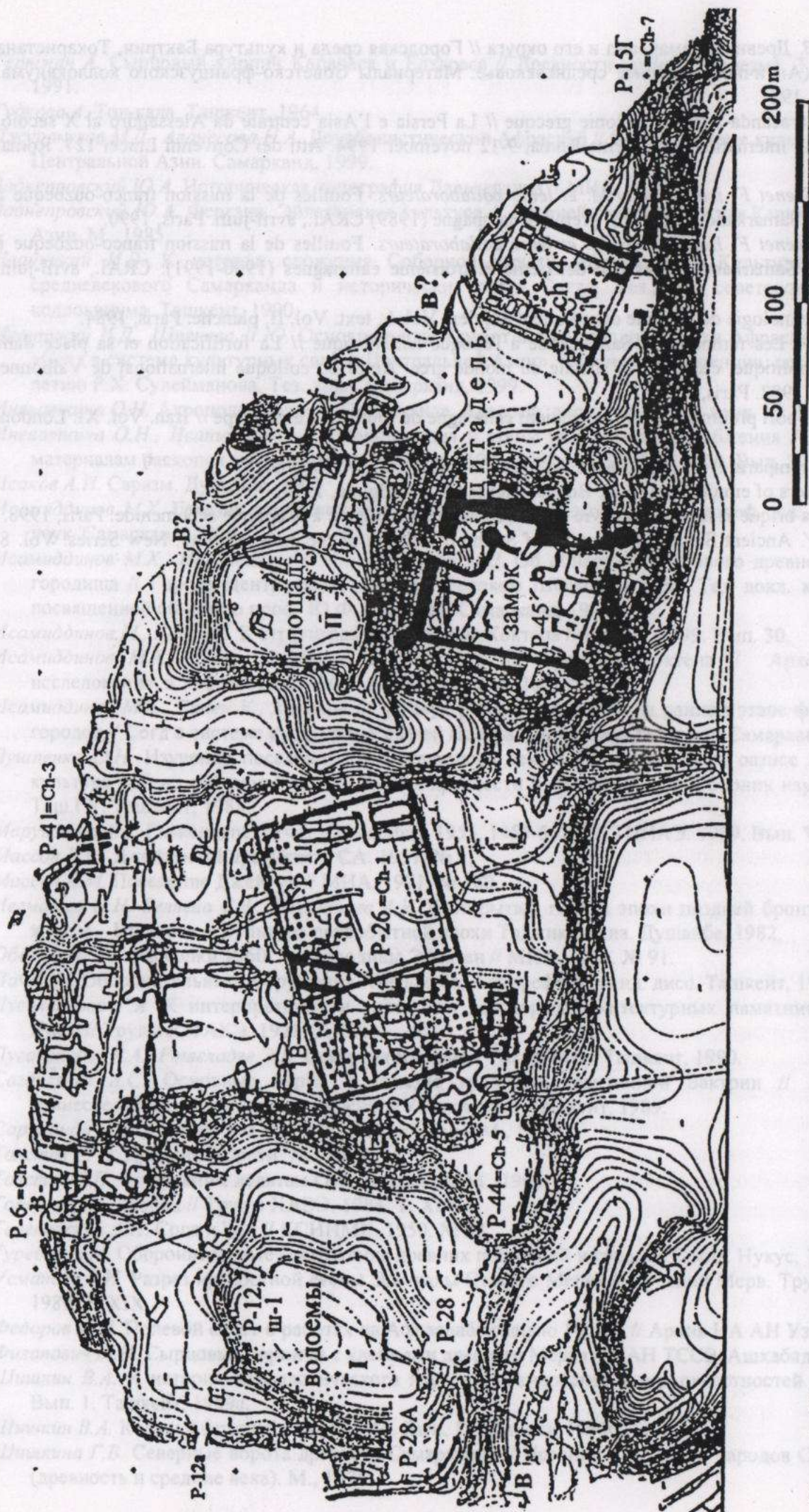

Рис. 1. План акрополя древнего Самарканда с оборонительными сооружениями сер. I тыс. до н.э. и основными монументальными сооружениями V-нач. XIII в. н.э. В скобках обозначены раскопы МАГУЗ В - места ворот; К - канал. (План составлен Е.А. Куркиной, К. Рапенюм и Г. Лекийю)

ЦИТАДЕЛЬ

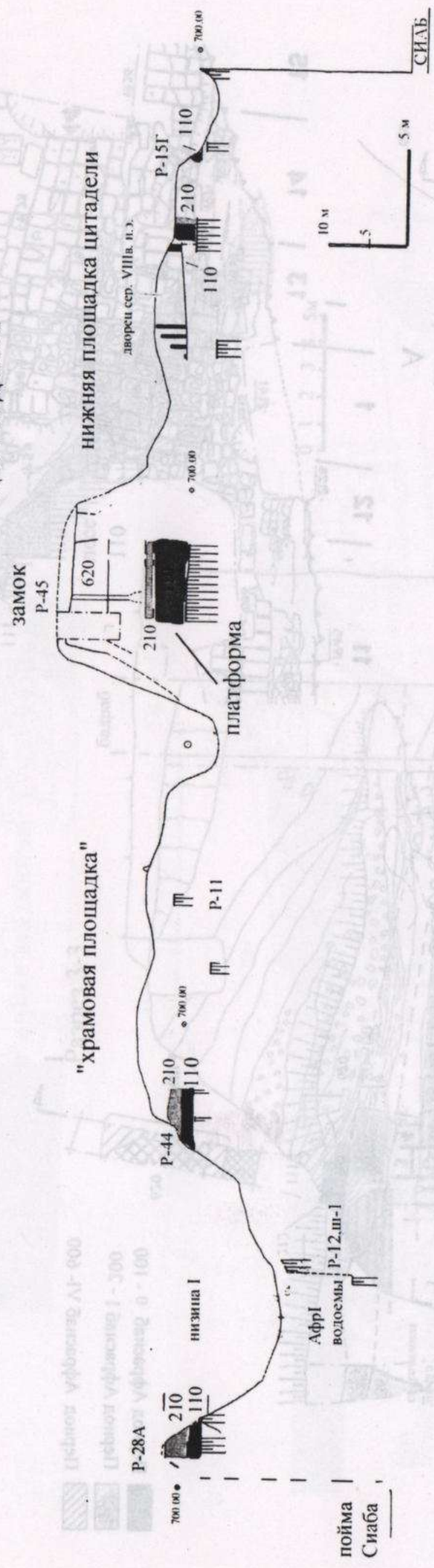

Рис. 2. Топографический разрез через акрополь с проекцией оборонительных сооружений середины I тыс. до н.э. (Разрез выполнен Е.А. Куркиной).

Рис. 4. Нижняя площадка цитадели. Р-15Г. Разрез.

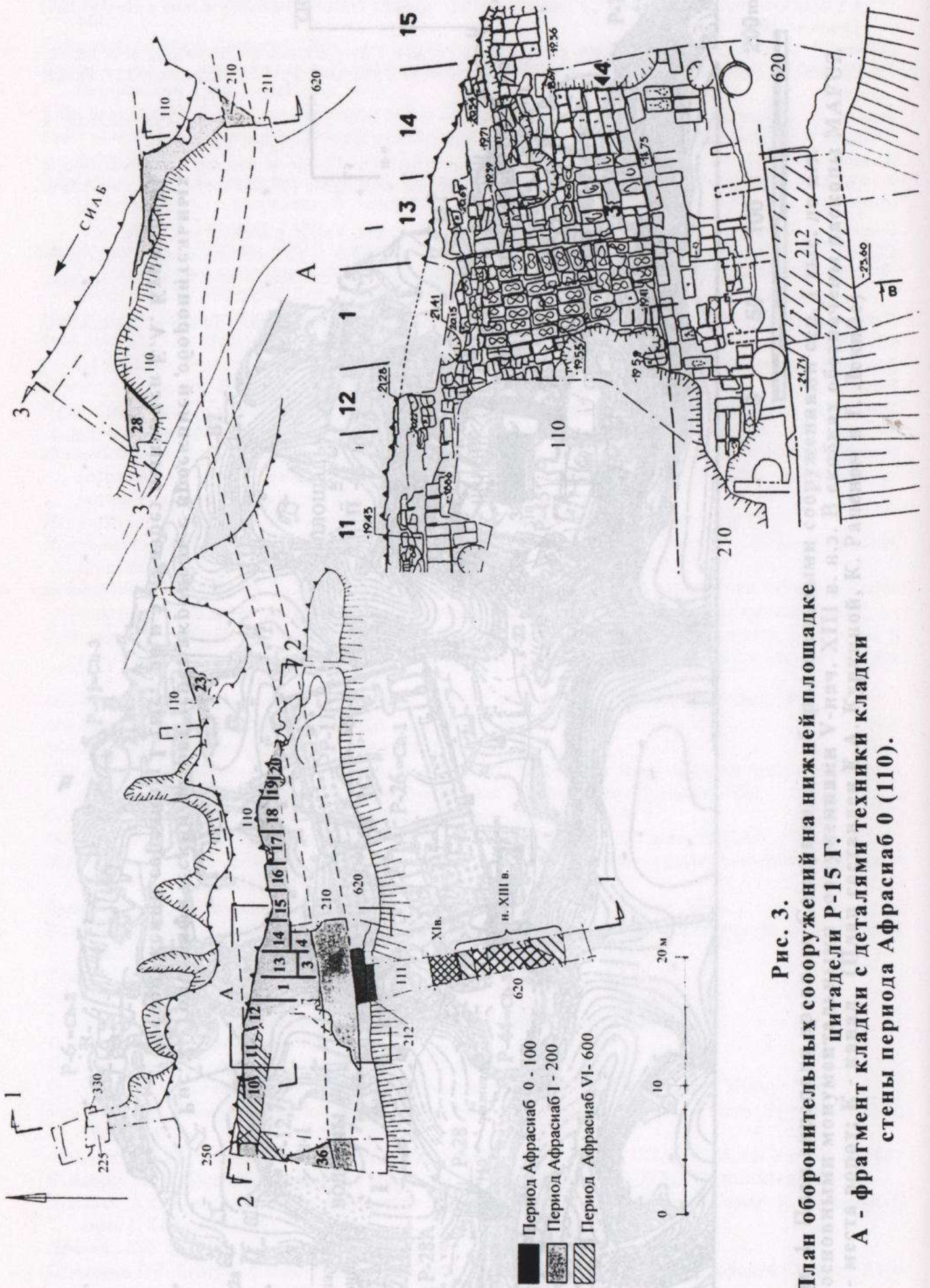

Рис. 3.
 План оборонительных сооружений на нижней площадке
 цитадели Р-15 Г.
 А - фрагмент кладки с деталями техники кладки
 стены периода Афрасиаб 0 (110).

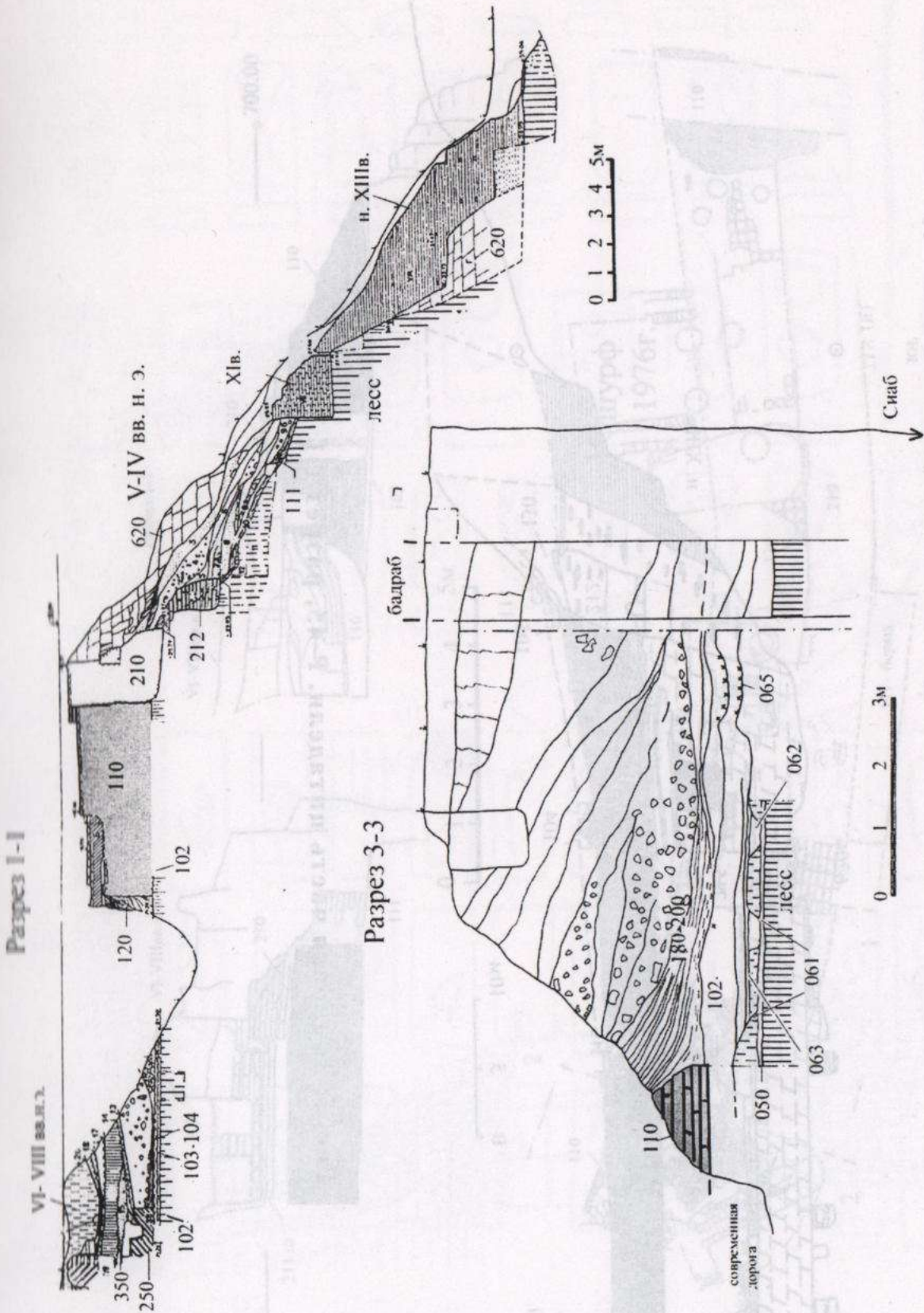

Рис. 4. Нижняя площадка цитадели. Р-15Г. Разрезы.

Рис. 6. Юго-западный угол "армовой площадки", Р-44. План, разрезы.

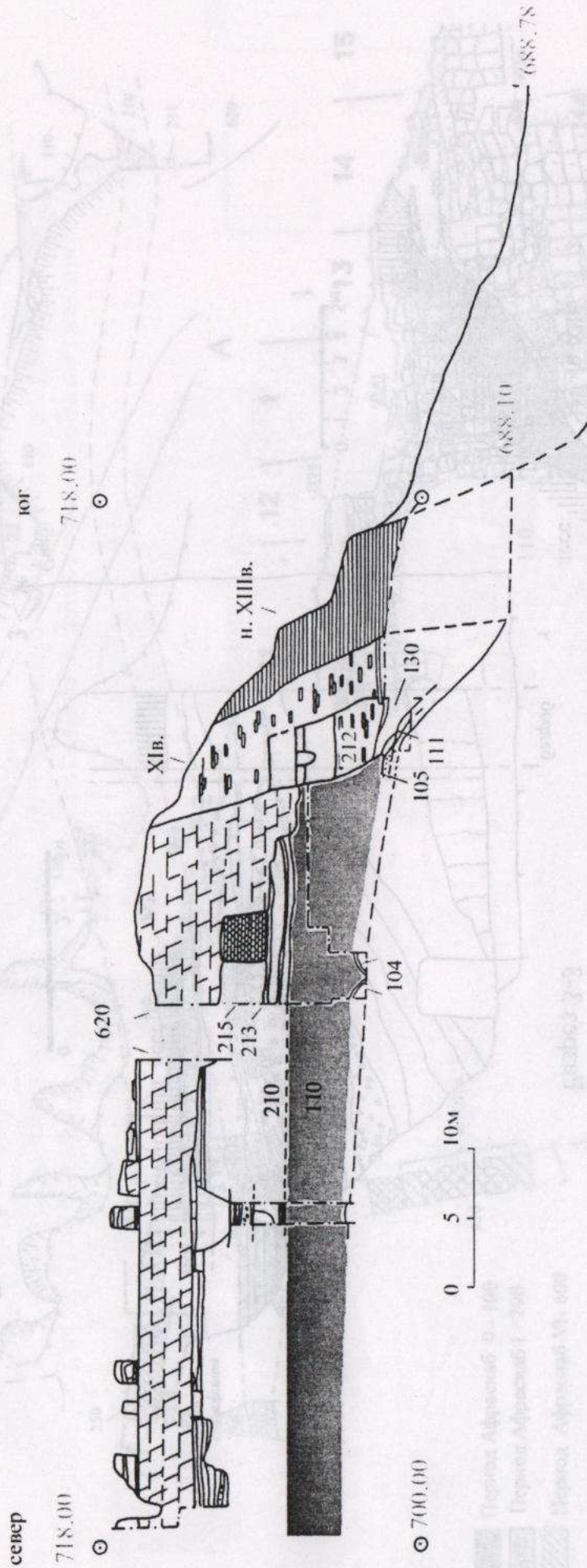

Рис. 5. Замковая часть цитадели. Р-45, разрез 1-1

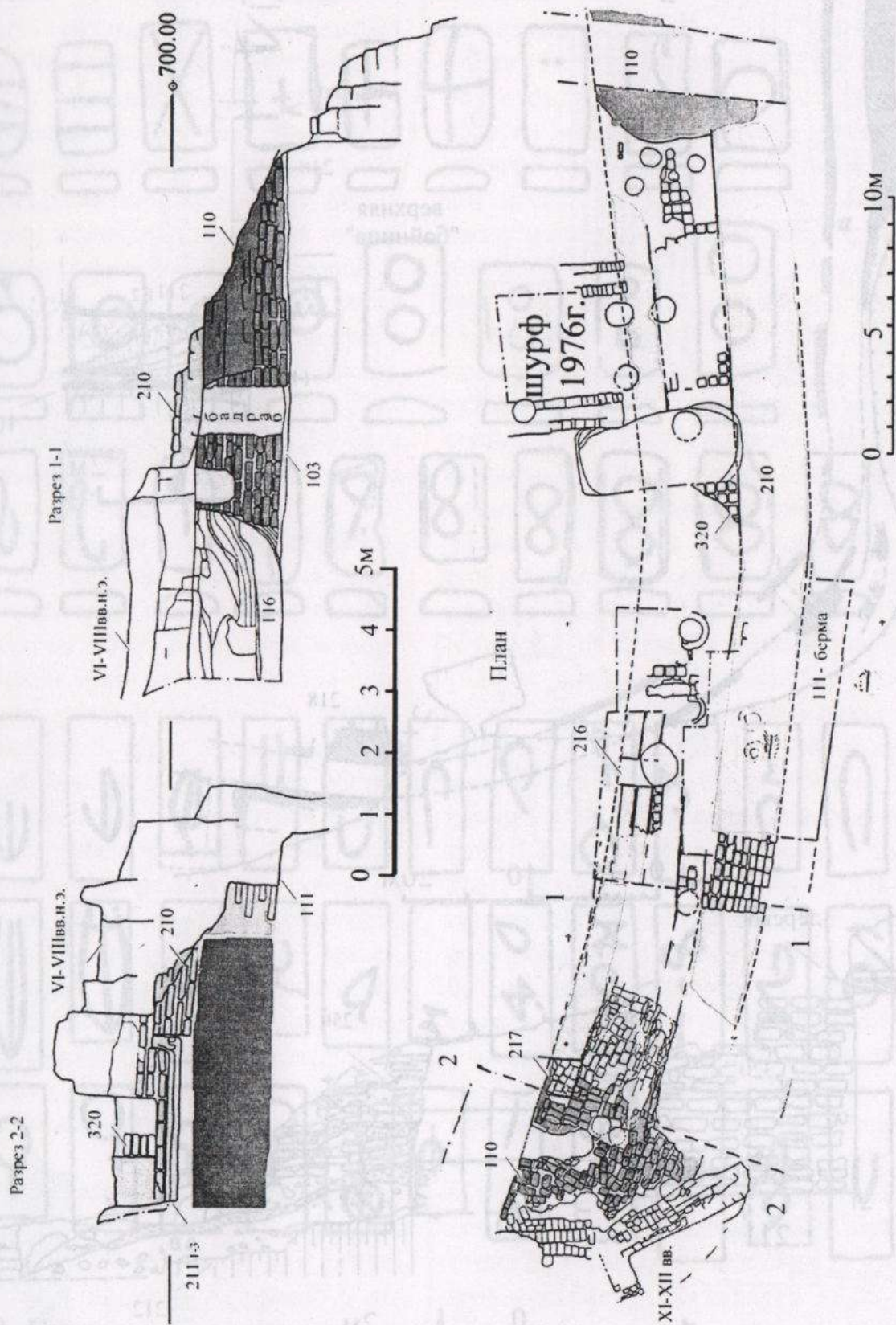

Рис. 6. Юго-западный угол "храмовой площадки", Р-44. План, разрезы.

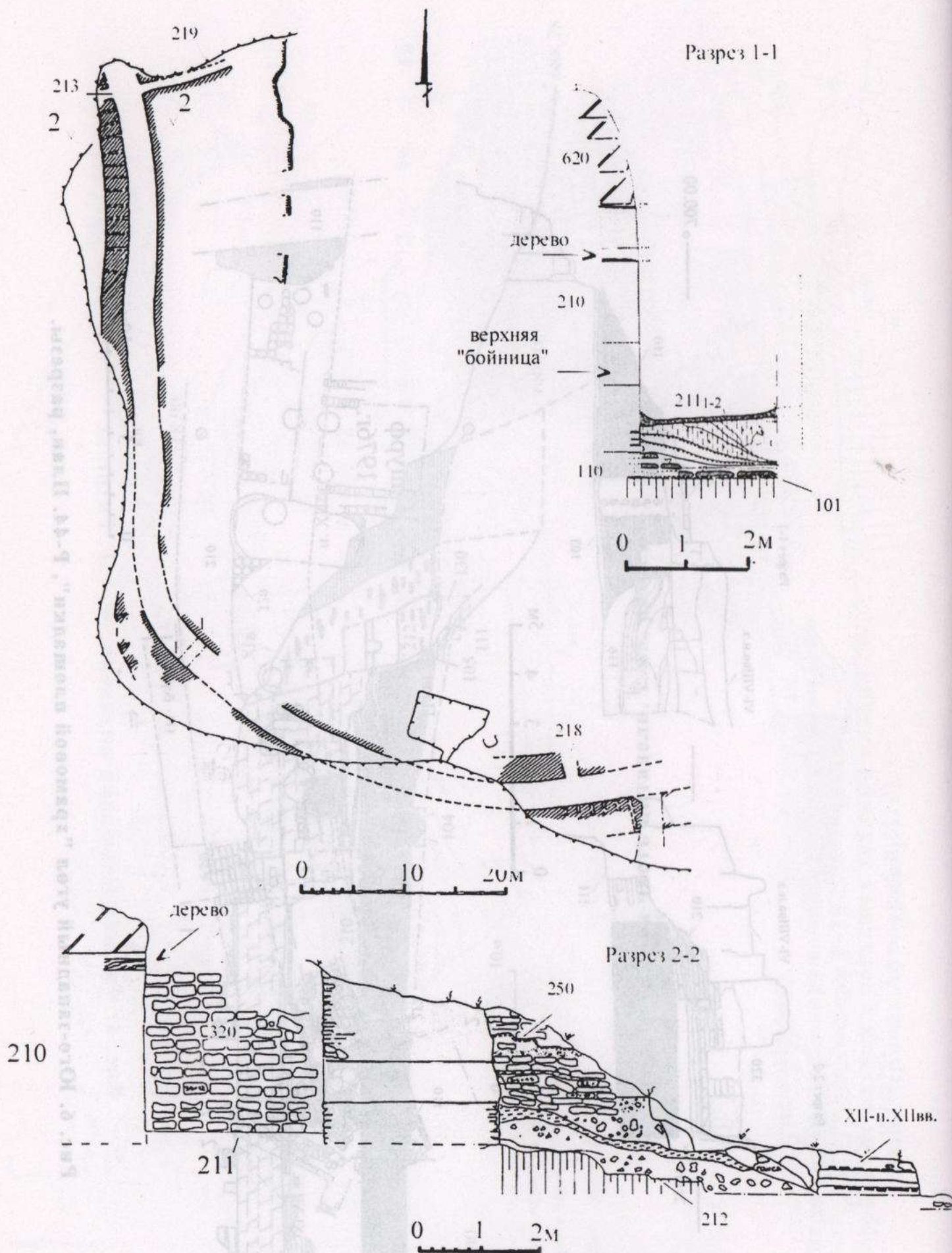

Рис. 7. Юго-западный угол акрополя, Р-28. Планы, разрезы.

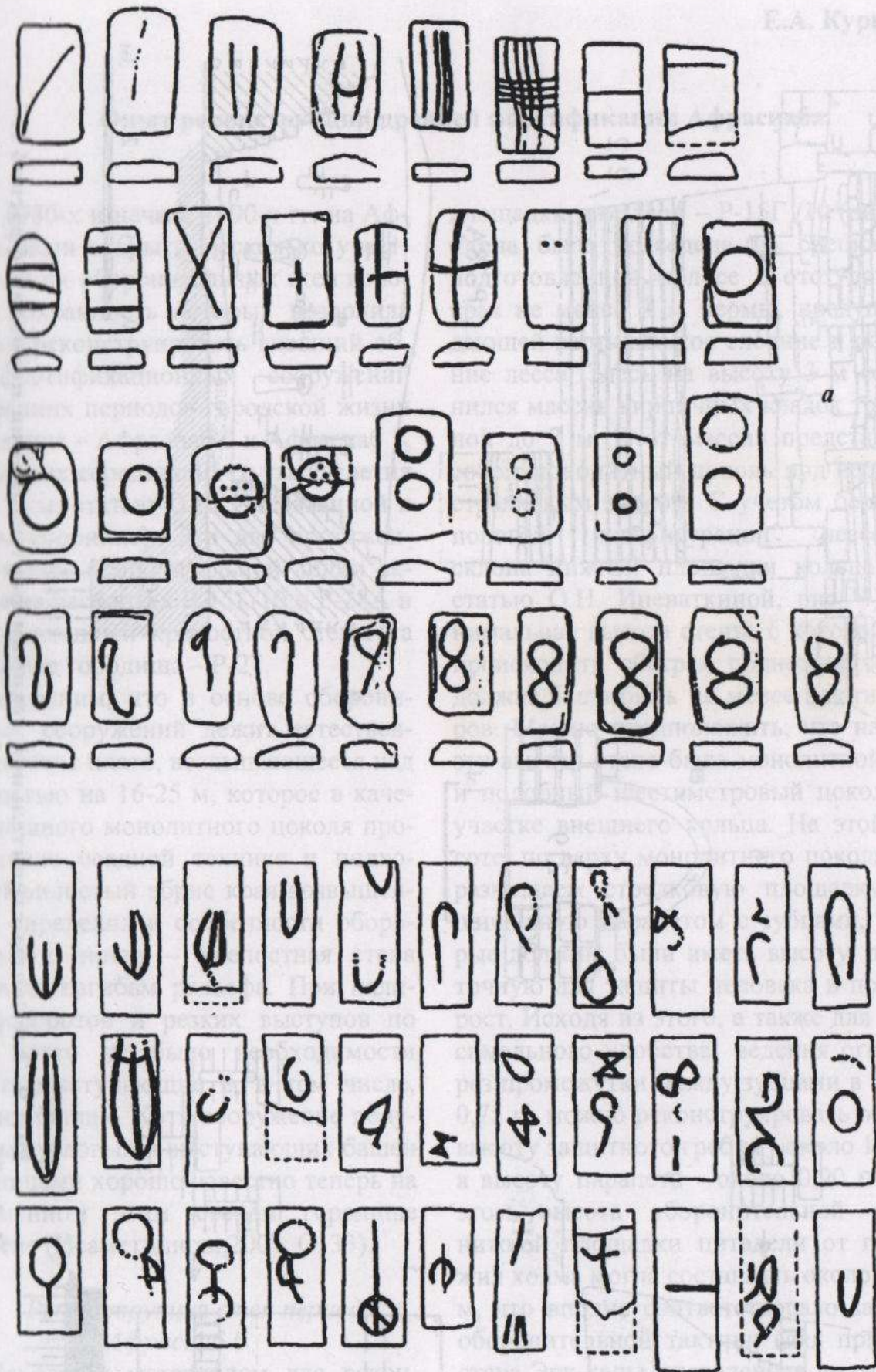

Рис. 8. Кирпичи со знаками.

а - периода Афрасиаб 0

б - периода Афрасиаб I

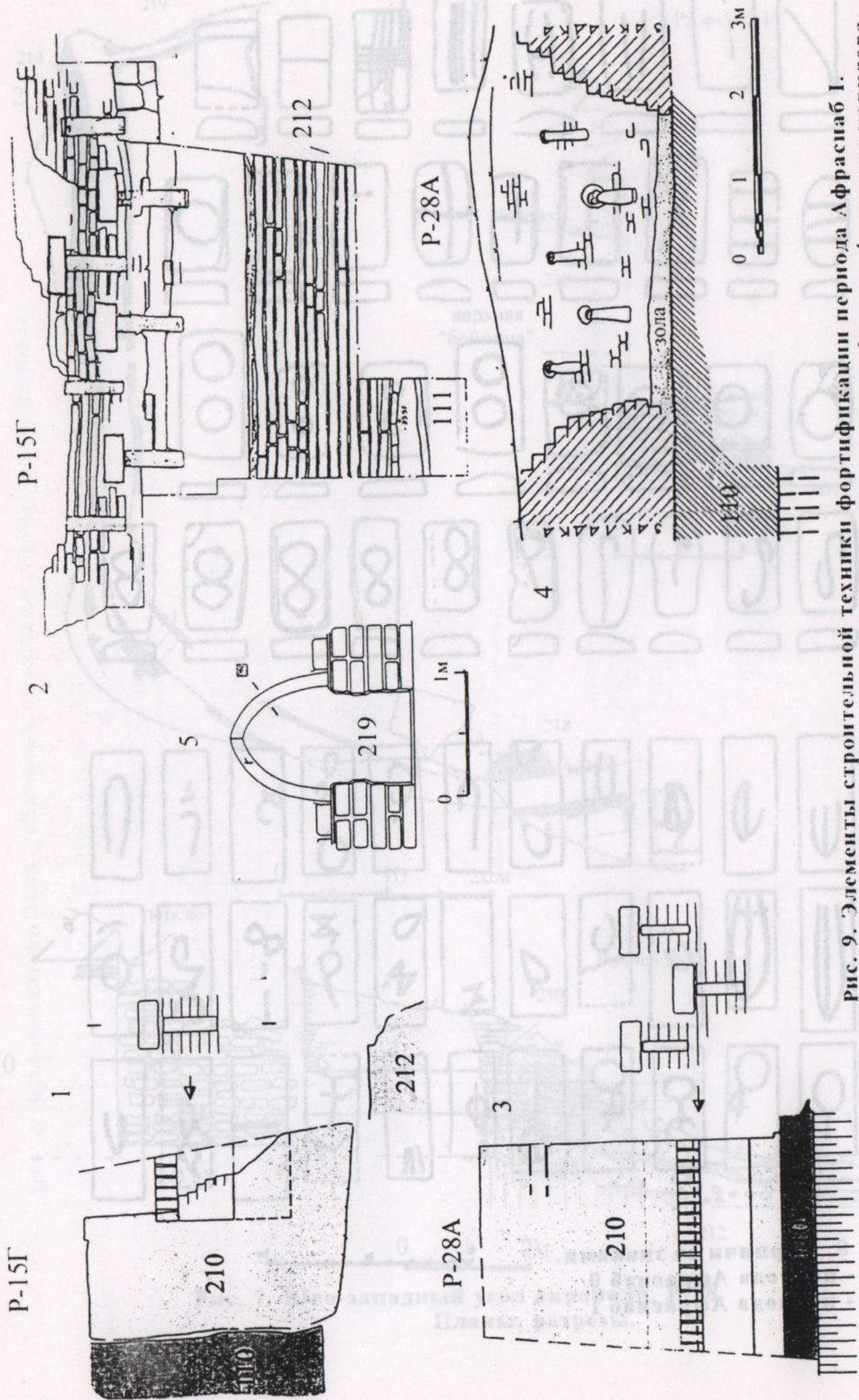

Рис. 9. Элементы строительной техники фортификации периода Афрасиаб I.
 1-4 - "бойницы" цокольного этажа, 2 - фрагмент внешнего фасада, 4 - вид из коридора,
 5 - арочное перекрытие внутреннего перехода на P-28А.

Опыт реконструкции древней фортификации Афрасиаба.*

В 1980-х и начале 1990-х гг. на Афрасиабе были открыты несколько участков древних оборонительных стен городища, сохранность которых позволила впервые реконструировать внешний облик фортификационных сооружений двух ранних периодов городской жизни Самарканда – Афрасиаб 0 и Афрасиаб 1, датируемых серединой I-го тысячелетия до н.э. (см. статью О.Н. Иневаткиной в данном сборнике). Это два протяженных отрезка оборонительной линии акрополя на раскопках Р-15Г/10 и Р-28А и участок внешней крепостной стены на юго-западе городища – Р-27.

Напомним, что в основе оборонительных сооружений лежит естественное лессовое плато, возвышающееся над местностью на 16-25 м, которое в качестве мощного монолитного цоколя противостояло осадной технике и подкопам. Извилистый абрис края возвышенности определил и особенности оборонительной линии – крепостная стена следовала изгибам рельефа. При наличии поворотов и резких выступов по краю плато не было необходимости строить выступающие и, в том числе, угловые башни. Хотя сооружение полукруглых угловых и выступающих башен с бойницами хорошо известно теперь на современном этим стенам городище Кок-тепе (Исаметдинов, 2001. С. 33).

Реконструкция стен периода Афрасиаб 0

Исходным материалом для реконструкции стен периода Афрасиаб 0 послужил участок на южном фасе нижней

площадки цитадели – Р-15Г /10 (рис. 1). Стена была возведена на специально подготовленной полосе с отступом от края не менее 3 м бермы, предупреждающей вертикальное слоение и осыпание лесса. Здесь на высоту 3 м сохранился массив кирпичных кладок толщиной до 7 м. Этот массив представляет собой монолитный цоколь под верхним стрелковым ярусом. С учетом бермы и пологой конфигурации лессового склона нижней площадки кольца (см. статью О.Н. Иневаткиной, рис. 4) минимальная высота стены, с которой мог происходить обстрел подножия холма, должна была быть не менее шести метров. Можно предположить, что на всю эту высоту стена была монолитной, как и подобный шестиметровый цоколь на участке внешнего кольца. На этой высоте, по верху монолитного цоколя, мы размещаем стрелковую площадку, защищенную парапетом с зубцами, которые должны были иметь высоту, достаточную для защиты человека в полный рост. Исходя из этого, а также для максимального удобства ведения огня через промежутки между зубцами в 0,25 – 0,75 м, можно реконструировать общую высоту защитного гребня - около 1,60 м, а высоту парапета - около 0,90 м. При этом высота оборонительной стены нижней площадки цитадели от подножия холма могла составлять около 18-20 м, что вполне соответствовало задачам оборонительной тактики (для примера: стена Эрк-калы, возведенная на равнинной местности, составляет 15,50 м, из

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 01-01-00203а за 2001 год.

них 10 м - пахсовое основание (Усманова, 1989. С. 32-33).

В связи с тем, что поверхность фасада была стесана при последующих перестройках, на исследованных участках не было обнаружено ни башен, ни ложных бойниц, ни следов членения фасадов, ни каких-либо остатков декоративного оформления - зубцов, декоративных кирпичей и т.д. Все это составляет определенную трудность для воссоздания внешнего облика древнейших стен.

На реконструкции (рис. 1б) представлен вариант возможного оформления фасада стены из плоско-выпуклого кирпича. Реконструируя внешний облик стен, мы исходили из синхронных, но отдаленных территориально ассирийских и мидийских памятников Древнего Востока VIII-VI вв. до н.э. Право на это дает сходство древнейшего строительного материала - плоско-выпуклый формат афрасиабского и древневосточного кирпича, а также присутствие в системе афрасиабских укреплений «мидийской арки». В архитектуре Древнего Востока фасады стен не делились горизонтальными членениями, в результате чего не выявлялась их ярусность; цокольная и стрелковая части обычно украшались вертикальными желобками или членились башнеобразными выступами. Гребень стены оформлялся зубчатым парапетом из обожженного кирпича, в том числе глазурованного (Всеобщая история архитектуры, 1944. С. 135).

О внешнем виде ассирийских городских укреплений дают представления рельефы с изображением военных сцен. Например, на рельефе из Ниневии изображен лагерь, на заднем плане которого видна стена с башнями (Всеобщая история архитектуры, 1944. С. 129). Укрепления мидийских крепостей на рельефах из Хосрабада и Нимруда (Briant, 1992. P. 14) и на рельефе из Дурр-Шаррукана с изображением крепости Хархар (Всеобщая история архи-

тектуры, 1970. С. 291) состояли из нескольких поясов стен с расположенными через равные промежутки высокими прямоугольными выступами-башнями. Стены и башни завершались зубцами, а их плоскости прорезались расположенными в шахматном порядке рядами бойниц (Всеобщая история архитектуры, 1970. С. 291).

Реконструкция стен периода Афрасиаб I

В V-IV вв. до н.э. происходит изменение внешнего облика крепостных стен. На смену монолитному цоколю приходит система цокольных коридоров и стрелковых галерей; в оформлении фасада уже присутствует членение по горизонтали. В архитектурных конструкциях, таких, как перекрытия галерейных переходов и выходов, используются лекальные кирпичи.

Более полную информацию для реконструкции стен этого периода дает участок на юго-западном углу акрополя (P-28A), где сохранился цокольный этаж с внутренним коридором, служивший, по определению исследователей, складом продовольствия.

Новая стена на этом участке построена на остатках первого укрепления и повторяет его конфигурацию, и, судя по относительно хорошей сохранности, она не имела башен (см. статью О.Н. Иневаткиной, рис. 7). Общая толщина крепостной стены варьирует от 7,50 до 8,30 м, высота некоторых сохранившихся участков - 3,50 м. Внутренний коридор цокольного этажа имеет ширину 2,60 - 2,70 м и высоту 2,70 м. Перекрытие было плоским и восстанавливается по горизонтальным отверстиям во внешней стене от балок диаметром 0,20 м и шагом 0,85 м. Во внешней стене коридора устроены вертикальные щели, расположенные на сохранившемся участке в шахматном порядке. Щели перекрыты поставленными на длинное ребро

кирпичами. Подобный прием известен на памятнике Кутлуг-тепе (середина I тыс. до н.э.) в перекрытиях щелей между пахсовыми блоками внешней стены галереи, где отверстия шириной 0,20-0,25 м располагались в обеих стенах напротив друг друга, и, возможно, являлись световыми и вентиляционными (Сарианиди, 1977. С. 117). Для более позднего периода известны прямоугольные стрелковые бойницы, перекрытые кирпичом в крепостных стенах I-го периода городища Топрак-кала (Городище Топрак-кала, 1981. С. 66. Рис. 36а). Г.В. Шишкина считает, что это вентиляционные и световые продухи, поскольку они имеют горизонтальное ложе и при высоте 58-63 см и ширине 13-15 см через них довольно сложно осуществлять обстрел. К тому же нижний ряд расположен фактически над полом. Такие щели-продухи извне вполне могли имитировать бойницы (Р-15Г/10). На северном и юго-восточном отрезках стены из коридора два выхода ведут внутрь города, в сторону низины I. Оба перекрыты специально изготовленными лекальными кирпичами размером 90x10 см. Арочные перекрытия из лекальных кирпичей известны в архитектуре на территории Ирана в VIII-VI вв. до н.э.: это помещения в храме Нуш-и-Джан, Дахан-и-Гуляман, и более поздние парфянского времени - в Шахри-Кумыз (Besenval, 1984. Pl. 67, 68, 175 b, 176 b, 177 a).

Реконструировать надцокольный стрелковый этаж позволяет один из участков, где внешняя стена сохранилась выше балочного перекрытия на 70 см (см. статью О.Н. Иневаткиной, рис. 7, разрез 1-1). Обожженность ее внутренней вертикальной поверхности, как и цокольного коридора, дает нам основание восстановить надцокольный этаж со стрелковой галереей. Можно предположить, что высота второго яруса не превышала высоту цокольного этажа, т.е. около 2,60 м (без толщины перекрытия).

По балкам перекрытия первого яруса, видимо, укладывался деревянный настил. Этажи галерей, вероятнее всего, сообщались между собой через люки и посредством приставных лестниц. Верхняя открытая площадка для стрелков должна была иметь защитные зубцы в рост человека, т.е. высоту не менее 1,60 м. Таким образом, общая высота стены от уровня материка, включая высоту зубцов парапета, составила около 6,60 м по фасаду. Оборона всей линии стен осуществлялась из галереи второго этажа и с открытой площадки, а бойницы должны были быть приспособлены как для ведения навесного огня, так и для прицельного обстрела.

Угол наклона ложа бойниц в данном случае должен был составлять 45°. Толщина наружной стены в 2,40 м предполагает высоту выходного отверстия бойницы до 2,50 м, что практически совпадает с уровнем перекрытия «бойниц» верхнего ряда цокольного этажа. Однако сохранность лицевой стенки внешнего фасада не позволяет реконструировать столь длинное ложе бойницы. Логично предположить уменьшение толщины наружной стены стрелковой галереи за счет сооружения в ее теле специальных стрелковых ниш в месте расположения бойниц. Это дает возможность уменьшить высоту выходного отверстия бойницы, используя определенный угол наклона ее ложа, и тем самым увеличить как угол, так и сектор обстрела (Воронина, 1964. С. 43). При реконструировании афрасиабской стены мы полагаем возможным наличие в стрелковой галерее таких ниш глубиной до 1,10 м и шириной около 1 м. Этот прием известен на памятниках более позднего времени в Хазараспе (Воробьева и др., 1963. С. 190. Рис. 17; С. 195. Рис. 18) и в парфянской крепости Чильбурдж (Пугаченкова, 1958. С. 52-53).

Исходя из сказанного, высота выходного отверстия бойницы стрелковой галереи первого надцокольного этажа

должна быть не менее 1,70 м. В этом случае зона действия навесного огня увеличивается и подошва стены оказывается под обстрелом. Высоту входного отверстия бойницы в нашем случае целесообразно выбрать примерно в 0,60 м (для сравнения - бойницы оборонительных сооружений упомянутых крепостей имели выходное отверстие в высоту до 2 м, входное 0,35-50 см (Воронина, 1964. С. 43), а самое большое выходное отверстие отмечено в городских стенах Топрак-калы до 3,55 м (Городище Топрак-кала, 1981. С. 61. Рис. 33). Более широкий сектор обстрела дает открытая площадка. Для ведения навесного огня по подножию необходимо наличие между зубцами открытой наклонной бойницы. Ее высота зависит от угла наклона ложа бойницы. В данном случае мы предлагаем два варианта оформления зубцов с разной шириной открытой бойницы (рис. 2а): в первом случае она аналогична ширине бойницы нижних галерей, а во втором - более широкая, что кажется нам более предпочтительным, т.к. за счет этого увеличивается маневренность и возможности стрелка. Для большей практичности и соблюдения ритма в оформлении фасада логично расположить бойницы первого надцокольного этажа и парапета в шахматном порядке, повторяя расположение «бойниц» на фасаде первого яруса. Мы предполагаем прямоугольные завершения зубцов открытой площадки, которые в сочетании с открытой бойницей создавали декоративное завершение плоского фасада стен.

На южном фасаде нижней площадки цитадели реконструкция стены этого периода базируется также на основании

разреза Р-15Г. Новая стена примыкает с внешнего фасада к разрушенной и подтесанной стене периода Афрасиаб 0. Толщина приставной части около 2,60 м, а всей стены - 8,60 м, сохранившаяся высота - 3,50 м (рис. 3а). Таким образом, на этом участке, как и в предыдущий период, использовали монолитный цоколь. Подножие новой стены и лессовый склон бермы были укреплены кладкой из 14 рядов плоских прямоугольных кирпичей. На внешнем фасаде на высоте 0,75-0,80 м от подножия находятся два ряда ложных бойниц, расположенных в шахматном порядке. Расстояние между бойницами в каждом ряду 1,60-1,70 м, ширина 17-21 см, высота 74-80 см. Верхней бойницы располагался на одном уровне с нижним краем верхней бойницы (рис. 3б). Внешняя поверхность стены имеет наклон 7-9°. На вскрытом участке фасад на протяжении 11 метров не имел никакого оформления (рис. 3б).

Вероятно, оборонительная стена на нижней площадке цитадели, являющаяся одновременно и южным фасом акрополя, внешне выглядела так же, как и стена на западном отрезке акрополя (Р-28А): два яруса бойниц, имитирующие цокольный этаж, стрелковая галерея и открытая площадка для ведения навесного и прицельного обстрела. Нельзя исключить на других отрезках этой стены нижней площадки цитадели существование каких-либо отсеков с коридорами помимо монолитного цоколя.

На рисунке 4 представлена реконструкция общего вида крепостной стены V-IV вв. до н. э., прослеженной на юго-восточном участке акрополя (Р-15Г/10).

Библиография

- Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М., 1944.
 Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М., 1970.
 Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразник Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // МХЭ. 1963. Вып.64.
 Воронина В.Л. Из истории среднеазиатской фортификации // СА. 1964. № 2.

Городище Топрак-кала (раскопки 1965-1975 гг.) // Труды ХАЭЭ. 1981. Т. XII.
 Исмаилов М.Х., Рапен К., Гречко Ф. Раскопки на городище Куктепа // Археологические исследования в Узбекистане за 2000 г. Самарканд, 2001.
 Пузаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЕ. 1958. Т. VI.
 Саррианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
 Усманова З.И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Труды ЮТАКЕ. 1989. Т. XIX.
 Vignault R. Technologie de la voute dans l'Orient ancien. T.1, text. T.2, planches. Paris, 1984.
 Huxton P. Darius les Perses et l'Empire. Gallimard, 1992.
 Type Nush-i-Jan // Iran, journal of the British Institute of Persian Studies. 1978. № XVI.

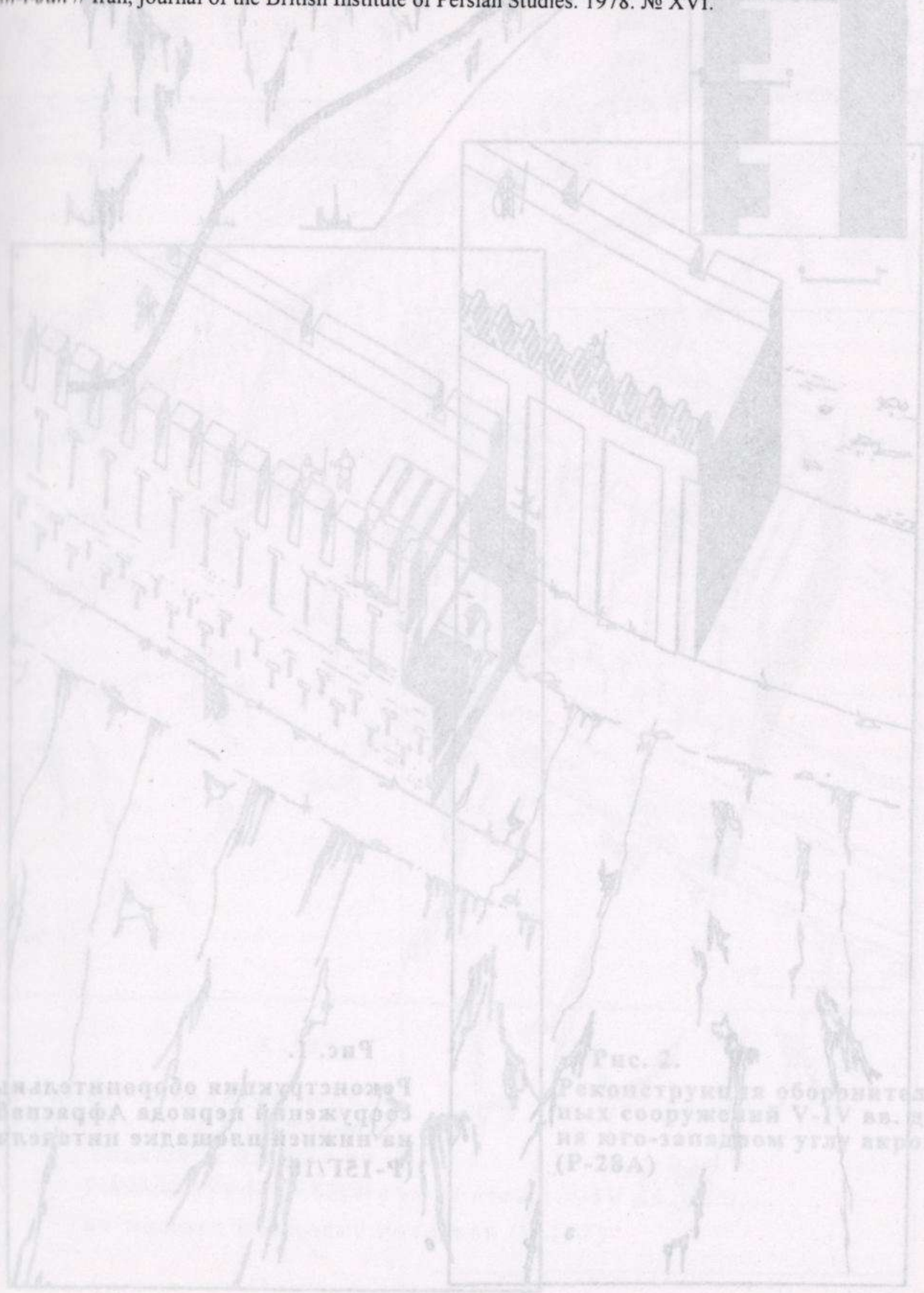

Рис. 1.
 Реконструкция оборонительных сооружений периода Афганского средневековья (P-157A)

Рис. 2.
 Реконструкция оборонительных сооружений V-IV вв. до н.э. на юго-западном углу акрополя (P-28A)

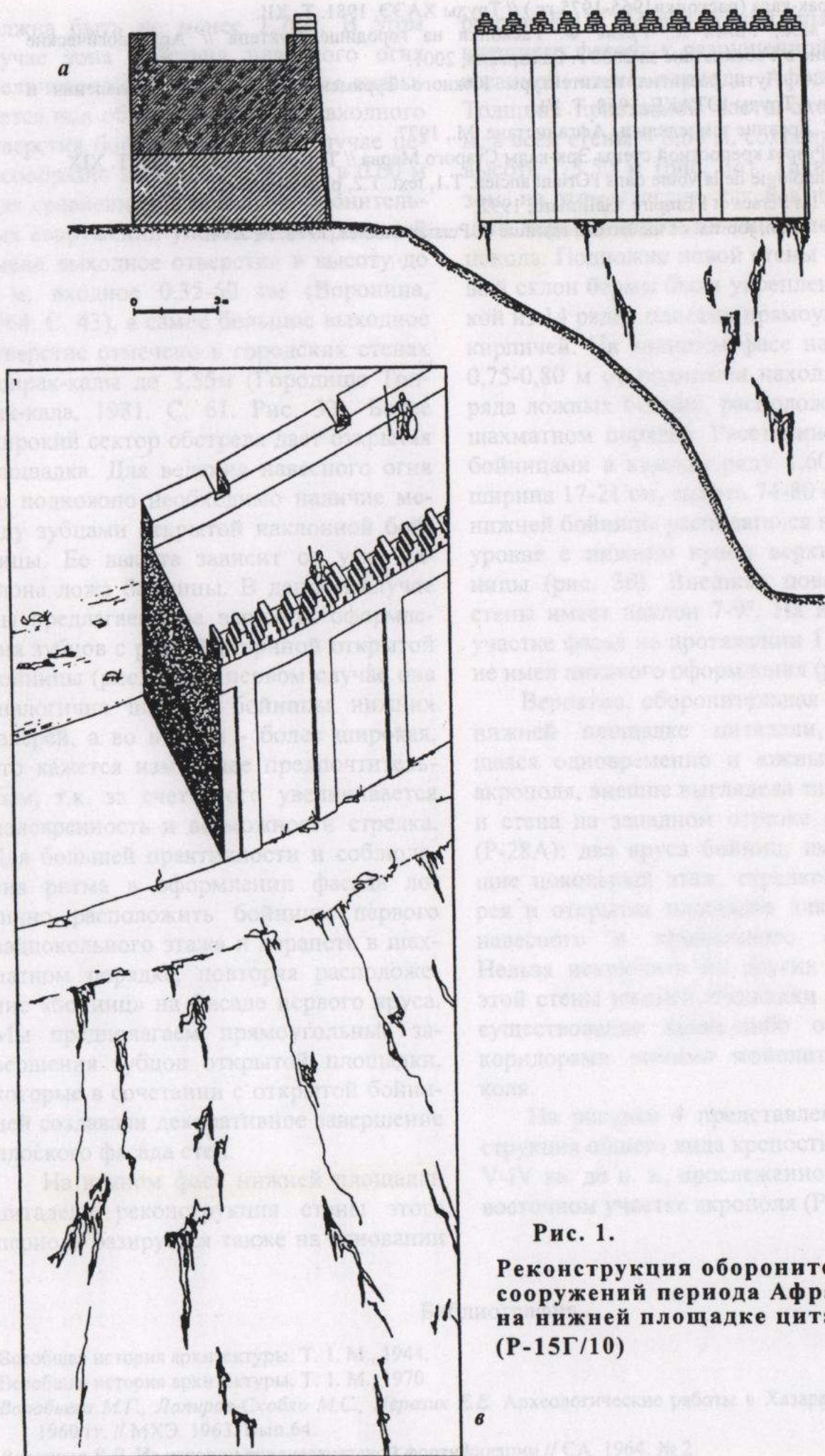

Рис. 1.
Реконструкция оборонительных сооружений периода Афрасиаб 0 на нижней площадке цитадели (P-15Г/10)

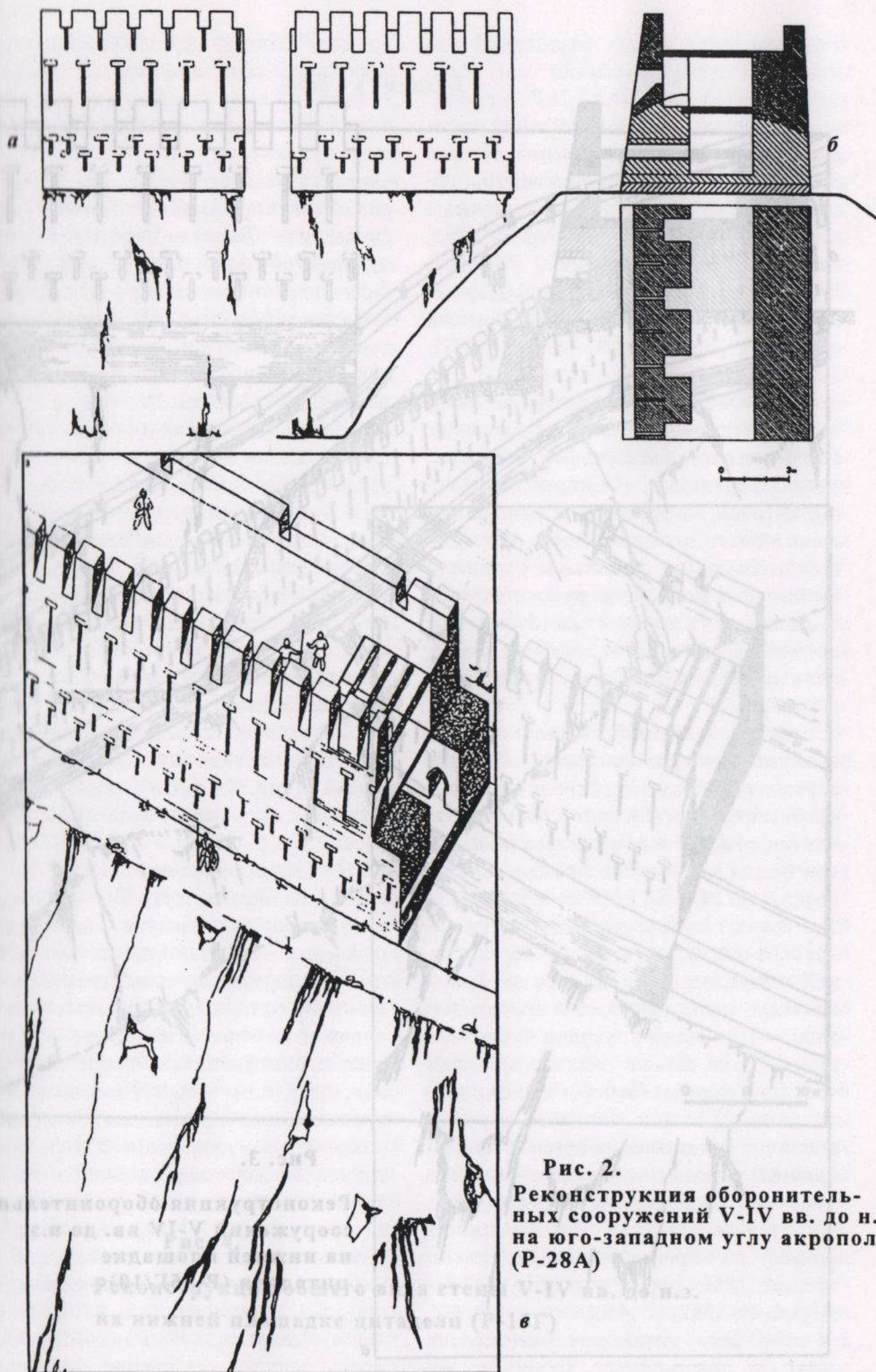

Рис. 2.
Реконструкция оборонительных сооружений V-IV вв. до н.э. на юго-западном углу акрополя (P-28A)

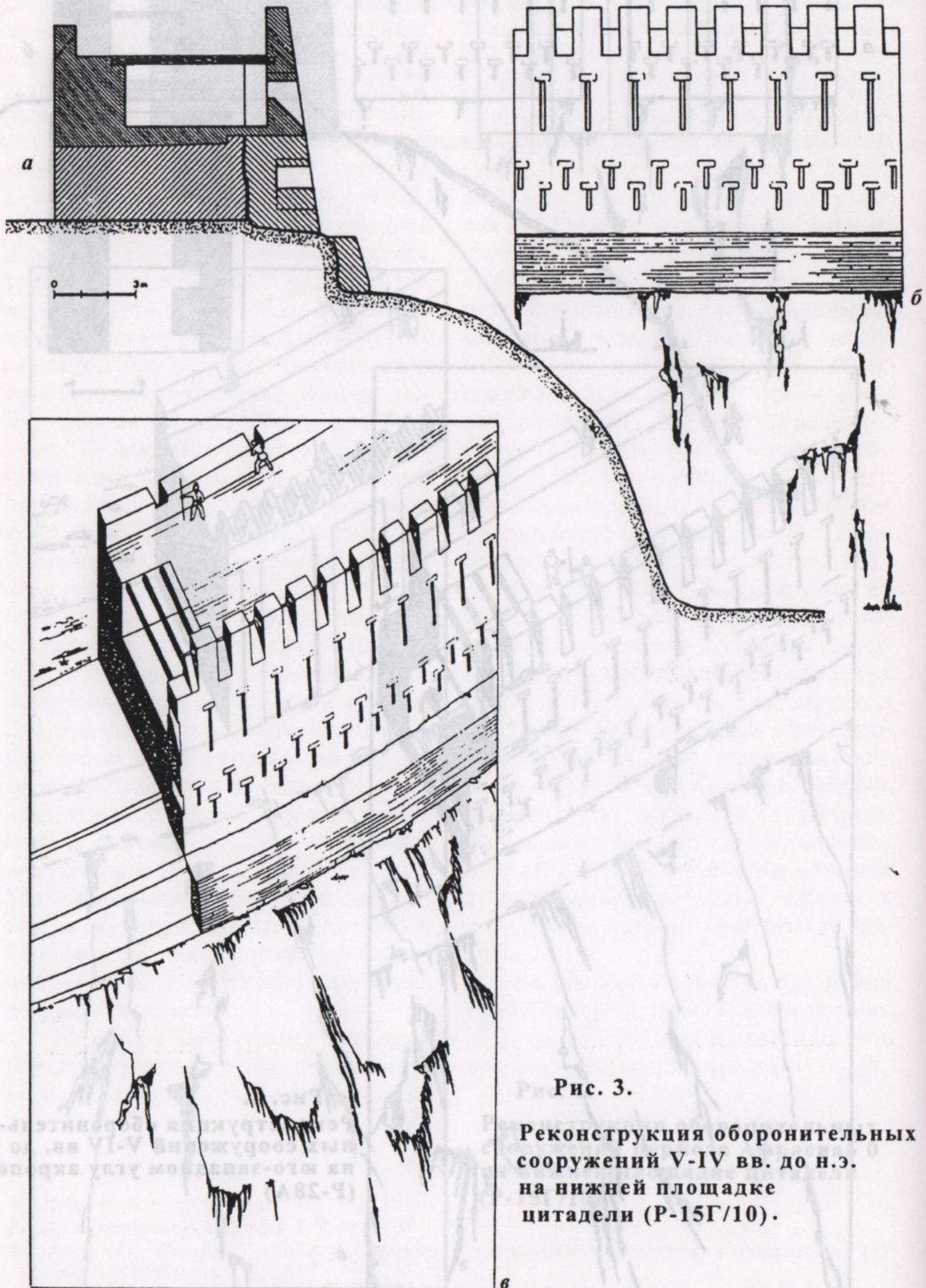

Рис. 3.

Реконструкция оборонительных сооружений V-IV вв. до н.э. на нижней площадке цитадели (P-15Г/10).

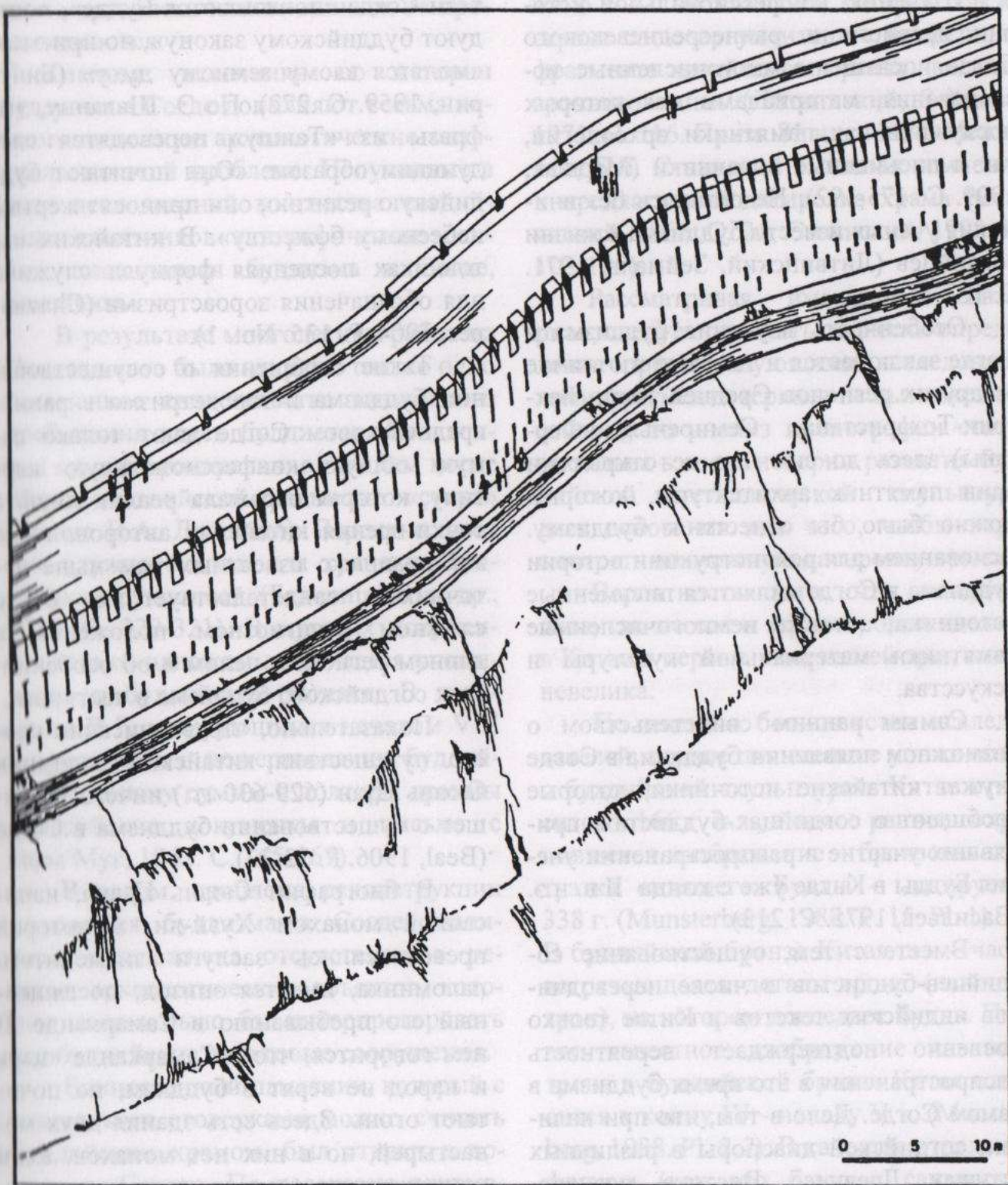

Рис. 4.

Реконструкция общего вида стены V-IV вв. до н.э.
на нижней площадке цитадели (P-15Г)

Буддизм в Согде

Изучению конфессиональной истории древнего и раннесредневекового Согда посвящены многочисленные исследования, материалами для которых послужили как памятники археологии, так и письменные источники (Маршак, 1999. С. 175-192). Не осталось без внимания ученых и место буддизма в жизни согдийцев (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 123-124).

Особенность изучения буддизма в Согде заключается в том, что в отличие от других регионов Средней Азии (Бактрии-Тохаристана, Семиречья, Ферганы) здесь до сих пор не открыт ни один памятник архитектуры, который можно было бы отнести к буддизму. Основанием для реконструкции истории буддизма в Согде являются письменные источники, а также немногочисленные памятники материальной культуры и искусства.

Самым ранним свидетельством о возможном появлении буддизма в Согде служат китайские источники, которые сообщают о согдийцах-буддистах, принявших участие в распространении учения Будды в Китае уже с конца II в. н.э. (Васильев, 1975. С. 213).

Вместе с тем, существование согдийцев-буддистов в числе переводчиков индийских текстов в Китае только косвенно подтверждает вероятность распространения в это время буддизма в самом Согде. Дело в том, что при наличии согдийской диаспоры в различных уголках Древнего Востока познакомиться с буддизмом и принять его согдийцы могли и за пределами Согда. Так, один из первых переводчиков-буддистов Кан Сэн-хуэй «был согдийцем только по происхождению. Но его предки давно переселились в Индию» (Чунихин, 1992. С. 110).

Согласно китайским раннесредневековым династийным хроникам, жи-

тели Согда «поклоняются Будде», «следуют буддийскому закону», но при этом «молятся злomu земному духу» (Бичурин, 1959. С. 272). По Э. Шаванну, эти фразы из «Таншу» переводятся следующим образом: «Они почитают буддийскую религию; они приносят жертвы небесному божеству». В китайских источниках последняя формула служила для обозначения зороастризма (Chavannes, 1904. P. 135. Not. 1).

Такие сообщения о сосуществовании буддизма и зороастризма в раннесредневековом Согде дают только самую общую конфессиональную картину, которая отражала реалии лишь с точки зрения китайских авторов, тогда как комплекс известных нам ныне источников свидетельствует о более сложном религиозном положении в данном регионе в целом и об особенностях согдийского буддизма в частности.

Показательно, что в описании своего путешествия китайский паломник Сюань Цзан (629-630 гг.) ничего не пишет о существовании буддизма в Согде (Beal, 1906. P. 32-33).

В биографии Сюань Цзана, написанной монахом Хуэй-ли, в которой превозносились заслуги знаменитого паломника, имеется эпизод, посвященный его пребыванию в Самарканде. В нем говорится, что в Самарканде «царь и народ не верят в буддизм, но почитают огонь. Здесь есть здания двух монастырей, но в них нет монахов. Если приезжающие монахи пытались останавливаться в них, местные жители выгоняли их горящими головнями». Согласно преданию, после успешной проповеди правитель Самарканда разрешил Сюань Цзану посвятить некоторое количество согдийцев в буддизм для проживания в монастырях (The life of Hsuan-Tsang..., 1959. P. 46-47). Реальность данного сообщения большинст-

вом исследователей ставится под сомнение. По крайней мере, заявленные успехи в дальнейшем ни в источниках, ни по археологическим данным не прослеживаются.

Письменные источники по истории буддизма в Согде дополняют весьма немногочисленные археологические материалы по этой проблеме. Полученные в ходе исследований множества согдийских памятников эпиграфические данные, касающиеся буддизма в Согде, единичны.

В результате многолетних работ на Пенджикенте было открыто только одно письменное свидетельство возможного пребывания здесь буддистов. Это венчик хума с процарапанной на нем после обжига согдийской надписью «сутра» (чтение В.А. Лившица). Вероятно, этот хум служил местом для хранения буддийских рукописей (Беленицкий и др., 1986. С. 320-321). В мугских документах только однажды встречается упоминание о буддийском монахе. В документе В-7, датирующимся началом VIII в., речь идет о пожертвовании буддийскому монаху суммы в полторы драхмы (Согдийские документы и письма с горы Муг, 1962. С. 165-167).

В целом, проблема реконструкции положения буддизма в Согде значительно осложнена отсутствием в регионе археологических объектов, которые можно было бы интерпретировать как буддийские культовые сооружения.

Единственный памятник, который с известными оговорками можно считать буддийским храмом, был открыт в долине р. Санзар. По рассказам открывших его людей, сооружение украшала многочисленная бронзовая скульптура. Однако от нее до нас дошел только фрагмент бронзовой статуэтки льва. Оттуда же происходит и фрагмент китайского бронзового зеркала. На основании рассказов и сохранившегося материала Л.И. Альбаум интерпретировал объект

как буддийский храм и датировал его I-II в. н.э. (Альбаум, 1955. С. 57-60). Мнение Л.И. Альбаума было поддержано Б.А. Литвинским, который также строит свою аргументацию на наличии фрагмента китайского зеркала «восьмиарочного типа» (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 116. Прим. 81 на с. 153). Между тем, Б.Я. Ставиский высказал сомнение в предлагаемой датировке храма (Ставиский, 1965. С. 26; Ставиский, 1998. С. 103-105).

Рассматривая имеющийся материал, следует признать, что если определение предшествующими исследователями фрагмента зеркала не вызывает сомнений, то анализ иконографии статуэтки льва в свете истории развития буддийской металлической скульптуры дает основания для того, чтобы пересмотреть возможную датировку храма.

Вероятность того, что статуэтка льва, так же как и зеркало, была сделана в Китае в первые века нашей эры, очень невелика.

По мнению большинства исследователей, первое письменное упоминание о буддийской скульптуре в Китае относится к 166 г. н.э., а самое раннее сохранившееся изображение – бронзовая статуэтка сидящего Будды – датируется 338 г. (Munsterberg, 1988. P. 15, Pl. 1). В буддийской бронзе Китая лев – часто встречающаяся деталь трона (львиный трон), на котором восседает Будда. Первое известное изображение львиного трона в буддийской бронзе Китая относится к концу IV - началу V в. (Munsterberg, 1988. Pl. 2,2). В качестве отдельной фигуры (как это было с санзарским львом) львы появляются на бронзовых алтарях во время правления династии Северная Вэй. Сохранились два датированных алтаря с фигурками такого типа, относящиеся к 518 и 524 гг. (Deydier, 1980. P. 148-149, Pl. 122, 118). Львы остаются у трона на буддийских бронзовых алтарях и позднее – в Суйское и в

Танское время (Watson, 1979. III. 393, 394). Соответственно, если допустить, что фигурка льва была частью скульптуры (деталь львиного трона), сделанной в Китае, то тогда санзарский храм должен был бы датироваться не Ханьским, а более поздним временем.

Вместе с тем в иконографии санзарского льва имеются элементы, не отмеченные предшествующими исследователями, которые ставят под сомнение возможность его китайского происхождения. В частности, вихревая розетка на плече хищника. По мнению Дж. Баутца, она является характерным элементом «иранской» иконографии львов. В русле общего иранского влияния вихревая розетка перешла в иконографию львов буддийского искусства кушан; она встречается на плечах львов, которые служили как основанием тронов, так и навершием на колоннах-стамбах (Bautze, 1991/92. P. 217-230, Fig. 2-4; Rosenfield, 1967. Fig. 107). В качестве декоративного элемента в изображении львов вихревая розетка сохранилась в буддийской бронзе Северной Индии вплоть до конца X в. н.э.

Учитывая небольшие размеры статуэтки, очень вероятно, что санзарский лев был деталью буддийской вотивной бронзовой ступы – навершием на одной из колонн (стамбх), расположенных на платформе вокруг цилиндрического тулова ступы. Известно несколько примеров вотивных металлических ступ в Гандхаре II-III вв. (Srinivasan, 1997. Pl. 12,1) и III-IV вв. (The Crucible of Compassion and Wisdom, 1987. Pl. 5).

Бронзовая фигурка льва, сопоставимая с санзарским львом, была найдена Ю.П. Маныловым во время раскопок на памятнике Кара-тепе в Нарпайском районе Самаркандского Согда. По нумизматическим данным, памятник датируется VI в. Предварительная публикация материалов раскопок была выполнена Ю.П. Маныловым (Манылов, 1987. С. 45-56).

Таким образом, фигурку санзарского льва можно датировать в широком интервале III-VI вв. и предположить, что местом ее изготовления была Северная Индия.

Помимо санзарского льва, в Согде известна еще одна бронзовая буддийская статуэтка. Это фигурка бодхисаттвы, которая была найдена на цитадели Афрасиаба в переотложенном слое. Статуэтка представляет собой часть буддийского бронзового алтаря китайского производства, датируемого временем династии Северная Вэй (Карев, 1998. С. 113). У нас нет данных относительно времени ее появления в Согде. В то же время, судя по одной надписи из Гилгита, между 444 и 453 гг. владение Маймург в Самаркандском Согде посетило посольство династии Северная Вэй (Ma Yong, 1989. P. 148). Таким образом, не исключена возможность попадания буддийских реликвий из Китая в Согд уже в вэйское время.

Среди многочисленных памятников живописи Согда изображение Будды было открыто лишь единожды. В Пенджикенте, в одном из помещений объекта XXV, датирующегося первой четвертью VIII в., над аркой двери была помещена небольшая фигура Будды с жестом абхайя-мудра. Анализ изображения показывает, что художник, выполнявший роспись, не очень хорошо был знаком с буддийской иконографией: вместо правой руки, принятой для передачи данной мудры, он изобразил левую. Кроме того, в композиционной иерархии изображение Будды занимает довольно скромное место, а его фигура не отличается значительной величиной, что говорит о невысокой роли буддизма в представлениях хозяина дома (Беленицкий и др., 1994. С. 123. Рис. 9).

Несколько шире проблема истории буддизма в Согде представлена материалами коропластики. Наибольший интерес представляет штамп для изготовления терракот с изображением

Будды, случайно найденный в Пенджикенте. Сравнивая глину, из которой был сделан штамп, с пенджикентской керамикой, авторы датируют его V – началом VI в. Согласно ранее высказанному предположению, Б.И. Маршак считает, что в Пенджикенте VI в. является рубежным в производстве штампованной терракоты. В VII-VIII вв. штампованные терракотовые образки исчезают и им на смену приходят рисованные иконки (Маршак, 1987. С. 238-239). В то же время, не исключена возможность того, что штамп мог быть сделан и позднее где-нибудь в другом месте (не только городе, но и регионе) и привезен в Пенджикент.

Анализ иконографии изображения на штампе выявил отдельные черты, которые не соответствуют традиционной буддийской иконографии. Вместе с тем исследователи штампа пока воздерживаются от выводов и предположений (Marshak, Rasporova, 1997/98. P. 207-305). Показательно, что, несмотря на то, что мы имеем дело с матрицей, которая реально могла быть задействована в производстве терракоты, среди пенджикентских терракот ни ее производные, ни другие буддийские персонажи пока неизвестны.

Несколько терракотовых плакеток с буддийской тематикой недавно были открыты в Южном Согде. Одна из них была найдена на небольшом раннесредневековом замке Куль-тепе, который датируется V-VI вв. На плакетке изображен Будда в падмасане с жестом дхаянамудра. В нижней части плакетки (перед Буддой) находятся два коленопреклоненных персонажа, один из которых в руках держит кувшин. Опубликовавшая плакетку Н.Д. Двуреченская считает, что перед Буддой восседают три персонажа (Двуреченская, 2000. С. 126. Рис. 1). Судя по головному убору Будды – высокая корона с тремя выступами, плакетка выполнена с раннесредневеко-

вого северо-индийского (кашмирского) образца. Изображение на плакетке редуцировано, что указывает на удаленность от прототипа. Таким образом, более предпочтительной датой является VI – VII вв.

Другим примером буддийской корoplastики в этом регионе считается плакетка с Сарыктепе, датированная авторами раскопок второй четвертью VII в. На плакетке сильно редуцированное изображение персонажа, в облике которого С.Б. Лунина видит характерные черты иконографии Будды (ушниша, длинные уши), стоящего с жестом абхайя-мудра (Лунина, 1990. С. 48-50. Рис. 5). Вместо ног у персонажа птичьи лапы, что, по мнению Н.Д. Двуреченской, могло быть изображением ступней в сандалиях, которые были не поняты местным ремесленником (Двуреченская, 2000. С. 128-129). В.Д. Чунихин считает, что эта черта свидетельствует о принадлежности плакетки скорее к индуистской иконографии, чем к собственно буддийской (Чунихин, 1992. С. 194-195).

Однако, как показывают недавние находки китайских археологов, птичьи лапы нередко встречаются у персонажей на рельефах в погребальных сооружениях VI в. (Wen wu, 2001. P. 9).

В свое время среди многочисленных согдийских терракот в коллекции Самаркандского музея (найденных в основном на городище Афрасиаб) В.Л. Мешкерис выделила группу, в которой отметила черты буддийской иконографии и интерпретировала эти статуэтки как персонажи греко-буддийского типа. Аналогии этой группе она усмотрела в искусстве Хадды и предложила ей достаточно широкую датировку: V-VIII вв. (Мешкерис, 1989. С. 58-59, 180-183. Рис. 83-85).

У нас нет возможности применить к данной группе принцип анализа штампованной терракоты, так как это требует

работы непосредственно с материалом. Однако для понимания характера этих терракот следует остановиться на фрагменте лица бодхисаттвы (?) (Мешкерис 1962. Рис. 8,4. С. 83), который является ключевым при изучении данной группы. Фрагмент выполнен в односторонней матрице, имеющей очень хорошую моделировку, что указывает на непосредственную близость к прототипу. В отличие от В.А. Мешкерис, которая относит эту терракоту к Хадде, мне представляется, что наиболее близкой аналогией ей служит скульптура из Хотана IV-VII вв. (Дьяконова, Сорокин, 1960. Табл. 39, №№ 1698, 1701, 1703, 1704).

Судя по ряду сохранившихся терракот, штампованная личина, выполненная этой матрицей и ее производными, широко использовалась в качестве головы для статуэток с лепными туловищами. Вместе с тем, общий характер терракот с этой личиной показывает, что они не воспринимались как буддийские персонажи.

Следует отметить, что хотанская терракота была известна в Согде. Фрагмент хотанской терракотовой статуэтки (голова куклы?) был найден в Пенджикенте (Древности Таджикистана, 1985. С. 201). Кроме того, как показало более подробное знакомство с литературой, проанализированный мной фрагмент терракотовой статуэтки из Тали-Барзу (Самаркандский музей № А-180-1376) (Мкртычев, 1990. С. 67-68) также происходит из Хотана (Дьяконова, Сорокин, 1960. Табл. 20, № 773).

Вышеприведенные материалы дают основание говорить о возможном появлении буддизма в Согде уже с III в. н.э. (фрагмент санзарской фигурки льва). Скорее всего, он проник в Согд с юга из Бактрии, где в кушанское время буддийское учение переживало период расцвета.

Однако в раннем средневековье согдийцы настороженно относились к идеологии своих южных соседей из То-

харистана, где, как свидетельствуют письменные и археологические источники, буддизм продолжал процветать. Косвенно такое отношение зафиксировано в надписи в живописи Афрасиаба, где приведены слова чаганианского да-пирпата, обращенные к правителю Согда: «И ты, (о царь), вовсе не имей подозрений относительно меня - о самаркандских богах, а также о самаркандской письменности я хорошо осведомлен». По мнению В.А. Лившица, данная фраза значит - «я не буду пытаться внедрять в Самарканде чаганианскую веру», под которой наиболее вероятно подразумевался буддизм (Альбаум, 1975. С. 55. Прим. 155).

В тоже время в искусстве ранне-средневекового Согда отмечается значительный вклад индийской - прежде всего индуистской, а не буддийской - иконографии (Маршак, 1981. С. 107-109).

В настоящее время установлено, что основная связь Согда с Индией осуществлялась не через Тохаристан, а через горные перевалы Каракорума. Согласно гипотезе К. Йеттмара, этот путь был кратчайшим, хотя и не самым легким путем из Согда в Индию (Jettmar, 1992. P. XLIII-XLVI).

На этом маршруте местность Шаттал была крайним пунктом назначения, куда приезжали согдийские купцы для встречи со своими индийскими партнерами. Для понимания положения буддизма в Согде показательным, что среди большого количества имен согдийцев, побывавших здесь, зафиксировано лишь одно имя, свидетельствующее о принадлежности его владельца к буддизму - «слуга Будды». По мнению Н. Симс-Вильямса, несмотря на согдийское написание имени, оно является калькой индийского имени «Buddhadasa», а, соответственно, упомянутый человек скорее был индийцем, чем согдийцем (Симс-Вильямс, 1995. С. 61-67). Вместе с тем, в округе имеется множество раз-

личных граффити буддийской тематики, авторство которых в большинстве случаев принадлежит индийцам. Исключением может быть граффити VII в., сделанное в Салпан-Зиарате, на котором изображен донатор в согдийском костюме, преклонивший колени перед ступой. У него индийское имя, написанное на санскрите, но К. Йеттмар считает, что данный рисунок был сделан не индийцем, а согдийцем (Jettmar, 1992. III. 31).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют реконструировать существование в Согде большой буддийской общины на протяжении всего времени распространения буддизма в регионе.

Однако, несмотря на это, ряд исследователей считает, что согдийская колонизация, осуществлявшаяся вдоль торговых трасс Великого Шелкового Пути уже с рубежа III-IV в., являлась механизмом распространения буддизма в Центральной Азии, в частности, в Семиречье и Восточном Туркестане (Лившиц, Хромов, 1981. С. 348), а согдийцы, начиная со знаменитых переводчиков, играли ключевую роль в этом процессе на упомянутых территориях.

Вместе с тем, если проанализировать некоторые буддийские материалы Восточного Туркестана, то получится, что распространение и благополучие буддизма вдоль восточного участка Великого Шелкового Пути в раннем средневековье в первую очередь было связано не с согдийцами, а с поддержкой, которую оказывал буддийскому учению Китай.

Известно, что уже в правление династии Северная Вэй (386-535 гг.) буддизм в Китае получает государственную помощь. Уже тогда намечается движение буддийских паломников из Китая в Индию – на родину буддизма. Путь китайских паломников проходил по дорогам Восточного Туркестана и

Средней Азии. С разной интенсивностью эти паломничества не прекращались до середины IX в.

Суйские императоры (589-618 гг.) были горячими сторонниками буддизма и выделяли большие средства для буддийских храмов и монастырей. В начальный период правления династии Тан (618-906 гг.) благодаря покровительству, которое оказывали буддизму члены правящей династии, шло дальнейшее укрепление позиций буддизма на всем пространстве, находившимся под китайским протекторатом. Таким образом, долгое время – вплоть до середины IX в. (до 842-845 гг., когда в Китае прокатилась кампания гонений на иноземные религии) – буддийское учение имело большое число последователей среди людей, принимавших активное участие в западной политике Китая: представителей знати, государственных чиновников, военных. Находка на Ак-Бешиме в Семиречье фрагмента votивной стелы с китайской надписью танского времени, содержащей имена официальных лиц (помощника наместника, а также самого наместника), является убедительным подтверждением этого (Горячева, Перегудова, 1996. С. 186-187).

Аргументом в пользу того, что именно Китай, а не Согд, влиял на распространение буддизма в Восточном Туркестане, служит и тот факт, что сохранившаяся обширная буддийская литература на согдийском языке – языке общения в регионе, найденная в различных районах Восточного Туркестана, представляет собой переводы с китайских буддийских текстов, в основном танского времени (MacKenzie, 1971. P. 28; Utz, 1978. P. 14-15).

Вопрос о китайском влиянии на культуру Согда в целом представляет тему специального исследования. Очевидно, что оно было достаточно значимым уже со второй четверти VI в., когда

в Согде начался выпуск литых медных монет китайского образца (Зеймаль, 1999. С. 195).

Вероятно, китайские паломники в своем движении в Индию проходили через Согд и могли как-то влиять на профессиональную ситуацию в регионе, в частности, на процесс оживления буддизма. Находка фрагмента бронзового алтаря вэйского времени на Афрасиабе, а также рассказ (несколько легендарный) о роли Сюань Цзяна в утверждении учения в Самарканде свидетельствует о такой возможности. Но как именно воздействие Китая сказалось на положении буддизма в Согде в целом — остается не совсем ясно.

Показательно, что китайские черты не получили широкого распространения в изобразительном искусстве Согда, в то время как последние находки китайских археологов дают основание говорить об определенном влиянии Согда на китайское искусство VI в. (Wen wu, 2001. P. 35-39).

Следует упомянуть об известном художнике Цао Чжун-да, о котором сообщают китайские источники. По мнению исследователей китайской живописи, он был выходцем из Согда. Цао Чжун-да стал основателем живописной школы и оказал значительное влияние на формирование китайской живописи в целом. Расцвет его творчества приходится на период правления Северная Ци (550-577 гг.). Несмотря на то что до нас не дошло ни одно из его произведений, считается, что буддийская тематика была основной в его творчестве (Bussagli, 1979. P. 53). Представляет большой интерес замечание А.И. Косолапова и Б.И. Маршака, которые считают, что Цао Чжун-да работал в гуптской художественной традиции (его фигуры казались «выходящими из воды», что соответствует гуптской традиции моделировки одеяния) (Косолапов, Маршак, 1999. С. 31. Прим. 1).

Начавшаяся в связи с приходом арабов в Среднюю Азию в конце VII в. исламизация Согда носила длительный и сложный характер. Скорее всего, позиция ислама по отношению к местному язычеству, в том числе и буддизму, в реальности не была столь однозначной, как это принято считать. Наряду с военными действиями, которые велись в рамках священной войны с «неверными», арабы умело применяли экономические санкции против язычников. Известно, что на каком-то этапе исламизации для арабов в Мавераннахре не только немусульмане, но и их храмы были объектами налогообложения. Так, в источнике по истории Самарканда «Кандии» говорится: «Сообщают, что в Самарканде было много храмов идолопоклонников. Хузайла (?) храмы идолопоклонников сохранял по той причине, что харадж с владений налагался [и] на тех идолов, украшенных жемчугом, золотом и драгоценными камнями. Когда пришел Кутейба, все [идолы] предал огню» (Туркестан в эпоху монгольского нашествия, 1889. С. 49).

Однако еще в 726 году побывавший в Самарканде корейский паломник Хуэй-Чао нашел здесь один буддийский монастырь, в котором проживал всего один монах (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 123). Скорее всего, дальнейшее пребывание буддистов в Согде стало маловероятным: утверждение ислама сопровождалось экономическим и физическим вытеснением религиозных учений, существовавших здесь прежде. Не исключено, что согдийцы-буддисты, не изменившие своей вере, вынуждены были уйти в Восточный Туркестан. Так, по крайней мере, в одной из надписей Ладака (западные подступы к Тибету), датированной 841/842 годом, упомянут буддист-согдиец с индийским именем Чайтра и монах Ношфарн. По мнению Н. Симс-Уильямса, «они, вероятнее всего, жили в китайском Туркестане, а не мусульманском Самарканде» и на-

правлялись с миссией от Уйгурского кагана к правителю Тибета (Симс-Вильямс, 1995. С. 66). Вместе с тем, недавняя случайная находка в Самарканде оттиска на глине печати с изображением бодхисаттвы вносит некоторые коррективы в заключительный этап истории буддизма в Согде (Abdullaev, 2000. Fig. 1). Данный оттиск представляет собой классический вариант дхарма-шарира (третьего типа по определению С. Лаусона), который использовался в качестве заклада в штампованную глиняную модель ступы, или служил сопроводительным атрибутом у буддистов-паломников в Северной и Центральной Индии. Такие оттиски были широко распространены в период с VIII по XI вв. (Lawson, 1985. P. 704-705). Таким образом,

имеется косвенное свидетельство пребывания в раннеисламском Согде буддистов-паломников из Северной Индии. Проведенный анализ материалов и источников показывает, что, несмотря на наличие свидетельств широких международных связей буддийской общины Согда (от Северной Индии до Китая), она никогда не играла большой роли в данном историко-культурном регионе. В этой связи буддийская община Согда не могла служить источником для экспансии буддизма в многочисленных согдийских колониях по Великому Шелковому Пути; эту роль выполняли буддисты из Китая, которые в своей деятельности пользовались активной поддержкой китайских властей.

Библиография

- Альбаум Л.И. Буддийский храм в долине Санзара // Доклады Академии Наук УзССР. №8. Ташкент, 1955.
- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1979 г. // АРТ. Вып. XIX (1979 г.). Душанбе, 1986.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1985 г. // АРТ. Вып. XXV (1985 г.). Душанбе, 1994.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., 1959.
- Васильев Л.С. Кушаны и проникновение буддизма в Китай // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. №2.
- Давуреченская Н.Д. Терракотовая плитка с изображением бодхисаттвы из Восточной Кашкадарьи // Российская археология. 2000. №3.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. Л., 1960.
- Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
- Карев Ю.В. Статуэтка бодхисаттвы Авалокитешвары из Самарканда // ВДИ. 1998. №1.
- Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. СПб., 1999.
- Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-Тепе. М., 1971.
- Лунина С.Б. Изделия художественного ремесла Кеша // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Маньков Ю.П. Археологические исследования городища Кара-тепе на Нарпае // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент, 1987.
- Маршак Б.И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1981.
- Маршак Б.И. Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл. М., 1983.

- Маршак Б.И.* Искусство Согда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Маршак Б.И.* Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
- Мешкерис В.А.* Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
- Мешкерис В.А.* Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
- Мешкерис В.А.* Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
- Мкртычев Т.К.* Уникальные терракоты из Тали-Барзу // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. Ташкент, 1990.
- Симс-Вильямс Н.* Путешественники в Тибет. Согдийские надписи в Ладаке // ВДИ. 1995. №2. Согдийские документы и письма с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М.-Л., 1962.
- Ставиский Б.Я.* Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии. // Доклады по этнографии Географического общества СССР. Вып. 1/4. Л., 1965.
- Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М., 1998.
- Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. Спб., 1889.
- Чунихин В.Д.* Вишну-Гаруда // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тез. докл. конференции. Ташкент, 1992.
- Хуэй-Цзяо.* Жизнеописания достойных монахов. Перевод М.Е. Ермакова. М., 1991.
- Abdullaev K.* Une image bouddhique decouverte a Samarkand // Art Asiatiques. T.55. 2000.
- Bautze J.K.* Some Notes on the «Shoulder Ornament» in the Art of Northern India // Silk Road Art and Archaeology. 2. Kamakura, 1991/92.
- Beal S.* Si-yu-ki. Buddhist records of the Western World. L., 1906.
- Bussagli M.* Central Asian Painting. Geneva, 1979.
- Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (turks) occidentaux. Paris, 1904.
- The Crucible of Compassion and Wisdom. Special Exhibition Catalog of the Buddhist Bronzes from the Nitta Group Collection at the National Palace Museum. Taipei, 1987.
- Deydier Chr.* Chinese Bronze. N.Y., 1980.
- Lawson S.* Dharani Sealings in British Collections // SAA 1983. Vol.2. Naples, 1985.
- The life of Hsuan-Tsang completed by Monk Hui-li. Peking, 1959.
- Ma Yong.* The Chinese Inscription of the «Da Wei» Envoy of the «Sacred Rock of Hunza» // Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies. Vol.1. Rock Inscriptions in the Indus Valley. Mainz, 1989.
- MacKenzie D.N.* Buddhist Terminology in Sogdian: Glossary // A.M., 17, 1, 1971.
- Marshak B.I., Raspopova V.I.* Buddha Icon from Penjikent // Silk Road Art and Archaeology. Vol.5. 1997/98.
- Munsterberg H.* Chinese Buddhist Bronze. N.Y., 1988.
- Jettmar K.* Introduction // Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies. Vol.1. Rock Inscriptions in the Indus Valley. Mainz, 1989.
- Jettmar K.* Cultural Heritage of Northern regions of Pakistan down to the Islam. Karachi, 1992.
- Rosenfield J.* Dynastic Art of Kushan. Berkely and Los Angeles. 1967.
- Srinivasan D.M.* Many Heads, Arms and Eyes. Origin, Meaning and Form of Multiplicity in Indian Art. Leiden-New York-Koln, 1997.
- Stavisky B.J.* The Fate of Buddhism in Middle Asia – in the light of archaeological data // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 3. 1993/94.
- Utz D.* A Survey of Buddhist Sogdian Studies // Bibliographia Philologica Buddhica. Series Minor. III. Tokyo, 1978.
- Watson W.* L'art de l'ancienne Chine. Paris, 1979.
- Wen wu.* (Cultural relics) 1. Peking, 2001.

Образы кентавров на протомах нисийских ритонов

Ритоны, найденные в 1948 году во время раскопок так называемого «Квадратного дома» на Старой Нисе, давно уже признаны хрестоматийными образцами эллинистического искусства. Они представляют собой единую группу специальных сосудов для вина (в количестве более 40 штук), которые были выполнены в хризозефантинной технике во II в. до н.э. в регионе, определить который, в связи с недостаточностью данных, пока не удается. Ритоны имеют форму рога; нижняя часть украшена скульптурной протомой в виде различных полиморфных существ; верхняя часть – рельефным фризом.

Изучению нисийских ритонов посвящено несколько исследований, которые включают как специальную (и единственную) монографию М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой (Массон, Пугаченкова, 1955), где был сделан комплексный анализ всей группы изделий, так и статьи, в которых рассматриваются отдельные вопросы, связанные с этими произведениями (Трейнер, 1999. С. 3-15). Между тем, скульптурные протомы на ритонах, представляющие для анализа обширный иконографический материал, так и не стали темой специальных исследований.

Репертуар образов, представленных на протомах ритонов Нисы, достаточно разнообразен и включает крылатого львогрифона (24 экз.), крылатого кентавра (10 экз.), человекобыка (6 экз.), женщину с амфорой (2 экз.), крылатого слона (1 экз.), зебувидного быка (1 экз.).

К сожалению, пока мы вынуждены только гипотетически реконструировать причины, по которым художник выбрал данные образы для того, чтобы украсить ими ритоны. Непонятно, чем был продиктован количественный состав обра-

зов на протомах. Однако мы надеемся, что детальный иконографический анализ образов на протомах позволит точнее охарактеризовать культурную принадлежность художника, делавшего эскизы для ритонов; заказчика, определявшего состав заказанных изделий, а в конечном итоге – полнее и четче реконструировать культурный контекст, существовавший в период их создания и использования.

Настоящая статья представляет собой один из этапов в решении проблемы изучения протом на нисийских ритонах и посвящена рассмотрению одной группы образов – образов кентавров.

Технологический процесс создания протом можно реконструировать следующим образом. Скульптурные протомы составлялись из нескольких частей: из одного куска бивня вырезалось туловище фигуры со втулкой для крепления с патрубком, отдельно – ноги, для крепления которых в тулове делались пазы; так же крепились и рога.

Для фигуры протомы, как правило, использовались куски кости с вертикальным расположением слоев (что объясняется особенностями обработки материала), хотя есть и исключения – несколько фигур вырезаны из кусков в горизонтальном положении (Mkrtychev, Treiner, 2000. P. 61). Из тонких пластин вырезались крылья. Они крепились к протомам при помощи медных гвоздиков или костяных штифтов в специальных врезах овальной, треугольной или трапециевидной формы. Протомы крепились к патрубкам посредством втулки, которая фиксировалась шпильками из кости.

Ни одна протома не сохранилась в неповрежденном состоянии. Утраты различных частей, а также расслоение

поверхностного слоя кости не дают возможности полностью характеризовать каждую из них в отдельности. Поэтому говорить об общем виде и характере внешней разделки можно по сохранившимся деталям на однотипных протомках.

В группе протом, изображающих кентавров, выделяются три варианта иконографии: «кентавр с поднятой в замахе рукой» (№ 18, 29, 52, 60, 76, 86)*, «кентавр с женщиной на плече» (№ 4, 30, 39) и «кентаврида» (№ 73).

Протомы в виде «кентавра с поднятой в замахе рукой» изображают кентавра с сильным мускулистым мужским торсом; согнутая в локте правая рука занесена над головой и сжимает некий округлый предмет; левая - согнута в локте, опущена вниз, либо прижата к боку; через сгиб левой руки переброшена ткань одеяния. Несмотря на то, что головы кентавров этого типа плохо сохранились, видно, что они имели вьющиеся волосы, курчавые бороды, прямой нос и глубокие глазницы. Удлиненные конские ноги кентавра выброшены вперед, между ногами - отверстие для сцеживания вина. На голове у кентавра на ритоне № 52 имеется круглое гнездо, аналогичное гнездам для крепления рога у фигуры львогрифонов.

Протомы в виде «кентавра с женщиной на плече» изображают кентавра с сильным мускулистым мужским торсом. Хорошо сохранившаяся голова передает удлиненное лицо, невысокий лоб, прямой нос, морщины на переносице, большие глаза, высверленные зрачки которых окрашены в синий цвет, в слезницах - следы красной краски. Волосы оставляют открытыми «звериные» уши подтреугольной формы. Правая рука кентавра слегка согнута в локте и под-

нята над головой. Ладонь сжата в кулак.левой полусогнутой рукой он придерживает за щиколотки женщину, сидящую у него на левом плече. На грудь кентавра спускаются лапы львиной шкуры, завязанные «геракловым узлом». Удлиненные конские ноги выброшены вперед. Между ногами - отверстие для сцеживания вина.

Фигурка женщины непропорционально мала. Лицо овальное, нос прямой, глаза большие, высверленные зрачки были окрашены в синий цвет. Волосы уложены валиком вокруг головы и собраны в узел на макушке. Судя по сохранившимся деталям, она была одета в длинный хитон, перепоясанный под грудью. Левое предплечье задрапировано складками гиматия, который она придерживает у груди левой рукой. Правой рукой женщина держится за голову кентавра.

Образ «кентавриды» представлен одним фрагментом, изображающим женскую фигуру, одетую в перепоясанный под грудью хитон, застегнутый на левом плече. На левом плече складки гиматия (?), прикрывающего опущенную левую руку и драпирующего нижнюю часть торса. Правая рука согнута в локте и поднята над головой вверх. Лицо удлиненное, высокий лоб, волосы убраны валиком вокруг двойного обруча. Широко раскрытые глаза, тонкий прямой нос, небольшой рот.

Интерпретация данного образа как «кентавриды» предшествующими исследователями строилась на наличии двух прямоугольных гнезд в основании бедер женской фигуры, аналогичных гнездам для крепления ног у протом кентавров (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 140).

Образ «кентавриды» не характерен для классического греческого искусства, но достаточно часто встречается в искусстве северо-восточной окраины эллинистического мира - в Гандхаре (The Crossroads of Asia, 1994. P. 123, № 126).

* Номера ритонов в статье соответствуют нумерации, принятой в книге: Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы. // Труды ЮТАКЭ. 1959. Т. IV.

Так, фрагмент сланцевой фигурки кентавриды I-II вв. н.э. из северной Индии представляет собой фигуру, женскую в верхней части, плавно переходящую в тело коня. Она одета в короткий короткорукавный хитон (?), на шее - ожерелье, на запястьях - браслеты. Волосы зачесаны назад и собраны в узел на макушке. В руках она держит фрагмент некоего цилиндрического предмета. Переход от нижней части тела к лошадиным ногам и телу оформлен аканфовыми листьями.

Очень близкой иконографической параллелью может служить фрагмент глиняной скульптуры кентавриды I-II в. н.э. из Сикри (Dar, 1999/2000. P. 35. Fig. 37): «кентавида» изображена в «архаическом» варианте - передняя часть представляет собой женскую фигуру, задняя - конскую. Одета в длинный подпоясанный хитон, мягко облегающий фигуру и ноги, в левой руке - ветвь. Волосы собраны валиком вокруг головы.

Несмотря на наличие аналогий, вопрос соответствия образа протомы «кентавриде» мы считаем открытым, поскольку данных для однозначного определения недостаточно.

Интерпретируя образы кентавров на нисийских ритонах, предшествующие исследователи не делали различий между имеющимися типами изображений и рассматривали их как «воплощение какой-то местной темы в пластических образах эллинизма» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 223). Такой темой было выбрано авестийское божество Тиштрия, одним из воплощений которого являлся белоснежный конь (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 224). Авторы считали, что в парфянскую эпоху образ Тиштрии получает смешанные зоо-антропоморфные черты, и в пластическом искусстве греков «филэллинское» парфянское искусство нашло подходящий иконографический образ в виде человекоконя - кентавра. Введение же крыльев в образ кентавра, чего не знало грече-

ское искусство, приписывалось ими желанию мастера «...запечатлеть "небесный" характер светлого гения "Тиштрии блестящего, сверкающего", которому подвластны и воды земли, и дождевые тучи, и облака» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 225).

Между тем, неизвестно ни одно изображение или описание Тиштрии в виде кентавра. В этой связи считаем целесообразным вернуться к исходному греческому образу и рассмотреть его значение и варианты иконографии.

В греческой мифологии кентавры - полулюди-полукони, литературные версии о происхождении которых существенно расходятся. Так, по Гигину, они являются потомками Иксиона и Нефелы (Гигин. Fab. 14, 34, 62); по Диодору, кентавр является сыном Аполлона и Стильбы (Лосев, 1996. С. 432); а по Гесиоду, кентавр Хирон, (Лосев, 1996. С. 778) рожден от Кронида Океанидой. Нонн Панополитанский в «Деяниях Диониса» называет их детьми Дия (Нонн Панополитанский. V, 610).

Общим местом в характеристике кентавров является их буйный нрав и невоздержанность. В греческом искусстве одним из наиболее распространенных сюжетов с участием кентавров была кентавромахия - сцены битвы кентавров с лапифами. Наиболее известным и показательным памятником является изображение кентавромахии на 24 метопах южной стороны Парфенона (Виппер, 1972. С. 204-206). Кроме этого, существует так называемая «кентавромахия Геракла», куда входит битва Геракла с Эвритионом, Нессом (Гигин. Fab. 33, 34), объединенных образом Деяниры, а также его битва с кентаврами, связанная с походом на эриманфского вепря (Аполлодор. II, 5, 4).

В этой связи вполне вероятно, что образ «кентавра с поднятой в замахе рукой» на нисийских ритонах представляет персонаж кентавромахии. Округлый предмет в руке у кентавра может

быть камнем, поскольку камни и деревья были основными орудиями битвы у кентавров («...кентавры сбежались к пещере Фола, схватив, кто огромный камень, кто целую сосну»). (Аполлодор. II, 5, 4).

Рассматривая образ «кентавра с женщиной на плече», М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова посчитали, что он «отнюдь не идентичен греческой теме похищения Деяниры, лапифянки Ипподамии. Женщина сидит спокойно, с легкой улыбкой, приобняв голову кентавра. Это, скорее всего, одна из «меднад» дионисийской свиты» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 223).

Однако, обращаясь к греческим истокам образа кентавров, попробуем проследить возможность воплощения сюжета Несса и Деяниры в нисийских протомах.

В передаче Аполлодора (II в. до н.э.) данный эпизод мифа предстает следующим образом: «...Вместе с Деянирой он [Геракл. - У.Т.] подошел к реке Эвену, на берегу которой сидел кентавр Несс, перевозивший путников за плату, заявляя, что право перевоза он получил от богов за присущую ему справедливость. Геракл сам переправился через реку, Деяниру же отдал Нессу, чтобы он перевез ее за плату на другой берег. Но последний, переправляя Деяниру, попытался ее изнаsilовать. Когда она закричала, Геракл услышал ее крик и выстрелил из лука в вышедшего из воды Несса, попав ему прямо в сердце...» (Аполлодор. II, 7).

Гигин (конец I - середина II в. н.э.) так передает интересующий нас сюжет: «Несса, сына Иксиона и Тучи, кентавра, Деянира попросила перенести ее через реку Эвен. Несс *поднял* ее и прямо в реку захотел изнаsilовать...» (Гигин. Fab. 34).

Этот мифологический сюжет является одной из популярных тем греческого искусства. Он представлен несколькими иконографическими вариан-

тами: Деянира, сидящая на спине у Несса (ЛМС, 1992. Nessos 95, 98, 104), и Несс, держащий Деяниру в руках перед собой, снимая ее с плеча (ЛМС, 1992. Nessos 63b). Многие примеры изображения этого сюжета передают эпизоды мифа до драматической развязки, когда Деянира спокойно сидит на спине у кентавра (ЛМС, 1992. Nessos 95).

Следует отметить, что, как правило, образы Несса и Деяниры встречаются в произведениях искусства, где возможно повествовательное изображение действия - росписи на сосудах, фрески, керамические штампы. В тоже время известно некоторое количество произведений мелкой пластики, где воспроизводился этот сюжет. Так, бронзовая римская статуэтка первой половины I в. н.э. (ЛМС, 1992. Nessos 104) представляет Деяниру, сидящую на спине у Несса и держащуюся одной рукой за его плечо.

Возвращаясь к протомам ритонов Нисы, можно утверждать, что материал и технология изготовления протом диктовали компактную композицию, которая воплотилась в изображении Деяниры, сидящей на плече у Несса. При этом, несмотря на меньшую популярность, данный вариант иконографии закрепился в античном искусстве и проявился в более позднее время. Так, максимально близкий прототип нисийскому образу кентавра с женщиной на плече представляет изображение на римской лампе (ЛМС, 1992. Nessos 109a) - Деянира сидит на плече у Несса, одной рукой он придерживает ее за ноги, второй - за руку.

Таким образом, приведенные сравнения показывают, что изображение кентавра с женщиной на плече на протомах нисийских ритонов, скорее всего, передавало классический сюжет греческой мифологии, рассказывающий о Нессе и Деянире.

Характерной чертой иконографии нисийских кентавров является одевание в

виде львиной шкуры, завязанной на груди «геракловым узлом». Известно, что у кентавров традиционным одеянием служили шкуры, в которых они обычно изображаются (Schefold, 1981. S. 125. Fig. 157). Узел же служил талисманом, который стал особенно популярен в Македонии, где не только Зевс считался отцом Александра, но и македонский дом происходил от Геракла. «Узел Геракла» получил широкое распространение в эллинистическом искусстве, где какое-то время воспринимался как символ Македонии, закрепившись в более поздней иконографии как благожелательный знак (Glories of the Past, 1990. P. 190-191).

Завязанную таким же образом шкуру мы видим и в более поздних произведениях, например, на плечах у Несса в изображении на Помпеянских фресках (Charbonneaux, 1987. Fig. 157).

Одной из отличительных особенностей кентавров на нисийских ритонах является наличие у них крыльев. Среди широкого круга изображений, крылатые кентавры встречаются довольно редко, и как правило, на образцах «провинциального» искусства. Так, два крылатых кентавра по сторонам от женской фигуры изображены на фризе серебряной вазы IV в. до н.э. из Фракии (Ancient Gold, 1998. P. 152. № 80), где они выступают как похитители невесты и носители беспорядка и хаоса. Крылатый кентавр участвует в сцене адорации на рельефе из Матхуры I в. до н.э. (Bachhofer, 1973. Pl. 72). Крылатая «кентаврида» помещена на реверсе кельтской монеты 51-41 гг. до н.э. (Dembski, 1998. S. 82. Taf. 33. № 629; Gobl, 1994. P. 15 ff).

Судя по тому, что большинство образов, представленных на протомах нисийских ритонов, имеют крылья (в том числе слон), их появление у кентавров не имеет конкретного символического значения («небесный характер», как считали М.Е. Массон и Г.А.

Пугаченкова), а отражает некую художественную концепцию, которой придерживался автор эскизов. Направленность этой художественной концепции вполне соответствует эллинистическим принципам обращения с иконографией предшествующего времени, когда происходило сочетание элементов различных изобразительных традиций; вводились новые детали, не характерные для традиционных образов. В данном случае, таким элементом были крылья.

Таким образом, появление крыльев у кентавров на ритонах Нисы в целом отвечает эллинистическому принципу творческого обращения с традиционной иконографией, и в то же время не исключает знакомства мастера с существовавшими подобными изображениями, особенно в произведениях торевтики и нумизматики.

Эллинистической концепции художественного творчества соответствует и другая иконографическая деталь в образе кентавров на протомах нисийских ритонов. Наличие отверстия на голове у одного из кентавров позволяет предположить, что у него был рог. Эта черта неизвестна в греческой иконографии кентавров, но нередко встречается в поздней литературной и художественной традиции. О ней упоминает Нонн Панополитанский (400-470 гг. н.э.) в «Деяниях Диониса»: «Двуприродное племя кентавров рогатых явилось...» (Нонн Панополитанский. V, 610), а также приводит две версии их происхождения - от морока Геры и от Кронида (Нонн Панополитанский. XIV, 170-210).

В целом можно заключить, что художник, делавший эскизы к данной группе протом, был хорошо знаком с классической греческой иконографией кентавров. Неслучайно поэтому он выбрал наиболее популярные образы и эпизоды из мифов о кентаврах, которые использовались в греческом изобразительном искусстве. В то же время ху-

дожник не был скован классическим канон: он вводит новые иконографические детали, не характерные для изображений кентавров (крылья, рог); komponует персонажей в соответствии с требованием материала (слоновая кость). Скорее всего, в его работе отразилась общая эллинистическая тенденция к трансформации известных образов, результаты которой проявились в произведениях постэллинистического времени от Рима до Индии.

Определив принципы формирования образов кентавров на протомах данной группы, можно попытаться реконструировать причины, которые легли в основу использования темы кентавромахии для украшения нисийских ритонов.

В мифологии хорошо известно пристрастие кентавров к вину, что делает их участниками дионисийской свиты. Учитывая это, художник, возможно, пы-

тался соотнести функциональное назначение вещи - сосуда для вина - и сущность персонажа, изображенного на протоме. В данном случае присутствие Деяниры также не нарушает предложенной трактовки - в греческой мифологии она дочь либо Ойнея, который, царствуя в Калидоне, первым получил от Диониса в дар виноградную лозу, или же, «как говорят», дитя самого Диониса и Алфеи (Аполлодор. I, 8, 1).

Все вышесказанное позволяет заключить, что художник, делавший эскизы к нисийским ритонам, для украшения части из них выбрал образ кентавра, который в его восприятии соответствовал назначению ритонов как сосудов для вина. Вместе с тем, придерживаясь эллинистических принципов художественного творчества, художник несколько трансформировал традиционные образы, придав им новые черты.

Библиография

- Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Л., 1972.
Виннер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.
Гигин. Мифы. СПб., 2000.
Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.
Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы. // Труды ЮТАКЭ. 1959. Т. IV.
Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1997.
Трейнер У.И. Проблемы изучения ритонов из Старой Нисы // Материальная культура Востока. М., 1999.
Ancient Gold. The wealth of the Thracians. N.Y., 1998.
Bachhofer L. Early Indian sculpture. Deli, 1973.
Charbonneaux S. Grece hellenistique: 330-50 a.v. Paris, 1987.
The Crossroads of Asia. Transformation in image and symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. California, 1994.
Dar S.R. The Sikri sculptures: prolegomena on an exceptional, but unstudied, collection of Gandharan art in the Lahore Museum // Silk Road Art and Archaeology. 6. Kamakura, 1999/2000.
Dembski G. Münzen der Kelten. Wien, 1998.
Glories of the Past. Ancient Art from the Shelby White and Leon Levy Collection. N.-Y., 1990.
Göbl R. Die Hexadrachmenprägung der Gross-Boier. Ablauf, Cronologie und historische Relevanz für Noricum und Nachbargebiete. Wien, 1994.
LIMC. Vol. VI (2). Zürich-München, 1992.
Mkrtychev T., Treiner U. The Manufacturing Technique of the Rhytons from Old Nisa // PARTHICA. 2. Pisa-Roma, 2000.
Schefold K. Die Göttersage in der Klassischen und Hellenistischen Kunst. München, 1981.

**Эволюция культурных ландшафтов Восточного Приаралья
VII в. до н.э. - VII в. н.э. на примере бассейна Эскидарьялыка.
Методы реконструкции**

Одной из актуальных проблем археолого-палеогеографических исследований последних лет стало изучение истории взаимодействия общества с окружающей природной средой. В настоящее время наука обладает разносторонней и важной информацией по результатам комплексных исследований древних ландшафтов, благодаря чему возможно решение широких историко-географических задач. В определенные исторические периоды общество, приспособившись к природно-климатическим условиям среды обитания, использовало природные ресурсы, образуя так называемые «культурные ландшафты» (Андрианов, 1969. С. 18; Андрианов и др., 1975. С. 147; Андрианов, Глушко, 1991. С. 19). Зафиксировать необъятные просторы «культурных ландшафтов» визуально невозможно, поэтому исследователи вынуждены были обратиться к обследованию земной поверхности с воздуха, используя аэрометоды. (Beazeley, 1919. P. 331-335; Beazeley, 1920. P. 109-127; Bradford, 1940. P. 167-169; Толстов и др., 1962. С. 5-6).

В Восточном Приаралье, на обширной аллювиально-дельтовой равнине, в бассейне древних протоков Сырдарьи антропогенные ландшафты сохранились с эпохи поздней бронзы (IX-VIII вв. до н.э.) до XV столетия. С 40-х годов XX в. регион входил в зону широкомасштабных археолого-геоморфологических исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, где большое внимание уделялось аэрометодам. С.П. Толстов, Б.В. Андрианов, Н.И. Игонин разработали методы аэроисследований для поиска, фиксации, картографирования природных и антропогенных объектов древних

культурных ландшафтов (Толстов и др., 1962. С. 5-6). С 1946 года дистанционные методы начали применяться при изучении северных районов Восточного Приаралья, куда входила и территория Джетыясарского урочища (Толстов, 1962. С. 82-96; Андрианов, 1969. С. 202-206). В 1980-1990 гг. автору данной статьи удалось усовершенствовать методы дешифрирования аэрофотоснимков и провести на базе этого специальное аналитическое исследование 23 микрооазисов (IX в до н.э.- XV в. н.э.) в бассейне Инкардарьи, Жаныдарьи и Эскидарьялыка (Левина, Галиева, 1993а. С. 11-20; Левина, Галиева, 1993б. С. 6-36; Левина, Галиева, 1995. С. 5-23; Галиева, 1999). В работе использовались материалы специальной аэрофотосъемки 1957, 1960-1962, 1973 гг., хранящиеся в фотоархиве сектора этноархеологии Института этнологии и антропологии РАН (М - 1:4500; 1: 8000; 1:2000; 1:2500). Подобные коллекции аэрофотоматериалов являются большой редкостью и относятся специалистами к разряду уникальных.

Сопоставление в процессе дешифрировки разномасштабных аэрофотоснимков одних и тех же территорий позволяет извлечь из фотоизображений максимум важной информации о древних ландшафтах (Андрианов, 1969. С. 27-31). В наших исследованиях были использованы методы специального дешифрирования аэрофотоснимков для поиска естественных (водотоки) и антропогенных структурных объектов (искусственные водные артерии, водохранилища, хаузы, рвы, городища, крепости, поселения, сады и парковые комплексы, могильники), в том числе и невидимых на местности. Систематизация

полученной информации, выделение эталонных блоков и разработка методов относительного датирования с привлечением природно-климатических факторов и данных археологических, геоморфологических исследований способствовали реконструкции динамики антропогенных ландшафтов низовьев Сырдарьи на локальном и региональном уровне (Галиева, 2000. С. 37-38).

Как показала практика, наиболее важную информацию можно извлечь только в том случае, если для каждой историко-культурной зоны выработаны свои научные методики дешифрирования. Такая работа была проведена в процессе дешифровки разномасштабных аэрофотоснимков десяти городищ (Джеты-асар-2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 13) Джетыасарского урочища в бассейне Эскидарьялыка. Данная статья посвящена результатам аналитического дешифрирования.

Дельтовая равнина Сырдарьи в древности обводнялась четырьмя мощными широтными протоками. На юге действовала гидросистема русел Инкардарьи, два средних образовали Жаныдарья и Кувандарья; на севере, ближайшей к современному руслу Сырдарьи, была система Эскидарьялыка (Толстов, 1948. С. 128; Андрианов и др., 1975. С. 151-153). Экологическая ситуация в регионе отразилась на водном режиме гидросети Эскидарьялыка, который действовал с III тыс. до н.э. по VIII в. н.э. В бассейне Эскидарьялыка располагаются многочисленные городища, относящиеся к джетыасарской культуре (Левина, 1996. С. 7). Только в Джетыасарском урочище, в юго-западных и юго-восточных районах, находится более 50 городищ. В IV в. н.э. в юго-западных районах Джетыасарского урочища прекратился сток воды, что привело к запустению региона (Левина, 1993. С. 21-22). И только центральные районы урочища вблизи Эскидарья-

лыка, у городища Алтын-асар, продолжали существовать до VIII в. н.э.

Антропогенные ландшафты Джетыасарского урочища, в силу специфики сохранности (воздействие природно-климатических процессов, происходящих в пустынях - аридизация, выветривание), не имеют аналогий - они разновременные, наслаивающиеся один на другой (рис.1, 2, 3) (Галиева, 1986. С. 36-37; Левина, Галиева, 1995. С. 6-20). В археологии специалистам известны подобные ситуации. Еще в 1950-е гг. классик английской воздушной археологии Джон Бредфорд увидел аналогичные наложения во время аэронаблюдений Тавольеры в Южной Испании. Затем, при камеральной обработке аэрофотоснимков, выяснилось, что это римские дороги, пересекающие кольцеобразные доисторические рвы. Д. Бредфорд успешно использовал необычные сложноструктурные ландшафты как важные аргументы в исторической реконструкции древней Апулии (Bradford, 1949. P. 58-72). В Южном Зауралье в исследованиях овальных поселений протогородского комплекса Аркаима ученые зафиксировали на аэрофотоснимках наложения разнотипных фортификационных сооружений. Информация о многослойности памятников, полученная в ходе дешифрирования аэроснимков, была подтверждена данными археологических исследований, позволивших установить, что овальная форма характерна для ранних памятников, а прямоугольная - для поздних (Зданович, 1997. С. 59).

Интересные исследования античной мелиоративной системы были проведены в 1992 году в юго-западной части Таманского полуострова. Анализируя на аэрофотоснимках древние ландшафты Фонталовского полуострова, археологи выявили не только разновременные системы линий мелиоративных валов, но и закономерности их

создания (Горлов, Лопанов, 1995. С. 122-135).

Исследователи отмечали, что наилучшая сохранность разновременных ландшафтов характерна для пустынных массивов, и зафиксированные на аэро-снимках наложения одних структурных объектов на другой являются важным дешифровочным признаком, который можно использовать как базовый историко-географический материал в разработке серии эволюционных индикационных блоков (Андрианов, Глушко, 1991. С. 13-24; Викторов, 1973. С. 57-59; Глушко, 1990. С. 21-27; Глушко, 1995. С. 99; Галиева, 1985. С. 36; Игонин, 1968. С. 260; Левина, Птичников, 1991. С. 153;). Создание эволюционных блоков структурно-динамических индикаторов раскрывает возможности относительного датирования разновременных компонентов древних культурных ландшафтов в камеральных условиях, без ведения археологических раскопок. Проведенное аналитическое дешифрирование сложноструктурных ландшафтов Джетыясарского урочища в бассейне Эскидарьялыка позволило выделить два блока эволюционных индикационных признаков - одновременных и разновременных. Блоки составляют структурные композиции антропогенных ландшафтов, косвенно указывающие на время их функционирования (рис. 4, блок I, II, III). Так, в блоке I объекты культурного ландшафта (курганы, естественные и искусственные водные артерии) неизменно располагаются не пересекая друг друга (рис. 4, блок I, 1-2), что свидетельствует об их одновременном функционировании. В блоке II разновременные индикационные признаки сгруппированы по характеру наложений в два ряда - однослойные и многослойные. В отличие от блока I, здесь, как правило, объекты налагаются друг на друга (рис. 4, блок II, III). Это могут быть несложные наложения - однослойные (блок II, 1-3), ко-

гда разнохарактерные и разновременные гидрообъекты и курганы по-разному налагаются друг на друга (рис. 5-6). Существуют и более сложные структурные наложения (рис. 7). Они объединены нами в блок III (рис. 4, блок III, 1-3). Базируясь на данных археологических исследований и выводах аналитического дешифрирования, нами были выделены 4 хронологических периода, в течение которых происходило видоизменение антропогенных ландшафтов на территории Джетыясарского урочища: VII - II вв. до н.э., II в. до н.э. - II в. н.э., II - IV вв. н.э. и V - VIII вв. н.э. Выработанная для каждого периода система условных обозначений позволила при составлении блоков-схем ландшафтов наглядно продемонстрировать динамику их развития и изменений.

В бассейне Эскидарьялыка панорама ландшафтов на аэрофотоснимках имеет свои особенности, традиционные для этих районов. На такырах, лишенных растительности, при определенном освещении проявляются кольца от огромного количества выветренных курганов. Круги, оттененные темным тоном почв или проросшей в ровике растительности, заполняют почти все свободное пространство (рис. 2). Могильникам в ландшафтных исследованиях Джетыясарского урочища не уделялось должного внимания. Между тем, наши исследования показали, что именно некрополи являются одним из ключевых информационных звеньев в реконструкции динамики древнего культурного ландшафта (Галиева, 1986. С. 36-37; Левина, Галиева, 1993а. С. 11-20; Левина, Галиева, 1993б. С. 6-36; Левина, Галиева, 1995. С. 5-23). Курганные поля располагались в ближайших окрестностях городища, чаще на берегу водотока, и на месте более древних могильников, часто перекрывая их (рис. 3; 5, 2-3; 7, 1, 3). Со временем у большинства курганов насыпи разрушились и развеялись, и зафиксировать их можно только

на крупномасштабных аэрофотоснимках специальной съемки по «чешуйчатой структуре» изображения. Дешифрирование показало, что во многих случаях четкое изображение пятен курганов, демаскируемых растительностью или почвенными признаками, характерно для более поздних захоронений. А если на аэрофотоснимках имеется размытый фон полуколец с видимым эффектом вогнутости, то эти некрополи с большой долей вероятности можно отнести к более ранним (Левина, Галиева, 1993б. С. 12).

Правильность выводов аналитического дешифрирования подкрепляется данными археологических исследований. Л.М. Левина отметила, что «отдельные некрополи размещались на периферии других могильников, или на месте более ранних. В последних случаях насыпи курганов второго типа и курганов с подбоями перекрывали насыпи курганов со склепами первого типа и насыпи курганов, содержащие погребения в могильниках - ямах с нишками» (Левина, Птичников, 1991. С. 147; Левина, 1996. С. 25-26).

В относительном датировании сложноструктурных наложений (рис. 4, блок II,5; Па,1-3; рис. 7) значительное место занимает топография могильников и отдельных курганов. В ходе археологических и дистанционных исследований было отмечено, что в основном могильники располагались вблизи городищ или на берегу протока, но были и такие, которые размещались на береговых валах или перекрывали ложе пересохшего русла (рис. 4, блок II,5,6; блок Па,2,3). Очевидно, что курганы в ложе протока и на береговых валах свидетельствуют о замирании водотока, а курганы, находящиеся на берегу, вероятно, синхронны ему. Перекрывающие друг друга водные артерии являются одновременными (блок II,2,3 и блок Па,2), что позволяет стратиграфически установить их относительную хронологию.

Определить время функционирования и гибели протока в абсолютных величинах помогают данные археологических исследований курганов, расположенных на его берегу или в его русле.

Разработанные методы относительного датирования были применены в исследованиях динамики многочисленных разновременных и разнохарактерных водоносителей Эскидарьялыка. В ходе аналитического дешифрирования аэрофотоснимков гидросети двух массивов Джетыясарского урочища было установлено количество и относительное время функционирования каждого выявленного естественного и искусственного водоносителя у десяти джетыясарских городищ (15, 16, 17). По полученным данным были составлены таблица и график, показавшие характер водоснабжения в регионе и колебания гидрологического режима на протяжении трех хронологических периодов: 1-й период - VII в. до н.э. - I в. н.э.; 2-й период - I-IV вв. н.э.; 3-й период - V-VIII вв. н.э. (рис. 8 а,б.). В течение первого периода у восьми городищ юго-восточного и юго-западного районов Джетыясарского урочища земли обводнялись не менее чем десятью естественными протоками. График наглядно демонстрирует, что в конце 1-го - начале 2-го периода (I-II вв. н.э.) происходило плавное увеличение водных ресурсов в Эскидарьялыке за счет впадавших в него небольших артерий и многочисленных новых и временных протоков. К концу второго периода (III - начало IV в. н.э.) здесь действуют около 15 естественных водоносителей и более двух десятков различных искусственных артерий (водосборные дублирующие каналы, протяженные ветки и мелкая оросительная сеть). Синусоида искусственных артерий на графике поднимается резко вверх, указывая на продолжающееся развитие ирригационного орошения в регионе. К концу IV в. н.э. число зафиксированных на аэрофотоснимках

следов ирригационных водоносителей увеличилось до 100. В 3-м периоде (V-VIII вв. н.э.) меняется общая картина водоснабжения: вся нагрузка ложится на базовый региональный источник – Эскидарьялык. Замирает сеть протоков в юго-западных районах Джетыасарского урочища, и прекращается жизнь на четырех его городищах (Джеты-асар 2, Джеты-асар 11, Джеты-асар 12, Джеты-асар 13). В V в. н.э. только два протока Эскидарьялыка продолжали нести свои воды на запад к Алтын-асару (Джеты-асар 3). Накладной монтаж, составленный из всех имеющихся аэрофотоснимков окрестностей комплекса городищ Джеты-асар 3, раскрывает сложную картину наложения разновременных антропогенных ландшафтов на протяжении 1300 лет (Левина, Галиева, 1993а. Рис. 1). Сложные переплетения небольших и протяженных тонких линий каналов (к VIII в. н.э. их насчитывается более 70 отрезков) перекрывают предшествующие антропогенные ландшафты, свидетельствуя о смене в V-VIII вв. н.э. характера водоснабжения, когда основная роль в водообеспечении отдаленных от Эскидарьялыка территорий переходит к искусственным водоносителям. Здесь со II по IV вв. н.э. действовало 99 ирригационных артерий, а с IV по VIII вв. н.э. – 149. Приводимый нами график наглядно демонстрирует, что в северных районах Восточного Приаралья, очевидно, произошло два экологических кризиса: в конце IV – начале V в. н.э. и в VII – начале VIII в. н.э. Оба кризиса, видимо, связаны с усилением процессов опустынивания и аридизации климата, отразившихся на сокращении водных ресурсов, замирании западной гидросети и миграции вод на восток и юго-восток в IV в. н.э. к Эскидарьялыку и в VIII в. н.э. в современное русло Сырдарьи.

Таким образом, блоки одновременных и разновременных индикационных признаков структурных объектов древ-

них культурных ландшафтов, составленные таблицы эталонных участков простых и сложных наложений, аналитическое дешифрирование и методы относительного датирования позволили выделить четыре стадии эволюции древнего культурного ландшафта Джетыасарского урочища в бассейне Эскидарьялыка: 1-я – VII – II вв. до н.э., 2-я – I в. до н.э. – I в. н.э., 3-я – II-IV вв. н.э. и 4-я – V-VIII в. н.э. Начальная стадия (VII-II вв. до н.э.) связана с образованием культурных ландшафтов, когда около временных и постоянных протоков возводились укрепленные поселения, вблизи которых размещались некрополи. На второй стадии (I в. до н.э. – I в. н.э.) обитатели Джетыасарского урочища впервые начинают использовать ирригационные приемы, углубляя ложе замирающих протоков (Левина, Галиева, 1996. С. 5-23). Могильники располагались на берегах протоков и на местах исчезнувших более древних некрополей.

Позднее, на третьей стадии (II-IV вв. н.э.), население восточного микрооазиса продолжает углублять ложе замирающих протоков или прокладывает каналы, дублирующие русло, превращая естественные водные артерии в искусственные, сохраняя их прежний водосборный характер. В ближайших окрестностях у большинства городищ непосредственно из протоков выводят серию арыков для полива полей. Зафиксированная на аэрофотоснимках мелкая оросительная сеть стала важной информацией о специфике развития ирригационного земледелия на его начальном этапе.

Л.М. Левина неоднократно подчеркивала необычную устойчивость и консерватизм социально-культурной и хозяйственной жизни населения Джетыасарского урочища, чем, очевидно, и объясняется столь позднее (III-IV вв.) применение в регионе ирригационного земледелия (Левина, 1996. С. 356). В

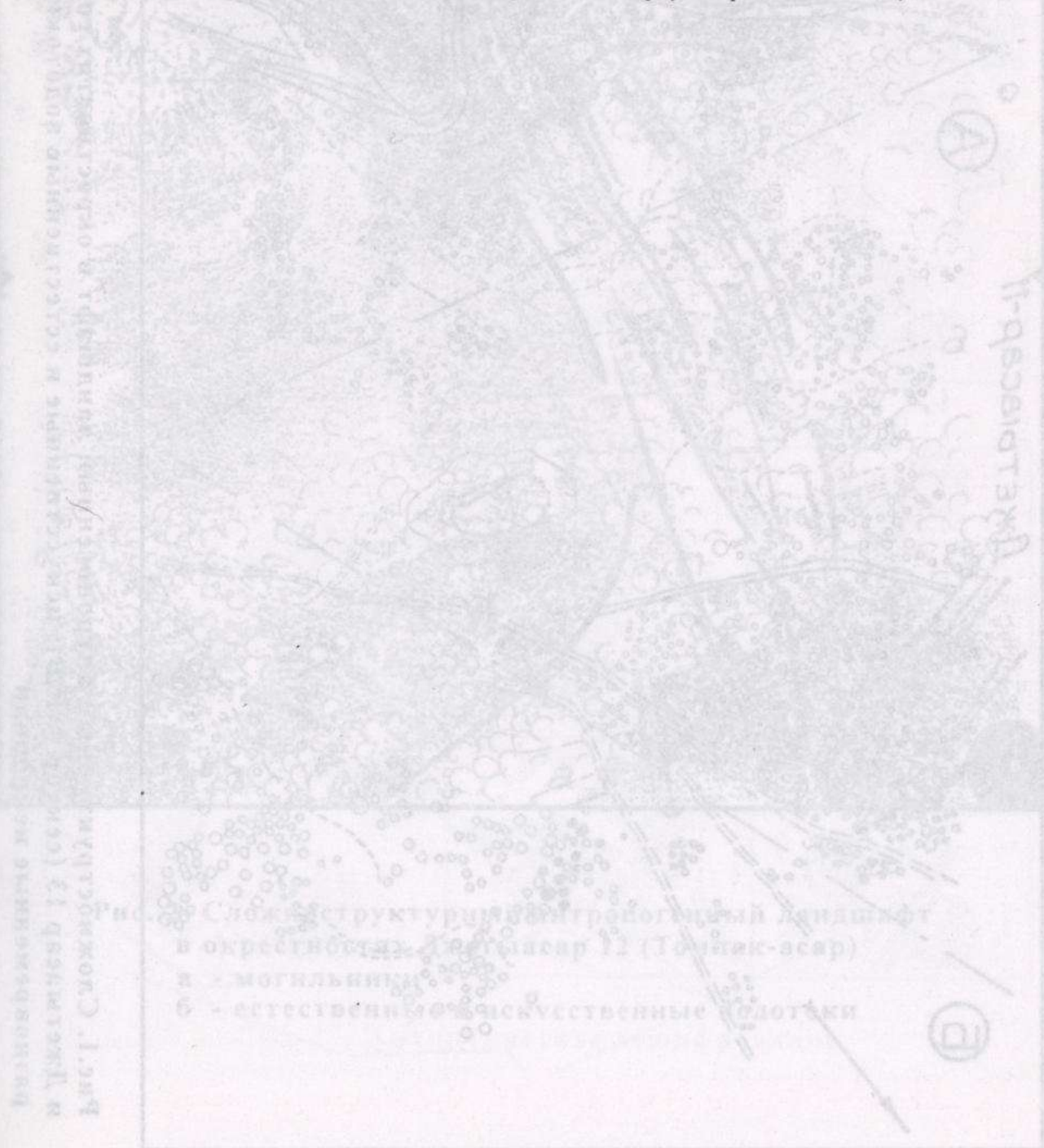
конце IV - начале V в. н.э. значительно сокращается сток вод в русло протоков меридионального и широтного направлений, действовавших в юго-западных районах Джетыясарского урочища. Происходит миграция водных потоков на восток. Сложная экологическая ситуация вынуждает джетыясарцев искать новые места обитания в северо-западных и восточных районах урочища. Однако городища, расположенные на востоке вблизи Эскидарьялыка и в центре региона (комплекс городищ Алтын-асар), продолжают существовать. Здесь происходят важные перемены: повсеместно сооружаются протяженные искусственные артерии. Новые черты в экономике и системе натурального хозяйства, очевидно, связаны с определенными историческими событиями, при которых в урочище происходит смена примитивного лиманного земледелия на

искусственно орошаемое земледелие. В V-VIII вв. н.э. (четвертая стадия) в Джетыясарском урочище происходят заметные изменения, которые могут быть связаны с очередным массовым притоком иноэтничного населения (Левина, 1996. С. 375). Так, в восточной группе городищ в V-VII вв. отмечены новые планировочные и строительные приемы, прежде всего в фортификации. В IV-VI вв. н.э. меняется характер земледелия, когда лиманное орошение окончательно вытесняется высокоразвитым ирригационным. При этом для возделывания используются не только близлежащие земли у городищ, но и более отдаленные, ранее необжитые. В VII-VIII вв. замирание гидросистемы Эскидарьялыка и миграция водного потока в современное русло Сырдарьи приводит к запустению региона.

Библиография

- Андреанов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Андреанов Б.В., Итина М.А., Кесь А.С. Земли древнего орошения в низовьях Сырдарьи и задачи освоения // Вопросы географии. 99. М., 1975.
- Андреанов Б.В., Глушко Е.В. Космическое ландшафтоведение и проблемы изучения зон экологического бедствия // Аральский кризис. М., 1991.
- Викторов С.В. Аэроландшафтная индикация последствий деятельности человека в пустынях // Недра. М., 1973.
- Галиева З.С. Аэрометоды в археологических исследованиях бассейна Сырдарьи // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. М., 1986.
- Галиева З.С. История культурных ландшафтов Восточного Приаралья IX в. до н.э. - XV в. н.э. (по дистанционным методам исследования). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Галиева З.С. Дистанционные методы в реконструкции динамики культурных ландшафтов Восточного Приаралья (IX в. до н.э. - XV в.н.э.) // Цивилизации Древнего Хорезма в контексте мировой культуры. Тез. докл. конф. Нукус, 2000.
- Глушко Е.В. Исторические аспекты космического мониторинга опустынивания Приаралья и Месопотамии // Вестник МГУ. Сер.5. География. № 3. М., 1990.
- Глушко Е.В. Оценка возраста современных ландшафтов Южного Приаралья // География и природные ресурсы. № 2. М., 1995.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 2.
- Зданович Г.Б. Аркаим - культурный комплекс эпохи средней бронзы южного Зауралья // РА. 1997. № 2.
- Игонин Н.И. Исследования археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар, Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыясарская культура. Ч. 2. М., 1993.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Левина Л.М., Галиева З.С. Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов // Низовья Сырдарьи в древности, Вып. II. Джетыясарская культура. Ч. 1. М., 1993.

- Левина Л.М., Галиева З.С. Культурный ландшафт юго-западной части Джетыясарского урочища // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыясарская культура. Ч. 2. М., 1993.
- Левина Л.М., Галиева З.С. Культурный ландшафт восточной части Джетыясарского урочища // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V, Джетыясарская культура. М., 1995.
- Левина Л.М., Птичников А.В. Динамика ирригации и древних русел в урочище Джетыясар (Восточное Приаралье) // Аральский кризис. М., 1991.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. 1962. № 1.
- Beazeley G.A. Air photography in archaeology // GJ. 1919. Vol. LIII. № 5.
- Beazeley G.A. Surveys in Mesopotamia During the War // GJ. 1920. Vol. LV. № 2.
- Bradford John S.P. The Ancient City of Arpi in Apulia // «Antiquity». September. London, 1949.

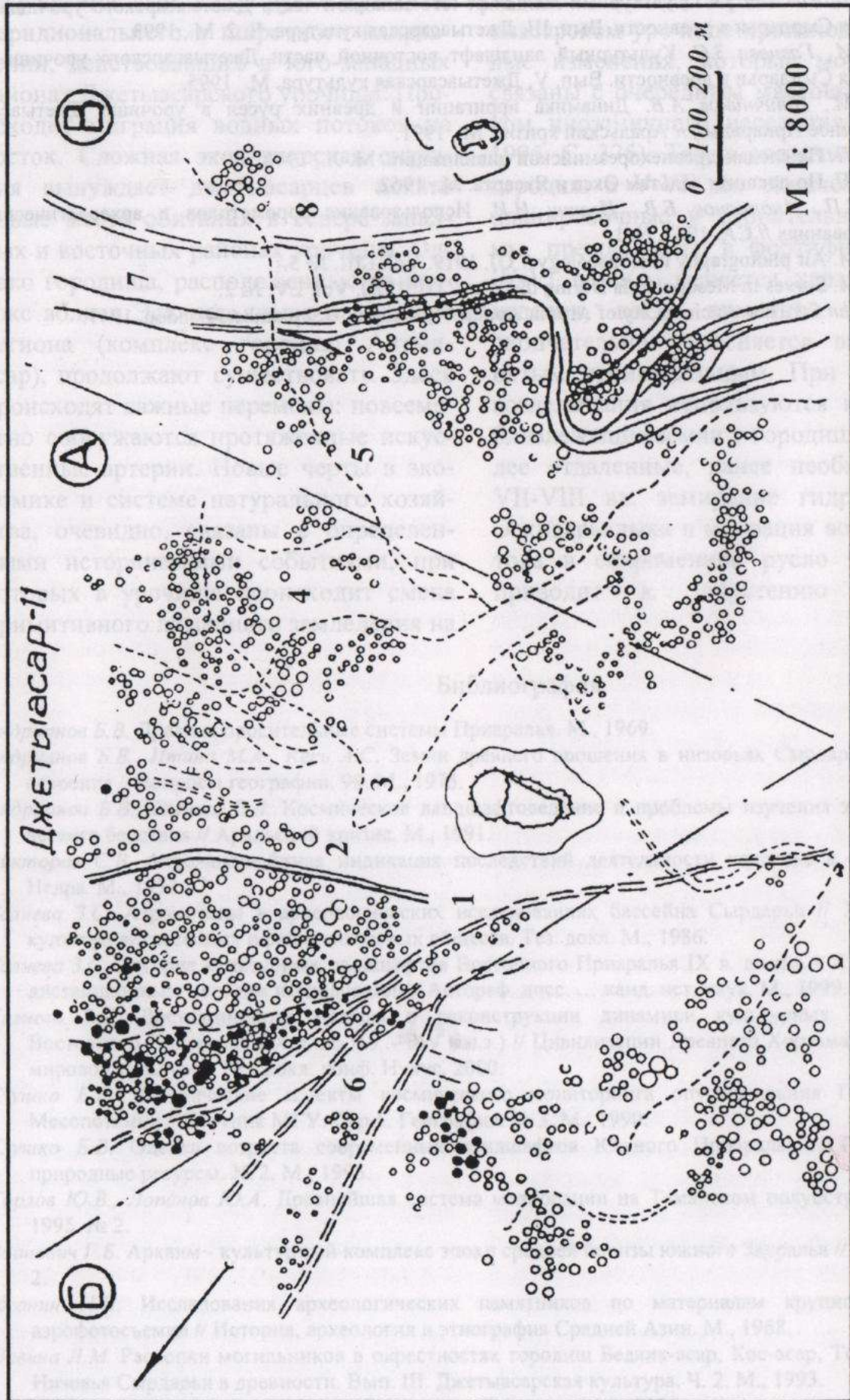

Рис. 1. Сложноструктурный антропогенный ландшафт в окрестностях городищ Джетыясар II и Джетыясар 13 (сектор А, Б, В): искусственные и естественные водотоки (1-8), разновременные некрополи

Условные обозначения

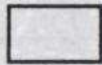

Рис. 2 Сложноструктурный антропогенный ландшафт
в окрестностях Жетысар 12 (Томпак-асар)
а - могильники
б - естественные и искусственные водотоки

Рис. 3. Сложноструктурный антропогенный ландшафт в окрестностях городища Жетысай 7 (сектора Г - 1, Г - 2, Г - 3): меандр Эскидарялька и искусственные водные артерии, разновременные некрополи (Гр.1-Гр.3)

Условные обозначения

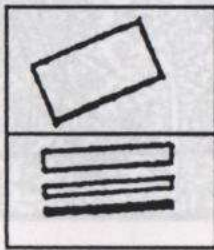
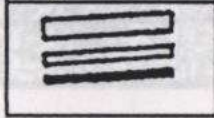
V-II вв. до н.э.

II в. до н.э. - I в. н.э.

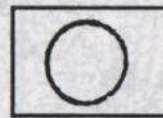
II-IV вв. н.э.

V-VII вв. н.э.

Гидрография

естественные водные
артерииИскусственные водные
артерии

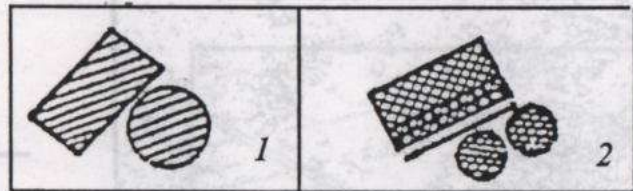
Погребальные памятники

курганы
без насыпейразвееанные
древние кур-
ганы ("чешу-
чатая поверх-
ность")

Блоки идентификационных признаков одновременных и разновременных культурных ландшафтов Джетыясарского урочища

Одновременные:

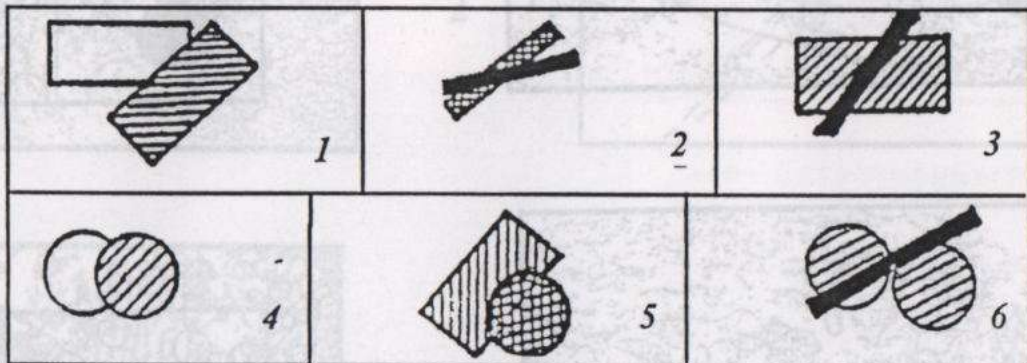
I

Разновременные:

Однослойные

II

Многослойные

IIa

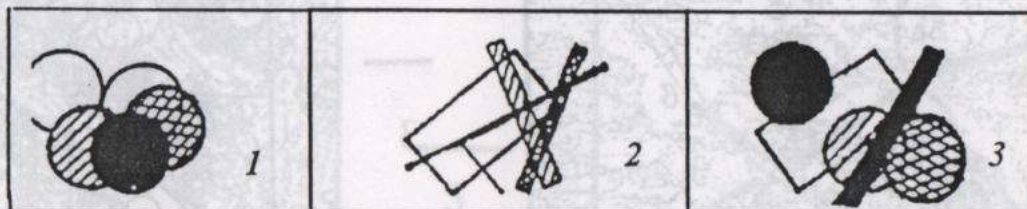
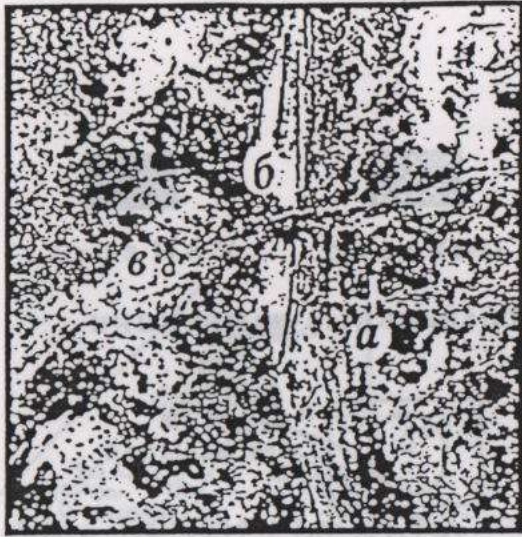
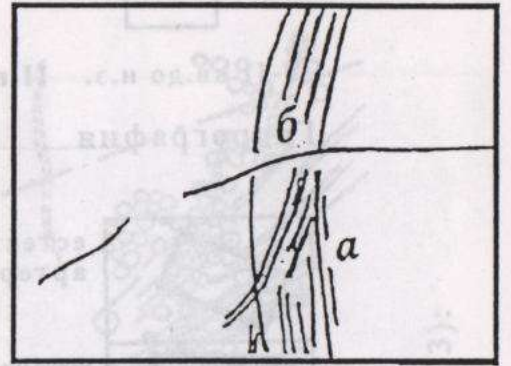

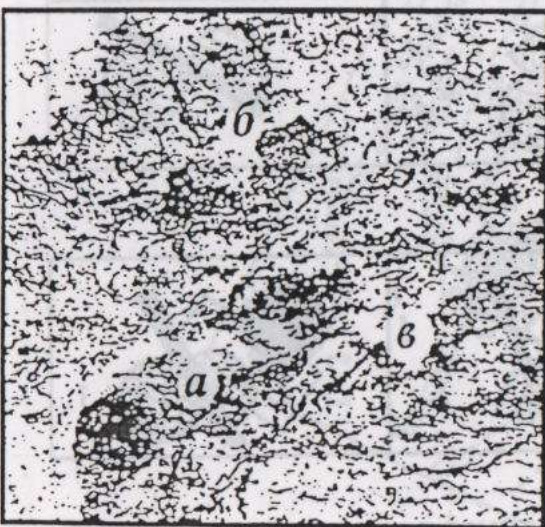
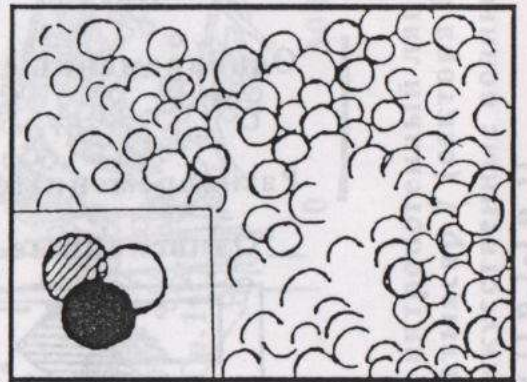
Рис. 4 Аналитическое дешифрование

1

2

3

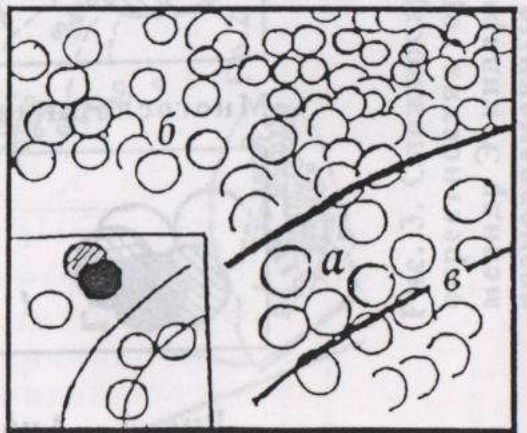
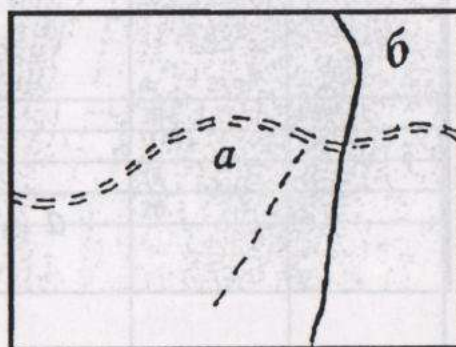
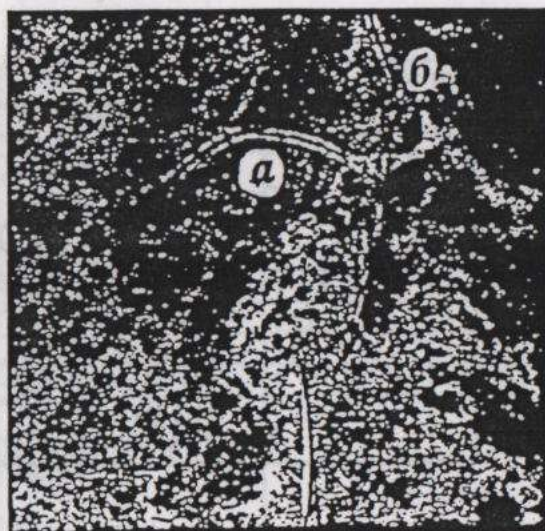
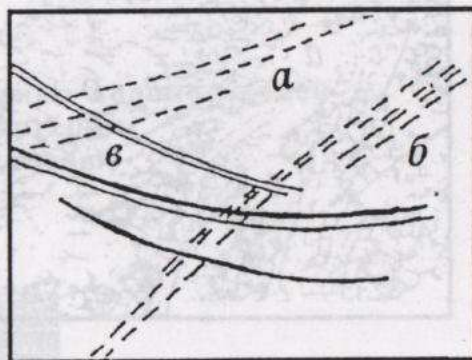

Рис. 5. Блок эталонных изображений простых и сложных наложений объектов культурных ландшафтов
 1 - искусственных и естественных водоносителей
 2 - разновременных могильников
 3 - могильников и протоков

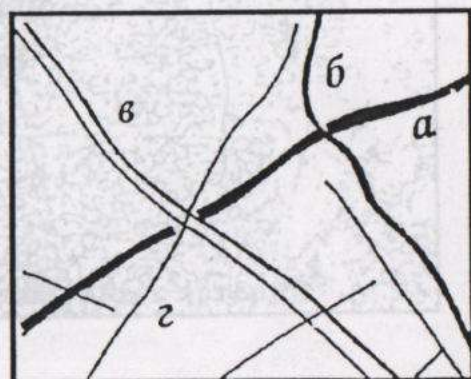
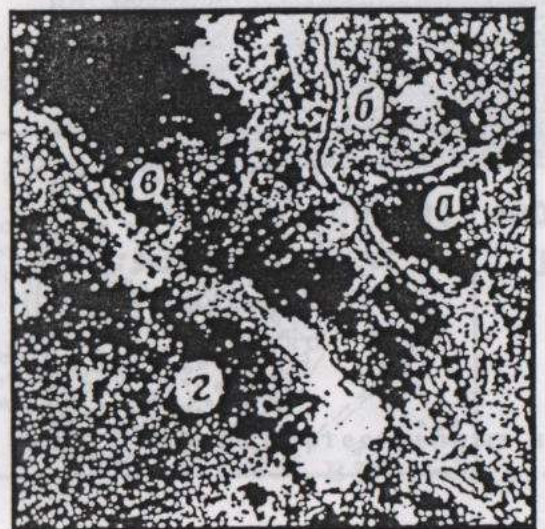
Таблица хронологического функционирования естественных
и искусственных водных артерий в Дже

1

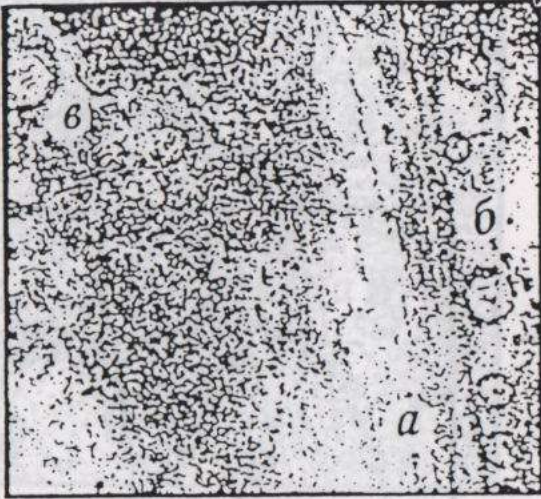
2

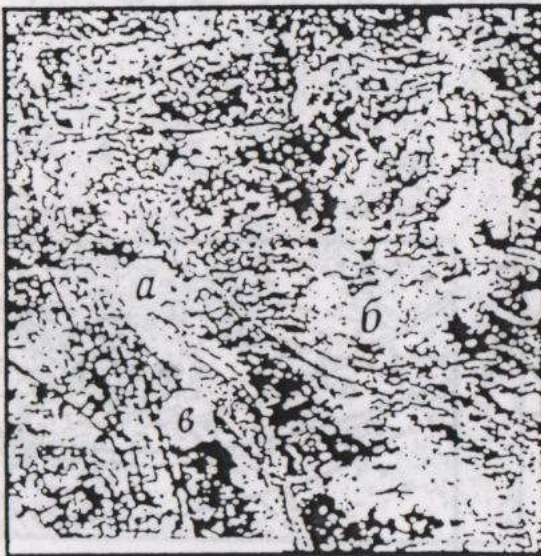
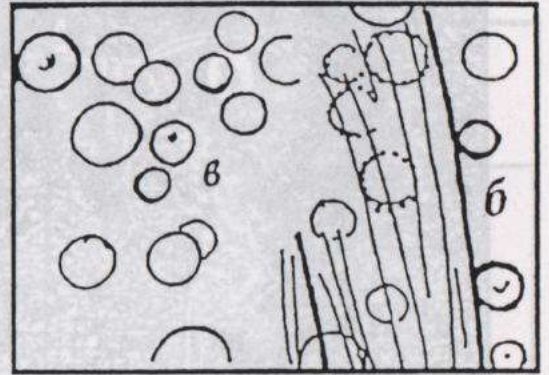
3

Рис. 6. Блок эталонных изображений простых и сложных наложений искусственных гидрообъектов

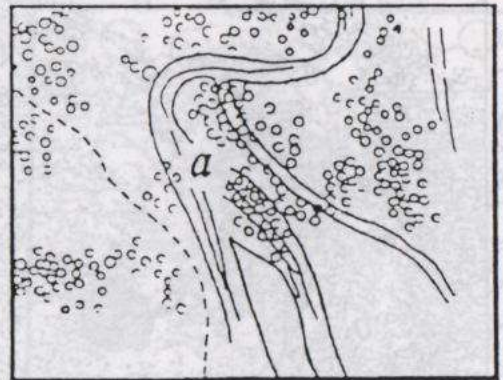
1 - простые наложения
2, 3 - сложные наложения

1

2

3

Рис. 7. Блок эталонных изображений сложноструктурных наложений объектов антропогенного ландшафта
 а - дублирующие каналы
 б - протоки
 в - могильники

Таблица хронологического функционирования естественных и искусственных водных артерий в Джетыясарском урочище

Городища	Естественные артерии			Искусственные артерии		
	оср. I тыс. до н.э. - I в. н.э.	II-IV вв.	V-VIII вв.	оср. I тыс. до н.э. - I в. н.э.	II-IV вв.	V-VIII вв.
Юго-западный массив						
Джеты-асар 2	1	1	-	-	4	-
Джеты-асар 3	1	3	2	-	30	70
Джеты-асар 11	1	5	-	-	-	-
Джеты-асар 12	1	1	-	-	16	-
Джеты-асар 13	2	4	-	-	20	-
Юго-восточный массив						
Джеты-асар 4	-	-	Эски-дарьялык	-	-	14
Джеты-асар 5	2	2	2	-	5	15
Джеты-асар 6	2	3	-	-	4	10
Джеты-асар 7	Эски-дарьялык	Эски-дарьялык	Эски-дарьялык	-	20	40
Джеты-асар 8	-	-	Эски-дарьялык	-	-	-

График динамики естественных и искусственных водоносителей (по вертикали - действующие водные артерии; по горизонтали - хронологические периоды)

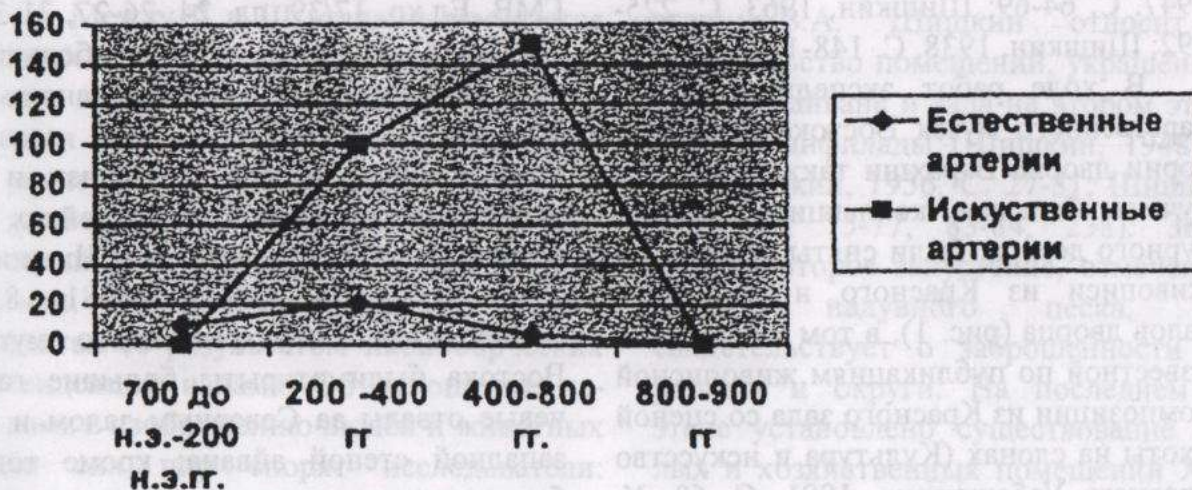

Рис.8. Динамика естественных и искусственных водных артерий в Джетыясарском урочище

Ганчевый декор дворца Варахши из фондов Государственного музея Востока: новые открытия

В 1987-1991 гг. Среднеазиатская археологическая экспедиция Государственного музея Востока под руководством Г.В. Шишкиной проводила исследования на городище Варахша под Бухарой (Архив ГМВ. Ф.1. Описание 5. Ед.хр. 2, 37-40; Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991. С. 55-59). Это городище хорошо известно по раскопкам 1930-1950-х гг. экспедиции Института археологии Узбекского филиала АН СССР (руководитель В.А. Шишкин), в ходе которых на Варахше был открыт загородный дворец правителей Бухары - бухар-худатов V-IX вв. Залы дворца украшали настенная живопись, терракотовые рельефы и резной алебастровый (ганчевый) декор. Описанию и анализу собранной огромной коллекции ганча В.А. Шишкин уделил большое внимание (Шишкин, 1947. С. 64-69; Шишкин, 1963. С. 225-292; Шишкин, 1938. С. 148-152).

В ходе работ экспедиции Государственного музея Востока на территории дворца Варахши также была получена большая коллекция архитектурного декора: были сняты фрагменты живописи из Красного и Западного залов дворца (рис. 1), в том числе часть известной по публикациям живописной композиции из Красного зала со сценой охоты на слонах (Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991. С. 60. № 462; Пугаченкова, 1987. С. 150; Шишкин, 1963. Табл. I-IV, VI-XII), и собрано более 11 тысяч фрагментов резного ганча из парадного айвана дворца.

В 1999 г. коллекция ганча была выделена в специально созданный в секторе Средней Азии Отдела истории материальной культуры и древнего

искусства «Фонд архитектурного декора Средней Азии и Кавказа» и сейчас составляет его значительную часть. Разбор музейной коллекции дал уникальные фрагменты ганча, а его исследование на данный момент позволяет в настоящей работе высказать некоторые предположения о времени появления этого вида архитектурного убранства во дворце Варахши.

При раскопках фрагменты ганча встречались практически на всей территории дворца (рис. 1): в двух из четырех комнат Восточной анфилады, в Западном зале, во двориках между Красным и Северным залами и к западу от айвана (Шишкин, 1963. С. 61-63, 73, 75-76, 80-81). В полевых дневниках В.А. Шишкина имеются сведения о находках фрагментов ганчевого декора и в других помещениях дворца (Архив ГМВ. Ед.хр. 17/39, лл. 24, 26-27, 31-32, 34-35, 43-45, 74). Самое большое количество ганча было обнаружено им в Южной анфиладе в завале строительного мусора, на полах и в отвале в центре айвана, в постройках на территории Северного зала (Шишкин, 1963. С. 53-54, 75-76, 80-81, 83). Экспедицией Государственного музея Востока были открыты большие ганчевые отвалы за Северным залом и за западной стеной айвана; кроме того, был полностью расчищен отвал в центре айвана. В Красном зале было найдено также большое количество фрагментов ганча, «захороненных» в 1950-е гг. экспедицией В.А. Шишкина за невозможностью вывоза.

Таким образом, значительная часть фрагментов ганча из коллекций обеих экспедиций была получена при раскопках четырех ганчевых отвалов,

образовавшихся в древности в разных помещениях дворцового комплекса Варахши: отвал № I - в помещениях Южной анфилады, № II - в районе Северного зала, № III и IV - на айване (рис. 1). Местонахождение, время и причины образования ганчевых отвалов, на наш взгляд, требуют тщательного рассмотрения, т.к. они тесно связаны с интерпретацией последних этапов истории существования дворца Варахши.

Опираясь на сведения из «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи и данные собственных археологических раскопок (Шишкин, 1963. С. 57, 62, 82-84, 236), В.А. Шишкин выделил четыре этапа в истории существования Варахшинского дворца (табл. 1). К I этапу (конец V - VI в.) он отнес строительство группы помещений вдоль южной (крепостной) стены, включая Восточный и Красный залы. На II этапе (VI - конец VII в.) производился капитальный ремонт дворца; появились настенные росписи в Восточном и Красном залах.

Между II и III этапами отмечается первый период запустения дворца, когда, в частности, были испорчены росписи Красного зала - на них частично уничтожены изображения людей и животных. Умышленную порчу росписей В.А. Шишкин относил ко времени первых набегов арабов, так как считал ее результатом иконоборческих тенденций ислама. Об отношении ислама к изображению людей и животных до сих пор спорят исследователи: запреты на изобразительную деятельность встречаются в комментариях к Корану, но их придерживались далеко не со всей строгостью (Бартольд, 1971. С. 250; Денике, 1938. С. 7-10; Настич, 1990. С. 129-130; Шишкин, 1963. С. 189; Юсупова, 1997. С. 139-149).

Более точные данные для датировки первого периода запустения дает

археологический материал - это следы большого пожара. Повсеместно на территории дворца отмечается наличие горелого слоя, подстилающего постройки III этапа. Дворец мог быть сожжен в один из набегов арабов, или пожар явился результатом их карательных действий. Первые же набеги на Бухару арабы совершили в 673/74 гг., а более прочное завоевание Мавераннахра произошло при наместнике Хорасана Кутейбе ибн Муслиме, убитом в 715 г. Исходя из этого, 1-й период запустения предположительно можно датировать концом VII - началом VIII в.

III этап, по мнению В.А. Шишкина, это время значительных перестроек дворца Варахши во время правления бухар-худата Буниата (между 767 (или 775) и 782-84 гг.): во дворце появляются Южная анфилада, Северный и Западный залы; в Красном зале и соседних помещениях происходят перестройки; возводятся помещения так называемой Восточной анфилады внутри Восточного зала. К этому же этапу В.А. Шишкин относит и строительство помещений, украшенных ганчем - айвана и зала на втором этаже Южной анфилады (Шишкин, 1948. С. 10; Шишкин, 1956. С. 27-31; Шишкин, 1963. С. 75-77, 83-84, 238). Затем следует второе запустение, отмеченное слоями надувного песка, что свидетельствует о заброшенности городища и округи. На последнем IV этапе установлено существование жилых и хозяйственных помещений X-XI вв. на территории к западу от дворца и на развалинах айвана, со стен которого обваливался, а может быть, и сбивался ганчевый декор.

Исследования экспедиции музея Востока на территории дворцового комплекса Варахши позволяют предложить новые датировки III и IV этапов

истории существования дворца (табл. 1).

Если рассматривать результаты раскопок дворца Варахши в полном объеме, создается впечатление, что жизнь во дворце как бы смещалась в направлении на запад: самыми первыми (в начале VIII в.) были заброшены Восточный зал и Восточная анфилада, затем Южная анфилада, Северный зал, Красный зал; дольше других помещений дворца (до конца VIII в.) существовали Западный зал и айван. В IX в., после убийства Буниата, Варахша находилась в руках его потомков (Мухаммад Наршахи, 1897. С. 17-19), при которых на территории айвана было возведено сооружение, занимавшее треть площади прежнего зала, получившее название «поздний айван». При его строительстве была разрушена западная стена большого айвана, а ее ганчевый декор сбит. По нашим представлениям, эти перестройки и являются IV этапом в истории дворца.

Поскольку ко времени правления потомков Буниата помещения в восточной и северной частях дворца были заброшены, сбитый со стен айвана ганч относили в комнаты Южной анфилады (отвал № I), в район Северного зала (отвал № II) и выбрасывали за западной стеной айвана (отвал № III).

Последним хозяином Варахши был правнук Буниата Абу-Исхак: Наршахи рассказывает о том, как Исмаил Самани (874-907 гг.) отобрал у него огромные поместья (Мухаммад Наршахи, 1987. С. 18). Таким образом, возможно, что последняя четверть IX в. - это время окончания IV этапа и прекращения существования дворца.

Затем археологически прослеживается новый период запустения, и, наконец, в X-XI вв. площадь позднего айвана и территория за его западной и

северной стенами застраиваются небольшими жилыми и хозяйственными помещениями. Как нам кажется, именно в это время могли быть сбиты остатки ганчевого декора с восточной стены айвана, а, возможно, были собраны те куски, которые к этому времени сами упали со стены, что подтверждает и сохранившийся *in situ* большой фрагмент декора на полуколонне (Шишкин, 1963. С. 77). Этот ганч, утрамбованный и выровненный, вместе с другим строительным мусором использовали для подготовки платформы под новое строительство. Так, в северо-восточном углу позднего айвана, т.е. в центре прежнего большого айвана, образовался очень плотный отвал № IV. Использование строительного мусора под платформы для последующих построек известно и в других помещениях дворца Варахши: как отмечает В.А. Шишкин, это - «явление, весьма распространенное в строительстве Передней Азии, Ирана и Средней Азии» (Шишкин, 1963. С. 56).

Детальные исследования айвана экспедицией Государственного музея Востока позволили также пересмотреть выводы В.А. Шишкина о появлении ганчевого декора в годы правления Буниата и о существовании двух залов во дворце, украшенных резным ганчевым декором, - помещения на втором этаже Южной анфилады и парадного айвана.

Теперь представляется более вероятным, что резным алебастром были отделаны только стены айвана (Алпаткина, 1999. С. 65-66). В частности, масштабность сцен ганчевого декора с изображением всадников говорит о том, что они должны были находиться в зале значительных размеров (Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991. С. 58. № 56). Выявленная в ходе раскопок музейной экспедиции

планировка дает представление об айване как об огромном парадном зале, специально обустроенном для размещения большого числа посетителей и предназначенном для устройства пышных приемов, в связи с чем его отделке было уделено особое внимание. Резной декор на стенах айвана не только ремонтировался (Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991. С. 55), но и, как мы покажем далее, вся или большая часть ганчевого убранства зала могла обновляться. Помещения же Южной анфилады, вероятнее всего, послужили для сброса строительного мусора с обломками ганча, сбитого или упавшего со стен айвана.

Огромная коллекция из раскопок В.А. Шишкина и материалы из открытых экспедицией Государственного музея Востока двух новых ганчевых отвалов не позволяют разместить весь огромный объем декора в одном парадном зале в такой короткий промежуток времени, как правление бухархудата Буниата. О более продолжительном существовании помещения, украшенного резьбой по алебастру, и о ремонтах и/или замене ганчевого декора свидетельствуют находки фрагментов с двухслойной резьбой.

Применительно к двухслойному ганчу В.А. Шишкин пишет: «Для определения длительности промежутка времени между возникновением раннего и более позднего алебастрового декора данными мы не располагаем; но так как, по-видимому, стены оставались теми же, этот промежуток не должен быть очень значительным» (Шишкин, 1963. С. 177). Раскопки экспедиции Государственного музея Востока, напротив, показали, что этот промежуток времени мог быть достаточно продолжительным: стены айвана, за исключением перестроек западной стены, оставались неизменными на

протяжении более 200 лет (Алпаткина, 1999. Рис. 2). Для того, чтобы выяснить, сколько времени могло пройти между ремонтами айвана и заменой ганчевого декора, вернемся к III этапу истории дворца Варахши, каким его представлял себе В.А. Шишкин.

Появлением горелого слоя во всех помещениях дворца, включая айван, датируется начало 1-го периода запустения, а большое строительство, развернувшееся на III этапе, как считал В.А. Шишкин, - это восстановление дворцовых помещений после запустения. Об этом периоде запустения он пишет только то, что дворец был заброшен и подвергся разрушениям, переходя далее сразу к III этапу капитальных перестроек, к которым он причисляет и строительство двух помещений с ганчевым декором. «Все эти сооружения, если продолжать сопоставления с сообщениями «Истории Наршахи», мы должны признать теми постройками бухархудата Буниата, которые были возведены после захвата Бухарской области арабскими полководцами... [Буниат] был убит по приказанию халифа за участие в движении Муканны в 166 (782/83) г. Продолжительность правления Буниата... «История Наршахи» определяет в семь лет. Следовательно, если принять за достоверное сообщение о том, что дворец возобновил именно Буниат, ...это событие произошло между 775 и 782 гг.» (Шишкин, 1963. С. 83-84).

Как говорилось выше, с 673/74 по 715 год историки отмечают первые разрушительные набеги арабов в Бухарскую область, т.е. к этому времени мы можем предположительно отнести пожар на Варахше, отмеченный горелым слоем; в 775-782 гг. дворец восстановлен. Таким образом, первый период запустения дворца, по В.А.

Шишкину, составил от 60 до 100 лет. В свете последующих исследований столь продолжительное запустение представляется маловероятным. Значительные изменения в организации пространства айвана - оформление в его западной стене выхода на улицу, ведущую к городским воротам; возведение системы суф разных уровней и их перестройки; вымостка пола двора жженым кирпичом, покрытым ганчевой штукатуркой, и ремонты штукатурки; отделка стен резным ганчевым декором, а затем обновление ганчевой резьбы - все эти перестройки не могли быть произведены в такой короткий период времени, как годы правления Буниата.

Таким образом, исследованиями выявлены огромное количество декора, большое разнообразие сюжетов, некоторые отличия в сюжетах на фрагментах из отвалов в Южной анфиладе и на айване: В.А. Шишкин, в частности, отмечал, что в декоре айвана ярче, чем на фрагментах из Южной анфилады, выступает сцена охоты (Шишкин, 1963. С. 179). Нужно учитывать и то, что прочность ганча как строительного и отделочного материала, изделия из которого сохраняются веками, не требует частого обновления, а работы по украшению стен айвана площадью более 900 кв. м - процесс достаточно трудоемкий. Все это наводит на мысль о строительстве айвана уже в конце I этапа и о появлении ганчевого декора в правление одного из предшественников Буниата и последующем ремонте/обновлении ганча при самом Буниате.

Обратимся теперь к последним представителям династии бухар-худатов. В сложной обстановке начинающегося арабского завоевания Бухарой 15 лет правила царица, мать Тогшады I (Большаков, 1998. С. 160-161, 212-213). В VIII в. Бухарой правили Тогшада I и

его сыновья. Как уже указывалось, можно допустить, что дворец на Варахше был сожжен арабами в конце VII-начале VIII вв. Дискуссия о численности и порядке преемственности бухар-худатов длится уже не первое десятилетие (Бартольд, 1968. С. 290; Из истории культурного наследия Бухары, 1990. С. 4-5; Шишкин, 1963. С. 234-239). Мы берем за основу список династии, который был составлен В.А. Шишкиным на основании данных «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи в переводе Н. Лыкошина: Тогшада I (начало правления - 706 или 707 г., умер в 738 или 739 г.), Кутейба (739-750 гг.), Тогшада II (750/51-760 гг.), Сукан (760-767 гг.), Буниат (начало правления - 767 г., убит между 782 и 784 гг.). Согласно другим рукописям, Кутейба и его брат Тогшада II вместе с другими членами семьи были убиты Абу Муслимом в 751 или 752 году за вероотступничество; правителем Бухары был поставлен Буниат, «который получил земельные владения и недвижимое имущество казненного бухархудата» (Карев, 2001. С. 204).

Политическая история Согда при арабах нестабильна. Хотя в начале VIII в. они подчинили себе согдийские владения, власть их была непрочной. С 719 по 739 гг. происходили почти непрерывные войны, а также восстания местного населения. После очередной волны восстаний в середине VIII в. начинается процесс массовой исламизации (Карев, 2001. С. 204; Распопова, Шишкина, 1999. С. 50), и уже в 70-е гг. VIII в. в Мавераннахре вновь разворачивается антиарабское движение. В связи с этим современные исследователи отмечают, что только в первой половине VIII в. правители Мавераннахра, будучи данниками халифа, сохраняли ограниченную власть; в середине же VIII века высший слой

знати хотя и не был уничтожен полностью, но положение правящей элиты было, видимо, окончательно подорвано (Карев, 2001. С. 204-205).

Принимая во внимание политическую ситуацию в Бухаре в VIII в. и данные археологических исследований, наиболее вероятным представляется восстановление дворца Варахши в правление Тогшады I. Наршахи так характеризует его продолжительное, 32-летнее, правление: «Кутейба отдал Бухару Тогшаде, поставил его правителем, очистил для него царство (от смут) и у всех врагов Тогшады отнял силу» (Мухаммад Наршахи, 1897. С. 16). Периоды пребывания у власти сыновей Тогшады были менее продолжительными - от 7 до 12 лет. К тому же об одном них, предшественнике Буниата, - Сукане известно, что он был убит во дворце Варахши (Мухаммад Наршахи, 1897. С. 30). В.А. Шишкин сам допускает, что «...дворец в это время, около 767 г. (по приблизительным расчетам), в какой-то своей части существовал» (Шишкин, 1963. С. 238).

Исходя из вышеизложенного, восстановление Варахшинского дворца после пожара предположительно можно отнести ко времени правления Тогшады I. Это подтверждает и высказывание В.А. Шишкина о Буниате, которое, как нам кажется, с большим правом относится к правлению его отца: «К строительным мероприятиям Буниата (*читай - Тогшады I*) ... следует отнести большие работы, в результате которых дворец был не только восстановлен, но, в сущности, построен заново на старом месте. Строительство должно было занять продолжительное время: к постройкам этого периода следует отнести... сооружение... пышного, богато украшенного айвана... Значительный объем работ по постройке дворца, обилие и тщательность замечательной

резьбы по алебастру говорят о том, что правитель Бухары, несмотря на продолжавшуюся ... борьбу с арабскими завоевателями, был... достаточно влиятелен и богат, и что в его распоряжении было много людей, привлекавшихся к строительству» (Шишкин, 1963. С. 238).

Таким образом, наши исследования позволяют высказать предположения об изменениях в датировках последних периодов истории дворца Варахши (табл. 1). Теперь иначе представляется III этап: капитальный ремонт дворца мог происходить не в конце VIII в. при бухар-худате Буниате, а в начале - середине VIII в. в правление Тогшады I. Тогда же парадный айван мог быть впервые украшен резным ганчем, а при Буниате производились значительные работы по ремонту/обновлению декора. IV этап (конец VIII - конец IX в.) отмечен последними перестройками дворцовых помещений - это завершающий этап в истории существования Варахшинского дворца. Следующий, V этап, показывает, что дворцовые развалины, как и другая территория городища, осваивались под строительство жилых и ремесленных помещений уже в X-XI вв.

В заключение хочется представить уникальные фрагменты ганчевого декора из коллекции Государственного музея Востока (рис. 2, 3)*.

Это четыре фрагмента панно с изображением плодов фруктового дерева, вероятнее всего, гранатового яблока. Резьба выполнена от руки. Рисунок, после того, как он был вырезан, покрыт тонким слоем жидкой ганчевой штукатурки и покрашен красной краской. Следы краски сохранились на листьях одного из плодов (рис. 2*в*), на всей поверхности граната другого фрагмента, по бокам плода и на фоне вокруг него в пределах круга (рис. 3*а*).

*Рисунки к статье выполнены Д.А. Жулиной.

Исследуя варахшинский ганч, В.А. Шишкин сразу же отметил, что его поверхность оставлена белой; следы подкраски черной и охристой красками были обнаружены лишь на нескольких фрагментах из Южной анфилады (Шишкин, 1963. С. 175); был найден также фрагмент с окрашенным в красный цвет глазом птицы (Шишкин, 1947. С. 11; Шишкин, 1963. С. 167). В коллекции Государственного музея Востока, кроме описанных фрагментов с красными плодами граната, имеется еще большой фрагмент с изображением рыбы (инв. № 4142 III), на плавниках которой также сохранились следы красной краски. Цвет в штучковых орнаментах - тема отдельного исследования. Здесь отметим только, что на памятниках Средней Азии крашенный ганч имел широкое распространение в IX-XII вв. (Ахраров, Ремпель, 1974. С. 56, 64; Бородина, 1990. С. 108-114; Гулямова, 1990. С. 61-73; Немцева, 2001. С. 232, 234. Рис. 2, 4; Семенов и др., 2000. С. 4, 72-74, 84), в то время как варахшинский ганчевый декор датируется VIII в.

Еще одна уникальная особенность фрагментов с плодами - это их двусторонняя резьба. При раскопках В.А. Шишкина в Южной анфиладе в 1938 г. были найдены несколько фрагментов с двухслойной резьбой: на них поверх ранней резьбы был наложен новый слой алебаstra и вырезан иной сюжет (Шишкин, 1963. С. 175). Подобные фрагменты были найдены и нами при раскопках айвана в отвалах № III и IV. Представленные же фрагменты с гранатами (из отвала № IV) отличает резьба на обеих сторонах ганчевой плитки. На оборотной стороне двух фрагментов (рис. 2а и 3б) вырезан сюжет, напоминающий широко распространенные в варахшинском ганчевом декоре мотивы: цепочка из

«перлов» и плавно изгибающиеся побеги. Техника резьбы обеих сторон одинакова: глубокая резьба, выполненная от руки. Обратная сторона третьего и четвертого фрагментов с изображением гранатовых яблок сильно оббита, но, судя по толщине всех фрагментов (4,2 см, 4,5 см, 4,6 см и 5,2 см), они также были двусторонними. Это подтверждает и тот факт, что, в отличие от сюжетов, выполненных в декоре Варахши техникой высокого рельефа, толщина ганчевого слоя, на котором вырезалась более плоская орнаментальная резьба, составляла от 1,5 до 3 см (Гражданкина, 1974. С. 91-92; Шишкин, 1963. С. 166).

Орнамент с плодами первичен, что особенно хорошо видно на одном из фрагментов: мастер, вырезая орнамент на другой стороне, выбрал материал на всю толщину панно до тыльной стороны орнамента с гранатом (рис. 2б).

На Афрасиабе наряду с настенной резьбой практиковалось крепление на стене и сводах готовых изделий из ганча - литых досок, формованных пластин и других штучных изделий; выбор приема резьбы зависел от места крепления панно. Сборка навесных деталей велась на том же быстросхватывающемся ганчевом растворе (Ахраров, Ремпель, 1974. С. 95). В нашем случае так же могла быть сформована панель (панно) из ганча, на которой затем был вырезан орнамент с плодами. На оборотную сторону панели после ее затвердения был нанесен новый слой ганча и вырезан мотив с перлами и побегами.

Двусторонняя панель должна была крепиться так, чтобы были доступны для обозрения обе стороны панно, как, например, в одном из помещений постройки дворцового типа на раннесредневековой цитадели городища Хисорак в Горном Согде. Вдоль стен

этого помещения тянулась сплошная суфа, на краю которой, отделяя ее от входа, располагалась тамбурная стенка, оформленная с обеих сторон окрашенным в красный цвет орнаментом, оттиснутым по толстой (до 4 см) глиняной штукатурке (Ставиский, Якубов, 1999. С. 112, 114, 118, 121). Известны также перегородки на суфах в Зале царей на Топрак-кале (Топрак-кала, 1984. С. 116. Рис. 60).

К настоящему времени на айване в ходе раскопок экспедиции Государственного музея Востока выявлено только одно место, где можно разместить двустороннее панно - это «ниша» (некий объем) размером 1x1 м, заключенная в кладку стены - южной щеки прохода в западной стене, охваченной суфами, появившаяся во время одной из перестроек айвана на III этапе его существования. Пол ниши так же, как и поверхности низких суф, был покрыт ганчевой штукатуркой; от северной и южной суф ее отделяли тонкие (около 15 см) перегородки (рис. 1), которые на определенной высоте могли иметь орнаментальные ганчевые панно.

В нишах при входе в парадный зал посетители могли оставлять какие-то вещи. Так, в бане Рабат-и Малика имеются пустотелые «карманы» для банного инвентаря размером 1,5x3 м (Немцева, Сапаров, 2002. С. 244). С другой стороны, принимая во внимание расположение ниши при входе в айван и открывающийся из нее вид на значительную часть двора (на его южную половину), можно предположить, что здесь стоял стражник, как, например, это изображено на миниатюре XIII

в. (Миниатюры к произведениям Амира Хосрова, 1983. Л. 148а. Илл. 72). На миниатюре-фронтисписе рукописи Низами «Хамсе» (XV в.) показана сцена угощения во дворце: внутренний дворик, жилые комнаты и будка с охранником (Масленицына, 1975. Илл. 101). Возможно, конечно, что изображением будки с одним охранником показано вообще наличие стражи во дворце.

Таковы в общих чертах, по нашим предположениям, заключительные этапы истории существования дворца Варахши с VIII по X-XI вв. Исследования на айване, как и во дворце в целом, до настоящего времени не завершены. Далеко не закончена также научная обработка коллекции резного ганчевого декора из раскопок Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея Востока. Поэтому предложенная интерпретация последних периодов истории дворца Варахши, а также создания и ремонтов декоративного убранства парадного айвана может рассматриваться лишь в качестве предположения, которое будет уточнено при последующих исследованиях.

В целом представленный материал показывает, что в ходе дальнейшей работы с коллекцией резного ганча из фондов Государственного музея Востока, несомненно, появятся новые интересные данные по истории дворца Варахши и архитектурного декора этого замечательного памятника искусства раннесредневековой Средней Азии.

Библиография

- Архив ГМВ. Ф.1, Опись 5, фонд Среднеазиатской археологической экспедиции, ед.хр. 2, 37-40.
Архив ГМВ. Фонд Г.В.Шишкиной, ед.хр. 17/39.

- Алпаткина Т.Г.* Парадный айван Варахши: новые исследования // Материальная культура Востока. М., 1999.
- Ахраров И.А., Ремпель Л.* Резной шtuk Афрасиаба. Ташкент, 1974.
- Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VII. М., 1971.
- Большаков О.Г.* История Халифата. Т. III. Между двух гражданских войн. 656-696 гг. М., 1998.
- Бородин И.Ф.* Стенные росписи и цвет в архитектуре интерьеров Средней Азии X-XII вв. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Гражданкина Н.С.* Особенности технологии резного гипса Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Гулямова Э.* Дом богатого горожанина IX-XI вв. и его ганчевый декор // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 17. М., 1990.
- Денике Б.П.* Живопись Ирана. М., 1938.
- Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.
- Карев Ю.В.* Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII века // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М.-СПб., 2001.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М., 1991.
- Масленицына С.* Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л., 1975.
- Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви. Ташкент, 1983.
- Мухаммад Наршахи.* История Бухары. Пер. Н.Лыкошина. Ташкент, 1897.
- Настич В.Н.* Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Городская художественная культура Востока. М., 1990.
- Немцева Н.Б.* Степная резиденция Караханидов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. СПб., 2001.
- Немцева Н.Б., Сапаров Н.Ж.* Банный комплекс Рабат-и Малика // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
- Пугаченкова Г.А.* Шедевры Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Распопова В.И., Шишкина Г.В.* Согд // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж.К. и др.* Раскопки в Пайкенде в 1999 году. Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. 1. СПб., 2000.
- Ставицкий Б.Я., Якубов Ю.Я.* Находки в бассейне Верхнего Зеравшана // Наследие предков. № 4. Душанбе, 1999.
- Топрак-кала. Дворец // Труды ХАЭЭ. 1984. Т. XIV.
- Шишкин В.А.* Новые данные по искусству Согдианы. Резная шtukовая декорация из развалин Варахша близ Бухары // Искусство. № 5. М., 1938.
- Шишкин В.А.* Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.
- Шишкин В.А.* Архитектурная декорация дворца в Варахше // ТОВЭ. Т. IV. Л., 1947.
- Шишкин В.А.* Археологические работы 1947 г. на городище Варахша // Известия АН УзССР. № 5. Ташкент, 1948.
- Шишкин В.А.* Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947-1953 гг.) // ТИИА АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.
- Шишкин В.А.* Варахша. М., 1963.
- Шишкина Г.В.* Варахша // Культура и искусство древнего Узбекистана. Кн. 2. М., 1991.
- Юсупова М.А.* Изображение живых существ в декоре мусульманского зодчества Центральной Азии // Проблемы искусствознания Узбекистана. Ташкент, 1997.

Таблица 1

<p>Периодизация истории дворца Варахши (по данным В.А.Шишкина)</p>	<p>Изменения в свете новых данных</p>
<p>I этап - конец V-VI вв.</p>	<p>I этап - конец V-VI вв. (в т.ч. строительство айвана)</p>
<p>II этап - VI - конец VII в.</p>	<p>II этап - VI - конец VII в. (в т.ч. перестройки на айване)</p>
<p><i>I-й период заупустения - конец VII - VIII вв.</i></p>	<p><i>I-й период заупустения - конец VII - начало VIII в. (в пределах этой даты период мог быть кратким)</i></p>
<p>III этап - 775-782 гг. (строительство айвана при Буниаге; резной декор) - начало IX в.</p>	<p>III этап - 1-я половина VIII в. (капитальный ремонт дворца при Тогшаде I: резной декор на айване; 775-782 гг. - ремонт айвана и декора при Буниаге)</p>
<p><i>2-й период заупустения</i> IX век</p>	<p><i>2-й период заупустения,</i> последняя четверть VIII в.</p>
<p>IV этап - X-XI вв.</p>	<p>IV этап - конец VIII - конец IX в. (поздний айван при потомках Буниага) прекращение существования дворца: ганчевые отвалы I, II, III</p>
	<p><i>3-й период заупустения</i> конец IX-X вв.</p>
	<p>X-XI вв. (ганчевый отвал № IV)</p>

С

УЛИЦА

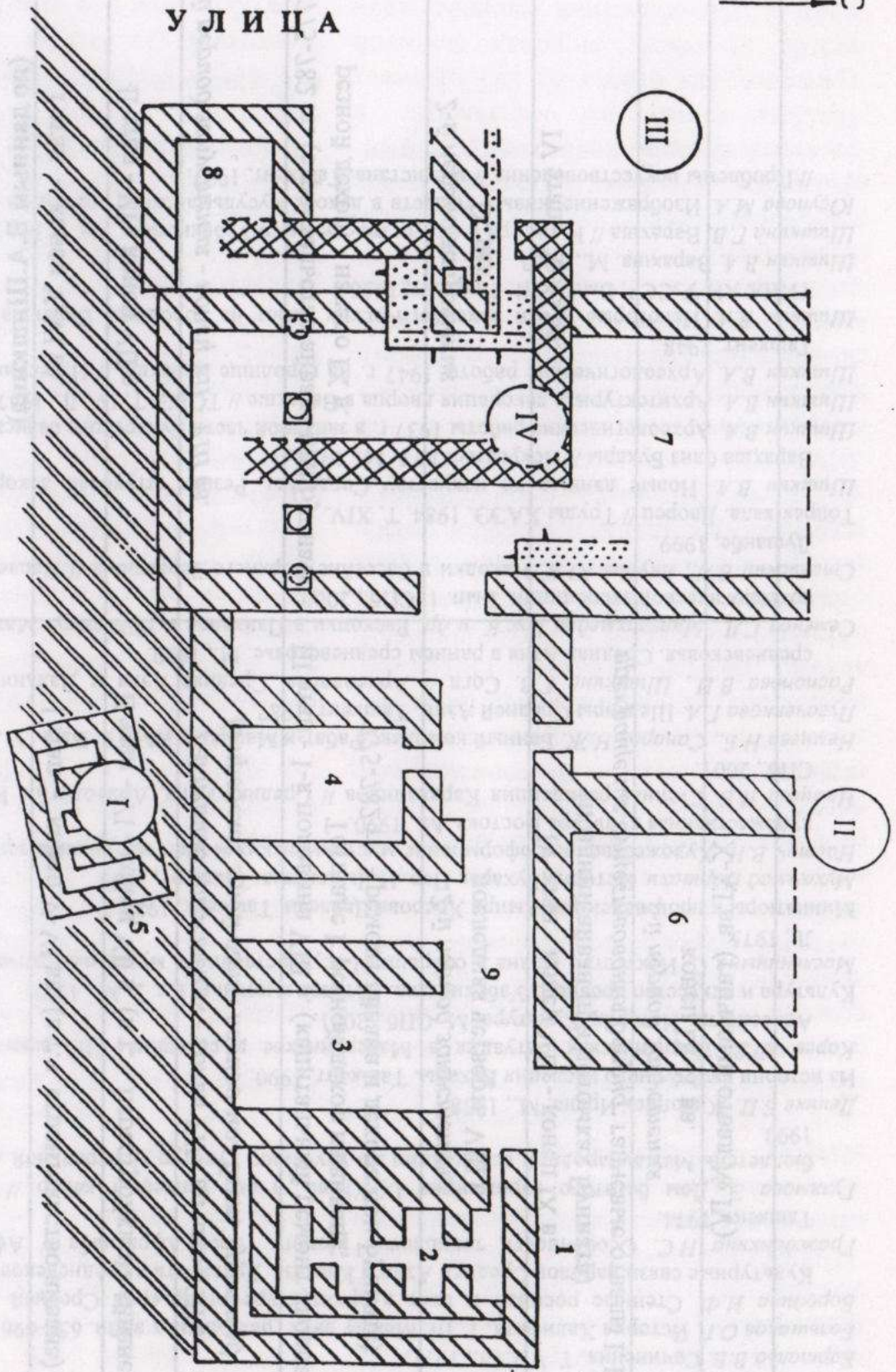

Рис. 1. Варакша. Дворец. Схема расположения ганчевых отвалов.

- кладка крепостной стены
- стены помещений двора V-IX вв.
- стены позднего айвана
- суфы с ганчевым покрытием

- 1 - Восточный зал
- 2 - Восточная анфилада
- 3 - Красный зал
- 4 - Западный зал
- 5 - Южная анфилада

- 6 - Северный зал
- 7 - айван
- 8,9 - дворики
- Ⓚ - ганчевые отвалы

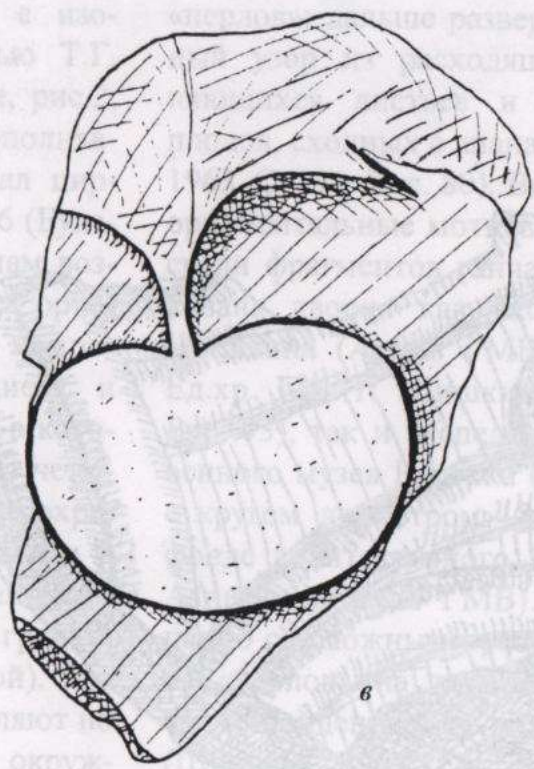
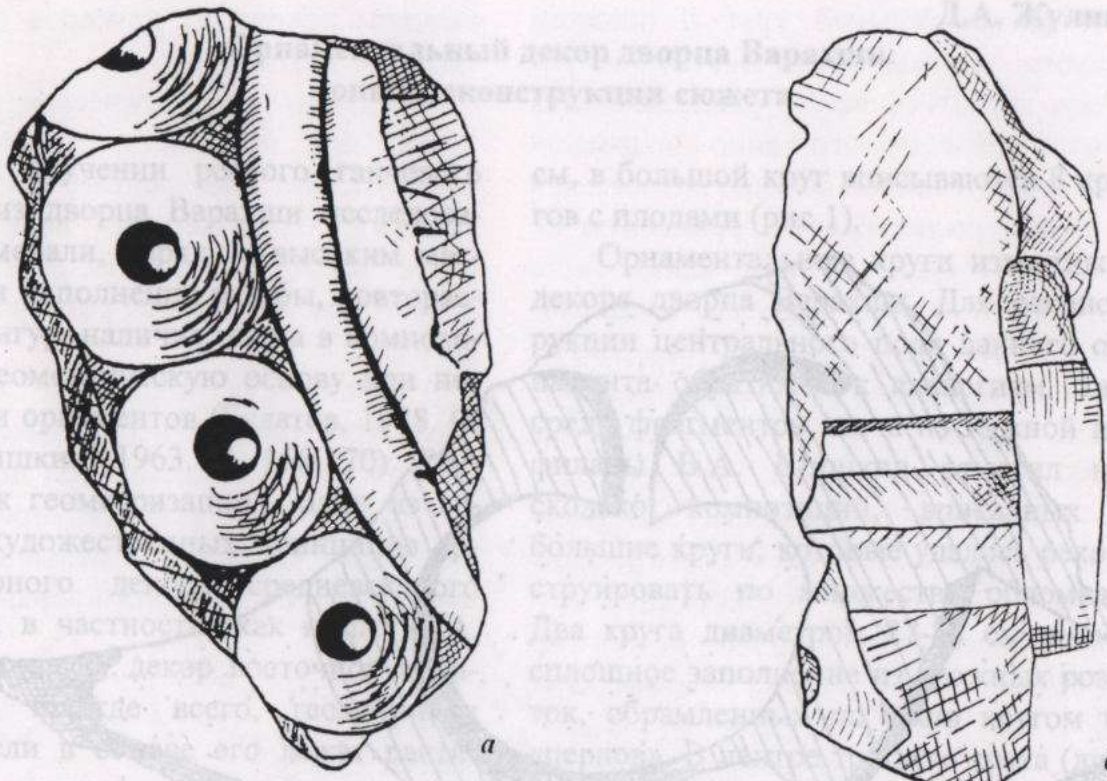
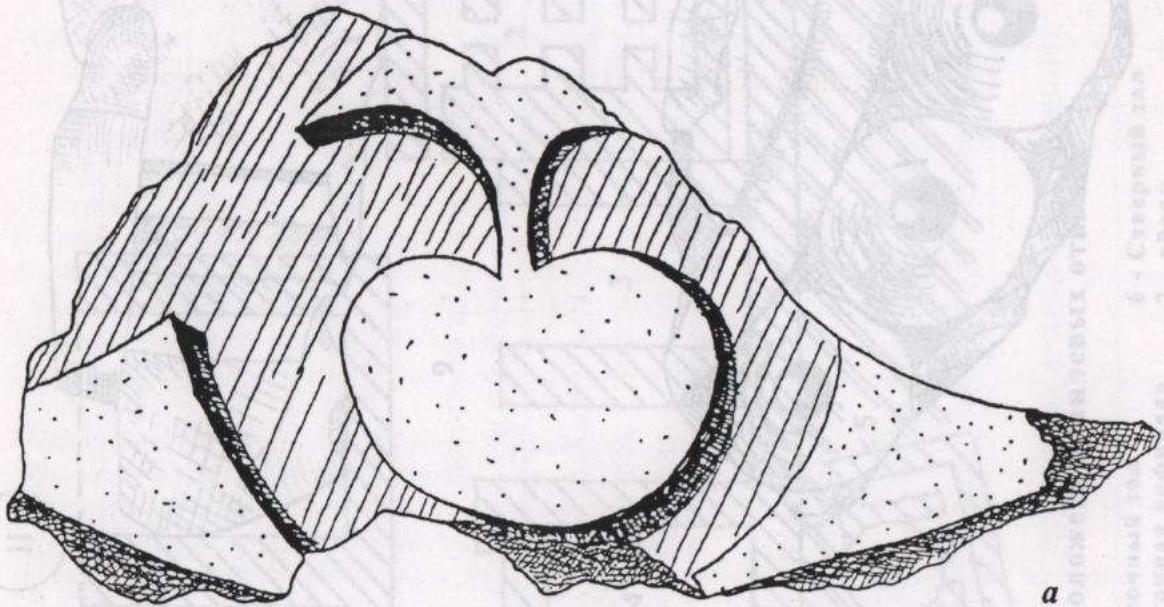

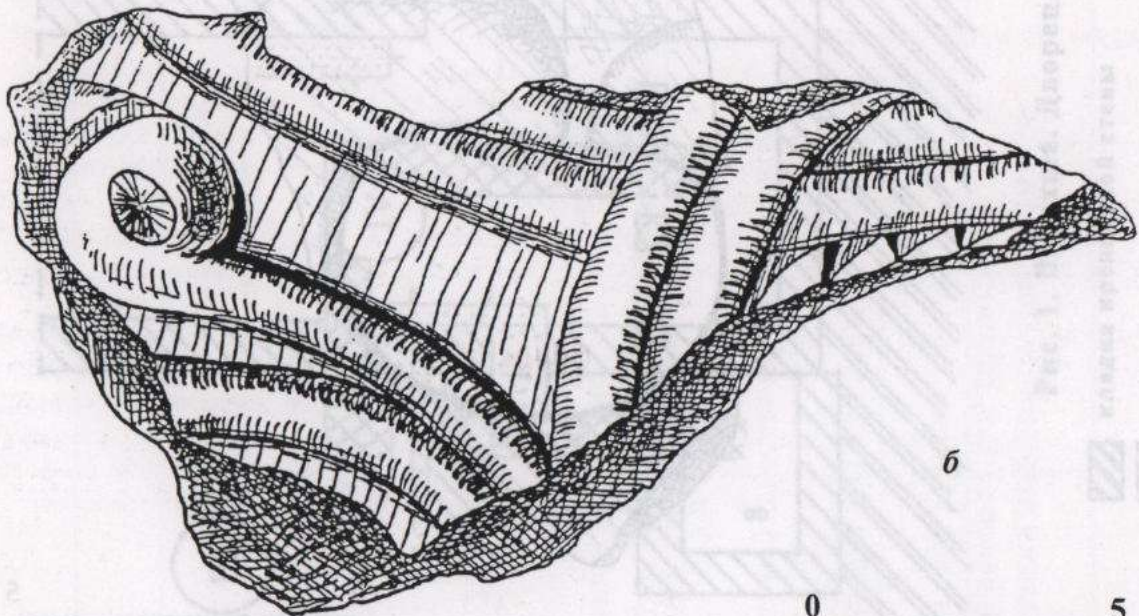
Рис. 2. Двусторонний фрагмент. Ганч.

Автор выражает благодарность профессору И.М. Азимову за помощь при подготовке рисунков и реконструкции

выполнения орнамента с помощью программы AutoCAD. Предположить в центре нашего орнамента сложную многолепестковую розетку. Учитывая деление круга на 16

a

b

Рис. 3. Двусторонний фрагмент. Ганч.

Рис. 1. 1 - Дореп. Стена раскопки. 2 - Северный зал. 3 - Восточный зал. 4 - Южный зал. 5 - Южная аллея. 6 - Северный зал. 7 - Южный зал. 8,9 - Дореп.

Рис. 2. 1 - Восточный зал. 2 - Восточная аллея. 3 - Красный зал. 4 - Южный зал. 5 - Южная аллея.

Рис. 3. Двусторонний фрагмент. Ганч.

Ключ к рисунку: 1 - Стена раскопки. 2 - Северный зал. 3 - Восточный зал. 4 - Южный зал. 5 - Южная аллея. 6 - Северный зал. 7 - Южный зал. 8,9 - Дореп.

Ключ к рисунку: 1 - Стена раскопки. 2 - Северный зал. 3 - Восточный зал. 4 - Южный зал. 5 - Южная аллея. 6 - Северный зал. 7 - Южный зал. 8,9 - Дореп.

Д.А. Жулина

Орнаментальный декор дворца Варахши: опыт реконструкции сюжета

При изучении резного ганчевого декора из дворца Варахши исследователи отмечали, наряду с высоким мастерством исполнения резьбы, повторяемость фигур, наличие ритма в композиции и геометрическую основу при построении орнаментов (Булатов, 1988. С. 266; Шишкин, 1963. С. 166-170). Тенденция к геометризации - один из ведущих художественных принципов архитектурного декора средневекового Востока; в частности, как пишет Г.А. Пугаченкова, «...декор восточной архитектуры, прежде всего, геометричен (даже если в основе его лежат растительные, эпиграфические и зооморфные мотивы)» (Пугаченкова, 1987. С. 124).

Анализ фрагментов ганча с изображением гранатов (см. статью Т.Г. Алпаткиной в данном сборнике, рис.2, 3) показывает, что мастер, выполнявший этот орнамент, использовал циркуль и деление круга на 4, 8 и 16 (Булатов, 1988. Рис. 192). Это дает нам возможность реконструировать весь орнаментальный сюжет*. Основу его композиции составляют повторяющиеся и взаимно пересекающиеся круги, в которые вписаны плоды гранатов. Из четырех фрагментов с гранатами, два сохранили дугу окружности и вписанную в нее окружность значительно меньшего размера, включающую плод граната (рис.3а в статье Т.Г. Алпаткиной). Ряд построений и вычислений позволяют по длине дуги восстановить всю окружность орнаментального круга диаметром около 39 см. Поскольку диаметр круга с изображением граната около 12

см, в большой круг вписываются 8 кругов с плодами (рис.1).

Орнаментальные круги известны в декоре дворца Варахши. Для реконструкции центрального поля данного орнамента обратимся к аналогиям. Так, среди фрагментов ганча из Южной анфилады В.А. Шишкин отметил несколько композиций, вписанных в большие круги, которые удалось реконструировать по множеству обломков. Два круга диаметром 27-28 см имеют сплошное заполнение из сложных розеток, обрамленных по краю кругом из «перлов». В центре третьего круга (диаметром около 90 см) вырезана 16-лепестковая розетка, вокруг нее - цепочка из «перлов»; дальше разворачивается сложный узор из расходящихся и соединяющихся листьев и стилизованных плодов, сходных с ананасами (Шишкин, 1963. С. 170. Рис. 80). Вписанные в круг орнаментальные мотивы были найдены среди фрагментов ганча при раскопках айвана дворца как экспедицией В.А. Шишкина (Архив ГМВ. Ф.1, опись 5. Ед.хр. ГШ 1; Шишкин, 1963. С. 177. Рис. 93), так и экспедицией Государственного музея Востока (ганчевое панно с кругом диаметром 18 см хранится в фонде архитектурного декора Средней Азии и Кавказа ГМВ). Известны два панно со сложными розетками в кругах из «перлов» на терракотовых плитах, также найденных на территории айвана (Шишкин, 1963. С. 178-179. Рис. 98). Приведенные аналогии дают основание предположить в центре нашего орнаментального сюжета многолепестковую розетку. Учитывая деление круга на 16 секторов для выполнения орнамента с гранатами, эта розетка может иметь до 16 лепестков (рис. 1).

* Автор выражает благодарность доктору архитектуры, профессору И.М. Азимову за помощь при подготовке рисунков и реконструкции

Орнаментальный круг с плодами граната, окружающими цветочную розетку, вероятнее всего, располагался в центре вертикального панно квадратной или прямоугольной формы. Имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты не позволяют судить о том, каким было заполнение его поля; можно предположить, что это была сетка с геометрическим орнаментом, как на упомянутых выше терракотовых панно (Булатов, 1988. Рис. 191; Шишкин, 1963. Рис. 98).

Из-за фрагментарности изображения не поддается восстановлению и сюжет, вырезанный на оборотной стороне рассматриваемого панно. Мы можем лишь рассчитать его минимальные

размеры исходя из размеров орнаментального круга (40x40 см).

Технико-технологические свойства ганча: его прочность, пластичность, сравнительно замедленные сроки схватывания, повышенная водоустойчивость - позволяют изготавливать панели достаточно большого размера (Гражданкина, 1974. С. 90).

Дальнейшая обработка музейной коллекции ганча и исследование приемов построения орнаментов декора дадут возможность реконструировать как отдельные части, так и целые композиции интерьера парадного айвана дворца Варахши.

Библиография

- Архив ГМВ. Ф.1. Описание 5. фонд Г.В.Шишкиной, ед.хр.ГВ 1.
 Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. (историко-теоретическое исследование). М., 1988.
 Гражданкина Н.С. Особенности технологии резного гипса Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
 Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
 Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

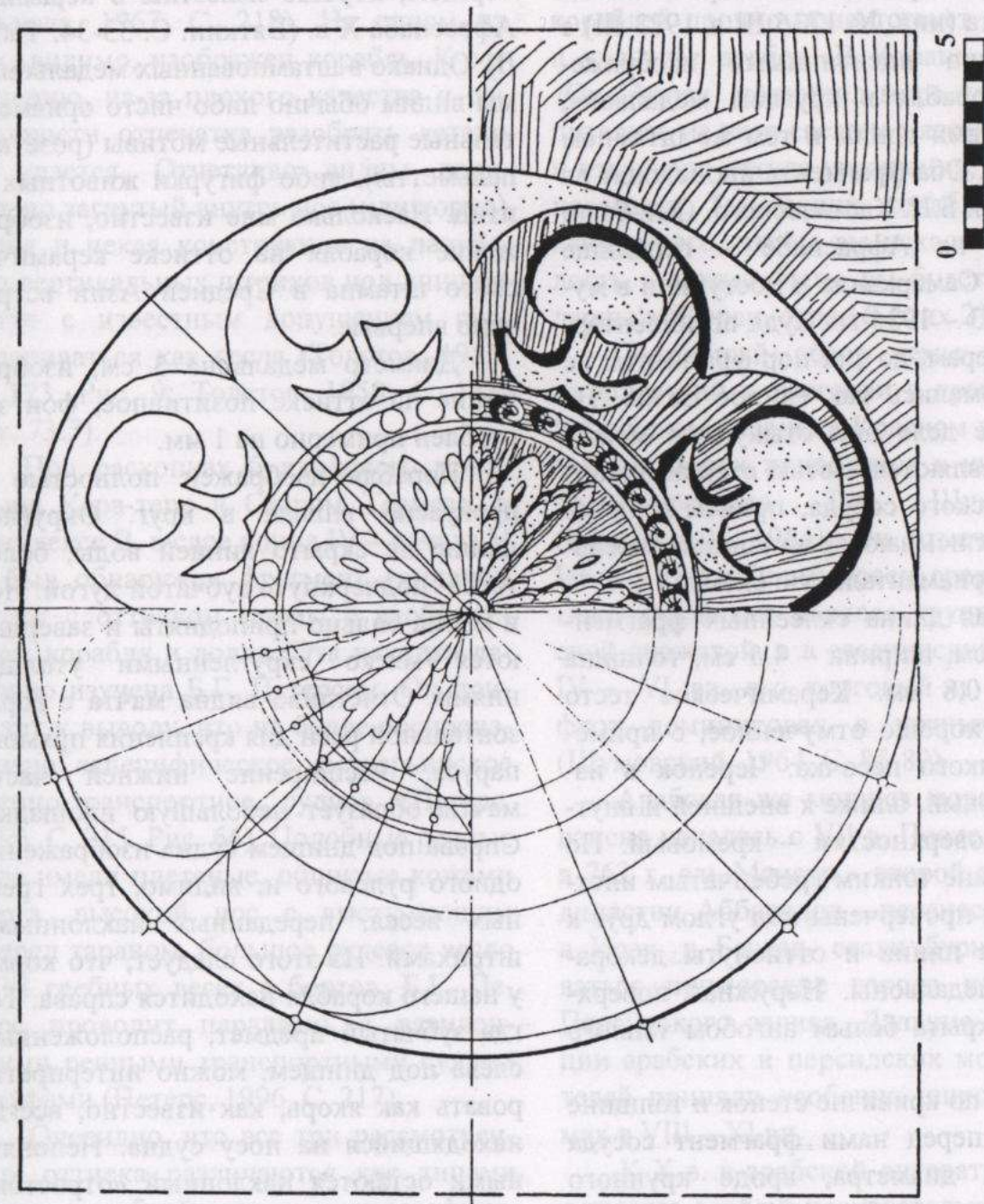

Рис. 1. Орнаментальное панно. Ганч. Реконструкция Д.А Жулиной

Оттиск штампа с изображением корабля на керамическом фрагменте из коллекции Кастальского

В собрании Государственного музея Востока хранятся два керамических фрагмента (инв. № 1736 III и 1923 III) с совершенно идентичными изображениями корабля в круглом медальоне, оттиснутыми одним и тем же штампом (рис. 1,1). Оба фрагмента происходят из коллекции Б.Н. Кастальского. Они были найдены на Афрасиабе — городище древнего Самарканда и поступили в музей в 1933 — 1934 гг. Судя по инвентарным номерам, до сих пор фрагменты не воспринимались как единое целое. На самом же деле они стыкуются между собой и являются частью стенки одного керамического сосуда, причем оттиски штампа вписываются во вполне определенную орнаментальную схему.

Общая длина склеенных фрагментов 10,5 см, ширина — 4,5 см, толщина черепка 0,8 см. Керамическое тесто плотное, хорошо отмученное, с примесями мелкого песочка. Черепок в изломе розовый, ближе к внешней и внутренней поверхностям — кремовый. По сырой глине тонким гребенчатым инструментом прочерчены под углом друг к другу две линии и оттиснуты декоративные медальоны. Наружная поверхность покрыта белым ангобом теплого оттенка.

Судя по кривизне стенок и толщине черепка, перед нами фрагмент сосуда большого диаметра, вроде крупного кувшина или небольшой корчаги. По сохранившемуся фрагменту частично реконструируется схема орнамента, украшавшего сосуд: горизонтальный гребенчатый пояс, над ним ряд штампованных однотипных, круглых медальонов, разделенных прочерченным гребенкой зигзагом.

Корчаги, украшенные подобным образом, хорошо известны в керамике Афрасиаба X в. (Вяткин. С. 33-34. Табл. II). Однако в штампованных медальонах мы видим обычно либо чисто орнаментальные растительные мотивы (розетки, пальметты), либо фигурки животных и птиц. Насколько мне известно, изображение корабля на оттиске керамического штампа в Средней Азии встречено впервые.

Диаметр медальона 3 см, изображение на оттиске позитивное, фон заглублен примерно на 1 мм.

Корабль изображен полностью и прекрасно вписан в круг. Округлое днище не скрыто линией воды, более того — подчеркнуто зубчатой дугой. Нос и корма сильно приподняты и завершаются мягко скругленными утолщениями. Отчетливо видна мачта с горизонтальной реей для крепления прямого паруса. Расширение нижней части мачты образует небольшую площадку. Справа под днищем судна изображения одного рулевого и, видимо, трех гребных весел, переданных наклонными штрихами. Из этого следует, что корма у нашего корабля находится справа. Тогда зубчатый предмет, расположенный слева под днищем, можно интерпретировать как якорь, как известно, всегда находящийся на носу судна. Непонятными остаются наклонный «отросток» влево от мачты, две вертикальные «колонки» в носовой части и крупная «фигура», стоящая на корме, которая, впрочем, может оказаться и деталью корабельной оснастки.

Поиск аналогий штампу из коллекции Государственного музея Востока затрудняется чрезвычайной редкостью

сюжета. Изображения кораблей в археологических памятниках Средней Азии буквально единичны.

В Хорезме, при раскопках крепости Кой-Крылган-кала, в помещении Н 20 и в стрелковой галерее в слоях IV – III вв. до н.э. были найдены обгорелые комья глины с оттисками печатей (Кой-Крылган-кала, 1967. С. 218). На одном из них, видимо, изображен корабль. К сожалению, из-за плохого качества и сохранности отпечатка разобрать детали не удастся. Отчетливо видны лишь сильно загнутый внутрь нос (или корма) судна и некая конструкция на палубе. Ряд вертикальных штрихов под днищем могут с известным допущением рассматриваться как весла (Толстов, 1953. С. 173. Рис. 9; Толстов, 1958. С. 181. Рис. 73,3).

При раскопках буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе, в комплексе В, в слое конца IV – начала V в. был обнаружен фрагмент глиняной буллы с оттиском геммы с изображением корабля и лодки. Эта находка детально изучена Б.Г. Петерсом. Он приходит к выводу, что на булле воспроизведено «специфическое амударьинское военно-транспортное судно» (Петерс, 1996. С. 215. Рис. 66). Подобные речные суда имели плетеные, обшитые кожами борта, высокий нос с выступающим вперед тараном, большое рулевое весло и 18 гребных весел с бортов. Б.Г. Петерс проводит параллель с вавилонскими речными транспортными судами – куфами (Петерс, 1996. С. 217).

Очевидно, что все три рассмотренных оттиска различаются как типами самих кораблей, так и иконографическими особенностями их изображений. К сожалению, более близких параллелей в археологическом материале Средней Азии найти не удастся. Это и не удивительно – регион непосредственно с морем никак не связан.

Совершенно иначе обстоит дело в арабском мире, в сферу культурного воздействия которого попали государства Средней Азии после завоевания и вхождения в состав Халифата. Арабские мореплаватели с древности освоили Красное море, Персидский залив, бассейн Индийского океана. Тема моря и кораблей прочно присутствует в жизни и культуре арабов. В Коране сказано: «Он (Аллах) подчинил море, чтобы вы питались из него свежим мясом (рыбой) и извлекали оттуда украшения, которые надеваете. Ты видишь корабли, рассекающие его, чтобы вы искали Его милость, - может быть, вы будете благодарны!» (Коран, сура 16, стих 210).

Подробный обзор темы морских путешествий и торговли в древности в Индийском океане, в Красном и Средиземном морях приводится в книге филолога-арабиста Т.А. Шумовского (Шумовский, 1964). Он отмечает, что Иран - ближайший сосед среднеазиатских государств являлся крупной морской державой, а в сасанидский период IV – VI вв. его торговый и военный флот доминировал в южных морях (Шумовский, 1964. С. 85-89).

Арабская же мощная морская экспансия началась с VII в. После того как в 762 г. аль-Мансур - второй халиф из династии Аббасидов - перенес столицу в Ирак, в Багдад, стали бурно развиваться приморские города побережья Персидского залива. Дальние экспедиции арабских и персидских мореплавателей приняли особенно широкий размах в VIII – XI вв.

К X в. в арабской литературе складывается особый познавательный-развлекательный жанр – морские рассказы. Ярким образцом его стала «Книга о чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра – автора X в. Часть сюжетов этой книги вошли потом в рассказ о приключениях Синдбада-морехода из сборника «Тысяча и одна ночь». Есть основания пола-

гать, что в этот период существовали и другие сочинения подобного рода (Бузург ибн Шахрия, 1959. С. 5-20). Разумеется, подобные истории распространялись, прежде всего, в форме устных рассказов и вполне могли быть популярны в удаленном от моря, но тесно связанном с мореплаванием и с морской торговлей Согде (Ртвеладзе, 1999. С. 99-109). Это, возможно, повлияло на выбор столь экзотического для декора среднеазиатской керамики сюжета.

Обратимся теперь к типу изображенного на штампе корабля и, сравнив его с другими судами подобной конструкции, попытаемся уточнить ряд не совсем функционально ясных деталей. Совершенно очевидно, что перед нами хорошо оснащенное морское судно, а не речная лодка. Это, несомненно, и не военный корабль: те в силу своего назначения имели более вытянутую форму и низкую посадку. В носовой части непременно располагался подводный таран, кроме того, по всей длине корпуса суда оснащались одним или несколькими рядами весел – во время боя использовался почти исключительно весельный движитель (Петерс, 1982. С. 40-42). Сугубо функциональные признаки военных кораблей были едины для самых разных регионов.

Вероятнее всего, на сосуде из Афрасиаба изображено морское торговое судно, возможно смешанного типа (парусно-гребное), оснащенное грот-мачтой с горизонтальной реей, несущей прямой парус (парус свернут), рулевым и тремя парами гребных весел, а также трехрогим якорем. В поисках возможных параллелей я вынуждена была привлекать в основном западный круг аналогий, так как в искусстве Востока, как уже говорилось, изображения морских кораблей редки.

Рассматриваемый тип судна появился еще в древности, практически все перечисленные признаки имеются на

изображении конца IV – начала III в. до н.э. из Причерноморья (Петерс, 1982. С. 52. Рис. 8). Постепенно конструкция морского торгового корабля совершенствуется, окончательно складывается в позднеимперское время (II-IV вв.) и остается практически неизменной вплоть до развитого средневековья. Ко II-III вв. относятся римские каменные рельефы и росписи в катакомбах с изображением судов, на которых помимо центральной грот-мачты появляется в носовой части и фок-мачта. Она устанавливалась иногда вертикально, а иногда наклонно и служила для крепления косога, так называемого «латинского» паруса (Schlingloff, 1992. S. 64. Abb. 11; Casson, 1987. Pl. 142), дающего возможность маневра при боковом и встречном ветре. Это устройство кораблей оказалось универсальным и долговечным. Двухмачтовые морские суда, снабженные одним или двумя рулевыми веслами изображены на южно-индийских монетах римского времени (II в.) (Schlingloff, 1992. S. 54. Abb. 4). Корабли на арабских миниатюрах оснащены точно также, за исключением стабильно закрепленного руля, заменившего рулевые весла (Ettinghauzen, 1962. P. 108*; Бузург ибн Шахрия, 1959. С. 32**).

Допустимо предположение, что слегка наклонная «колонка» в носовой части нашего корабля, верхняя часть которой слегка обколота, может интерпретироваться как недопонятое мастером изображение фок-мачты. Очень интересна конструкция центральной грот-мачты: мы видим, что ее верхняя часть как бы вырастает из более широкого основания. В энциклопедическом сло-

*Рисунок на с. 108 воспроизводит миниатюру из хранящейся в Восточном институте РАН в Санкт-Петербурге рукописи Харири «Макамы» 1225-1235 гг.

**Рисунок на с.32 воспроизводит миниатюру из хранящейся в Париже рукописи Харири «Макамы», переписанной в конце XIII в.

варе узнаем, что все мачты делаются двусоставными. Нижние части их, прикрепляющиеся непосредственно к корпусу судна носят название собственно мачт, продолжение мачт составляют стеньги. При соединении мачты со стеньгой имеется круглая площадка, называемая марсовой (Энциклопедический словарь, 1897. С. 898). Похоже, что на нашем фрагменте воспроизведена именно эта сложносоставная конструкция. «Отросток», отходящий влево от мачты, к сожалению, остается непонятым. Это может быть и некая фигура на марсовой площадке, и грубо изображенная деталь такелажа.

Якоря сложной конструкции известны с глубокой древности и повсеместно. Античные авторы сообщают, что двурогий якорь был изобретен в Северном Причерноморье скифским мудрецом Анахарсисом (Петерс, 1982. С. 104). На Ближнем и Среднем Востоке металлический якорь впервые получил применение у персов и назывался «лангар» (Шумовский, 1964. С. 175).

Не соответствует описываемому типу судов присутствующие на нашем корабле гребные весла. В подобной манере (естественно, учитывая разницу в материале и иной художественный уровень) изображались весла боевых универсам на римских монетах II в. (Casson, 1987. P. 175; Dembski, 2000. S. 62. Abb. 13. № 219). На торговых же судах их, как правило, не применяли. Впрочем, в Древнем Риме существовали корабли для перевозки товаров по морю, использовавшие весла на случай безветрия (Antický Řím, 1975. S. 258-259). Но судя по наличию у них небольших таранов, скорее их можно определить как военно-транспортные. В нашем случае речь может идти либо о неосознанном смешении в одном изображении двух типов судов, либо о неверно понятой идее нескольких рулевых весел, кото-

рых, как правило, было не меньше двух (Петерс, 1982. С. 55).

По-прежнему не удастся сколько-нибудь убедительно интерпретировать крупную «фигуру» в задней части корабля. Со значительным допущением я склонна считать, что это некий персонаж в причудливом (лучистом?) головном уборе, стоящий на корме. Для подтверждения или же опровержения этой версии требуются дополнительные данные.

Интересен вопрос об иконографических прототипах и параллелях исследуемого оттиска штампа. При несомненной редкости, а для керамического декора Средней Азии и уникальности подобного сюжета поражает мастерская компановка вписанной в круг композиции, четкая и профессиональная проработка деталей. Это наводит на мысль о существовании некоего образца, которому следовал мастер при изготовлении нашего штампа.

В арабо-мусульманском мире изображения кораблей встречаются на книжных миниатюрах, но относящихся к более позднему времени – самые ранние из известных датируются XIII в. Ни одного образца книжной иллюстрации IX – XI вв. до нашего времени не сохранилось (Grey, 1961. P. 14). Но и на известных нам поздних миниатюрах изображается, как уже говорилось, сходный тип кораблей, но в совершенно иной манере: линии корпуса угловатые, горизонтальный уровень воды скрывает днище судна, вся композиция, что естественно, рассчитана на прямоугольник книжной страницы.

То, что корабль на штампе из Афрасиаба столь умело вписан в круг медальона, заставляет обратиться в поисках возможных иконографических аналогий к материалам нумизматики и сфрагистики. К сожалению, на известных мне монетах и печатях Ближнего и Среднего Востока изображения кораб-

лей не встречаются. Близкие по времени к X в. материалы Европы (с которой страны, входившие в состав Халифата, имели тесные торговые связи) дают следующую картину.

На серебряной монете из Дании начала IX в. (рис. 1,4) изображен так называемый «длинный корабль» викингов, оснащенный грот-мачтой и прямым парусом (Durand, 1988. P. 17). Известно, что корабли викингов хоть и перевозили товары, но в первую очередь были военными судами. Особенности рисунка на монете достаточно далеки от нашего штампа.

Очень условное и схематичное изображение на монете Карла Великого конца VIII – начала IX в не дает оснований для каких-либо выводов (Grierson, Vlasburn, 1986. P. 523. Pl. 34. № 749).

Печать парижских торговцев на воде рубежа XII-XIII веков (рис. 1,5). Если отвлечься от таких специфических элементов как французские королевские лилии и от очень тщательно проработанных деталей оснастки, то видна практически идентичная нашему штампу композиционная схема. Совпадают не только тип и очертания корабля, но и один весьма характерный элемент: на парижской печати морские волны переданы в виде дуги под днищем корабля, состоящей из зубцов скругленного абриса (Villefosse. P. 66). Дуга из треугольников на афрасиабском штампе, по-видимому, не что иное, как еще более геометризованное изображение волны. Интересно, что упрощенную зубчатую линию волны под округлым днищем корабля мы видим и на средневековых печатях Дьеппа и Биаррица (рис. 1,6,7) (Dalas-Garrigues, 1988. P. 18-19, 91).

Естественно, что печать парижских торговцев, более поздняя по времени, чем сосуд со штампом из Афрасиаба, не могла служить образцом. Однако она, по-видимому, имеет более ранний про-

тотип. Возможно, что это позднеримская монета IV века с изображением морского двухмачтового корабля (рис. 1,2). Нос и корма приподняты и отогнуты наружу, округлое днище не скрыто водой, а как бы окаймлено дугой волны (Casson, 1987. Pl. 169). За исключением второй мачты прослеживается тот же набор элементов, характерных как для парижской печати, так и для нашего штампа, но не встречающийся на других известных мне изображениях судов.

Как известно, монеты – весьма мобильная и долго бытующая категория вещей. Допустимо предположить, что изображение на римской монете IV в. могло повлиять на иконографию среднеазиатского керамического штампа X в., при этом вполне вероятно существование некоего промежуточного звена, к сожалению, мне неизвестного.

Определенные черты сходства с афрасиабским штампом находим в серии южно-индийских монет римского времени (рис. 1,3). На них практически одинаково изображается корпус корабля с характерными утолщениями окончаний носа и кормы (Schlingloff, 1992. S. 57. Abb. 4).

Как видим, весь круг аналогий действительно уводит нас в область нумизматики и сфрагистики. Вопрос о непосредственном прототипе изображения корабля на штампе из коллекции Кастальского остается пока открытым, но влияние монетных образцов представляется несомненным.

Я благодарна за помощь, оказанную мне в работе над этой статьей главному научному сотруднику Государственного музея Востока С.Я. Берзиной, заведующей Отделом нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина Н.М. Смирновой и старшему научному сотруднику Отдела Востока Государственного Эрмитажа А.Б. Никитину.

Библиография

В.Е. Войтов

- Бузург ибн Шахрияр*. Чудеса Индии. Перевод Р. Л. Эрлих под редакцией И. Ю. Крачковского. Введение И. Фильштинского. М., 1959.
- Вяткин В.Л.* Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, б/г.
- Коран*. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.
- Кой-Крылган-кала – памятник архитектуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.
- Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Петерс Б.Г.* Изображение корабля на булле из Кара-тепе // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989 гг. М., 1996.
- Ртвеладзе Э.В.* Согдийцы – мореплаватели // Общественное мнение. Права человека. №3-4 (7-8). Ташкент, 1999.
- Толстов С.П.* Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV- III вв. до н.э. – Кой-крылган-кала (март – май 1952 г.) // ВДИ. 1953. №1.
- Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Труды ХАЭЭ, 1958. Т. II.
- Шумовский Т.А.* Арабы и море. По страницам рукописей и книг. М., 1964.
- Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Том XXII А. СПб., 1897.
- Antický Rim. Bratislava. 1975.
- Casson L.* Ships and Seamanships in the ancient world. Baltimor-London, 1987.
- Dalas-Garrigues M.* Des images rares de la mer: les sceaus // Revue de la médaille d'art. Paris, 1988 (К сожалению, автор публикует серию печатей, не указывая их дату).
- Dembski G.* Non olet. Das Geld der Romer. Wien, 2000.
- Durand F.* Une alliance de la mer et de la beauté. Le bateau Viking // Revue de la médaille d'art. A. Paris, 1988.
- Ettinghausen R.* La peinture arabe. Genève, 1962.
- Grey B.* La peinture persane. Genève, 1961.
- Grierson Ph., Blacburn M.* Medieval European coinage // The Early Middle Ages (5-10 cent.). I. Cambridg, 1986.
- Schlingloff D.* Indische Seefahrt in römischer Zeit // Zur geschichtlichen Bedeutung der frühen Seefahrt. Kolloquium zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 2. München, 1992.
- Villefosse R. H.* Paris et la Seine. Paris, б/г.

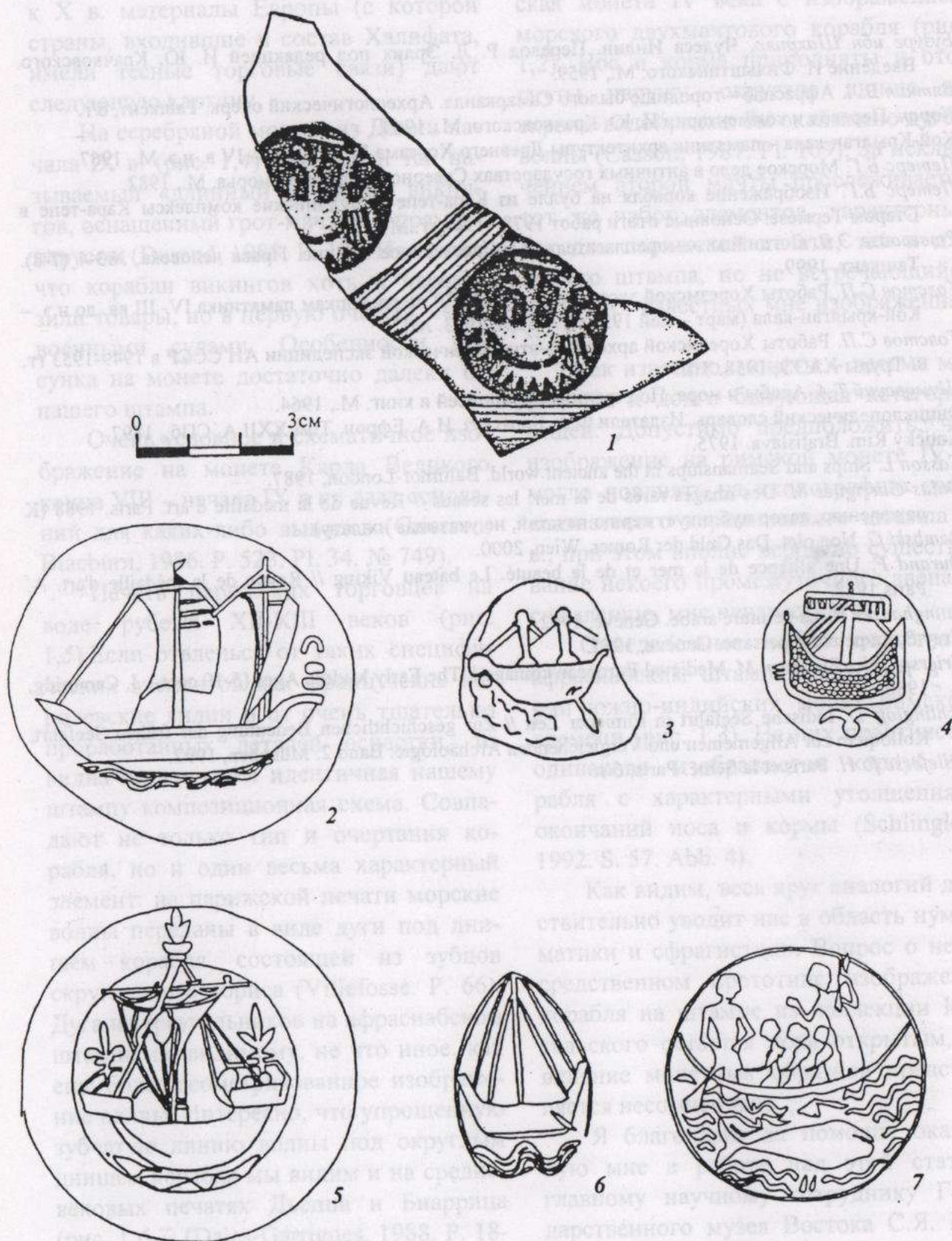

Рис. 1.

1 - фрагмент сосуда X века с изображением корабля;
2-7 - изображения кораблей на древних и средневековых
 на монетах и печатях

К вопросу о летних и зимних резиденциях первых уйгурских каганов в Монголии

*Славны мощные воины северных стран,
Крепко тело их, руки сильны.
Сколь они безрассудными стали сейчас –
Столь бывали надежными встарь!
Ду Фу*

Среди разного рода археологических памятников древних уйгуров на территории Монголии особого внимания заслуживают мемориальные и триумфальные ансамбли с каменными черепашками и руническими надписями на стелах (рис. 1), изучение которых началось в начале XX в.

Памятник Могойн-Шинэ-ус

С мая по август 1909 г. участники экспедиции Финно-Угорского общества, организованной по инициативе проф. О. Доннера от финляндского отделения Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии, д-р Г.И. Рамстедт и магистр С. Пяльси, проводили лингвистические, фольклорные, этнографические и археологические изыскания в Монголии. Новости науки из этой страны всегда вызывали интерес российской интеллигенции, поэтому по окончании работ экспедиции на это событие живо отреагировали «Русские Ведомости». Автор газетной статьи, в частности, отметил: «Наши ученые открыли недалеко от Орхона в местности Шинэ-ус неизвестный до сих пор памятник с большой надписью. Камень длиною 4 м и шириною по северной и южной сторонам 50 см, по восточной 40 см и западной 32 см. Западная сторона возвышалась над поверхностью земли и сильно повреждена; остальные стороны очень хорошо сохранились, особенно

восточная. Строки имеют 3 см ширины. Всего имеется 54,5 строк, каждая из них включает в себе от 100 до 120 буквенных знаков... Рамстедт писал мне, что памятник этот включает в себе много имен, много дат и представляется ему крайне интересным. Многое осталось пока неясным, но по приезде в Финляндию он первым делом примется за разбор его, перевод и опубликование, причем он думает дать отпечатки его и фотографические снимки, чтобы все могли по ним судить о виде памятника и письмен» (Руднев, 1909. С. 6).

Два последующих года Г.И. Рамстедт занимался обработкой полевых материалов, в первую очередь дешифровкой рунической надписи на стеле, не вполне удачно названной им «Селенгинской». 6 января 1912 г. он закончил текст доклада, посвященного этой находке, который 18 января зачитал на Общем собрании членов Русского Географического общества. Авторские публикации материалов состоялись в 1913 и 1914 гг. (Ramstedt; 1913; Рамстедт, 1914), а дополнительные данные спустя много лет были опубликованы его учениками (Aalto, 1971; Kljashtorny, 1985; Memoria saecularis Sakari Pдlsi, 1982).

В статье 1914 г. приводятся схематический план и краткое описание местности и самого памятника, в том числе, «собачье корыто для богатырских собак..., которое оказалось основанием для прежде бывшего на нем камня. Ря-

дом, в песке, виднелся край камня длиной 1,2 м. Мы вытащили камень на свет божий. Он оказался целиком испещренным письменами; часть его была отломана; вскоре мы нашли в песке и другой камень – продолжение первого, длиной свыше 2 м. С трудом, еле-еле удалось поднять его при помощи длинных шестов...».

По мнению Г.И. Рамстедта, здесь «был похоронен какой-то, неизвестный пока хан, неизвестной еще старинной уйгурской династии. Курган над его могилой представляет собой обычный хиргис-ур [керексур]*, пострадавший за последующее время от рук разного люда. Камень находится к востоку от кургана [точнее, к северо-востоку]... Я скоро увидел, что камень не принадлежит к числу памятников династии Тюрк... Об этом свидетельствовала и сама форма могилы: династия Тюрк имела саркофаг и надмогильный храм, а здесь мы имели дело с «киргизским» курганом с четырехугольным рвом вокруг могилы и камня, расположенного к востоку от могилы. Восточнее нет никаких балбалов...» (Рамстедт, 1914а. С. 37–39). В книге, посвященной памяти С. Пяльси, также приведены схематические планы местности и памятника, обмерный чертеж и фото черепахи (Memoria saecularis Sakari Pdlsi, 1982. Taf. 3–4. Abb. 78).

Дальнейшая история этого памятника связана с изучением рунической надписи на стеле (Рамстедт; 1914б; Малов, 1959), но археологические работы на нем не проводились. Лишь в 1984 г. мне довелось произвести его повторные обмеры.

Долина с «Селенгинской надписью» (Шинэ-усу или Могойн-Шине-ус) находится в 35–40 км к ЗЮЗ от Сайхан сомона Булганского аймака. Памятник со стелой расположен почти в центре долины и продольной осью ориентирован по линии север–юг, с отклонением

4° к юго-западу и северо-востоку. В плане он имеет форму квадрата со скругленными углами, размерами 47 x 45 м по внешним границам окружающего вала. Ширина рва 3–3,5 м, глубина – до 0,3 м, в южной части имеется проход шириной 6 м (по С. Пяльси – 15 м). Внутренний вал, шириной 5,5–6 м, сильно сnivelирован и различим только в северной части. С южной стороны он образует короткий, выступающий наружу «язык» пандуса, поэтому в плане памятник напоминает обращенную головой к югу черепаху (рис. 2).

Всю южную и центральную части площадки занимает каменная насыпь диаметром 26–27 м, максимальная высота гребня которой достигает 1,4 м. В центре насыпи имеется обширная воронка диаметром 18–19 м и глубиной до 2,1 м. Дно воронки заросло редкой травой, а в центре находится небольшая каменная площадка. С. Пяльси связывал образование воронки с «грабителями сокровищ», после которых некоторое время спустя на насыпи «были сооружены три маленькие кучки (обо) из камней» (Memoria saecularis Sakari Pdlsi, 1982. S. 58. Abb. 3), к настоящему времени не сохранившиеся. С юго-восточной стороны насыпь окружают многочисленные каменные кольца диаметрами 1–1,5 м; такие же кольца видны в южной части рва, на северном участке вала и в других местах за его пределами.

В северо-восточной части центральной площадки стоит гранитная скульптура черепахи с утраченными головой и хвостом, принятая финскими учеными за «круглый цокольный камень». Длина фигуры 1 м, высота – 0,4 м, ширина верхнего панциря 0,98 м. Ее поверхность сильно оббита и эрозирована, по бокам видны рельефные лапы, а на спине только при косом освещении можно различить резной узор панциря в виде сомкнутых шестиугольников. В центре сверху выдолблено поперечное углубление для нижнего штыря стелы

* Примечания в квадратных скобках в тексте здесь и далее даны автором

(«собачье корыто»), длиной 43–44 см, шириной 26–28 и глубиной 21 см, слегка сужающееся книзу (рис. 4,1). По данным С. Пяльси, его размеры составляют 42 x 29 x 44 x 24 см, глубина 20,5 см (*Memoria saecularis Sakari Pdlisi*, 1982. S. 60).

Возле черепахи на поверхности земли лежат два обломка стелы из светло-серого гранита. Верхний обломок, длиной 1,26 м, заканчивается штырем для насадки утраченного навершия. Высота штыря 8 см, ширина 20–22, толщина 15,5–16 см. На конце нижнего обломка (длина 2,7 м) также имеется штырь высотой 20 см, шириной 40–41 см и толщиной 22 и 28 см. Первоначальная высота стелы от спины черепахи до навершия составляла не менее 4 м.

Балбалы, изваяния людей и обломки храмовой постройки отсутствуют; раскопки на памятнике автор данной статьи не производил.

В 500 м к северу от него расположена насыпь диаметром 14 м и высотой до 0,8 м, сложенная из крупных обломков гранита. По ее диаметру у основания местами видна регулярная кладка из каменных блоков, а сверху имеются две небольшие воронки. В 8 м к ССЗ от этой насыпи находится земляная площадка размерами 12 x 12 м, ориентированная углами по странам света. Назначение этих объектов остается неизвестным.

Финские исследователи также отмечали: «На вершине горы, расположенной примерно в 4 км севернее, мы нашли развалины довольно большого храма. Они состоят из земляного холма высотой около 5 м, окружность которого у основания равна примерно 100 м. Посредине на холме находится яма шириной 5 м и глубиной 3 м, из которой имеется проход на восток. На участках вертикальных стенок ямы и прохода видна кладка стены из необожженных кирпичей, чередующихся со слоями полевых камней размером с кулак. Здесь

также рылись грабители сокровищ» (Рамстедт, 1914а. Рис.1; *Memoria saecularis Sakari Pdlisi*, 1982. S. 61. Abb. 2). К сожалению, кратковременные поиски этих развалин в 1984 г. успехом не увенчались.

На основе полевых наблюдений С. Пяльси пришел к важному выводу, что «общий вид, конструкция и украшения могилы Шинэ-усу во многом сходны с другими известными древнетюркскими могилами Северной Монголии», которые всегда располагаются в открытой степи и окружены четырехугольными земляными валами с проходом в одной из сторон. Однако, если древнетюркские памятники «часто едины даже в деталях», то комплекс у оз. Могойн-Шине-ус имеет по сравнению с ними существенные отличия, в первую очередь, ориентировку входа на юг и отсутствие балбалов. «Еще более различен порядок расположения внутри вала могильных построек: в Шинэ-усу могила [точнее, каменная насыпь]... находится сразу за проходом в валу, а камень с надписями – сразу за могилой. В других же могилах отмечается следующий порядок: входной проход – камень с надписью – храм – могила. Соответственно, в Шинэ-усу отсутствуют двойные могилы [парные ящики] и руины кирпичных построек...» (*Memoria saecularis Sakari Pdlisi*, 1982. S. 60–61).

Памятник Хушон-тал

Архитектурная планировка ансамбля Могойн-Шине-ус долгие десятилетия не находила себе аналогий. Только в 1950-е гг., во время разведочных работ на территории Хайрхан сомона Архангайского аймака, монгольские археологи обнаружили на левом берегу Хуни-гола, в местности Хушон-тал (Хушотын-тал), похожий комплекс с черепахой. В 1976–1977 гг. археологические раскопки здесь производил руководимый В.В. Волковым отряд Совет-

ско-Монгольской историко-культурной экспедиции.

Памятник расположен в южной части узкой, открытой в этом направлении котловины, северную часть которой занимает несколько мелководных маленьких озер. С западной стороны вдоль реки тянется гряда невысоких сопок, крайняя южная из которых носит название Дэлийн-уул. Комплекс Хушон-тал «представляет собой невысокое земляное сооружение (34 x 26 м), окруженное рвом и валом. В северной части вала — два возвышения, обозначающих, видимо, вход. Длинной осью памятник ориентирован по линии север-юг. Всю южную часть центральной земляной площадки занимал каменный курган диаметром 10 м и высотой 0,7 м. Северная часть памятника была совершенно свободна от камней. Здесь, рядом с курганом, стояла большая каменная черепаха с округлым отверстием в спине. Северная ориентировка, а также отсутствие каменных изваяний и балбалов составляют характерную особенность данного памятника. Общая площадь его более 1500 м². Раскопками вскрыто около 500 м², треть центральной площадки и половина курганной насыпи» (Войтов и др., 1977. С. 587)¹.

Судя по чертежу 1976 г., длина памятника с севера на юг по внешним границам вала составляла 56 м, ширина с запада на восток 44 м; ширина вала 4,5–5 м, ширина рва — до 8 м, ширина прохода на северном участке вала — 4 м. В центре каменной насыпи — обширная западина (рис. 3). Как и в Могойн-Шине-ус, в северо-восточной части центральной площадки памятника находилась подставка стелы в виде черепахи, но сама стела отсутствует (рис. 4,3).

Находки, сделанные при разборке северной части насыпи, немногочисленны. Ручная мельница (рис. 5,16) изготовлена из серого пористого базальта, нижняя часть неровная, диаметр 25 см, толщина от 3 до 7 см, диаметр отверстия

в центре 2–2,2 см. Неподалеку от черепахи обнаружены два обломка толсто-стенного сосуда (венчик и стенка) без орнамента, диаметр устья которого равнялся 23 см, поверхности заглажены, в тесте большие примеси дресвы (рис. 5, 17–17a). Находки из железа представлены шестью квадратными в сечении и изогнутыми в верхней трети остриями (рис. 5,1–6), девятью (один очень плохо сохранился) небольшими коваными гвоздями с расплюснутыми головками (рис. 5,7–14), одной обломанной на конце пластинкой панцирного доспеха с округленным верхним краем и семью симметрично расположенными отверстиями (рис. 5,15) и двумя обломками тонкостенного чугунного котла, которые, очевидно, попали в насыпь в более позднее время. Следует заметить, что все гвозди лежали в одном месте, тогда как изогнутые острия — в разных местах, но парами. Назначение последних не определено.

Памятники Могойн-Шине-ус и Хушон-тал по морфологическим признакам составляют особую группу культово-поминальных сооружений, отличающуюся от древнетюркских мемориальных комплексов. На их ограниченных валами и рвами центральными площадками находятся только большие каменные насыпи с воронками и стелы на черепаховых постаментах. Сохраняя отдельные элементы атрибутики и символику аналогичных по назначению памятников тюрков-тугю, в поминальном обряде уйгуров важную роль играла меридиональная ориентировка и необязательность, даже для столь крупных мемориалов храмов, статуй и балбалов.

Согласно надписи из Могойн-Шине-ус, этот комплекс был посвящен второму правителю Уйгурской династии Яглакар — Элетмиш Бильге-кагану (Моюн-чур, Моянь-чжо, Баян-чор, в Терхинской надписи — Турьян), умершему в мае 759 г. в возрасте 46 лет. Его средний сын и наследник престола

Бёгю-каган (759–779)² в 763 г. утвердил манихейство в качестве государственной религии, тем самым не только отказавшись от прежних богов, но и изменив погребально-поминальный ритуал уйгуров. Следовательно, после смерти сам он уже не мог быть удостоен мемориала типа Могойн-Шине-ус, который он соорудил своему отцу. Из этого следует, что комплекс Хушон-тал был устроен раньше, а значит, принадлежал отцу Элетмиш Бильге-кагана, родоначальнику возрожденного уйгурского государства Кюль Бильге-кагану (Алп-Кутлуг Бильге Кюль-каган, Кутлуг-бойла, Пэйло), умершему в 747 г.³ Таким образом, ансамбли Хушон-тал (сооружен в 747–748 гг.) и Могойн-Шине-ус (сооружен в 759–760 гг.) завершили двухвековую эволюцию каганско-княжеских кургочков в Центральной Азии, начало которой положили тюрки эпохи Первого каганата (Бугутский памятник, сооружен в 581–582 гг.).

С именами Элетмиш Бильге-кагана и Бёгю-кагана связаны еще две рунические надписи в Монголии. Эти триумфальные стелы вошли в специальную литературу под названиями Терхинской и Тэсинской. Обстоятельства и время их открытия, местонахождение и форма памятников, характер буквенных знаков, порядок размещения и чтения строк, переводы и комментарии к надписям опубликованы С.Г. Кляшторным (Кляшторный, 1976. С. 580; Кляшторный, 1977. С. 588; Кляшторный, 1980. С. 82–94; Кляшторный, 1983б. С. 76–90), поэтому автор данной статьи, принимавший участие в работах его отряда в 1982 г., считает необходимым внести лишь небольшие дополнения и уточнения в уже изданные материалы, касающиеся их археологической части.

Терхинский памятник

Открыт в 1957 г. Ц. Доржсурэнном, который писал по этому поводу: «Успехом нашей экспедиции является новая

находка стелы с орхоно-енисейской надписью. Она расположена к западу от Тариат сомона, на северном [левом] берегу р. Хойт-Терхин, в местности «Долоон-модны-ам». Местные жители называют ее «мэлхийн чулуу» [«каменная черепаха»]. Верхняя часть стелы торчала почти на 1 м над поверхностью земли. При раскопках была обнаружена подставка в виде черепахи, которая затем была вновь засыпана. Надпись очень похожа на стелы Хушо-Цайдама и Тоньюкука и относится ко времени не ранее VIII века» (Доржсурэн, 1958. С. 14).

Памятник лежит среди широкой плоской долины, протянувшейся на десятки километров с запада на восток, в 1 км севернее р. Терхин-гол, в 12 км к западу от места ее впадения в оз. Терхин Цаган-нур, неподалеку от места слияния речек Хойт-Терхин и Урд-Терхин. Ближайший археологический объект – «гигантский керексур, окруженный оградкой и выкладками из камня сложной конфигурации» (Кляшторный, 1980. С. 82; Волков, 1981. С. 28), находится от него в 2–3 км к северо-западу.

Терхинский комплекс состоит из округлой земляной насыпи диаметром 40–42 м и высотой 1,1–1,2 м, с коротким пологим пандусом на ЮЮВ стороне (отклонение от оси север–юг составляет 30°). На вершине холма сохранился оплывший раскоп размерами 2 x 3 м (С.Г. Кляшторный, М. Шинехуу, работы 1969 г.), где прежде стояла черепаха с нижним обломком стелы на спине, а со стороны пандуса – раскоп 10 x 4 м (В.В. Волков, Н. Сэр-Оджав, работы 1970 г.), в котором были обнаружены два обломка средней части этой стелы. В 1982 г. эти раскопы были соединены автором настоящей статьи промежуточной траншеей (12 x 2 м), имевшей целью изучить стратиграфию холма. Раскопки на глубину до 0,6 м показали, что холм насыпан из плотно утрамбованной пестроцветной глины, перемешанной с реч-

ным песком (рис. 6,1). При раскопках здесь обнаружен только невыразительный обломок кости животного.

Черепаша, которую С.Г. Кляшторный перевез в Улан-Батор, высечена из светло-серого гранита и очень хорошо сохранилась. Длина фигуры 1,17 м, ширина - 0,85 м, высота - 0,38 м. Моделировку головы черепахи отличает большая экспрессия: маленькие круглые глазки прячутся в углублениях глазниц, в оскаленной пасти видны ряды острых зубов и клыки, что придает ее выражению несколько устрашающий вид. Мощные передние лапы снабжены острыми когтями, а на спине четко читаются шестиугольные панцирные пластинки (рис. 4,2). Как отметил С.Г. Кляшторный, «в момент обнаружения черепаха была обращена головой к востоку, с небольшим отклонением к югу» (Кляшторный, 1980. С. 84), т.е. ее ориентировка совпадала с ориентировкой пандуса холма; на юго-восточной грани стелы было и начало надписи. По его же мнению, «Терхинский памятник не является погребальной надписью и не составляет части погребального комплекса. Текст содержит описание деяний первых лет правления Элетмиш Бильге-кагана и хронологически предшествует надписи из Могойн Шинэ Усу (759–760 гг.)... Самое позднее хронологическое указание, содержащееся в тексте Терхинского памятника, — «год Змеи», т.е. 753 г. Очевидно, что стела была сооружена вскоре после этой даты» (Кляшторный; 1980. С. 85, 87).

Тэсинский памятник

Расположен в 80 км к юго-западу от Цаган-уул сомона Хубсугульского аймака, в южной части обширной долины Худжиртын-нур, в 500–600 м к востоку от правого берега Тэсийн-гола. Памятник Ногон-толгой, в окрестностях которого С.Г. Кляшторный и С.-У. Харжаубай в 1976 г. нашли нижний обломок стелы (Кляшторный, 1983б. С. 78),

имеет аналогичную Терхинскому форму искусственного земляного холма (длина 47 м, ширина 36, высота 1,5 м), ориентированного пандусом на запад. В 3 км к северо-западу от него лежит такой же, но меньший по размерам, памятник Хух-толгой.

В 1982 г. автор статьи продолжил начатое годом раньше археологическое изучение холма Ногон-толгой: центральный раскоп (7 x 3 м) расчищен и углублен, а помимо этого заложены стратиграфическая траншея (15 x 1,5 м) к северу от вершины холма до его подножия и небольшой шурф (3 x 1,5 м) на пандусе (рис. 6,2). Общая площадь раскопа составила 48 м². Наблюдения стратиграфии показали наличие облицовки всей поверхности холма глинобитными блоками. Некоторое падение слоев в его центральной части, прослеженное на одном из участков до глубины 2 м, т.е. ниже уровня степи, по-видимому, является результатом естественного проседания под собственной тяжестью рыхлой насыпи, устроенной на заболоченной почве древней пойменной долины р. Тэс (рис. 6,3).

Такого рода проседание в некоторой степени можно было объяснить, если бы здесь находилось изваяние черепахи, однако ни на самом холме, ни где-либо поблизости его нет. Это настоятельно напоминает, поскольку на всех больших мемориальных и триумфальных памятниках тюрок и уйгуров каменные черепахи (пусть и в разной степени сохранности) всегда остаются на своих местах.

При раскопках на глубине 1 м, в слое сыпучего крупнозернистого песка, было обнаружено хорошо сохранившееся кострище (1 x 0,8 x 0,3 м) из слабо обожженных листовенных поленьев, крохотный фрагмент керамического сосуда и несколько костей животных. К этому нелишним будет упомянуть находку рядом с кострищем пучка полуистлевшей травы и горстки козьего помета. По утверждению местных ста-

риков-скотоводов, в профессиональных знаниях которых вряд ли стоит сомневаться, эта трава могла быть сорвана только в июле–августе. Таким образом, в процессе сооружения холма Ногонтолгой, завершившемся в конце лета облицовкой глинобитными блоками, в его основании был зажжен ритуальный костер и принесена в жертву коза, некоторое время находившаяся здесь же.

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность текста Тэсинской стелы, ее все же «можно датировать началом времени правления Бёгю-кагана, скорее всего 761–762 гг.» (Кляшторный, 1983б. С. 87), т.е. временем до принятия им манихейства.

* * *

Камнеписные рунические тексты преимущественно содержат сведения, не попавшие на страницы китайских хроник, поэтому их изучение позволяет дополнить и конкретизировать последние ценнейшими материалами из истории Уйгурского каганата (745–840 гг.) Предварительное изучение на территории Монголии архитектурных остатков, связанных с именами первых уйгурских каганов, дает возможность сделать попытку интерпретации конкретных памятников и памятных событий из жизни этих лиц. Среди многочисленных дат и фактов, сохранившихся в надписях на стелах, особого внимания заслуживают упоминания летних и зимних ставок Элетмиш Бильге-кагана, местоположение которых по-прежнему остается загадкой.

В первых строках надписи МШУ⁴ рассказывается о событиях истории уйгуров, относящихся к VII в. Там, в частности, говорится, что «вокруг Этиюкена [Хангая]... их государство... находилось; водой у них была Селенга; там их государство (процветало), [там] они жили и кочевали...» (МШУ, 2).

Год Зайца (739).

Затем, «когда тюрки-кипчаки властвовали (над уйгурами) 50 лет [в 680-х – начале 740-х гг.], в государстве тюрков на моем 26-м году жизни [в 739 г.]⁵... (мой отец-хан?) дал [мне воинское звание?]... Тогда Буйла [Пэйло, мой отец], вернувшись, остановился (лагерем), а я собрал и соединил мой собственный народ «девять огузов» [токуз-огузов]» (МШУ, 4–5).

Год Лошади (742).

«Мой отец Кюль Бильге-каган [Буйла; Пэйло]... пошел с [основными] войсками, (а) меня самого он послал вперед начальником тысячи. К юго-востоку от (ключа? вершины?) Кэйрэ я должен был повернуть... Подчинив [находившиеся здесь айлы тюрков?] своему государству, я опять пошел с войсками. У вершины Кэйрэ и у трех (рек) Биркю я столкнулся с ханскими войсками [тюрков], там... я (вскоре) погнался за ними» (МШУ, 5–8).

В 7-м месяце на 14-й день (18 августа) «мы перешли Каракум [Черные пески] у Когюра, и у горы Комюр и реки Яр трехзнаменный тюркский народ [я захватил]» (МШУ, 8). «[Вечную надпись в честь этой победы] ...там я приказал воздвигнуть⁶. Хан [Кутлуг-ябгу] там погиб. Тюркский народ там я подчинил» (Терх., 22–23).

Затем «Озмыш-тегин [сын Кутлуга-ябгу] стал ханом» (МШУ, 9; Терх., 24).

Год Овцы (743).

«Я [сын Пэйло] двинулся в поход. Второе сражение я (дал войскам Озмышу) **6-го числа, 2-го месяца (6 марта)**...» (МШУ, 9; Терх., 25).

Год Обезьяны (744).

«Я [сын Пэйло снова] пошел... Я (с ним) сразился и одержал там победу» (Терх., 25–26). «Озмыш-тегина... я взял в плен, его супругу [Оз-Бильгя?] я взял

себе. Государство тюркское и впредь было уничтожено» (МШУ, 9–10).

Хан Пэйло из рода Яглакар возрождает Уйгурское царство и восходит на престол под именем Кутлуг-Кюль Бильге-каган (кит.: Гудулу Бигя-Кюехан). До этого «он жил на юге на бывшей тукюеской земле [земле тюрюктю], а теперь поставил орду между горами Удэгань [Хангай] и рекою Гунь [Орхон]...; все сии земли принадлежали девяти родам [токуз-огузов]...» (Бичурин, 1950. С. 308, 309).

Год Курицы (745).

«В 5-м месяце, на 13-й день (17 июня) они [еще не сдавшиеся тюрки] собрались. Я [сын Пэйло] сразился с ними и одержал там победу...» (Терх., 26–27). По китайским же сведениям, «Пэйло еще напал на тукюеского Баймэй-хана⁷ и, убив его, отправил Дуньчоло Даганя [с головой Баймэй-хана в Чанъань, чтобы] посвятить заслуги императору, за что почтен высшим военным чином». Он «взял за себя Гудулуеву⁸ ханшу По-фу⁹, и со своим народом поддался Китаю». Хан «еще более распространил свои владения – на восток до Шивэй, на запад до Алтайских гор, на юг до Великой песчаной степи [пустыни Алашань?], т.е. приобрел все земли, занимаемые прежде хуннами» (Бичурин, 1950. С. 278, 309).

Год Собаки (746).

Образование антиуйгурской коалиции уч-карлуков и тюргешей в Джунгарии (МШУ, 10–11; Терх., 27–28), к которой на востоке присоединились токуз-татары.

Год Свиньи (747).

Сын кагана Турьян наносит первое поражение этому союзу, за которым последовала смерть Кюля Бильге [Пэйло]. Тогда «9 буюруков..., сенгуны и весь народ [уйгурский]... почтительно просили [Турьяна] стать ханом» и при-

своили ему высшее воинское звание *ябгу* (МШУ, 11–12; Терх., 28–29). Но сторонники вождя одного из токуз-огузских племен, «пятисотника Бильге Тайсенгун-тутука»¹⁰, входившего в девятку «великих буюруков» (Терх., 6), объявили его каганом (МШУ, 12), развязав, тем самым, гражданскую войну.

Год Мыши (748).

В феврале–апреле Турьян в битве при Бюкягюке одержал победу над мятежниками. «Я [их] тогда победил, – восклицает он. Виновных именитых (вождей)... (многих) Небо дало мне в руки. Но их черный простой народ я не истребил, их юрты и дома, их табуны я не отнял. Я назначил (на них) наказание и оставил жить (по-прежнему)» (МШУ, 12–14). После этого «весь народ провозгласил (его) Турьян-каганом, провозгласил (его) Неборожденным Элетмиш Бильге-каганом, а (его супругу) – Эльбильге-катун» (Терх., 29–30). «После смерти Пэйло сын его Мояньчжо [Моюн-чур] поставлен [каганом] под наименованием Гэлэ-хана» (Бичурин, 1950. С. 309).

«9 числа, 4-го месяца» (10 мая) законный каган уйгуров еще раз «сразился» и «победил» противников «в местности Бургу»¹¹, а «их табуны, их скот, их девиц и женщин привез к себе» (МШУ, 15), скорее всего, в одну из своих стационарных зимних ставок.

«В 5-м месяце» (между 1–28 июня) «восемь огузов» [секиз-огузы] Тай Бильгя-тутука и «девять татар» [токуз-татары] «пришли все до последнего. На (северо)-западе от Селенги, к югу от Йилук-гола (Йылун кол)¹², вплоть до Сып-Башы я [Элетмиш] расставил свое войско. Через Кергю, Сакыш и Сып-Баши они двинулись на нас... (враг) расставил своих воинов вплоть до Селенги» (МШУ, 15–16).

«29 числа, 5-го месяца» (29 июня) Элетмиш разгромил их, «оттеснил к Се-

ленге» и «разогнал» на отдельные группы. Они ушли вниз «вдоль Селенги», переправились на ее правый берег и увлекли за собой войско кагана, который захватил при этом в плен 10 человек (МШУ, 16). Но вскоре он их отпустил с наказом всем бежавшим вернуться на прежние места проживания, чтобы «служить и работать» на него.

«Два месяца ждал» каган в местах к югу от Селенги, а затем объявил непокорным новый поход.

«1 числа, 8-го месяца» (29 августа) каган «двинул вперед знамя» и «на следующий день у озера Ачиг Алтыр [Нижнее Соленое?], перейдя реку Касуй»¹³ дал бой, победил и начал их преследование (МШУ, 17–18).

«15 числа того же месяца» (13 сентября) Элетмиш Бильге-каган «у [ключа?] Кэйрэ¹⁴ и у трех [речек] Биркю столкнулся с татарами и побил их. Половина народа присоединилась к нам, другая половина добралась до [своих владений?]...».

Затем он «вернулся домой и остановился лагерем [кышла – зимовать]. На краю гор Отюкен... перезимовал»¹⁵ до весны 749 г. в полном спокойствии, поскольку «от врагов был свободен и освобожден» (МШУ, 18–19).

Год Быка (749).

В рунических надписях он отмечен лишь тем, что каган «дал титулы *ябгу* [старшему сыну Кутлугу] и *шад* [второму сыну Бёгю] и дал их [в правители народам] тардуш и тёлис» (МШУ, 19).

Год Тигра (750).

«Во 2-м месяце, в 14-й день» (26 марта) Элетмиш разбил войско чиков на р. Кем [Енисей] в Туве.

Летом, по его словам, «я приказал учредить ставку Касар Кордан в верховьях [реки] Тез ("В моих летних кочевьях, на западном краю северного склона Отюкена, к востоку от верховьев (реки) Тез»; (Терх., 5). Я приказал воз-

двинуть там стены [чыт]... Там я установил границы [моих владений]. Там я приказал начертать мои знаки и мои письмена», т.е. установить памятную стелу.

«Затем осенью того же года» он снова отправился на восток и «призвал к ответу татар» (МШУ, 19–20)¹⁶.

Год Зайца (751).

Описание событий этого года в надписях не сохранилось (МШУ, 21–22).

Год Дракона (752).

«Я провел лето, – говорит Элетмиш Бильге-каган, – посре[дине] Отюкена, к западу от священной вершины [С]юнгюз [Баш]кан, у слияния рек Ябаш [Лабаш] и Тукуш [Токиш]. Там я повелел воздвигнуть ставку и возвести стены [чыт]. Свои вечные знаки и письмена [здесь] на плоском камне я приказал начертать, на грузном камне [каменной черепахе?] я приказал установить...» (Терх., 2–3; МШУ, 21)¹⁷.

События второй половины этого года надпись МШУ излагает следующим образом. Осенью снова восстал один из вождей племени токуз-огузов, проживавший в местности «Благородный бег [Огун-Багиг] и Черный Булук [Кара Булуктыг]»¹⁸, который призвал себе в союзники кыргызов, чиков и карлуков.

«9 числа» (20 октября или 19 ноября?) из ставки на Ябаш-Тукуше каган «отправился в поход с войсками», точнее, «послал против чиков тысячный отряд, в страну их союзников [кыргызов] отправил немного людей», а сам он пошел на уч-карлуков в Джунгарию.

«18 числа, 11-го месяца» (28 декабря) он «встретил» и «поразил» противника у р. Болчу (МШУ, 22–26)¹⁹.

«Потом, – отмечает Элетмиш Бильге-каган, – я повернул обратно и остался... [в лагере на Ябаш-Тукуше?]. Народ чиков был пригнан моим тысяч-

ным отрядом... Там, где [ключ?] ...теизский, я прожил зиму²⁰ в своем окружении, там я устроил моление» и «утвердил» чикам (?) новое административное устройство (МШУ, 26).

Год Змеи (753).

Он начался 8 февраля (Цыбульский, 1988. С. 167) и целиком прошел в боях и походах против карлуков, басмылов, тюргешей и других племен.

Весной, судя по контексту надписи МШУ, враги появились близ оз. Казлук [«Гусятник»], в лесостепных районах к северу от Селенги.

«15-го числа» [4-го месяца?] (**22 мая**) каган собрал войска у оз. Тайган [«Та-ежное»], переправился через р. Кара-Йоталук²¹, «пошел им навстречу», дал бой и, без сомнения, одержал победу (МШУ, 26–27).

В это же время «(начальник басмылов врагом) стал и к карлукам он послал своих людей» с предложением антиуйгурского союза, охотно поддержанным тюргешами и татарами, но Элетмиш сумел разгромить их поодиночке.

Первым делом, **«26 числа, 5-го месяца»** (**2 июля**) «в Этиюкенских лесах, там где ключ, я напал на них [татар]... Я сразился с ними. Там я победил. Переправившись через [реку?] Ичюй, при восходе (солнца) я (их) победил» (МШУ, 27–29).

Затем армия уйгуров, возглавляемая западным шадом Бёгю-тегином (?), разбила тюргешей и карлуков в Семиречье, который «взял их имущество и, разгромив их юрты, привез все к себе домой» (МШУ, 29). Терхинская надпись (стк. 1–2) уточняет, что летней ставкой Элетмиш-кагана тогда был Касар Кордан на р. Тез, но захваченная добыча была привезена не сюда.

В конце лета басмылы, снова «став врагами..., ушли на свои земли» [в Турфанский оазис], поэтому «в 8-м месяце» (**2 сентября - 1 октября**) Элетмиш Бильге-каган «оставил свой дом

[зимнюю резиденцию?] в долине Эр Сегун [Арсгунта] у оз. Юла [Юла] и оттуда преследовал их...» (МШУ, 30).

«21 числа» (**22 сентября?**), «оставив басмылов», каган пустился в погоню за предводителем карлуков и «на равнине Ёгра... победил его войска. Его семейство уже за 10 дней [до прихода уйгуров], напугавшись, убежало. Оттуда (каган) с войском повернул назад и остался дома», т.е. в Эр Сегуне (?).

Затем он вынужден был предпринять карательный поход против восставших в тылу огузов и тюрок и **«11 числа»** (**12 октября?**) одержал над ними победу «у Ирлюна в Талакыме». Часть повстанцев бежала к карлукам (МШУ, 31–34).

Тогда Элетмиш Бильге-каган, «повернув назад, [и] остановившись лагерем, велел у соединения Орхона и Балыклыка [р. Джирмантай] строить и воздвигнуть государственный дворец и государственный дом» (МШУ, 34), т.е. столичный город Орду-балык / Кара-Балгасун.

«20 числа, 11-го месяца» (**26 декабря**) каган опять одержал победу над карлуками и басмылами: «На востоке от Кара-Булука [«Черного Ключа»], там, где дорога [через?] Сокак у [границ владений?] Чигил-Тутука... [далее пропуск]. Велев переправиться через Тогургу [Дурго?]... я победил [карлуков?]» (МШУ, 35–36). Первая добавочная строка этой надписи уточняет, что во время этого похода «[перевал] Апа... был завален [снегом]...»²².

Год Лошади (754).

«3 числа, 8-го месяца» (**26 августа**) часть разгромленных карлуков, «сколько их было еще в живых», бежала к тюргешам [в Семиречье], а Элетмиш, «повернув назад, остановился» (МШУ, 40) в одном из своих летних лагерей.

«2 числа, 10-го месяца» (**23 октября**) армия уйгуров нанесла окончательное поражение западной группировке.

ровке противника. «С этих пор карлуки и басмылы [были] уничтожены» (МШУ, 41).

Год Овцы (755).

Описание событий последующих лет, связанных с восстанием Ань Лушаня²³, в надписи МШУ сохранилось фрагментарно, но корреляция с данными китайских источников позволяет восстановить их хотя бы частично.

Текст с указанием места, где Элетмиш «провел лето», утрачен²⁴.

«В седьмой луне (12 августа – 11 сентября) Ань Лушань просил дозволения представить Двору 3 000 лошадей, которых будут препровождать 6.000 ратников под начальством 22 офицеров из инородцев. Император [Сюань-цзун; 713–756] увидел свою ошибку, и собственноручным указом остановил отправление лошадей. Из сего Ань Лушань увидел, что министерство убедилось в подозрениях на него, почему поспешил открыть восстание...» (Бичурин, 1950. С. 30).

16 декабря «Ань Лушань повел многотысячную и многоязыкую армию, наполовину состоявшую из таких же иноплеменников, как и он сам, на юго-запад, в направлении к древним столицам империи Лояну и Чанъани... И действительно, в начале похода северные провинции одна за другой добровольно сдавались на милость победителя» (Бежин, 1987. С. 154).

8 января 756 г. «войска мятежников уже пересекли Хуанхэ и через 10 дней захватили Лоян» (там же).

Год Обезьяны (756).

«5 февраля (по лунному календарю – новогодний день) Ань Лушань провозгласил себя императором новой династии Янь» (Бичурин, 1950. С. 310; Бежин, 1987. С. 155).

9 июля пала западная столица Танской империи – Чанъань, «из 18 000 императорских солдат только 8000 уце-

лело» (Бежин, 1987. С. 157), а император Сюань-цзун, казнив сына и невестку Ань Лушаня, бежал на юг.

В июле «наследник Шеху [Кутлуг-ябгу, старший сын Элетмиш-кагана] с 4 000 конницы прибыл [к Сюань-цзуну] ожидать повелений. Поэтому император... сделал князя Чен-цай президентом княжеского правления и ханом, сверх того, возвел его в достоинство Шеху [ябгу] с четырьмя бунчуками и приказал ему вместе с [Кутлугом-]Шеху предводительствовать войсками» (Бичурин, 1950. С. 311). Помимо Кутлуга, Элетмиш отправил в Китай своего второго сына Бильге (Бёгю, по-кит. Идигянь), назначив ему должность апа-таркана.

12 августа Сюань-цзун отрекся от престола и передал его своему сыну Ли Хэну, получившему храмовое имя Су-цзун (756–761).

2По вступлении государя Су-цзуна на престол, приехал посланник от хана просить о принятии помощи против мятежника Ань Лушаня. (Хан предложил Китаю вспомогательное войско. Ойхорцы [уйгуры] и тибетцы в сентябре сделали предложение Китаю, т.е. сами китайцы намекнули им сделать предложение, а ойхорцы и тибетцы рады были случаю – ограбить и друзей, и неприятелей)» (Бичурин, 1950. С. 311, прим. 5).

В октябре «китайский хан к кагану отправился...» (МШУ, 42), а точнее, «император указал князю Чен-цай заключить договор с ханом... И так приглашено уйгурское войско. Хан, обрадовавшись сему, выдал за Чен-цай свою меньшую свояченицу и отправил старейшину просить о мире и родстве. Император, желая утвердить доброе расположение хана, возвел уйгурку в достоинство Бигя царевны. После сего, хан сам привел войско» (Бичурин, 1950. С. 311–312). Войдя в пределы Китая, уйгуры Кутлуга, вместе с пришедшими на помощь Су-цзуну войсковыми соедине-

ниями с запада, начали громить мятежные отряды сторонников Ань Лушаня.

В декабре уйгуры разбили при Хуанхэ отряд повстанцев из племени тунло [тонгра], примкнувших к Ань Лушаню (Бичурин, 1950. С. 311, прим. 2). Возможно, об этом говорит и сам Элетмиш: «Его [князя тунлосцев?] восьмерых сыновей я взял в плен...» (МШУ, 42).

Год Курицы (757).

В первой луне (25 января – 22 февраля) «клика заговорщиков во главе с Ань Цинсюем, сыном маленького человечка [Ань Лушаня], пробралась к нему ночью, и под покровом темноты предводитель мятежников был заколот кинжалами» (Бежин, 1987. С. 170).

Элетмиш Бильге-каган, оставив сыновей в Китае, возвратился в родные степи, чтобы навести нарушенный в его отсутствие порядок. По его словам: «я остановился... два народа взял я... в Отыкене я... поразил (?)... проживал там... тогда... народ... в свой дом [я вернулся] 6 числа, 2-го месяца» (11 марта)» (МШУ, 42–43)²⁵.

Летом или ранней осенью «император выдал за хана [Кутлуга-ябгу] малолетнюю дочь свою Нин-го царевну, а Моянь-чжо [Элетмиш Бильге-кагану] дал титул *ин-увэй-юань* Би[ль]гя-хана. Указал назначить князя Юй посланником с грамотою, а сановника Сунь – помощником... Когда князь Юй прибыл в орду, хан в тюркском колпаке и красном кафтане сидел в юрте. Пред ним блестящая свита... Хан... с поклонением принял указ и грамоту, а на другой день почтил царевну титулом ханьши...»²⁶. Благодарный каган отправил императору богатые подарки, трехтысячный отряд конницы во главе со своим младшим сыном (?) Гучжо-тегином и министром Дидэ, «важного старейшину и полководца с тремя девицами», а также велел сообщить императору «о покорении владения Гяньгунь», т.е. кыргызов (Бичурин, 1950. С. 313–314)²⁷.

13 ноября «в северо-западных окрестностях столицы [Чанъани] состоялась решающая битва с мятежниками, в которой уйгурская конница нанесла сокрушительный удар по противнику, а [китайская] пехота завершила его полный разгром».

7 декабря был освобожден Лоян (Бежин, 1987. С. 179). «Уйгуры три дня производили большое грабительство в восточной столице. Негодяи [из китайцев] служили им вожаками. Государственное казнохранилище совершенно опустело». Только получив огромный откуп, «они перестали грабить» и вернулись **в декабре** в Чанъань. Суцзун дал Кутлугу[-ябгу] «титул президента строительной палаты, княжеское достоинство...», достойно наградил (Бичурин, 1950. С. 312, 313) и с этим отпустил своих спасителей по домам, хотя Ань Цинсюй и его сподвижники еще не сложили оружия.

Все это время Элетмиш продолжал бороться с врагами своей орды, но из всех описанных в стк. 43–44 надписи МШУ событий этого года, самой важной является фраза о продолжении им градостроительной деятельности: «...согдам и табгачам [китайцам] я дал (приказ) на (берегу) Селенги построить (город) Бай-балык»²⁸.

Год Собаки (758).

В начале года сыновья Элетмиша возвратились из Китая домой. Вкусивший власть побед и славы Кутлуг затеял заговор против отца, за что и был им убит, а Бильге-таркан (Бёгю) стал наследником престола.

«16 числа, 2-го месяца» (29 марта) снова взбунтовались давно усмиренные тюрки, которых возглавил «родственник супруги [Озмыш-кагана?] Оз-Бильгя...», «восемь огузов и девять татар» (МШУ, 46–47), а также кыргызы. Надписи не оставили сведений о ходе восстания, но итог его однозначно был решен не в пользу мятежников.

Год Свиньи (759).

В мае Элетмиш Бильге-каган умер. «Вельможи хотели и царевну проводить за ним..., но так как от царевны не было сыновей, то она возвратилась в Китай». Каганом был «поставлен следующий сын Идигянь, под наименованием Мэуюй-ха-на [Бёгю-кагана]. Он был женат на дочери князя пугуского Хуай-эня..., и теперь она сделалась ханьшею» (Бичурин, 1950. С. 316).

Бёгю-каган начал строительство мемориального комплекса со стелой у оз. Могойн-Шине-ус в честь умершего отца.

Год Мыши (760).

Официальная интронизация Бёгю-кагана.

Год Быка (761).

Бёгю-каган **провел лето** в Касар Коруге (Тэс, 19), где соорудил триумфальный памятник со стелой.

Год Тигра (762).

Бёгю-каган утвердил манихейство государственной религией Уйгурского каганата (Бартольд, 1968. С. 202), что отныне означало официальное отречение уйгуров от традиционной идеологии и ритуалов, в том числе отказ от сооружения мемориальных памятников типа Хушон-тал и Могойн-Шине-ус.

Поздней осенью «императорская армия вместе с союзными войсками уйгуров разгромила отряды Ши Чаои, последнего предводителя восстания Ань Лушаня. **20 ноября** произошла решающая битва, в результате которой была [снова] освобождена (и основательно разграблена «дружественными» войсками уйгуров) Восточная столица Лоян», а уйгуры надолго получили возможность влиять на экономику и культуру Китая (Бежин, 1987. С. 230; Думан, 1940. С. 138).

Судя по конспективному изложению событий первых двух десятков лет существования Уйгурского государства, интересующая нас информация крайне слабо отражена в письменных источниках. В большинстве случаев они или указывают на места расположения ставок Элетмиш Бильге-кагана весьма неопределенно («на краю гор Отюкен», «в Отюкене»), или связывают их с топонимами и гидронимами, которые пока не расшифрованы. В настоящее время, помимо географических привязок четырех вышеописанных памятников со стелами – Хушон-тал (здесь сохранилась только черепаха), Могойн-Шине-ус, Терхинского и Тэсинского, письменные источники указывают места и время закладки этим каганом двух хорошо известных историкам городов – Орду-балыка на Орхоне и Бай-балыка на Селенге. На первом из них найдены обломки стелы с трехязычной надписью, стелу на втором еще предстоит открыть. Известны также еще два памятника, которые можно условно связать с Элетмишем, и которые вполне могли быть его стационарными зимними резиденциями. Это развалины «Орготу», расположенные в горах неподалеку от ансамбля Могойн-Шинэ-ус, и островной замок Пор-Бажын на оз. Тере-Холь в юго-восточной Туве. Следует отметить, что возле него еще в 1950-е годы стояла стела с надписью, которая, к сожалению, не была изучена (Вайнштейн, 1964. С. 113).

В рунических надписях установка памятных стел Элетмиш Бильге-каганом упоминается трижды: за песками «Каракум у Когюра, и у горы Комюр и реки Яр» (август 742 г.)²⁹, в Касар Кордане на западном краю северного склона Отюкена (лето 750 г.) и при слиянии рек Ябаш и Тукуш посередине Отюкена (лето 752 г.), причем в обоих случаях вокруг ставок «воздвигались стены (чит)». Таким образом, речь здесь идет или о капитальных постройках, или под

словом «стены» подразумевается временное ограждение в виде, например, деревянного частокола, плетня и т.п.³⁰. Поскольку в местах расположения холмов Ногон-толгой и Хух-толгой на Тэсийн-голе не обнаружено ни малейших остатков кирпичных или глинобитных стен, можно сделать вывод, что лагерь Касар Кордан на р. Тез или был окружен легкой оградой, или эта местность не является Касар Корданом.

Надпись МШУ говорит о том, что в марте 750 г. Элетмиш Бильге-каган разбил чиков на р. Кем (Енисей), а летом устроил лагерь на р. Тез и там «установил границы [своих владений]» (МШУ, 20). С.И. Вайнштейн идентифицирует эту ставку с крепостью Пор-Бажын; того же мнения придерживается и С.Г. Кляшторный, определивший ее имя собственное – «Касар Кордан». В таком случае логично предположить, что поход на чиков действительно состоялся из крепости Пор-Бажын, которая была построена на оз. Тере-Холь как форпост уйгурских правителей задолго до описываемых событий. Возможно, еще в период господства тюрок в Центральной Азии этот замок выполнял функцию «родового гнезда» поколения Яглакар, однако название Касар Кордан относится не к нему.

Племя чиков никогда не представляло для уйгуров серьезной военной угрозы, и когда в начале 750 г. они устроили очередной локальный мятеж, то зимовавший в Пор-Бажыне Элетмиш Бильге-каган легко и быстро сумел подавить его малыми силами. Но не исключено, что поход против чиков явился своего рода частью акции «замирения окраин» перед планируемой им передислокацией административного центра уйгуров на Орхон.

Терхинская надпись сохранила слова Элетмиша: «Среди Восьми [рек] мой скот и мои пашни. Восемь [рек], Селенга, Орхон и Тола радуют [меня]. По рекам Карга и Бургу³¹], в той стране

я поселяюсь-переселяюсь [т.е. кочую] по двум моим рекам. В моих летних кочевьях, на западном краю северного склона Отю-кена, к востоку от верховьев [реки] Тез [здесь] я поселяюсь-переселяюсь» (Терх., 4–5). Как видим, в этих строках нашел отражение всплеск эмоций кагана молодого государства, получившего, наконец, возможность покинуть тесные рамки старинных родовых владений с пастбищами и пашнями в юго-восточной части Тувы и на севере Монголии и выйти на широкий оперативный простор степей.

Новая политическая ситуация ставила новые требования к административному управлению обширнейшим регионом. Скорее всего, именно это повлекло за собой перемещение резиденции кагана из глухого горно-таежного угла Тувы, восточную часть которого ограничивает водораздельный хребет Улан-Тайга, а южную – хребты Сангилен и Восточный Танну-Ола, на «западный край северного склона Отюкена [Хангая]». Здесь-то и был летом 750 г. основан новый оперативный центр Касар Кордан, коммуникационные преимущества которого были намного выгоднее, нежели у Пор-Бажына.

Если допустить, что «обнесенный стенами» и отмеченный триумфальной стелой Касар Кордан является памятником на Тэсийн-голе, то идентичную по описанию каганскую ставку «при слиянии двух [рек] Ябаш и Тукуш» следовало бы отождествить с Терхинским памятником. Он действительно находится почти «посередине Отюкена», неподалеку от него сливаются речки Хойт-Терхин и Урд-Терхин, и хотя строго к западу здесь до горизонта тянется голая степь, «священную вершину Сюнгюз Башкан» при желании можно увидеть в одной из вершин хребтов, расположенных к юго-востоку или северо-западу от памятника.

Впрочем, отсутствие и здесь остатков капитальных построек позволяет

усомниться в отождествлении Хойт- и Урд- Терхинов с Ябашем и Тукушем. Этому противоречит и сама Терхинская надпись, в стк. 1–2 которой говорится, что летние месяцы 750 и 753 годов Элетмиш Бильге-каган провел в Касар Кордане, а 752 года – на Ябаш-Тукуше. Следовательно, в 752 г. стела на Хойт-Терхине не могла быть установлена. Учитывая это обстоятельство, С.Г. Кляшторный условно датировал памятник после 753 г. Поскольку указание на место летних кочевий 755 г. в надписи МШУ утрачено (стк. 41), можно предположить, что каган именно тогда проживал в степи на Терхин-голе, где и установил памятную стелу. В пользу этой даты может свидетельствовать тот факт, что в Терхинской надписи ни слова не говорится о декабрьской (755 г.) победе Элетмиша над тунлосцами при Хуанхэ во время походов на Ань Лушаня, что непременно нашло бы отражение в триумфальном тексте, созданном, например, в 756 г.

Итак, на основании исследования письменных источников можно сделать следующие выводы:

1. Крепость со стелой Пор-Бажын в Туве не является лагерем «со стенами» и стелой Касар Кордан на р. Тез в Монголии;

2. Касар Кордан и памятник Ногон-толгой с Тэсинской стелой не отождествляются, т.к. последняя доказывает всего лишь пребывание на Тэсийн-голе Бёгю-кагана в 761 г., но никак не Элетмиш Бильге-кагана в 750 и 753 гг.;

3. Лагерь на Ябаш-Тукуше «со стенами» и стелой и Терхинский памятник со стелой устроены в разное время, а потому также не поддаются идентификации;

4. Ставки Элетмиш Бильге-кагана в Касар Кордане и на Ябаш-Тукуше еще ждут своего открытия.

Остается еще один пункт пребывания кагана, датируемый осенью 753 г., – это ставка «Эр Сегун, у оз. Юла»

(МШУ, 30–31). Из всех известных ныне памятников Элетмиша весьма перспективные надежды в связи с этим подает совершенно неизученный археологами комплекс построек «Орготу», лежащий на сопках к северу от мемориала Могойн-Шине-ус. Очень важным в плане определения местонахождения ставки Эр Сегун является указание источника на наличие близ нее озера. Считаю своим долгом отметить, что гипотезу об идентификации озер Юла и Могойн-Шине-ус в 1984 г. выдвинул С.Г. Кляшторный во время нашего совместного обследования «Селенгинского» памятника.

Хотя принадлежность уйгурам развалин Орготу не доказана, такую гипотезу нельзя отрицать однозначно по нескольким причинам. Во-первых, из-за близости их не только к мемориалу Элетмиш Бильге-кагана, но и к мемориалу его отца Кюль Бильге-кагана, расстояние между которыми не превышает 30 км. Отдельные эпизоды гражданской войны 748 г. вполне убедительно привязываются к этой резиденции, которая могла быть построена ханом Пэйло в 745 г. «между горами Удэгянь и рекою Гунь» для ведения военных операций против своих противников на территории Монголии.

Так, например, после битвы со сторонниками Тай Бильгя-тутука 10 мая 748 г. «в местности Бургу»³², их табуны, скот, «пленных девиц и женщин» удобнее было «пригнать к себе» в Эр Сегун (Орготу), нежели в Пор-Бажын, поскольку ни ставок Касар Кордан и Ябаш-Тукуш, ни городов Орду-балык и Бай-балык тогда еще не существовало. Затем, в июле–августе, последовало двухмесячное ожидание противника в местах южнее Селенги (!), выступление в поход и битва на Касуе (Хануе) у оз. Ачиг Алтыр. Такого рода конный переход «из Эр Сегуна, у оз. Юла» до р. Хануй вполне возможно было совершить, если атака уйгуров началась («двинул

вперед знамя») 29 августа, а битва на Ачиг Алтыре состоялась 30 августа (МШУ, 17–18). Наконец, прием китайской принцессы-невесты летом или осенью 758 г. и последовавшая в мае 759 г. смерть Элетмиш Бильге-кагана также могли произойти не в столичном Орду-балыке, а в Эр Сегуне (Орготу), близ которого вскоре был сооружен мемориальный комплекс Могойн-Шине-ус.

Во-вторых, если эта гипотеза в дальнейшем подтвердится, то расположение развалин Орготу на вершине сопки явится ценным указанием на дальнейший поиск укрепленных «стенами (чыт)» лагерей Касар Кордан и на Ябаш-Тукуше не на открытых пространствах, каковыми являются степи Долоон-мод и Худжиртын-нур с Терхинским и Тэсинским памятниками, а на возвышенных местах. Таким же желанием максимально обезопасить от нападения врагов своих родственников (в первую очередь женщин и детей) во время частых военных отлучек хозяина, укрыв их за мощными кирпичными стенами на острове посреди озера, был продиктован и выбор места для устройства дворца-крепости Пор-Бажын.

В отличие от укрепленных капитальными стенами зимних ставков, кочевые летние биваки не нуждались в особой фортификационной защите, т.к. они были временными и весьма подвижными структурами. Принцип летнего выпаса скота «смотря по достатку в траве и воде», характерен для всех кочевых народов, тем более для обладавших возможностью широкого выбора пастбищ центральноазиатских скотоводов. Однако главная особенность ведения хозяйства уйгурами заключалась в сочетании кочевого скотоводства и земледелия. Это отмечено письменным источником («Среди Восьми [рек] мой скот и мои пашни»), по крайней мере, уже с VIII в. Для развития земледелия, в свою очередь, необходимо было не только достаточное количество плодородных

площадей, но и охрана их с помощью крепостей. В конечном счете, уйгур-земледелец победил уйгура-номада, но это произошло уже в другое время и на другой территории (Бартольд, 1968. С. 202–203).

В середине же VIII в. Уйгурское государство переживало стадию становления, поэтому Элетмиш Бильге-каган неустанно искал возможности укрепить международный авторитет своей державы. Для дальнейшего совершенствования системы управления, развития хозяйства, ремесел и культуры внутри страны, расширения внешних торговых-экономических связей и решения военно-стратегических задач ему необходимо было найти такую географическую точку, которая могла бы максимально соответствовать всем этим требованиям. Далекий и труднодоступный Пор-Бажын, Касар Кордан, Эр Сегун, лагерь на Ябаш-Тукуше по разным причинам его не удовлетворяли и лишь в 753 г. было найдено самое оптимальное место для устройства столицы. Основанный в конце этого года город Орду-балык на Орхоне постепенно вырос и просуществовал вплоть до его разгрома енисейскими кыргызами в 840 г. Кстати, географические преимущества этого района были оценены и первыми чингизидами, в начале XIII в. заложившими на другом берегу Орхона свою знаменитую столицу – Каракорум.

Изложенные в настоящем очерке доказательства и гипотезы по одной очень узкой проблеме лишней раз подчеркивают громадный информационный потенциал рунических памятников, использовать который предстоит еще очень долго. Попытки определить места расположения летних и зимних резиденций первых уйгурских каганов середины VIII в., начатые С.И. Вайнштейном и С.Г. Кляшторным, являются только введением во все еще загадочную тему истории уйгурского градостроительства в Центральной Азии.

Примечания

¹ Автор благодарен В.В. Волкову за предоставленные ему для публикации полевые чертежи и рисунки, выполненные С.Н. Корневским и В.В. Свиным. Вещи из раскопок 1976 г. хранятся в археологической лаборатории Института истории АН Монголии; материалы раскопок 1977 г. в моем распоряжении отсутствуют.

² Разные варианты его имени см. в работах С.Г. Кляшторного (Кляшторный, 1980. С. 85; Кляшторный, 1983а. С. 128; Klyashtorny, 1985. P. 137-156).

³ Согласно надписи МШУ, 12 его смерть наступила в 747 г., а Ганму относит ее к февралю 745 г. (Бичурин, 1950. С. 309).

⁴ Для обозначения текстов автор использует принятые в тюркологии сиглы: МШУ – надпись Могойн-Шине-ус (Малов, 1959); Терх. – Терхинская надпись (Кляшторный, 1980); Тэс. – Тэсинская надпись (Кляшторный, 1983б).

⁵ В статье здесь и далее все даты выверены по таблицам из работы В.В. Цыбульского (Цыбульский, 1988). Л.Н. Гумилев считает, что летоисчисление в надписи МШУ ведется по сирийскому (несторианскому) календарю (Гумилев, 1967. С. 377). Однако постоянное упоминание в этой надписи названий годов по 12-летнему животному циклу и отсутствие названий месяцев сирийского календаря заставляют склониться к выводу о дальневосточно-центральноазиатской системе счета лет древними уйгурами.

⁶ Это самое первое упоминание Элетмишем установки триумфальной стелы, но ее точное местонахождение остается неизвестным.

⁷ Баймэй-хан из рода тюрков-туцзюе Ашина – последний правитель Второго восточнотюркского каганата (552–745 гг.).

⁸ Гудулу – кит. транскрипция имени Кутлуга-ябгу, отца Баймэй-кагана.

⁹ По-фу – дочь Тоньюкука, вдова Бильге-кагана и Кутлуга-ябгу.

¹⁰ Вариант – Тай Бильгя-тутук. А.Р. Сабитов считает его старшим сыном Кюль Бильге-кагана (Сабитов, 1990. С. 231).

¹¹ Гидроним Бургу упоминается в надписи Терх., 4 и в данном случае С.Г. Кляшторный идентифицирует его с р. Каа-Хем в Туве (Кляшторный, 1983а. С. 121). Однако топоним Бургу в надписи МШУ, 15 связан или с современным хребтом Бургут, лежащем на водоразделе рек Орхон и Тола в месте их слияния, или с параллельным ему хребтом Бурэнгийн-Нуру в междуречье Орхона и Селенги.

¹² Среди главных притоков Селенги, Н.Я. Бичурин упоминает реку Экэ, которая соответствует современному Эгийн-голу (Бичурин, 1950. С. 308, прим. 2), а поскольку июньская баталия 748

г. происходила на левобережье Селенги, то Йилук-гол может быть сопоставим только с рекой Экэ, т.е. Эгийн-голом.

¹³ В том же списке рек у Н.Я. Бичурина Хасуй назван первым правым притоком Селенги, что соответствует Хануй-голу. Сопоставление гидронимов Хасуй – Касуй – Хануй приводит, со ссылкой на Г.И. Рамстедта, и Б.Я. Владимирцов (Владимирцов, 1929. С. 171–172).

¹⁴ Географическое имя Кэйрэ упоминается также в связи с войной между токуз-огузами и тюрками в 740 г. (МШУ, 5–6; Терх., 21).

¹⁵ Такого рода локализация зимней резиденции кагана является первым, хотя и неопределенным указанием письменных источников на ее местоположение.

¹⁶ Перевод строк 19–21 надписи МШУ цитируется по уточненному переводу С.Г. Кляшторного (Кляшторный, 1983а. С. 122).

¹⁷ Последовательное изложение исторических событий в Терх., 16–30 позволяет сделать вывод, что Элетмиш Бильге-каган не первый раз кочевал летом в этой местности «посредине Отюкена», но лишь в 752 г. начал здесь обустройство стационарного лагеря. С.Г. Кляшторный отождествляет его с Кара-Балгасуном / Орду-балыком (Кляшторный, 1983а. С. 121), однако об основании этого столичного города говорится в МШУ, 34 под 753 годом.

¹⁸ На карте Монголии, изданной картографическим заведением А. Ильина в Санкт-Петербурге (год издания не указан), к северо-западу от оз. Косогол (Хубсугул) отмечено оз. Кара-булук, из которого вытекает р. Бай-Хем.

¹⁹ Исследователи идентифицируют р. Болчу рунических надписей с р. Урунгу, впадающей в оз. Улюнгур (Булуныто) южнее верховий Черного Иртыша.

²⁰ . Есть основание полагать, что автор текста допустил в этом предложении существенную опечатку. Вопреки всему строго хроникальному повествованию, события 753 г. он начинает с описания летнего лагеря кагана, затем возвращается к делам весенним, а далее ведет рассказ в обычной последовательности времен года. Следовательно, только исправление ошибочного слова «лето» в МШУ, 26 на слово «зима» дает возможность восстановить логический порядок в изложении данного фрагмента надписи.

²¹ В упомянутом выше перечислении Н.Я. Бичуриным притоков Селенги, среди ее «шести вершин» первой названа р. Харатал, имя которой напоминает руническое Кара-Йоталук. Если это сравнение верно, то последняя должна соответствовать р. Дэлгэр-Мурэн. Такое отождествление получает дополнительное обоснование и в связи с тем, что «верховья р. Тез», где Элетмиш Бильге-каган проживал летом 753 г. в Касар

Кордане, расположены неподалеку от Дэлгэр-Мурэна.

²² В этом поврежденном фрагменте описан маршрут зимнего похода войска уйгуров. Все упоминаемые здесь топонимы и оронимы находились недалеко от аила «Чигиль-Тутука» – тутука племени чигилей. В «Худуд ал-'алам» о местах их расселения говорится: «Эта область, [жители которой] по своему происхождению относятся к халлухам [карлукам], отличается большой населенностью; к востоку и к югу от нее – пределы [расселения] халлухов, к западу от нее – пределы тухсийцев, а к северу – область хырхызов [кыргызов]...; живут они в шатрах и в палатках, а городов и деревень у них мало...» (Материалы по истории киргизов, 1973. С. 43). По В.В. Бартольд, чигили кочевали «на северной стороне Исык-Куля» (Бартольд, 1968. С. 204), точнее, к северо-востоку от него, в пределах среднего течения р. Или. Топоним Кара-булак (Кара-Булак) встречается в сочинениях Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Али Йезди и Абд ар-Раззака Самарканди, посвященных походу Тимура в «Моголистан» в 791 г.х./1389 г. Все эти авторы упоминают Кара-Булак в связи с пребыванием Тимура и его полководцев на реках Кунгес и Юлдус в Восточном Туркестане (Материалы по истории киргизов, 1973. С. 109–110, 141–142, 156–157). Таким образом, можно предположить, что удар по карлукам "к востоку от Кара-булука" уйгуры нанесли в декабре 753 г. через современный Урумчи в направлении Кучи или Карашара. В таком случае, под «перевалом Апа...» в надписи МШУ, скорее всего, скрывается перевал Боро-Хоро (3500 м).

²³ Ань Лушань – маленький толстый человек со смешными, порой намеренно шутовскими манерами, в жилах которого текла смешанная кровь согдийца и тюрка, оказался вовсе не таким наивным простаком, за которого себя выдавал. «Медленно и упорно он поднимался по ступенькам власти, пока не достиг самой верхней из них, став военным губернатором [цзедуши провинции, ныне носящей название Шаньдун], доверенным лицом самого Сюань-цзуна», руководившим девятью боеспособными армиями. «Его закаленные и вымуштрованные солдаты, изголодавшиеся по большой добыче, только и ждут случая ринуться в бой, а путь от Великой Китайской стены, где стоят гарнизоны Ань Лушаня, до танской столицы не так уж долог...» (Бежин, 1987. С. 137, 154). «Толчком для этого выступления послужила неудачная внешняя война с королевством Наньчжао (на юго-западе, на территории совр. провинции Юньнань) и тяжелое поражение китайской армии в 754 г.» (Думан, 1940. С. 138).

²⁴ Возможно, летний лагерь кагана располагался в долине Долоон-мод, где была установлена памятная Терхинская надпись, последняя дата в которой – 753 г.

²⁵ Этим «домом» кагана мог быть отстроенный за два года дворец в Орду-балыке на Орхоне.

²⁶ Прием происходил в ставке кагана, местоположение которой неясно.

²⁷ «С киргизами уйгуры вели более ожесточенную борьбу, чем до них турки-огузы. По китайским известиям, уйгуры в 758 г. завоевали государство киргизов, после чего прекратились непосредственные сношения киргизов и китайцев» (Бартольд, 1968. С. 201).

²⁸ Развалины Бай-балыка расположены в 12 км к западу от Хутаг сомона Булганского аймака, в 2–3 км от левого берега Селенги. Археологические раскопки города не проводилось. Б.Б. Бамбаев, в 1927 г. посетивший монастырь Бибалгын-сумэ, отметил, что он «находится на развалинах уйгурской столицы Бай-балыка. В некоторых местах городские стены сохранились очень хорошо. Направо от развалин в 1 версте лежат три каменные фигуры львов и одной черепяхи» (Бамбаев. С. 4). Это указание дает надежду на нахождение здесь в будущем неизвестной науке стелы с надписью.

²⁹ Пески Каракум (кит. Хэйша) неоднократно упоминаются в письменных источниках тюрок и китайцев в связи с событиями, связанными с воссозданием Второго восточнотюркского каганата (680–683 гг.). По всей вероятности, эта область находилась в районе хребта Иньшань на территории современного автономного района Внутренняя Монголия.

³⁰ В переводах С.Е. Маловым надписи Моюнчура слово «чыт» переводится и как «стены», и как «заборы», что подразумевает ограду, не имевшую фортификационного значения.

³¹ Это реки левобережной стороны Каа-Хема, расположенные около Пор-Бажына.

³² Почему бы не в районе хребта Бургут между Орхоном – «рекою Гунь» и Толгой?

Библиография

- Бамбаев Б.Б.* Предварительный краткий отчет о работе в этнолого-лингвистическом отряде научной экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Туву. 1927 г. // Архив Института истории АН Монголии. Д. 45, 2.
- Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бежин Л.Е.* Ду Фу. М., 1987.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. М.-Л., 1950.
- Вайнштейн С.И.* Древний Пор-Бажын // СЭ. 1964. № 6.
- Владимирцов Б.Я.* Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // ДАН СССР. М., 1929.
- Войтов В.Е., Волков В.В., Корневский С.Н., Новгородова Э.А.* Исследования в Монголии // АО-1976 года. М., 1977.
- Волков В.В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Думан Л.И.* Очерк истории Китая // Китай. История, экономика, культура. М.-Л., 1940.
- Кляшторный С.Г.* Эпиграфические исследования в Монголии // АО-1975 года. М., 1976.
- Кляшторный С.Г.* Эпиграфические работы в Монголии // АО-1976 года. М., 1977.
- Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись (предварительная публикация) // СТ. № 3. Баку, 1980.
- Кляшторный С.Г.* Новые эпиграфические работы в Монголии. 1969-1976 гг. // История и культура Центральной Азии. М., 1983а.
- Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела (предварительная публикация) // СТ. № 6. Баку, 1983б.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л., 1959.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
- Рамstedт Г.И.* Как был найден «Селенгинский камень» // ТрТКОПОРГО. 1912. Т. XXV. Вып. 1. СПб, 1914а.
- Рамstedт Г.И.* Перевод надписи «Селенгинского камня» // ТрТКОПОРГО. 1912. Т. XXV. Вып. 1. СПб, 1914б.
- Руднев А. [Д.]* Экспедиция д-ра Г.И. Рамstedта по Монголии // Русские Ведомости. № 280. СПб, 1909.
- Сабитов А.Р.* К вопросу о переселении токуз-огузов в Таримский бассейн в VIII–IX вв. // Маловские чтения. Алма-Ата, 1990.
- Цыбульский В.В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н.э.). М., 1988.
- Доржсурэн Ц.* 1956-1957 онд Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн тухай (Об археологических работах 1956-57 гг. в Архангайском аймаке) // Шинжлэх ухаан. Дээд Боловсрон Хурээлэнгийн хэвлэл. Улаанбаатар, 1958.
- Aalto P.* Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei // JSFOu. LX. Helsinki, 1958.
- Aalto P.* Oriental studies in Finland (1828-1918). Helsinki, 1971.
- Kljashorny S.* The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan // АОН. XXXIX. Budapest, 1985.
- Memoria saecularis Sakari Pälsi. Finnisch-ugurische Gesellschaft. Aufzeichnungen von einerforschungsreise nach der Nordlichen Mongolei im Jahre 1909. Helsinki, 1982.
- Ramstedt G. J.* Zwei uigurische Runenschriften der Nord-Mongolei // JSFOu. XXX. № 3. Helsingfors, 1913.

Рис.2. План и разрезы памятника Могойн-Шинэ-ус.

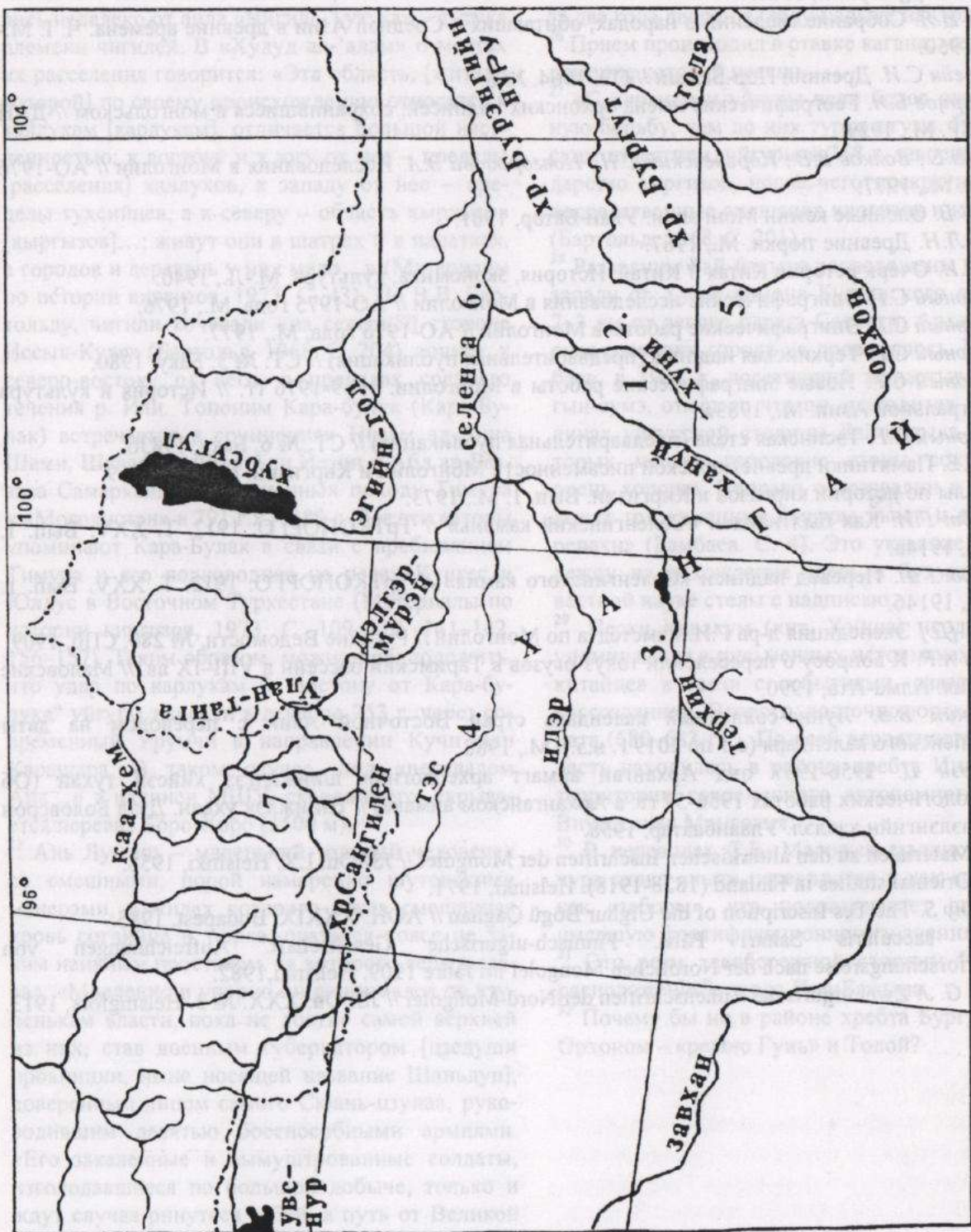

Рис.1. Карта расположения памятников: 1 - Хушон-тал; 2 - Могойн-Шине-ус; 3 - Терхинский; 4 - Тэсинский; 5 - Орду-балык; 6 - Байбалык; 7 - Пор-Бажын

...ния, до тибетской отделился не так уж долго... (Бажин, 1987, С. 137, 154). Толчком для этого выступление послужила неудачная военная кампания в Корейском полуострове (на юго-западе, на территории современного провинции Юньнань) и тибетские порабощение китайской армии в 754 г. (Дуван, 1940 С. 133).

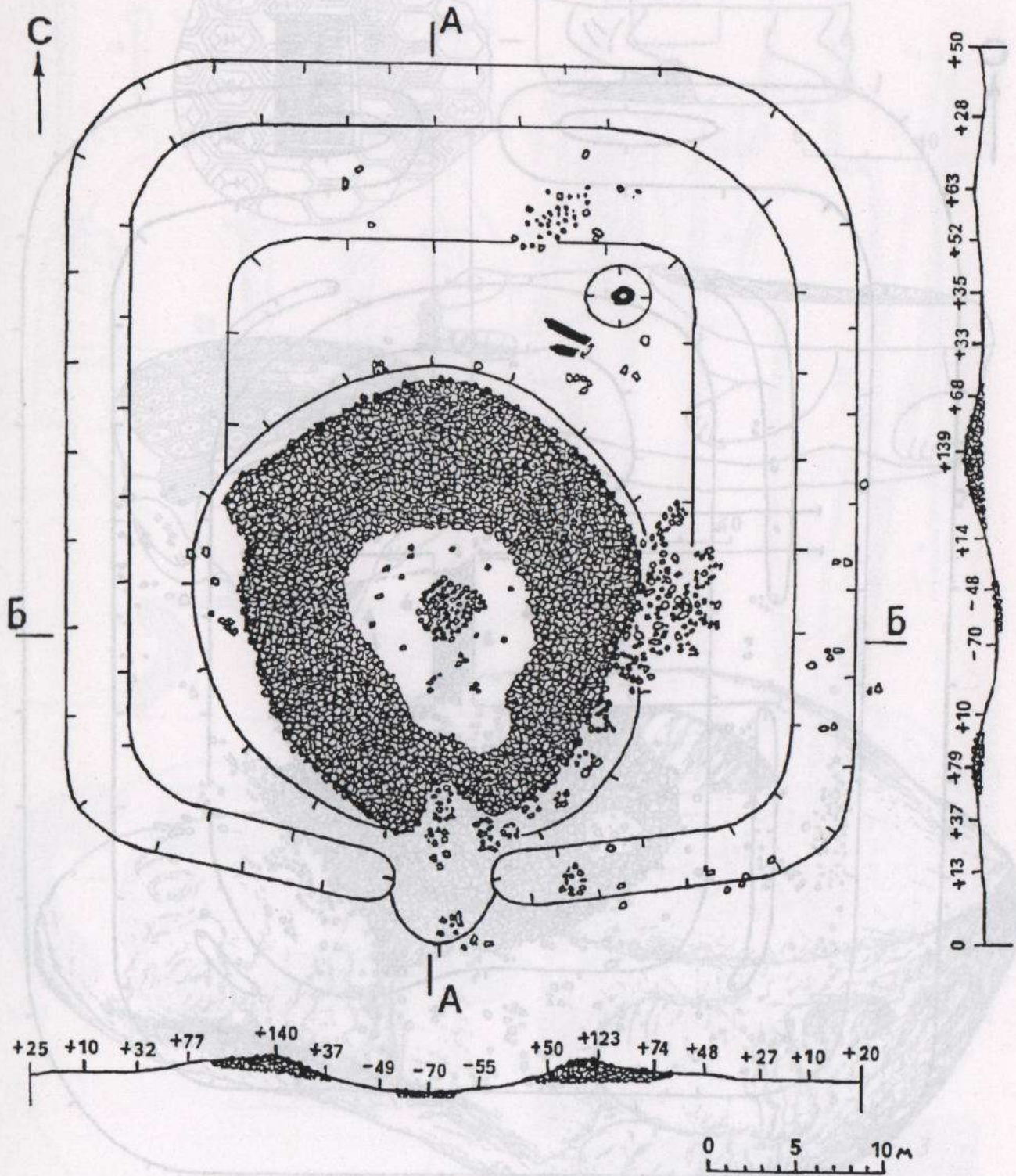

Рис. 2. План и разрезы памятника Могойн-Шинэ-ус.
 1 - Черепки с памятника Могойн-Шинэ-ус;
 2 - Черепки Теркинского памятника;
 3 - Черепки с памятника Хушон-гал (по В.В. Свднику)

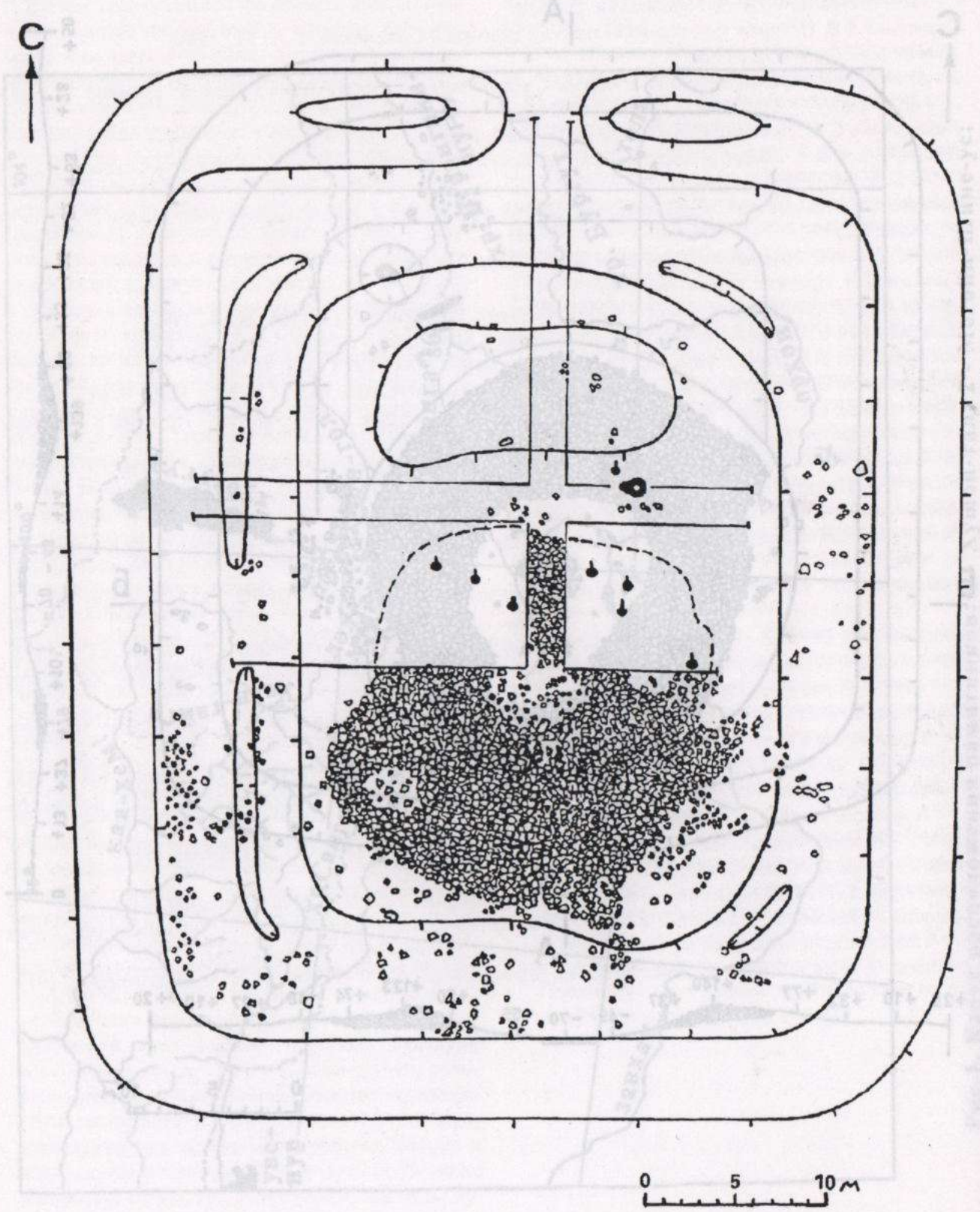

Рис. 3. План памятника Хушон-тал

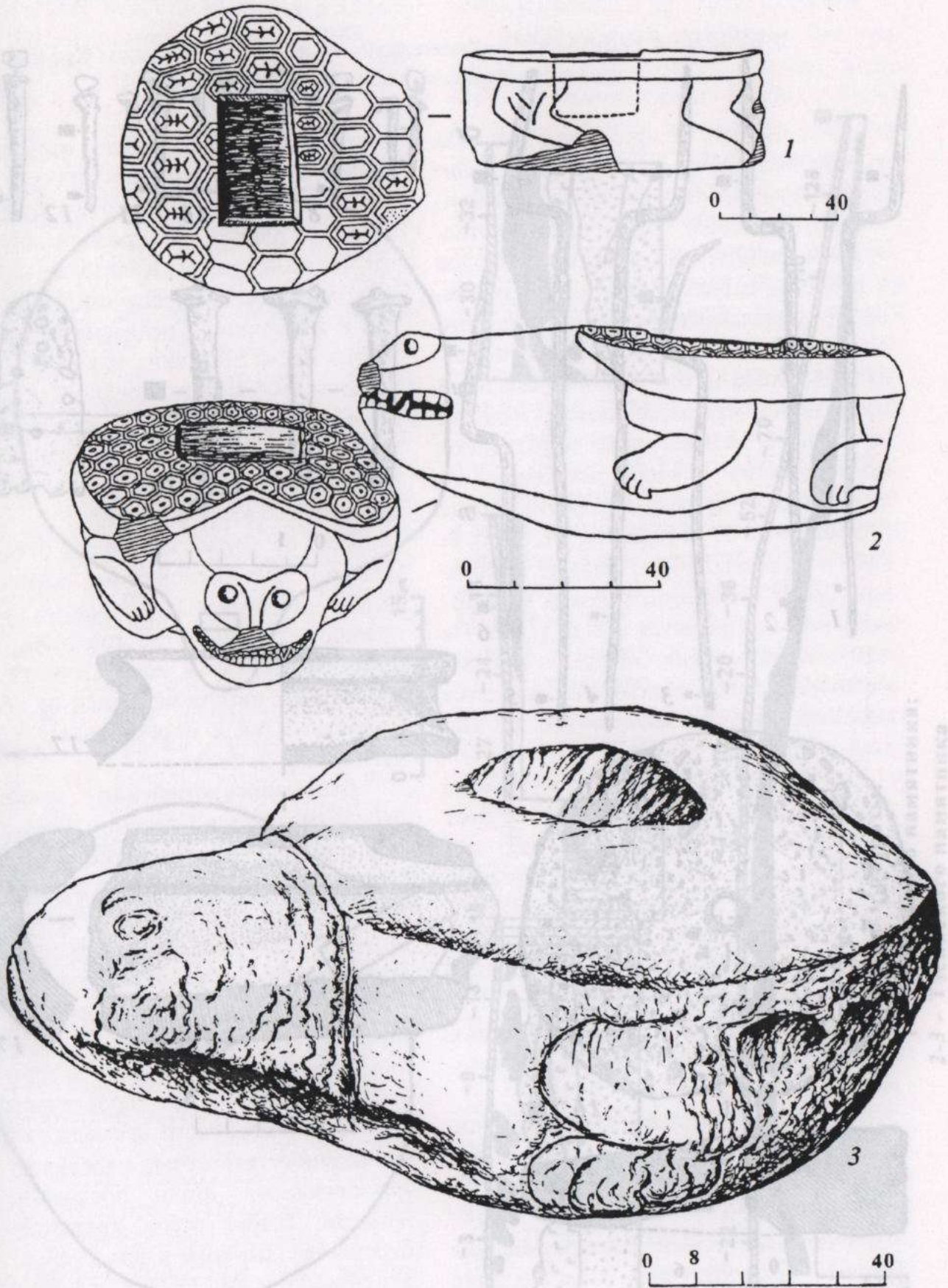

Рис.4.

- 1 - Черепаха памятника Могойн-Шине-ус;
 2 - Черепаха Терхинского памятника;
 3 - Черепаха с памятника Хушон-гал (по В.В. Свинину)

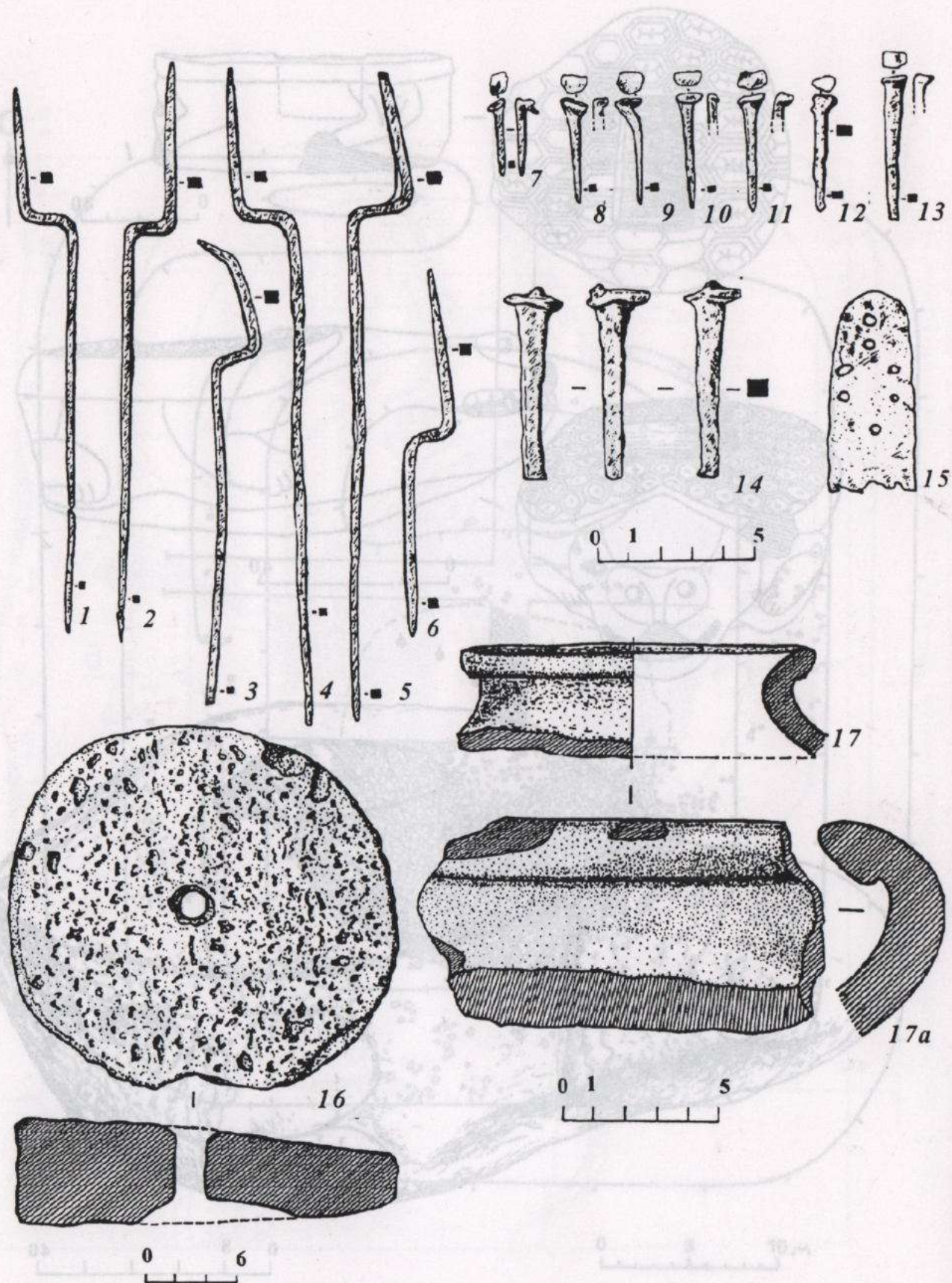

Рис.5. Находки на памятнике Хушон-тал:
 1-6 - остря; 7-14 - гвозди; 15 - пластина панцирного доспеха;
 16 - жернов ручной мельницы; 17-17a - фрагменты сосуда
 (1-15 - железо; 16 - камень; 17 - глина)

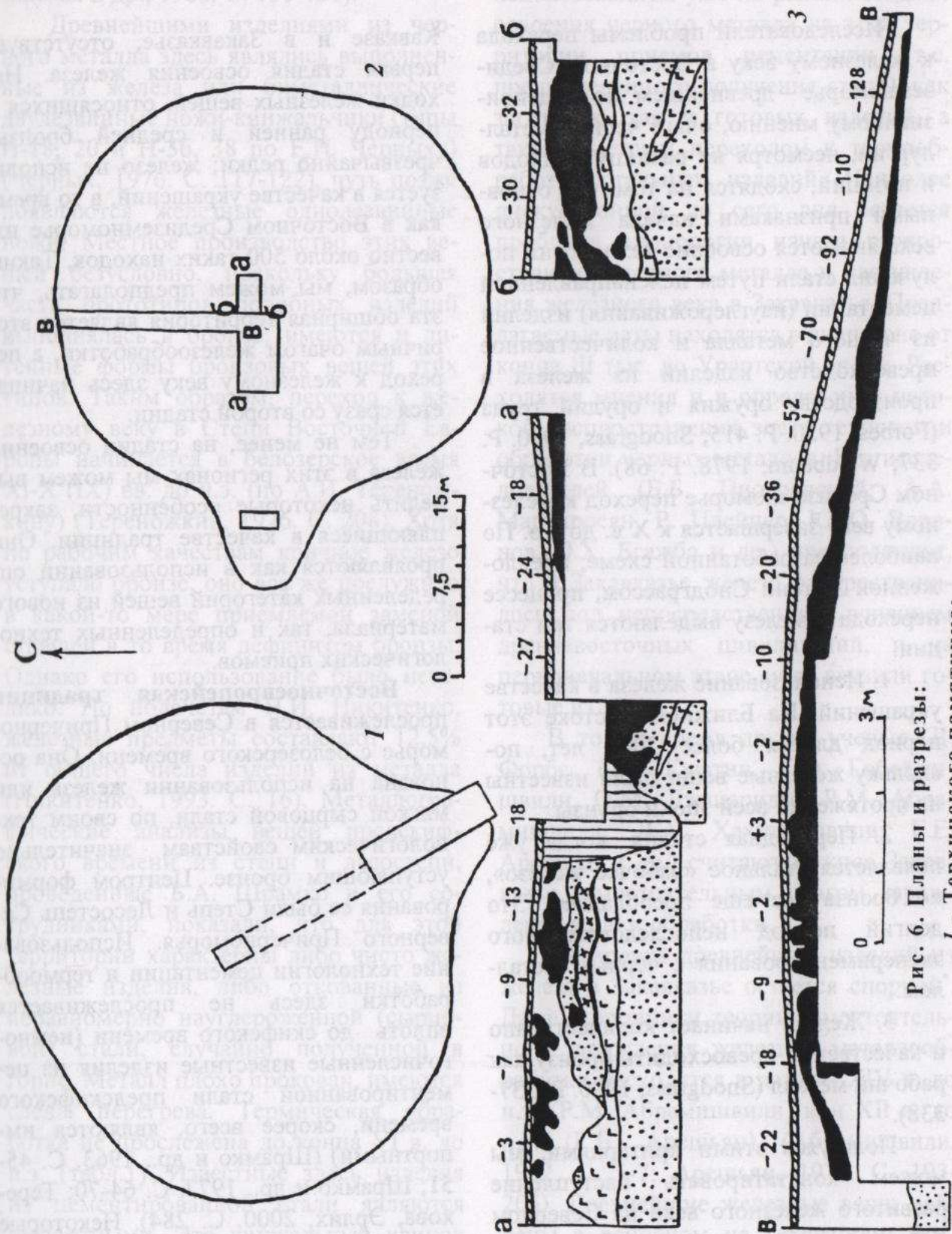

Рис. 6. Планы и разрезы:
 1 - Терхинского памятника;
 2-3 - Тэсинского памятника

К проблеме перехода к раннежелезному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции

Исследователи проблемы перехода к железному веку в Восточном Средиземноморье – древнейшем, по общепризнанному мнению, очаге черной металлургии, несмотря на разницу подходов и позиций, сходятся на том, что основными признаками начала железного века являются освоение технологии получения стали путем целенаправленной цементации (науглероживания) изделий из черного металла и количественное превосходство изделий из железа в производстве оружия и орудий труда (Forbes, 1950. P. 415; Snodgrass, 1980. P. 337; Waldbaum, 1978. P. 68). В Восточном Средиземноморье переход к железному веку завершается к X в. до н.э. По наиболее разработанной схеме, предложенной Энтони Снодграссом, процессе перехода к железу выделяются три стадии.

1. Использование железа в качестве украшений. На Ближнем Востоке этот период длился более 2000 лет, поскольку железные вещи были известны на протяжении всей эпохи бронзы.

2. Переходная стадия, когда уже появляется стальное «рабочее железо», но бронза все еще преобладает. Это долгий период непоследовательного экспериментирования с черным металлом.

3. Железо начинает количественно и качественно превосходить бронзу как рабочий металл (Snodgrass, 1980. P. 337-338).

Пользуясь этими критериями, мы можем констатировать наступление развитого железного века на Северном Кавказе, как и на всем юге Восточной Европы, к середине VII в. до н.э., т.е. в раннескифское время. Исходя из схемы Э. Снодграсса, можно заметить, что в Восточной Европе, как на Северном

Кавказе и в Закавказье, отсутствует первая стадия освоения железа. Находки железных вещей, относящихся к периоду ранней и средней бронзы, чрезвычайно редки; железо не используется в качестве украшений, в то время как в Восточном Средиземноморье известно около 500 таких находок. Таким образом, мы можем предполагать, что эта обширная территория является вторичным очагом железообработки, а переход к железному веку здесь начинается сразу со второй стадии.

Тем не менее, на стадии освоения железа в этих регионах мы можем выделить некоторые особенности, закрепляющиеся в качестве традиции. Они проявляются как в использовании определенных категорий вещей из нового материала, так и определенных технологических приемов.

Восточноевропейская традиция прослеживается в Северном Причерноморье с белозерского времени. Она основана на использовании железа или мягкой сырцово-стали, по своим технологическим свойствам значительно уступающим бронзе. Центром формирования ее были Степь и Лесостепь Северного Причерноморья. Использование технологии цементации и термообработки здесь не прослеживается вплоть до скифского времени (немногочисленные известные изделия из цементированной стали предскифского времени, скорее всего, являются импортными) (Шрамко и др., 1963. С. 45-51; Шрамко и др., 1977. С. 64-70; Терехова, Эрлих, 2000. С. 284). Некоторые исследователи полагают, что попытка замены ряда бронзовых типов железными в эпоху финальной бронзы была следствием не прогресса, а регресса (Никитенко, 1993. С. 8), вызванного

общим кризисом металлургии бронзы по причине недостатка сырья в Северном Причерноморье (Черных, 1996. С. 186; Ванчугов, 1990. С. 139-140; Березанская и др., 1986. С. 150-151).

Древнейшими изделиями из черного металла здесь являлись выполненные из железа или биметаллические двулезвийные ножи-кинжальчики (типы Н-18, 20 и Н-36, 38 по Е.Н. Черныху) (Черных, 1976. С. 117-122), чуть позже появляются железные однолезвийные ножи. Местное производство этих вещей безусловно, поскольку большая часть прототипов подобных изделий выполнялась в бронзе; имеются и литейные формы бронзовых вещей этих типов. Таким образом, переход к железному веку в Степи Восточной Европы начинается в белозерское время XI-X (IX) вв. до н.э. (по А.И. Тереножкину) (Тереножкин, 1976. С. 208). Хотя по рабочим качествам кричное железо уступало бронзе, оно все же послужило в какой-то мере приемлемой заменой ставшей в то время дефицитом бронзы. Однако его использование было невелико. По подсчетам Н.И. Никитенко, железные предметы составляют 12,5% от общего числа изделий из металла (Никитенко, 1993. С. 16). Металлографические анализы вещей предскифского времени из степи и лесостепи, проведенные Б.А. Шрамко и его сотрудниками, показали, что для этой территории характерны либо чисто железные изделия, либо откованные из неравномерно науглероженной (сырцово-вой) стали, случайно полученной в горне. Металл плохо прокован, имеются следы перегрева. Термическая обработка не прослежена до конца VI в. до н.э. (табл.1). Известные здесь изделия из цементированной стали являются импортными. Это кинжальный клинок закавказского облика с треугольным лезвием и тремя отверстиями из Верхнего Бишккия, биметаллический меч из Субботова, клинок которого был отко-

ван из двух кусков стали, копьё из Бутенок (Шрамко и др., 1977. С. 64-68).

Закавказская традиция. Эта традиция характеризуется прежде всего использованием уже на ранних стадиях освоения черного металла на этой территории приемов цементации (т.е. преднамеренного получения стали), как заготовок, так и готовых изделий, а также быстрым переходом к термообработке стальных изделий. Наиболее дискуссионной до сего дня остается проблема хронологии начала распространения черного металла и наступления железного века в Закавказье. Предлагаемые даты находятся в диапазоне от конца III тыс. до Урартской эпохи. Расходятся мнения и в определении истоков распространения здесь технологии обработки черных металлов. Ряд исследователей (Б.Б. Пиотровский, А.А. Мартиросян, Р. Плейнер, Ю.Ю. Воронов, О.Х. Бгажба и др.) предполагают, что в Закавказье железо распространилось под непосредственным влиянием древневосточных цивилизаций, и на первоначальном этапе сюда ввозили готовые изделия.

В то же время другие ученые (Д. Форбс, Б.А. Куфтин, Г.Ф. Гобеджишвили, О.М. Джапаридзе, Р.М. Абрамишвили, Д.А. Хахутайшвили, Г.Е. Арешьян и др.) считают Южное Закавказье самостоятельным очагом зарождения железообработки.

Датировка древнейших изделий из железа в Закавказье остается спорной*. Даже сторонники теории самостоятельного зарождения железной металлообработки расходятся в датах - XIV в. до н.э. (Р.М. Абрамишвили) или XII в. до н.э. (Г.Е. Арешьян) (Абрамишвили, 1962. С. 5-7; Арешьян, 1974. С. 193-205). Древнейшие железные вещи найдены в основном на территории Восточной Грузии (Квемо Картли). Они

*Самая радикальная коррекция закавказских дат имеется в работах Ю.Н. Воронова (Воронов, 1980. С. 200 и сл.; Воронов, 1984)

немногочисленны. Это нож из комплекса, обнаруженного инженером Чагуловым на могильнике Бешташени; нож с двумя бронзовыми штифтами для закрепления рукояти из погр. 13 и кинжал из погр.18 этого же могильника, комплекс из Уде, где среди 100 бронзовых предметов было обнаружено 5 железных (два копья, кинжал, булава и булава), железный нож из погр.56 могильника Самтавро (Абрамишвили, 1962. С. 5-7). Г.Е. Арешьян добавляет к этому списку еще два комплекса из Армении (Арешьян, 1974. С. 205). Исследователи отмечают, что железо в это время редко и обнаруживается, как правило, в богатых воинских погребениях.

Исследования древнейших вещей из черного металла, проведенные грузинскими металловедомы, показали, что многие из них были уже преднамеренно науглерожеными, что демонстрирует высокую степень развития железообработки. Науглероживанию подвергались как заготовки дляковки, так и готовые изделия (Абрамишвили, 1962. С. 20-21; Товадзе и др., 1977. С. 55-60).

Развитая технологическая схема древнейших закавказских стальных вещей в сочетании с теми фактами, что они принадлежат оружию и их относительная редкость по отношению к бронзовым предметам, свидетельствуют не в пользу того, что Закавказье можно считать первичным очагом металлообработки. Здесь пока отсутствует древнейшая стадия использования железа в виде украшений, выделенная Э. Снодрассом для Восточного Средиземноморья. Закавказье, скорее всего, следует считать вторичным очагом металлообработки по отношению к Восточному Средиземноморью.

Очевидно, самым тесным образом с распространением железа в Закавказье связаны и памятники Центрального Кавказа. В знаменитом Тлийском могильнике известно 75 погребений предскифского времени, в которых найдены

железные предметы. Б.В. Техов разделил их на два периода. Тридцать шесть погребений, в «которых встречены единичные предметы из железа, которые полностью повторяют форму своих бронзовых прототипов» он отнес к концу X-IX в. до н.э. (Техов, 1981. С. 6). Оставшиеся тридцать девять погребений, в которых встречено более одного железного предмета, он датировал VIII - первой половиной VII в. до н.э., «когда количество железных предметов увеличивается и к его концу начинается период широкого освоения железной металлургии» (Техов, 1981. С. 28)**. Для этих погребений могильника Тли характерно и присутствие урартских вещей. Изделия из черного металла Тлийского могильника исследовались металлографически Г.А. Вознесенской. Она обнаружила среди комплексов, датированных Б.В. Теховым X-IX вв. до н.э., присутствие изделий из цементированной стали. Один кинжальный клинок имел цементированное лезвие, а три предмета были откованы из процемтированных заготовок. Среди комплексов второй хронологической группы по Б.В. Техову (VIII - начало VII в. до н.э.), шесть изделий из черного металла были изготовлены с применением цементации (Вознесенская, 1975. С. 90).

Имеются данные о том, что тлийские мастера использовали в предскифское время определенные режимы тепловой обработки, о чем свидетельствуют характерные структуры стали, приводимые автором исследования Г.А. Вознесенской. Однако она относится с осторожностью к выводу о преднамеренности применения режимов охлаждения в предскифское время, соотнося их появление с раннескифским периодом (Вознесенская, 1975. С. 88-91). Таким образом, для закавказской и цен-

** Следует отметить, что два погребения этой группы (№ 85 и 130) Б.Г. Техов в другом издании относил к скифскому времени (Техов, 1997. С. 22, 31-32).

трально-кавказской традиции перехода к раннему железному веку характерно использование технологических схем, связанных с цементацией, как заготовок, так и готовых изделий, а также первые опыты применения тепловой обработки стальных изделий (табл. 1). Важен и ряд категорий, для изготовления которых были впервые применены железо и сталь: это кинжальные клинки, ножи, наконечники копий с разомкнутой втулкой, позже топоры.

Древнейшее железо Северного Кавказа. Обзор древнейших железных изделий Северного Кавказа начнем с восточного ареала кобанской культуры.

Здесь железные вещи появляются в комплексах первой половины VIII в. до н.э. Это железный кинжал кавказской формы без рукояти из погр. 28 могильника Сержень-Юрт (рис. 1,1), биметаллический кинжал из погр. 44 (рис. 1,2), нож и наконечник копья с выделенным ребром из погр. 24 (рис. 1,3,5), биметаллический кинжал и наконечник копья из погр. 26 этого же могильника (рис. 1,4,6), железные наконечники копий из погр. 51 и 38 Зандакского могильника (рис. 1,7). Металлографический анализ выявил следы преднамеренной цементации у трех изделий из черного металла из могильника Сержень-Юрт. Это клинки кинжалов из погр. 26 и 28, а также наконечник копья из погр. 26 (табл. 2). Эти предметы, относящиеся к VIII в. до н.э., были изготовлены из железной заготовки и подвергнуты целенаправленному цементированию поверхности (Терехова и др., 1997. С. 47).

Следует отметить, что сам процесс искусственного получения стали был достаточно трудоемким - так, для получения науглероженного слоя толщиной в 5 мм необходимо было выдерживать предмет при нагревании в течение 9 часов при температуре 910° (Maddin, 1984. P. 8. Fig. 4). Таким образом, появление древнейших железных вещей в ареале восточного варианта кобанской куль-

туры, скорее всего, следует связывать с закавказским (либо центральнокавказским) влиянием. Это проявилось не только в заимствовании технологии, но и форме самих изделий. Кинжал из погребения 28 (рис. 1,1) могильника Сержень-Юрт В.И. Козенкова отнесла ко второму варианту кинжалов без рукояти, имеющих южно-кавказское происхождение, справедливо сопоставив его с аналогичными тлийскими (Козенкова, 1982. С. 19). Скорее всего, закавказский генезис имеют и железные наконечники копий с разомкнутой втулкой. Связи восточного варианта кобанской культуры с Закавказьем проявляются и в присутствии здесь целого набора закавказских типов - это бронзовые наконечники копий и кинжалы кахетинского типа, кинжальные клинки, площадки (Нераденко, Дударев, 1997. С. 5-21).

В Центральном Предкавказье наиболее ранние железные вещи представлены теми же категориями, что и на востоке ареала кобанской культуры. Это - железные ножи, наконечники копий, клинки биметаллических кинжалов (рис. 2). Исключением, по-видимому, является железный топор из погр. 34 могильника № 1 на территории Кисловодской мебельной фабрики, комплекс которого можно отнести к первой половине VIII в. до н.э. (рис. 2,4) (Виноградов и др., 1980. С. 190. Рис. 4,1-19).

Древнейшими на территории западного варианта кобанской культуры, по-видимому, являются железные ножи из гробницы 1 могильника Терезе с прямым лезвием и изогнутой спинкой (рис. 2,1,2). По форме они близки бронзовым, найденным в этой же гробнице. В.И. Козенкова датирует гробницу XI - серединой VIII в. до н.э. (Козенкова, 1996. С. 93. Табл. 2). Действительно, там была встречена булавка сабашиновского облика с округлой головкой и косым каналом. В то же время, найден и колчаный набор с рядом наконечников типа Камышевахи. Что касается була-

вок, то переживание отдельных булавок сабастиновских форм характерно и для могильника Фарс (Эрлих, 2000. С. 4-8). Мы допускаем также долговременный характер 1 и 2 гробницы могильника Терезе. Однако, на наш взгляд, корректной датой этого комплекса является IX (возможно, X в. до н.э.) – первая половина VIII в. до н.э.

Собственно железные однолезвийные ножи в Степи появляются в белозерское время – это железный однолезвийный нож с горбатой спинкой и коротким черенком из погр. 1 кургана 3 у с. Погребя (Похребя) в Молдове и однолезвийный нож с горбатой спинкой из погр. 3, кургана 5 у с. Первомаевка Херсонской обл, однолезвийный нож с прямой спинкой из погр. 193 Брилевского могильника (Агульников, Кетрару, 1992. С. 137. Рис. 2,6; Евдокимов, 1987. С. 109. Рис. 2,4; Евдокимов, 1999. С. 101. Рис. 2,5). Большинство исследователей считает, что однолезвийные ножи белозерской культуры, как железные, так и бронзовые, являлись импортами с запада. Однако С.В. Махортых справедливо указывал на находки литейных форм однолезвийных бронзовых ножей (Суворово IV, Ранжевое), предположив, что они могли отливаться и на месте (Махортых, 1997. С. 9). Исследователь, проанализировав все известные находки бронзовых ножей Северного Кавказа, пришел к выводу, что появление этой категории здесь следует связывать с Центральной Европой и Востоком Евразии, хотя на Северном Кавказе появляется ряд специфических местных типов ножей (Махортых, 1997. С. 11). Однако следует заметить, что появление самой этой категории в Центральном Предкавказье можно объяснить контактами (связями) с Югом Восточной Европы в белозерское время.

Из древнейших железных изделий этого района металлографическому анализу пока удалось подвергнуть лишь четыре предмета из погребений конца

VIII - начала VII в. до н.э. могильника Клинь-Яр III, доисследованных Я.Б. Березиным, – три наконечника копья и клинок длинного биметаллического меча (рис. 3). Обобщая эти аналитические данные, следует сказать, что преднамеренная цементация железных изделий здесь не прослежена. Все они выполнены из железа или неравномерного науглероженной сырцово-стали (Терехова, 1997. С. 64-66. Таблица). По-видимому, в железообработке здесь были сильны степные традиции.

Более сложную картину в процессе освоения черного металла представляет собой Северо-западный Кавказ. В многочисленных погребениях Прикубанья периода поздней бронзы – белозерских и кобяковских, изделия из железа не встречены. В этих погребениях собственно редки и бронзовые предметы.

Период перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку здесь представлен памятниками протомеотской группы, которые сейчас можно разделить на три варианта: приморско-абинский, Центральный (Степной) и Предгорный.

В протомеотских могильниках уже в определенном количестве присутствуют изделия из черного металла. В Николаевском могильнике имеется около 10% железных изделий от общего числа металлических вещей (Анфимов, № 2796, 2988), в могильнике Фарс среди наиболее ранних грунтовых комплексов - 12% (Лесков, Эрлих, 1999. С. 6 и сл.), в могильнике Пшиш, достаточно растянутом во времени, количество железных предметов составляет 28% от общего числа металлических (Сазонов, №№ 15033, 15034, 16404, 16405, 17844, 18809), а в наиболее позднем из степных протомеотских памятников - Кубанском могильнике, железные предметы составляют треть от общего количества металлических - 33% (Анфимов, № 3174). Из железа делались ножи, наконечники копий, клинки

биметаллических кинжалов, а иногда и кинжалы целиком, топоры.

К сожалению, далеко не все железные предметы в силу очень плохой сохранности могли быть подвергнуты металлографическому исследованию. Однако нам удалось собрать серию изделий из черного металла из памятников предскифского времени Северо-Западного Кавказа, таких как Фарс, Кубанский могильник, Псекупский могильник, курган Уашхиту, кинжал из хутора Чернышев. Всего металлографическому анализу здесь было подвергнуто 18 изделий (Терехова, Эрлих, 2000. С. 281-286).

В могильнике Фарс (предгорный вариант) металлографически было изучено 11 изделий первой половины VIII в. до н.э. (рис. 4, 5, 6) (Лесков, Эрлих, 1999. С. 68-71). Обобщая результаты их изучения, можно сказать, что мастера, их изготовившие, прекрасно владели приемами пластической обработки черного металла, умели определять по цвету каления необходимую для оптимальных результатов ковочную температуру. Для формовки сложно-профилированных изделий применялись обжимники и штампы. Таковые, например, использовались для выведения ребра жесткости на пере копий (погр. 31, 33). Ясно, что подобная практика была приобретена в результате длительного опыта именно кузнецами по черному металлу, а не бронзолитейщиками, для которых этой задачи не стояло, поскольку любую сложную форму предмета они могли получить отливкой.

За исключением наконечника дротика из погр. 27 (рис. 4,4), все проанализированные предметы изготовлены с использованием стали. Это либо цельносталые изделия (нож из погр. 31, наконечники копий из погр. 2, 6, 9, 13, 22), либо стальной слой покрывает поверхность изделия (нож из погр. 9, наконечники копий из погр. 31, 33). Тех-

нологические приемы, используемые при изготовлении стальных изделий (сквозная и односторонняя цементация, мягкая закалка) могильника Фарс, находят соответствия как на Центральном Кавказе (Тлийский могильник), так и в Закавказье – Самтавро, Бешташени, клад из Уде, Эшерские кромлехи (Терехова, 1999. С. 158-161). Интересно, что в раннем пласте могильника Фарс также присутствует серия импортов, которые мы связываем с Колхидой (Лесков, 1999. С. 76. Рис. 64).

Таким образом, появление черного металла в протомеотских памятниках предгорного варианта следует, скорее всего, связывать с Закавказской традицией (табл. 1). Близок к фарсовским изделиям и кинжал, случайно найденный у хутора Чернышев (рис. 6). Клинок его откован из железа. Лезвия готового изделия подверглись цементации с последующей мягкой закалкой. Рукоять отлита из высокооловянистой (Sn –18-22%) бронзы.

Совершенно иную картину дало исследование железных предметов из протомеотских памятников Центральной (Степной) группы - Кубанского могильника, где было исследовано 4 наконечника копий, а также Псекупского, из которого происходит цельножелезный кинжал, подражающий биметаллическим. Как установлено, эти изделия были откованы из железа со следами случайной науглероженности (табл. 2; рис. 7).

В отличие от фарсовских изделий, которые были откованы из цельнометаллических заготовок, кубанские наконечники копий изготовлены из пакетированных заготовок (сваренных из нескольких полос металла), что, скорее всего, связано с отсутствием заготовок достаточного размера. Здесь не обнаружено приемов цементации (преднамеренного получения стали) и термообработки. При изготовлении наверхия псекупского кинжала не была использо-

вана конструктивная сварка - оно было отковано из того же куска металла. Все эти приемы сопоставимы с восточноевропейской (степной) традицией освоения черного металла. Интересно, что на ранней стадии развития (первая половина VIII в. до н.э.) памятники Центрального варианта обнаруживают большие связи со Степью (черногоровской культурой). По-видимому, именно они являлись центром изготовления уздечных наборов черногоровско-камышевашского облика. Эти связи обнаруживаются и в использовании однотипных костяных деталей конской узды, подвесок шаренградского типа и т.д. В то же время следует отметить, что истоки формы таких древнейших желез-

ных вещей, как наконечники копий с разомкнутой втулкой, биметаллические и цельножелезные кинжалы, топоры, скорее всего, следует искать в пределах Кавказа.

Таким образом, переход к железному веку на Северном Кавказе проходит под влиянием двух традиций, которые выделяются не только морфологически, но и технологически.

В заключение следует отметить, что количество исследованных металлографически древнейших изделий из черного металла еще чрезвычайно мало, возможно, дальнейшие исследования позволят внести определенные коррективы в имеющуюся на сегодняшний день картину.

Библиография

- Абрамшвили Р.М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1962.
- Агульников С.М., Кетрару С.И.* Курган белозерского времени у с. Погребя // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Материалы междунар. конференции. Киев, 1992.
- Анфимов Н.В.* Отчеты о работе Адыгейской экспедиции. Николаевский могильник // Архив ИА РАН. Р-1. № 2796, 2988.
- Анфимов Н.В.* Отчет о раскопках Кубанского могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 3174.
- Арешьян Г.Е.* О раннем этапе освоения железа в Армении и на Южном Кавказе // Историко-филологический журнал. № 2. Ереван, 1974.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Ванчугов В.П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Вознесенская Г.А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
- Воронов Ю.Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Воронов Ю.Н.* Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э. – VIII в. н.э.). Автореф. дис. докт. наук. М., 1984.
- Евдокимов Г.Л.* Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
- Евдокимов Г.Л.* Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.
- Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ В2-5. М., 1982.
- Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-западном Кавказе. М., 1999.
- Махортых С.В.* Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Причерноморья // МИАР. I. М., 1997.

- Нераденко Т.Н., Дударев С.Л.* Бронзовое оружие Восточно - и Центрально-закавказского типа в Чечне (конец II - начало I тыс. до н.э.) // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Армавир, 1997.
- Никитенко Н.И.* Начало освоения железа в Степной и Лесостепной зоне Восточной Европы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- Сазонов А.А.* Отчеты об исследовании могильника Пшиш I в 1991-1994 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 15033, 15034, 16404, 16405, 17844, 18809.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Терехова Н.Н.* Результаты металлографического исследования кузнечных изделий предскифского и скифского времени из памятников Пятигорья и Чечни // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Армавир, 1997.
- Терехова Н.Н.* К вопросу о происхождении черного металла из могильника Фарс/Клады // Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р.* Древнейший черный металл на Северо-западном Кавказе // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. М., 2000.
- Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. М., 1980.
- Техов Б.В.* Тлийский могильник (комплексы IX-первой половины VII в. до н.э.). Вып. II. Тбилиси, 1981.
- Товадзе Ц.Н., Сакварелидзе Т.Н., Абесадзе Ц.Н., Двали Т.А.* К истории железного производства в древнейшей Грузии // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов (на груз. яз.). Тбилиси, 1977.
- Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на Юго-западе СССР. М., 1976.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Технология обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. 1963. № 4.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе // СА. 1977. № 1.
- Эрлих В.Р.* Булавки с кольцевидным навершием из Закубанья и их позднесрубные прототипы // Древности Кубани. Вып. 16. Краснодар, 2000 г.
- Forbes R.* Metallurgy Antiquity. Leiden, 1950.
- Maddin R.* The early blacksmiths // The Crafts of Blacksmith. Belfast, 1984.
- Snodgrass A.* Iron and Early Metallurgy in Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven & London, 1980.
- Waldbaum J.* From Bronze to Iron. Goteborg, 1978.

Таблица 1.

Юг Восточной Европы

Технология	X-IX вв. до н.э.	VIII-середины VII вв. до н.э.	Середина VII-VI вв. до н.э.
Железо			
Сырцовая сталь.			
Цементированная сталь			
Пакетный металл			
Мягкая закалка			
Твердая закалка			

Закавказье и Центральный Кавказ

Технология	X-IX вв. до н.э.	VIII-середины VII вв. до н.э.	Середина VII-VI вв. до н.э.
Железо			
Сырцовая сталь.			
Цементированная сталь			
Пакетный металл			
Мягкая закалка			
Твердая закалка			

Древнейшее железо Северного Кавказа предкифского времени.

Технология	Восточно-кобанский ареал	Западно-кобанский ареал.	Протокобанский группа Степные памятники	Протокобанская группа Предгорные памятники
Железо				
Сырцовая сталь.				
Цементированная сталь				
Пакетный металл				
Мягкая закалка				
Твердая закалка				

Таблица 2

Металлографическая характеристика кузнечных изделий из памятников предскифского времени Северного Кавказа

№ п/п	Предмет	Памятник	Номер анализа	Структурные составляющие	Содержание углерода %	Микротвердость кг/мм ²	Шлаковые включения	Технология изготовления.
1.	Наконечник копья	Могильник Фарс, погр. 2	9672	Феррито-перлит, структура видманштетта	0,2-0,4	151-206	Очень мало	Откован из сырьевой стали. В процессековки температура превышена
2.	Наконечник дротика	Фарс, погр. 6	9668	Однородная сорбитная структура		254-274	-//-	Откован из качественной цементованной стали с последующей мягкой закалкой
3.	Наконечник копья	Фарс, погр. 9	9669	Феррито-перлит	0,6 - 0,7 0,2 - 0,3	254-297 221-236	-//-	Откован из стальной цементованной заготовки. В процессековки поверхность частично обезуглеродилась
4.	Нож	-//-	6949	Феррито-перлит, сорбит	0,1 - 0,3 0,6 - 0,7	181-221 254-297	-//-	Готовое изделие подвергнуто односторонней цементации и мягкой закалке
5.	Наконечник копья	Фарс, погр. 13	9670	Феррито-перлит	0,2-0,3 0,4-0,7	206-221 297-322	мало	Откован из стальной цементированной заготовки. В процессе формовки поверхность его частично обезуглеродилась
6.	Наконечник копья	Фарс, погр. 22	9671	Сорбитообразный перлит с ферритом	0,6-0,7	254-322	-//-	Откован из стальной цементованной заготовки
7.	Наконечник дротика	Фарс, погр. 27	6945	Феррит, следы перлита	---	122-128	Много	Откован из железной заготовки

8.	Наконечник копья	Фарс, погр.31	6947	Феррито-перлит, сорбит	0,1-0,2	151-170 274-350	Мало	Откован из сырцової стали. Готовое изделие подвергнуто односторонней цементации с последующей термообработкой (мягкая закалка)
9.	Нож	Фарс, погр.31	6946	Феррито-перлит	0,6-0,7	274-322	Мало	Откован из стальной цементованной заготовки
10.	Наконечник копья	Фарс, погр.33	6948	Феррито-перлит, сорбитообразный перлит, сорбит	0,2-0,4 0,5-0,6	160-221 254-297	- \ -	Откован из сырцової стали. Готовое изделие подвергнуто односторонней цементации с последующей мягкой закалкой.
11.	- \ -	Фарс, погр.40	6950	Феррито-перлит	0,5-0,6	254	- \ -	Откован из стальной цементованной заготовки.
12.	Биметаллический кинжал	Сл. находка у хутора Чернышев.	9674	Феррит, феррито-перлит, сорбито- образный перлит	0,1-0,2 0,7-0,8	110-128 143-151 254-274	- \ -	Клинок откован из железа. Лезвия готового изделия подверглись цементации с последующей мягкой закалкой. Рукоять отлита из высокоуглеродистой (Sn - 18-22%) бронзы.
13.	Наконечник копья	Кубанский Могильник погр.5	4494	Феррито - перлит	0,1 - 0,3	128-170	много	Откован из пакетованной заготовки, сваренной из нескольких полос сырцової стали.
14.	Наконечник копья	Кубанский Могильник погр.33	4496	Феррито - перлит	0,1 - 0,3	135-181	- \ -	Откован из пакетированной заготовки, сваренной из нескольких полос сырцової стали.
15.	Наконечник копья	Кубанский Могильник погр.36	4495	Феррито - перлита	0,2 - 0,4	193-221	Мало	Откован из сырцової стали
16.	Наконечник копья	Кубанский могильник погр. Неизвестно	4497	Феррит, феррито - перлит	0,1 - 0,3	128-135 151-193	Много	Откован из двух железных полос со следами случайной науглерожности.

17.	Кинжал	Псекулский могильник	9673	Феррит, включения нитридов железа	--	122-151	Много	Откован целиком из железной заготовки
18.	Наконечник копья	Клин-Яр 3 погр. у трансформаторной подстанции, из комплекса с лекторалью	6345	Феррит, следы перлита	0,15	143-151	много	Откован целиком из железной заготовки
19.	Наконечник копья	Клин-Яр 3, из разр. погребенья, доведенного в 1987 г Я.Б.Безинным	6347	Феррит, феррито-перлит. Включения нитридов железа	0,1 - 0,2	110-128 151-160	много	Откован из малоуглеродистой сырьевой стали
20.	Наконечник копья	- \ -	6348	Феррит, феррито-перлит, включения нитридов железа	0,1 - 0,4	116-135 181-236	много	Откован из заготовки, сваренной из двух полос сырьевой стали.
21.	Меч с бронзовой рукоятью	- \ -	6345	Феррит, феррито-перлит	0,1 - 0,4	143-151 170-236	много	Клинок откован из сырьевой неравномерно - науглероженной стали.
22.	Биметаллический кинжал	Могильник Сержень-Юрт п.26	6237	Феррит, Феррито-перлит	0,1-0,4	110-135 181-236	много	Откован из железной заготовки. Лезвие подвергнуто цементации.
23.	Наконечник копья	- \ -	6238	Феррит, Феррито-перлит	0,2-0,7	110-116 221-254	много	Откован из железной заготовки и подвергнут поверхностной цементации.
24.	Кинжал	Могильник Сержень-Юрт п.28	6240	Феррит, Феррито-перлит	0,2-0-0,7	100-135 193-274	много	Откован из железной заготовки и подвергнут цементации

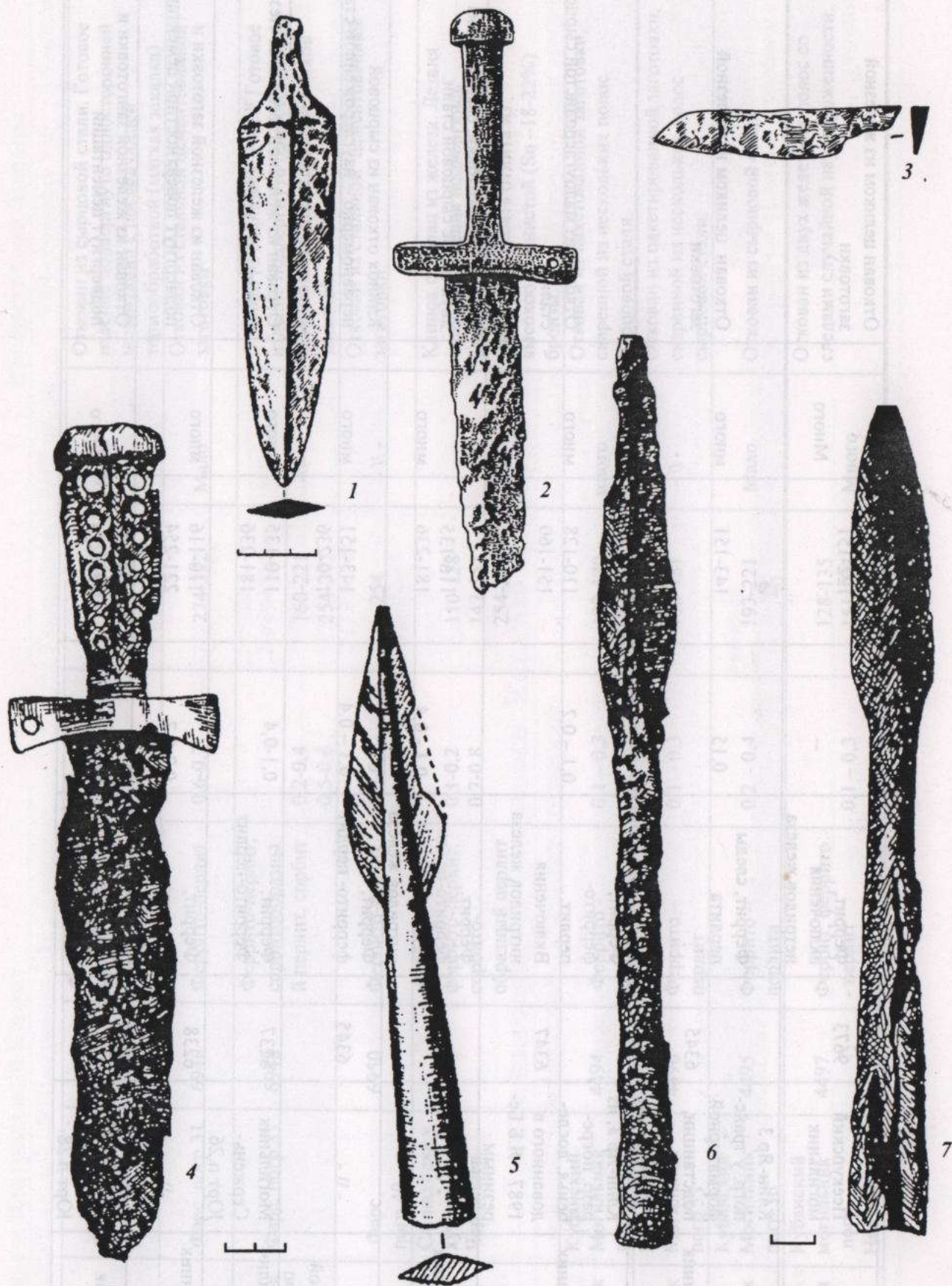

Рис. 1. Древнейшие изделия из черного металла восточного варианта кобанской культуры.

1 - м-к Сержень-Юрт, п. 28; 2 - м-к Сержень-Юрт, п. 44; 3, 5 - м-к Сержень-Юрт, п. 24; 4, 6 - м-к Сержень-Юрт, п. 27; 7 - м-к Зандак, п. 51

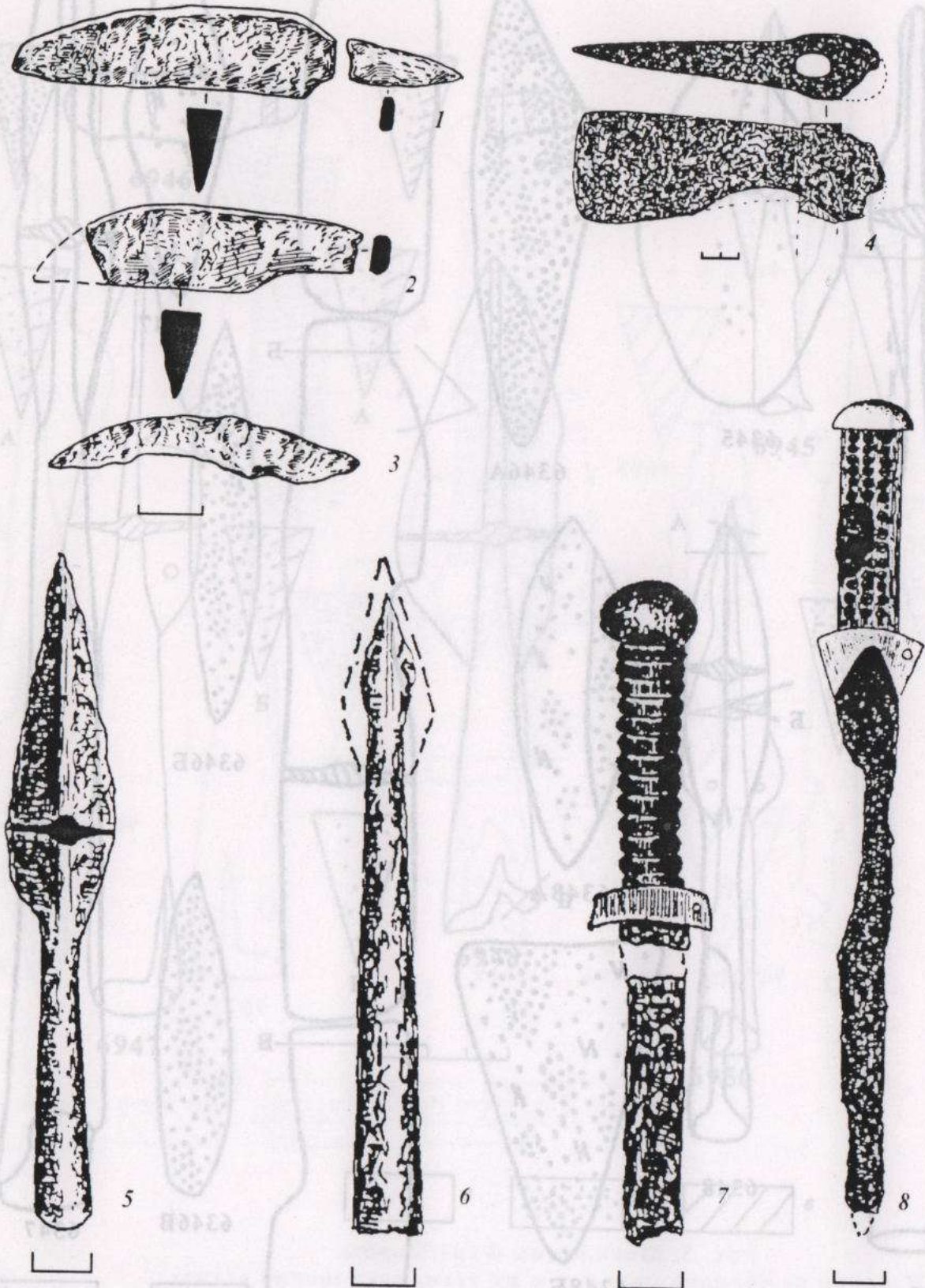

Рис. 2. Древнейшие изделия из черного металла западного
 кобанской культуры

1, 2 - м-к Терезе, гробница 1; 3, 5, 8 - 1 Березовский м-к, п. 24;

4 - м-к "Мебельная фабрика", п. 34; 6, 7 - Эчкивашский м-к, П. 4

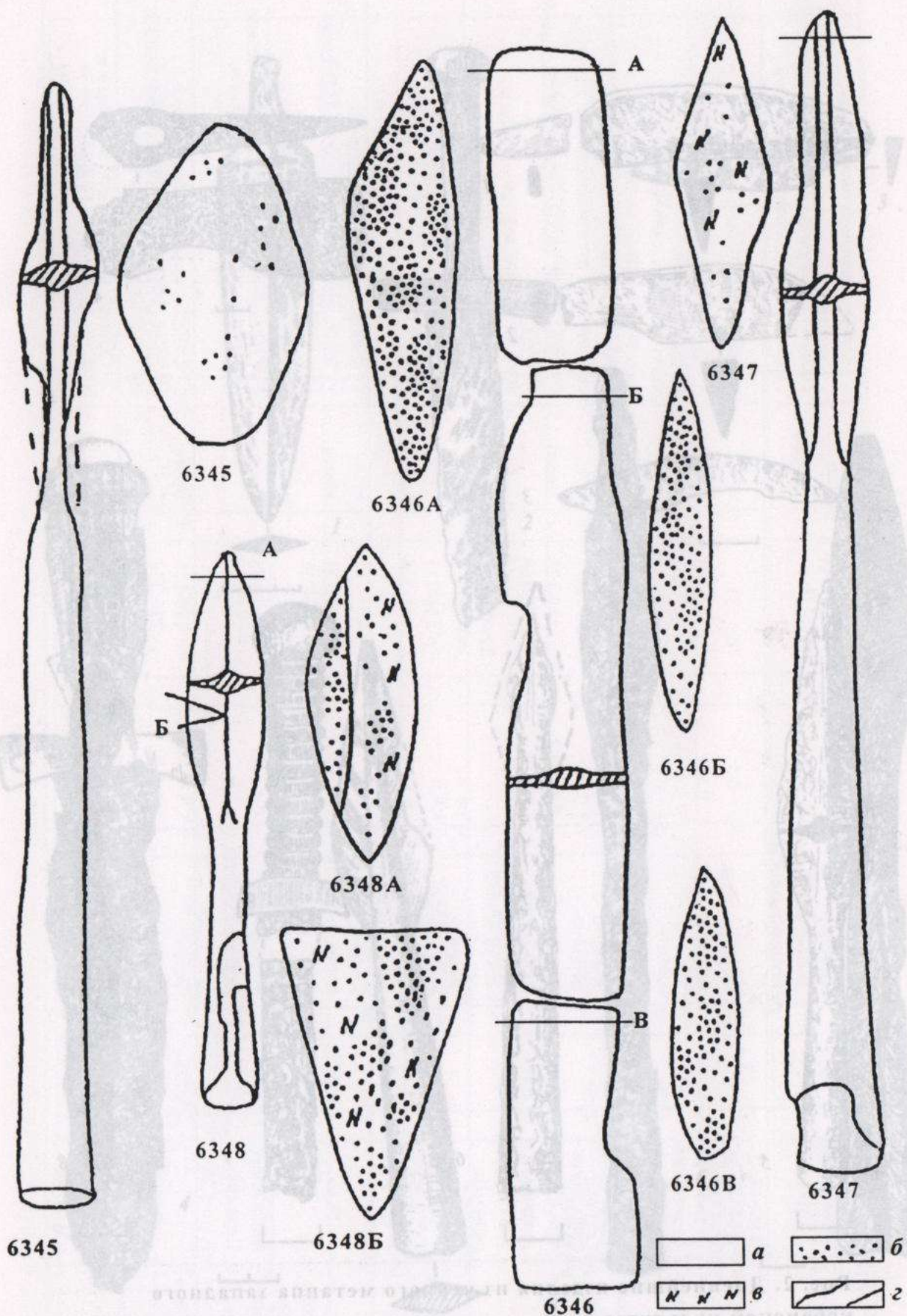

Рис. 3. Металлографические схемы изделий из черного металла западного варианта кобанской культуры из могильника Клинь-Яр III. а - железо; б - сырцовая сталь; в - включения нитридов железа; г - сварочные швы

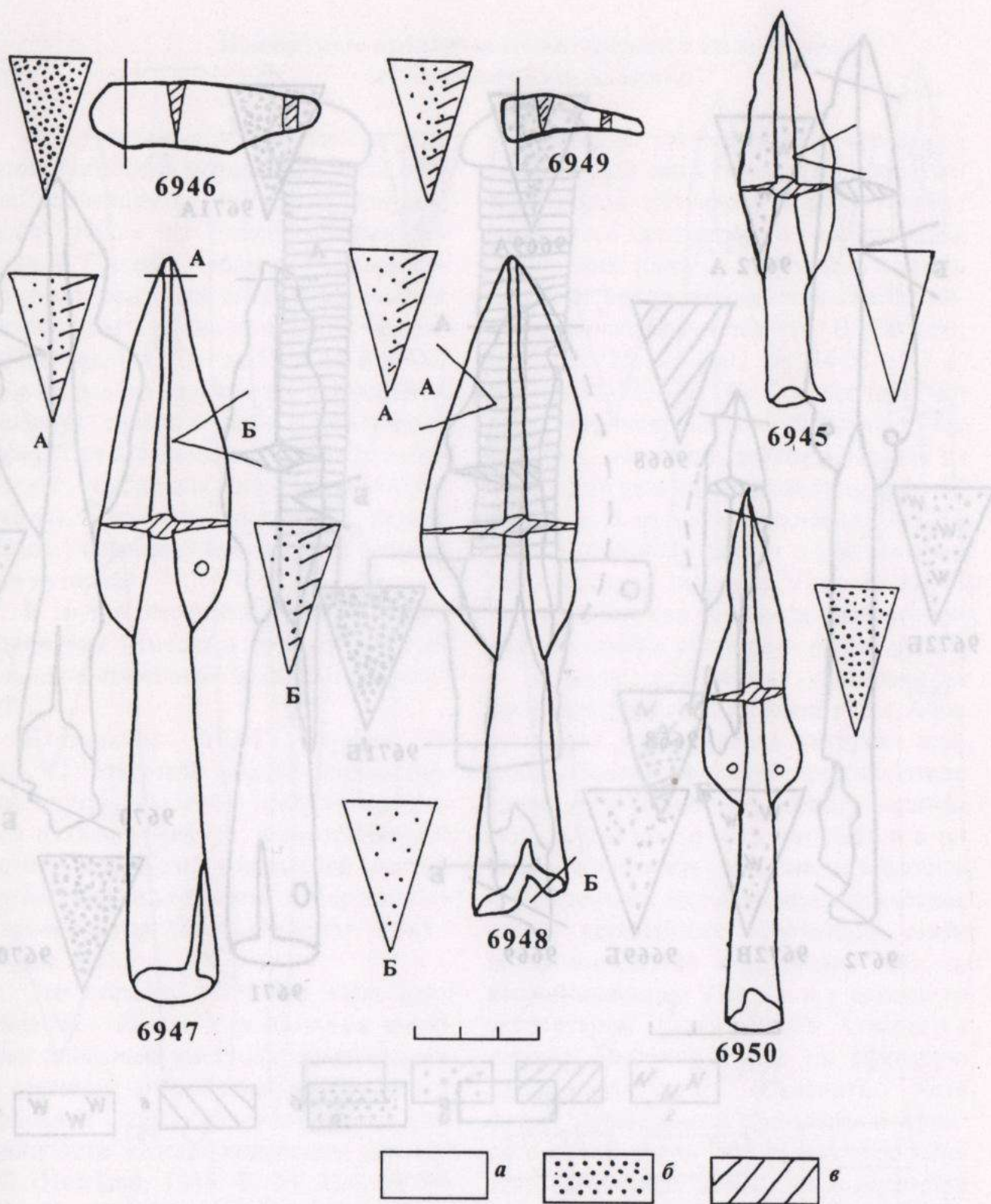

Рис. 4. Изделия из черного металла из могильника Фарс/Клады, подвергнутые металлографическому анализу и их технологические схемы. Номера на рисунках соответствуют номерам анализов. 6945 - погр. 27; 6946 и 6947 - погр. 31; 6948 - погр. 33; 6949 - погр. 9; 6950 - погр. 40.

a - железо; *b* - сталь; *c* - термообработанная сталь

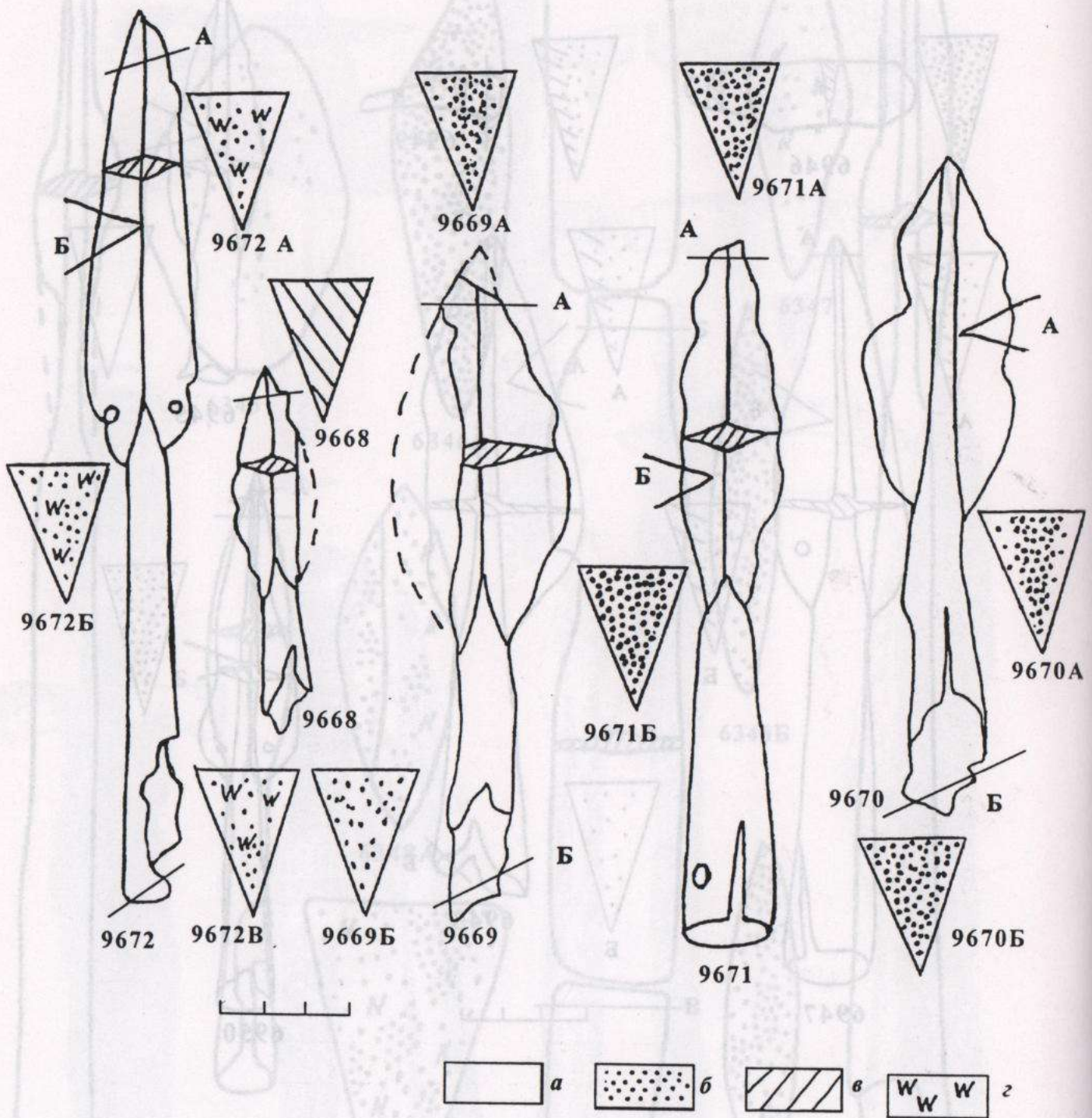

Рис. 5. Могильник Фарс/Клады.

Изделия из черного металла и их технологические схемы.

Номера на рисунках соответствуют номерам анализов.

9672 - погр. 2; 9668 - погр. 6; 9669 - погр. 9; 9670 - погр. 13;

9671 - погр. 22.

a - железо; *b* - сталь; *c* - термообработанная сталь;

z - структура видманштетта

Импортные предметы хозяйственного назначения
из Улиссского могильника

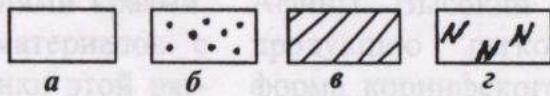
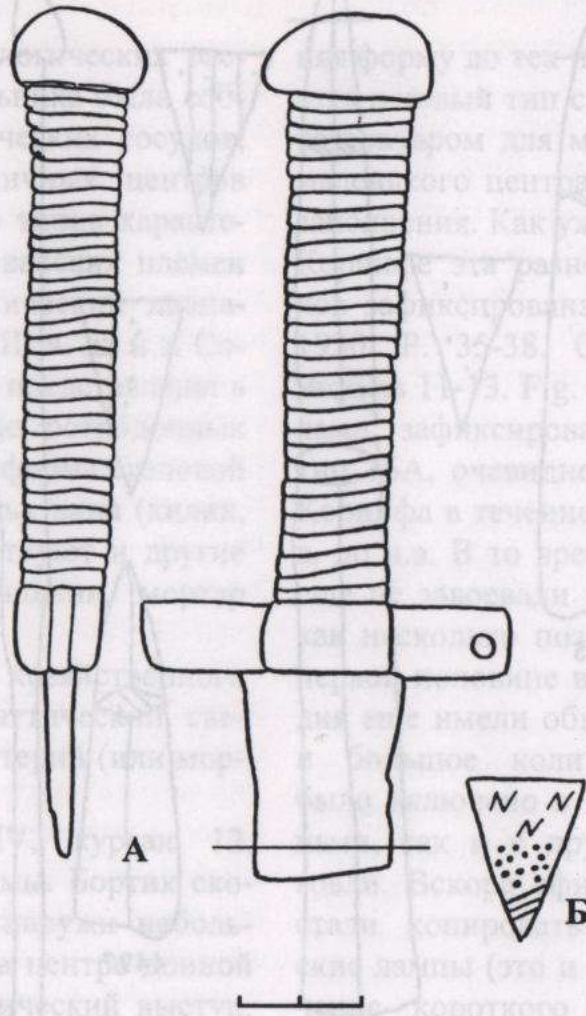

Рис. 6.
А - биметаллический кинжал из хут. Чернышев. Случайная находка.
Б - технологическая схема.
а - железо; **б** - сталь; **в** - термообработанная сталь;
г - включение нитридов железа

В результате археологических исследований в Улиссском могильнике обнаружены предметы бытового назначения, относящиеся к VI в. до н.э. Среди них — кинжал, изготовленный из биметаллического материала. Этот предмет представляет собой стержень с головкой и острием, а также поперечный элемент — навершие. Поверхность стержня украшена спиральными насечками. В основании стержня имеется отверстие, которое могло служить для крепления рукоятки. Кинжал, найденный в Улиссском могильнике, является типичным образцом изделий, импортированных в Грецию из Востока. Подобные предметы встречаются в других греческих захоронениях VI в. до н.э.

К группе керамики относятся также различные сосуды, найденные в Улиссском могильнике. Среди них — амфора, изготовленная из красной глины. Эта разновидность амфор была распространена в Греции в VI в. до н.э. Амфора, найденная в Улиссском могильнике, имеет форму, характерную для изделий, импортированных из Востока.

Среди других предметов бытового назначения, найденных в Улиссском могильнике, можно отметить различные виды посуды. Среди них — чаша, изготовленная из красной глины. Эта разновидность чаш была распространена в Греции в VI в. до н.э. Чаша, найденная в Улиссском могильнике, имеет форму, характерную для изделий, импортированных из Востока.

Это образец обычного типа лампы конца VI — начала V в. до н.э., с широкими плоскими выступами по краям. В процессе разработки керамики Афинской школы светильники этой разновидности классифицировались как тип 16В (Howland, 1958, P. 31. Cat. № 94-105. Pl. 4,22,32), который развивался в течение VI в. до н.э. из коринфского типа II. Эта разновидность ламп не имеет ручки, а держатель выполнен в виде широкого диска, который служит для крепления лампы к стене. В центре диска имеется отверстие, которое могло служить для крепления лампы к стене.

В результате археологических исследований в Улиссском могильнике обнаружены предметы бытового назначения, относящиеся к VI в. до н.э. Среди них — кинжал, изготовленный из биметаллического материала. Этот предмет представляет собой стержень с головкой и острием, а также поперечный элемент — навершие. Поверхность стержня украшена спиральными насечками. В основании стержня имеется отверстие, которое могло служить для крепления рукоятки. Кинжал, найденный в Улиссском могильнике, является типичным образцом изделий, импортированных в Грецию из Востока. Подобные предметы встречаются в других греческих захоронениях VI в. до н.э.

К группе керамики относятся также различные сосуды, найденные в Улиссском могильнике. Среди них — амфора, изготовленная из красной глины. Эта разновидность амфор была распространена в Греции в VI в. до н.э. Амфора, найденная в Улиссском могильнике, имеет форму, характерную для изделий, импортированных из Востока.

Среди других предметов бытового назначения, найденных в Улиссском могильнике, можно отметить различные виды посуды. Среди них — чаша, изготовленная из красной глины. Эта разновидность чаш была распространена в Греции в VI в. до н.э. Чаша, найденная в Улиссском могильнике, имеет форму, характерную для изделий, импортированных из Востока.

Это образец обычного типа лампы конца VI — начала V в. до н.э., с широкими плоскими выступами по краям. В процессе разработки керамики Афинской школы светильники этой разновидности классифицировались как тип 16В (Howland, 1958, P. 31. Cat. № 94-105. Pl. 4,22,32), который развивался в течение VI в. до н.э. из коринфского типа II. Эта разновидность ламп не имеет ручки, а держатель выполнен в виде широкого диска, который служит для крепления лампы к стене. В центре диска имеется отверстие, которое могло служить для крепления лампы к стене.

В результате археологических исследований в Улиссском могильнике обнаружены предметы бытового назначения, относящиеся к VI в. до н.э. Среди них — кинжал, изготовленный из биметаллического материала. Этот предмет представляет собой стержень с головкой и острием, а также поперечный элемент — навершие. Поверхность стержня украшена спиральными насечками. В основании стержня имеется отверстие, которое могло служить для крепления рукоятки. Кинжал, найденный в Улиссском могильнике, является типичным образцом изделий, импортированных в Грецию из Востока. Подобные предметы встречаются в других греческих захоронениях VI в. до н.э.

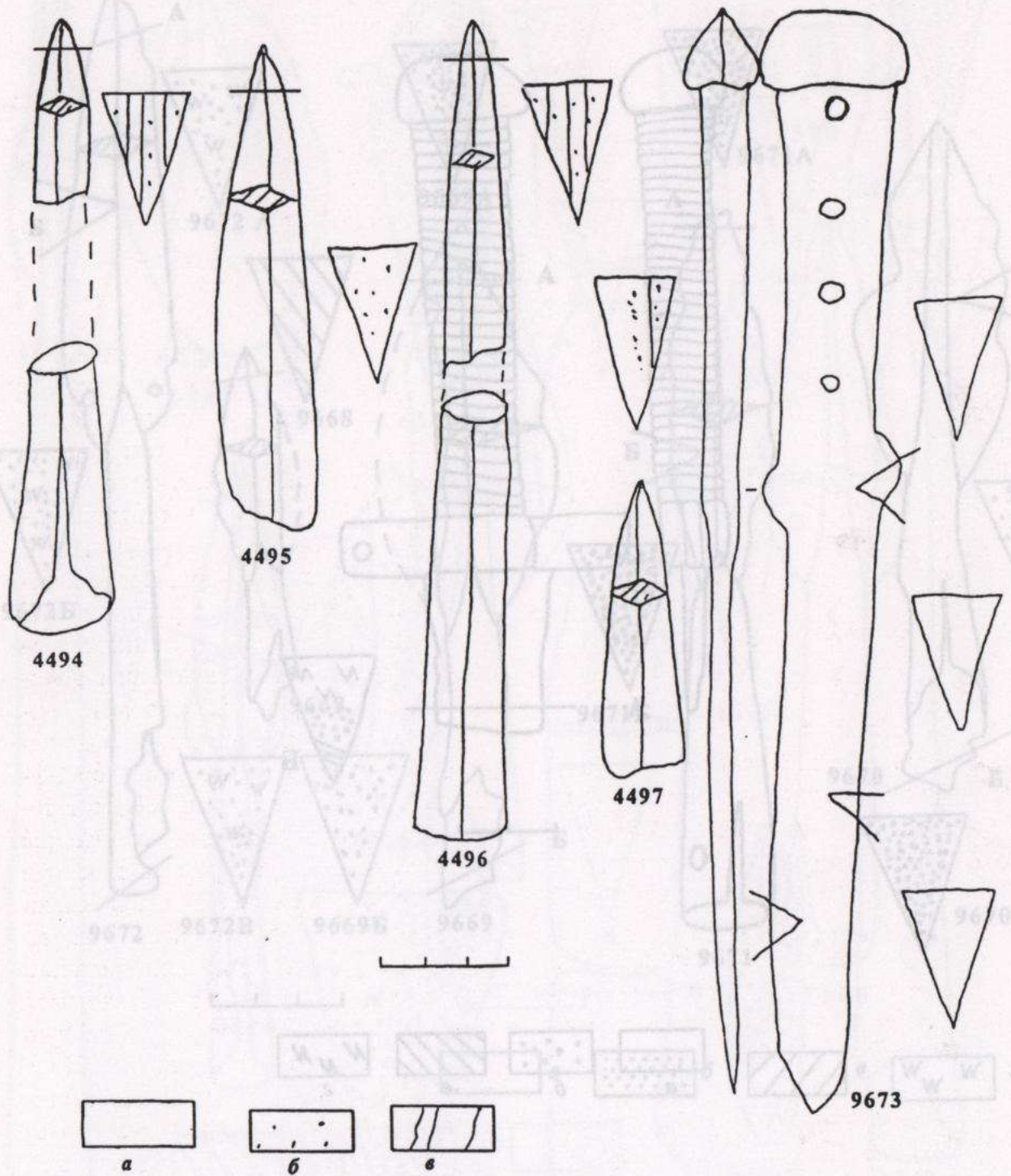

Рис. 5. Могильник Фурс/Клады.

Рис. 7. Металлографические схемы изделий из черного металла степного варианта протомеотских памятников.
 Номера на рисунках соответствуют номерам анализов.
 4494-4497 - Кубанский могильник, 9673 - Псекупский могильник, случайная находка
 а - железо, б - малоуглеродистая сталь, в - пакет.

Импортные предметы хозяйственного назначения из Уляпского могильника

В результате археологических раскопок Уляпского могильника была собрана коллекция керамических сосудов, происходящих из различных центров Древней Греции. Набор типов характерен для территории варварских племен и охватывает хронологический диапазон с середины VI - до III в. до н.э. Сосуды большого размера представлены в основном тарой в виде остродонных амфор. Преобладающая форма столовой посуды – сосуд для питья вина (килик, скифос). Также присутствуют и другие формы: солонки, светильник, мортар (или лутерий).

К группе керамики хозяйственного назначения относятся аттический светильник и синопский лутерий (или мортар).

Светильник (6Кр-IV, курган 12, погр. 82) открытой формы. Бортик скошен внутрь, выделен снаружи небольшим валиком. Внутри, в центре донной части – небольшой конический выступ. Внутренняя поверхность и бортик снаружи покрыты лаком. Размеры: 1,9x8,7 см (рис. 1,2).

Это образец обычного типа ламп конца VI – начала V в. до н.э., с широкими плоскими выступающими краями. В процессе разработки материалов с Афинской агоры светильники этой разновидности классифицированы как тип 16B (Howland, 1958. P. 31. Cat. № 94-105. Pl. 4,22,32), который развился в третьей четверти VI в. до н.э. из коринфского типа II. Эта разновидность ламп не имеет ручки, рожок широкий, округлый на зауженном конце, с большим овальным отверстием для фитиля. У более ранних экземпляров стенки низкие, край узкий. У более поздних – стенки несколько выше, а край много шире. Эта форма ламп развивается на протяжении VI и V вв. до н.э., постепенно видоизме-

няя форму до тех пор, пока не превращается в новый тип с полностью закрытым резервуаром для масла за исключением маленького центрального отверстия для заполнения. Как уже отмечалось выше, в Коринфе эта разновидность светильников зафиксирована как тип II (Broneer, 1930. P. 35-38. Cat. № 44-53. Pl. 1. Profiles 11-13. Fig. 14). Предыдущий тип ламп, зафиксированный в Афинах как тип 16A, очевидно, экспортировался из Коринфа в течение первой половины VI в. до н.э. В то время афинские гончары еще не завоевали рынок в той степени, как несколько позже, в VI в. до н.э. В первой половине века коринфские изделия еще имели обширные рынки сбыта, и большое количество светильников было включено в торговлю как с Афинами, так и с другими центрами торговли. Вскоре афинские производители стали копировать некоторые коринфские лампы (это и есть тип 16B), и в течение короткого времени произошла поразительная метаморфоза: аттические копии коринфских оригиналов стали воспроизводиться в Коринфе. Уже во второй половине VI в. до н.э. основным экспортером светильников становятся Афины. Высокий спрос на афинскую продукцию легко объяснить. Хотя форма коринфского прототипа и афинской копии очень близки, высокое качество аттической глины, не содержащей песчаных включений или частиц слюды, выгодно отличается от коринфской глины, хотя красивой и свободной от примесей, однако мягкой и мучнистой. То же касается и качества лака. При производстве светильников лаковое покрытие наносилось с чисто практической целью на внутреннюю поверхность резервуара, по краю, вокруг внешней стороны рожка. Таким образом, стенки предохранялись от воздействия масла.

На мучнистой же поверхности глины коринфских ламп лак, тем более не лучшего качества, держался очень слабо и шелушился. Схожие образцы с Афинской агоры датируются более поздним временем – последней четвертью VI в. до н.э. (Howland, 1958. Pl. 4,22. Cat. № 94 – L 4190) и последними годами VI в. (ок. 480 г. до н.э.) (Howland, 1958. Pl. 4,32. Cat. № 98 – L 3369). Близкий светильник из каталога Бейли также датируется последней четвертью VI в. до н.э. (Baily, 1976. Cat. № 13. P. 31. Pl. 6,7). Вероятно, к этому времени следует отнести и светильник из Уляпа.

Мортар (61 Кр–IV, Уляпский могильник, курган 11, погр. 10). Горизонтально отогнутый бортик на поверхности округлен, внутренний его край оформлен в виде выступа. Ручки имеют форму небольших выступов, укрепленных на уровне края, и сливаются с поверхностью бортика. Они покрыты тонким налепным слоем глины, на поверхности которого нажимом пальца нанесено по 4 полукруглых ямки. Контуры ямок обозначены высоким рельефом окружающего их налепного слоя глины. Округлое тулово установлено на низкой кольцевой подставке. Слив в виде выступающего носика утрачен. Размеры: 10,4x38 см (рис. 1,1).

В отечественной литературе сосуды этого типа обычно называют лутерии, в зарубежной – мортары. Греческое название их ольмос (ολμος). Форма уляпского мортара с характерными ручками указывает на его принадлежность к группе синопских сосудов. Состав глиняного теста также свидетельствует о синопском происхождении мортара.

Толстостенная керамика этого типа встречается повсеместно в городах Северного Причерноморья, в том числе на Боспоре и на территории варварских племен. Особенно широко были распространены синопские лутерии (Брашинский, 1980. С. 69). Форма уляпского сосуда соответствует мортарам, производившимся в IV–III вв. до н.э. Отличается только форма дна с подставкой. В IV–III вв. до н.э. донья обычно были плоские, кольцеобразная же подставка поддона характерна для III–II вв. до н.э. Однако ручки у более поздних сосудов не выступают за край бортика, а слой глины с пальцевыми вдавлениями нанесен непосредственно на его поверхность. Вероятнее все-таки более ранняя датировка уляпского сосуда. По стратиграфическим данным синопские мортары Елизаветинского городища датируются IV – первой третью III в. до н.э. (Брашинский, 1980. С. 69). В археологической литературе вопрос технологии производства подобных сосудов пока остается открытым. Так, в исследовании о коринфских мортарах Г.Р. Эдвардс высказывает сомнение относительно утверждения М. Фарнсворф, что коринфские мортары формованы от руки, указывая на типичные следы работы на круге, замеченные им на нескольких экземплярах (Palmer, 1964. P. 109). Мне кажется, что сосуд из Уляпа был первоначально сформован от руки, а на следующем этапе уже доводился на круге. Что касается хозяйственного назначения этих сосудов, более убедительной представляется точка зрения Г.Р. Эдвардса, который склонен видеть в них резервуар для сквашивания молока или чан для сыра (Palmer, 1964. P. 110).

Библиография

- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
 Baily D.M. A catalogue of the Lamps in the British Museum. Greece, Hellenistic and Early Roman Pottery Lamps. 1. London, 1976.
 Broneer O. Terracota Lamps // Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. IV. Part II. Caambriedge, 1930.

Howland R.H. Greek Lamps and their survivals // The Athenian Agora. Vol.IV. Princeton, New Jersey, 1958.

Palmer H. Corinthian Pottery of the fifth and fourth centuries // Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XIII. Princeton, New Jersey, 1964.

С 1994 года Кавказской геологическая экспедиция исследовала грунтовыми могильниками на западном склоне ставропольской Тиманской Усть-Ижмарского района Кургондарского м. На шесть сезонов было открыто 250 комплексов. Могильник функционировал с III в. до н.э. по II в. н.э. Основная часть исследованных комплексов — традиционные для меотской культуры погребения, одиночные или коллективные. Часто встречаются погребения с кувшином, большинство из которых датированы ко II — I вв. до н.э. На могильнике открыты также три тризновые площадки многозначительными жертвоприношениями животных. Обряд и богатство захоронения этих комплексов требует дальнейшего исследования. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых находках из могильника, а именно на керамическом уборе из ритуального комплекса № 1 (погр. 140) и погр. 158.

В ритуальном комплексе № 1 на гонимой вымоетке были обнаружены остатки 17 человеческих скелетов и 4 конских костяка, а также многочисленные утвари: посуда, украшения, предметы вооружения и быта. Конские скелеты лежали в восточной части площадки. Три лошади (№ 1, 2, 4), ориентированные головами на север, лежали рядом друг с другой. У одной из них (№ 2) череп отчленен в древности и отсутствует. Четвертая лошадь (№ 3), со свернутой крестом и отчлененной задней частью была как бы сложена у задних ног переломанных трех. По определению остеолога В.Н. Жегилло животные были жеребцами 5-7 лет.

На черепе лошади (№ 1) в области носа и лба бронзовый наконечник (рис. 1,1), под которым — железные удила и псалки (рис. 1,2). Над глазницей лошади лежала крупная бронзовая бусина (рис. 1,4), вторая бронзовая бусина находилась чуть ниже скелета (рис. 1,3).

Налобник сделан из синевой пластинки подтреугольной формы, украшен чеканным пуансоном элементом: в центре — стилизованное изображение человека (?), под руками которого расположены два круга. Центральная часть ограничена с двух сторон вертикальными линиями, ближе к краям — сетка из мелких прямоугольников.

В углах налобника расположены круги. В нижней части налобника сохранились 10 отверстий (два из них отверстия обломаны), в центре же была вставлена срубленная бронзовая проволока. Диаметр отверстий 12 конусовидных палочек. Длина пластинки 16,5 см, ширина — 2,8 см, высота подвесок 4-4,3 см (рис. 1,7).

Бусины двусоставные, сделанные из синеватого стекла с круглой рамкой. Бусины с округленной стороны выделены с помощью тонкими окончанием. Длина бусины 2,2 см, диаметр — 2,7 см, длина шипов — 0,5 см.

Бусины украшены ремни обломком, сделана из синего глухого стекла, она имеет шаровидную форму. Украшена бело-сине-зелеными глазками, между которыми проходит белая линия. Длина бусины 2,2 см, диаметр — 2,7 см. Вторая бусина также из синего глухого стекла имеет шаровидную форму, украшена на

Остеологическое исследование выполнено в Геологическом институте РАН в 1994 г. проводилось канд. биологических наук старшим научным сотрудником Музея геологии и минералогии В.Н. Жегилло.

шаровидную форму, украшена на

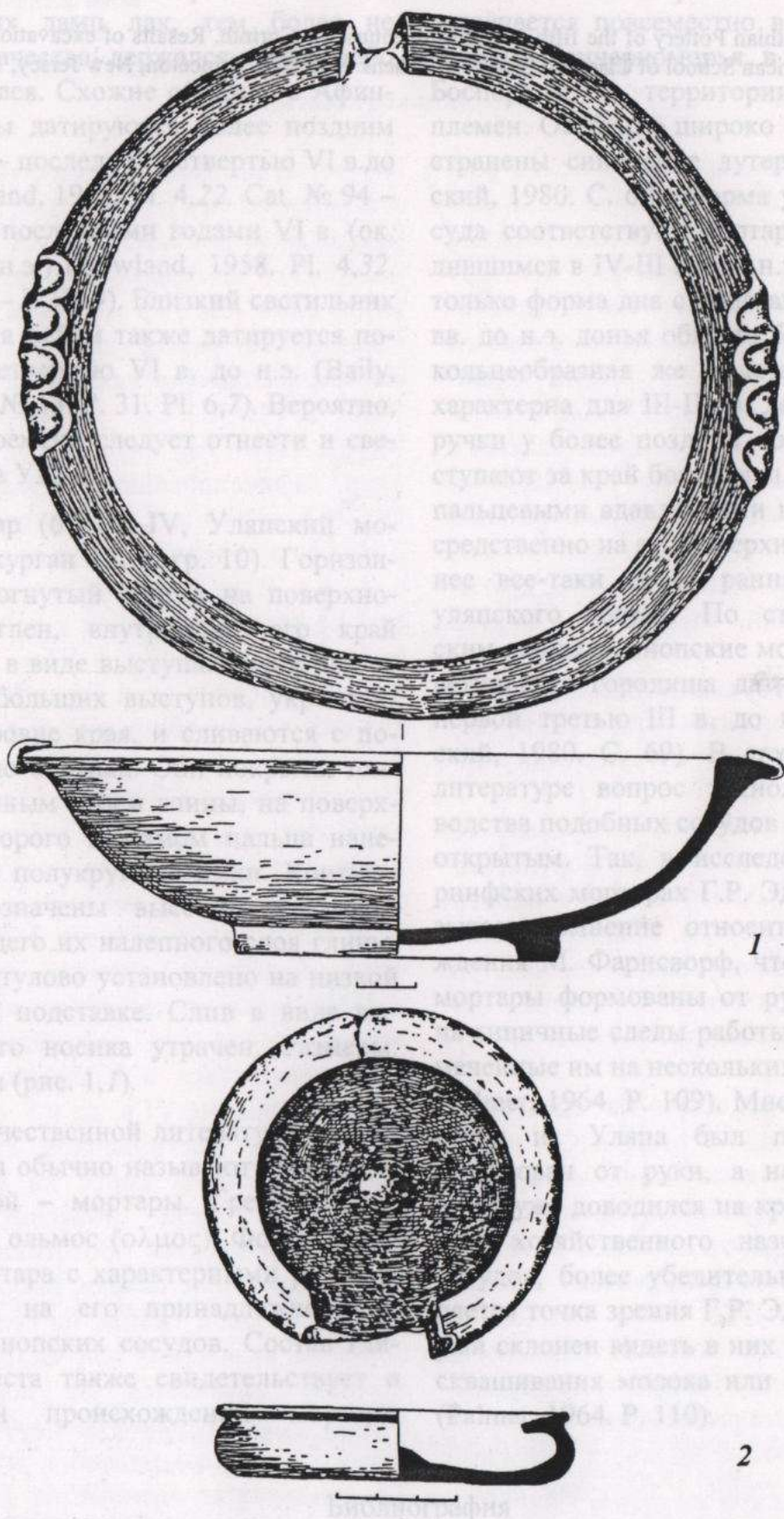

Рис. 1. Античные импорты из Уляпского могильника.
1 - красноглиняный mortar; 2 - чернолаковый светильник

Брагинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н. э. Д., 1980.
Baily D. M. A. The Ulyanok Necropolis. *Journal of the British Pottery*
Lamp
Bosworth C. *Journal of the British Pottery*
Classical Studies at Athens. Vol. IV. Part II. Cambridge, 1930.

Предметы конского убора из Тенгинского могильника

С 1994 года Кавказская археологическая экспедиция исследует грунтовый могильник на западной окраине станицы Тенгинской Усть-Лабинского района Краснодарского края. За шесть сезонов было открыто более 250 комплексов. Могильник функционировал с III в. до н.э. по II в. н.э. Большая часть исследованных комплексов – традиционные для меотской культуры погребения, одиночные или коллективные. Часто встречаются погребения воина с конем, большинство из которых относятся ко II – I вв. до н.э. На могильнике открыты также три тризновые площадки с многочисленными жертвоприношениями людей и животных. Обряд и богатейший инвентарь этих комплексов требует особого исследования. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых находках из могильника, а именно на парадном конском уборе из ритуального комплекса № 1 (погр. 140) и погр. 158.

В ритуальном комплексе № 1 на галечной вымостке были обнаружены останки 17 человеческих скелетов и 4 конских костяка, а также многочисленная утварь: посуда, украшения, предметы вооружения и быта. Конские костяки лежали в восточной части площадки. Три лошади (№ 1, 2, 4), ориентированные головами на север, лежали одна на другой. У одной из них (№ 2) череп был отчленен в древности и отсутствовал. Четвертая лошадь (№ 3), со свернутым хребтом и отчлененной задней частью, была как бы сложена у задних ног первых трех. По определению остеолога В.И. Жегилло*, животные были жеребцами 5-7 лет.

На черепе верхней лошади (№ 1) в области носа найден бронзовый налобник (рис. 1,1), под черепом – железные удила и псалии (рис. 1,2). Над глазницей лошади лежала крупная пастовая бусина (рис. 1,4), вторая бородавчатая бусина находилась чуть ниже скулы (рис. 1,3).

Налобник сделан из бронзовой пластины подтреугольной формы, украшен чеканным пуансонным орнаментом: в центре – стилизованное изображение человека (?), под руками которого расположены два круга. Центральная часть ограничена с двух сторон вертикальными линиями, за ними, ближе к краям, – сетка из четырех прямоугольников, далее – вертикальные линии, за которыми, в углах налобника, расположены круги. В нижней части пластины сохранились 10 отверстий (два крайних отверстия обломаны), в которые были вставлены скрученные бронзовые проволоочки, к ним крепились 12 конусовидных подвесок. Длина пластины 16,5 см, высота – 7,8 см, высота подвесок 4-4,3 см (рис. 1,1).

Удила двусоставные, сделанные из четырехгранных в сечении стержней. Внешние кольца крупнее внутренних. Псалии крестовидные с круглой рамкой. На шипах с внутренней стороны выступы с зубчатыми окончаниями. Длина звеньев удил 12 и 12,5 см, длина шипов 3,7 см (рис. 1,2).

Одна из бусин, украшавших ремни оголовья, сделана из синего глухого стекла, она имеет шаровидную форму. Орнаментирована бело-сине-зелеными «глазками», между которыми проходит волнистая белая линия. Длина бусины 2,2 см, диаметр – 2,7 см. Вторая бусина также из синего глухого стекла имеет цилиндрическую форму, разделена на три части белыми опоясывающими линиями и украшена зелеными и желтыми

*Остеологическое определение материалов из Тенгинского грунтового могильника в 1994-1999 гг. проводилось канд. биологических наук старшим научным сотрудником Музея геологии им. Вернадского РАН В.И. Жегилло.

полукруглыми выступами. Ее длина 2,5 см, диаметр – 2,4 см (рис. 1,4,3).

Над шеей обезглавленной лошади № 2 был обнаружен еще один бронзовый налобник с подвесками (рис. 1,5). На месте черепа найдены железные удила и псалии (рис. 1,6), а также несколько разнотипных бусин (рис. 1,7-9), вероятно, украшавших оголовье. У верхнего шейного позвонка найдена подвеска, сделанная из просверленного зуба животного (рис. 1,10).

Налобник несколько меньше вышеописанного. Он также сделан из бронзовой треугольной пластины. Поверхность орнаментирована тройными рядами пуансона, между которыми расположены круги. В нижней части сохранилось три отверстия (вероятно, их было пять). В двух отверстиях находились перекрученные проволочки, к которым крепились подвески; сохранилась лишь одна. Края налобника порваны и погнуты. Высота – 3,2 см, сохранившаяся длина – 9 см, высота подвески 4 см (рис. 1,5).

Удила двусоставные сделаны из четырехгранных в сечении стержней. Внешние кольца крупнее внутренних. На грызлах, ближе к внешним кольцам, утолщения. На удила надеты крестовидные псалии с округлой рамкой, на шипах имеются зазубренные выступы. Длина одного звена удил 12,2 см, длина шипа псалия 4,2 см. (рис. 1,6).

Одна из бусин крупная, цилиндрической формы, из синего глухого стекла разделена тремя белыми опоясывающими валиками на части. Между валиками расположены полукруглые выступы: в одной части в два ряда, в другой – в один. Длина бусины 3 см, диаметр – 2,4 см. (рис. 1,9). Две другие бусины более мелкие: одна кольцевидной формы, сделана из голубого глухого стекла, украшена сине-белыми глазками. Ее длина – 0,6 см, диаметр – 1 см (рис. 1,7). Вторая бусина округлая с рифленой поверхностью из голубого фаянса. Длина – 0,8 см, диаметр – 0,9 см (рис. 1,8).

Подвеска сделана из подпиленного и заполированного зуба животного. Корень опилен, в его нижней части сделано отверстие для подвешивания. Высота – 2,1 см (рис. 1,10).

У лошади № 3, лежавшей в южной части, под челюстью найдены железные удила и псалии (рис. 2,1). Удила двусоставные сделаны из четырехгранного в сечении прута. Внешние кольца крупнее внутренних. Псалии крестовидные, шипы имеют выступы на внутренней стороне. Длина звеньев удил 13 и 13,8 см, длина шипов псалиев 3,6 – 3,8 см.

Лошадь № 4 лежала под первыми двумя на правом боку. Под мордой лошади находилась бронзовая пластина – часть конского нагрудника (рис. 2,3). Между зубами вставлены железные удила с псалиями. Под черепом лошади в области глазницы найдена крупная пастовая бусина (рис. 3,4). Под затылком лошади у верхних шейных позвонков лежал бронзовый налобник с подвесками (рис. 2,2), на нем – просверленный заполированный клык кабана, сильно окислившийся от бронзы (рис. 3,2), крепившийся между налобником и налобным ремнем оголовья. Второй налобник лежал под нижней челюстью (рис. 3,6), ниже – просверленный клык (рис. 3,1). Под челюстью найдены также две синие и одна крупная глазчатая бусины (рис. 3,3,5), подвеска из зуба животного.

Нагрудник сделан из подпрямоугольной пластины, одна боковая сторона которой короче другой. Пластина украшена чеканным пуансонным орнаментом и концентрическими гравированными кругами. В нижней части пластины имеются 5 полукруглых выступов, к двум из них крепились две подвески в виде лунниц, орнаментированные тройными рядами пуансона. Кроме лунниц, в нижней части были прикреплены с помощью перекрученных бронзовых проволочек 9 подвесок в виде колокольчиков. В верхней части пластины – три небольших круглых отверстия для

крепления нагрудника к ремню. Длина пластины 40,3 см, высота – 11,2-17 см, длина лунниц 6,7 и 6,1 см, высота – 2,8 и 2,3 см, высота подвесок-колокольчиков 4,3 см (рис. 2,3).

Удила сделаны из круглого в сечении прута с утолщением у внешних колец, которые значительно крупнее внутренних. На грызла у внешних колец надеты крестовидные псалии с квадратной рамкой. На шипах псалий – выступы с зубчатым краем. Удила сохранились фрагментарно. Длина шипа псалия 3 см.

Крупная бусина с ремня оголовья сделана из синего глухого стекла, она шаровидной формы, украшена крупными глазками, оконтуренными зеленой, красной и белой линиями. Длина – 2,25 см, диаметр – 2,75 см (рис. 3,4).

Налобник сделан из полукруглой бронзовой пластины. Украшен пуансонным орнаментом: его поверхность разделена вертикальными рядами на несколько зон, в одной из которых имеется изображение в виде вертикальной линии, завершающейся неправильным ромбом. В верхней полукруглой части одно отверстие для крепления к ремню. В нижней части – четыре, для подвесок. Сохранились лишь две проволоочки. Высота налобника 5,2 см, длина – 10,7 см (рис. 2,2).

Клык кабана заполирован, основание обрезано и подпилено. В центре клыка круглое сквозное отверстие диаметром – 0,3 см. Длина клыка 10,5 см (рис. 3,1).

Второй налобник полукруглой формы. Украшен вертикальными и наклонными рядами пуансона. В верхней полукруглой части одно отверстие, в нижней – пять. В них вставлены скрученные проволоочки с колокольчиками-подвесками. Часть пластины обломана. Высота налобника 5 см, сохранившаяся длина – 11,5 см, высота колокольчиков 4 см, диаметр – 0,8 см (рис. 3,6).

Другой клык кабана обпилен у основания, подрезан и заполирован. В центре сквозное круглое отверстие диамет-

ром 0,5 см для крепления к ремню оголовья. Длина клыка – 11 см (рис. 3,2).

Подвеска из зуба животного аналогична вышеописанной. Корень зуба опилен, в его нижней части просверлено сквозное отверстие для подвешивания. Высота – 2,3 см.

Две шаровидные бусины синего глухого стекла с белыми глазками. Длина – 1 и 1,2 см, диаметр – 1,2 см (рис. 4,5).

Подвеска из зуба животного, аналогичная вышеописанным.

Бусина из синего глухого стекла шаровидной формы с зелено-красно-белыми глазками. Длина – 2,3 см, диаметр – 2,7 см (рис. 4,8).

Из этого же комплекса происходит бронзовая подпружная пряжка в виде рамки подпрямоугольной формы со слегка вогнутыми сторонами, на одной из коротких сторон - отогнутый наружу неподвижный язычок. Размеры: 6,2 x 6,5 см (рис. 3,7).

В заполнении комплекса найдены еще два бронзовых фрагмента с пуансонным орнаментом от одного или двух налобников.

На основании перекрестных датировок многих предметов (унгентарии, чернолаковые сосуды, стеклянный канфар и пр.) тризновый комплекс датируется первой четвертью II в. до н.э.

Вторым комплексом из Тенгинского могильника, давшим подобный конский убор, является погр. 158, в котором открыты останки 5 конских костяков, ориентированных головами на юг. Из пяти особей четыре лошади взрослые – 3-5 лет, и один жеребенок - около 1 года. Взрослые лошади были взнузданы. Удила и псалии аналогичны узде из погр. 140: двусоставные удила с крестовидными шипастыми псалиями. У двух лошадей оголовья украшены крупными синими пастовыми глазчатыми бусинами (рис. 4,1,2). Одно из животных, жеребец 3-5 лет, занимал особое положение: на черепе лежал бронзовый налобник с подвесками, а вдоль туловища

- железный меч в деревянных ножнах (рис. 4,4).

Налобник сделан из бронзовой пластины подтреугольной формы и орнаментирован пуансоном. Его поверхность разделена вертикальными рядами точек на зоны – две центральные и две меньшего размера, боковые. В середине центральной зоны расположена волнистая линия, сверху и снизу от которой располагаются круги. В нижней части имелись отверстия для крепления подвесок. Сохранились лишь две перекрученные проволочки и семь подвесок. Из-за фрагментарного состояния налобника его точные размеры не восстанавливаются. Высота подвесок 4,3 – 5 см (рис. 4,3).

В комплексе найдена ручка гераклейской амфоры, датирующая его началом II в. до н.э.

Представляется оправданным трактовать погр. 158 как кенотаф, поскольку сооружен он так же, как большинство воинских захоронений могильника, т.е. в яме со ступенькой. На ступеньке обычно помещали взнузданную лошадь, в данном случае был положен жеребенок. На месте воина захоронены четыре взнузданные лошади. Не случайно здесь оказался и железный меч с антенновидным навершием и орнаментированным клинком.

Железные удила и псалии, стеклянные бусы, украшавшие оголовье лошадей, имеют многочисленные аналогии в меотских комплексах II в. до н.э. Мечи с антенновидным навершием также типичны для этого времени. Среди меотских древностей не удалось найти аналогий налобникам и нагруднику, хотя детали и фрагменты предметов, украшенных пуансоном, встречались в памятниках Кубани II в. до н.э.

Из распаханного кургана в урочище Циплеевский Кут (Абинский район Краснодарского края) происходит разрушенный комплекс (№ 3), содержащий ряд предметов, аналогичных найденным в погр. 140 Тенгинского мо-

гильника: меч с антенновидным навершием, бронзовая рамчатая подпружная пряжка с неподвижным язычком, унгентарий, а также два фрагмента бронзовой пластины с пуансонным орнаментом. Комплекс датируется началом II до н.э. (Пьянков. № 13448).

Наиболее близкой аналогией бронзовому нагруднику являются пластины, найденные Н.И. Веселовским в конской гробнице первого склепа Васюриной горы на Тамани (рис. 6,1,2). М.И. Ростовцев трактовал эти бронзовые пластины как нащечник и налобник (Ростовцев, 1914. Табл. XX,1,2). Сопоставляя изображения этих пластин с находкой из Тенгинского могильника, создается впечатление, что они вышли если не из рук одного мастера, то из одной мастерской. На прямоугольной пластине из Васюриной горы, названной М.И. Ростовцевым налобником, сохранились девять отверстий для подвесок, найдены были лишь две в виде лунниц, они аналогичны тенгинским. На бронзовой обивке ременных частей упряжи из того же склепа (Ростовцев, 1914. Табл. XIX) сохранились подвески в виде колокольчиков, но сделанные несколько иначе (рис. 5,3). Орнамент же бронзовых пластин обивки ременных частей упряжи выполнен по той же схеме и состоит из парных concentрических кругов, разделенных тройным рядом пуансона. Поскольку боковые края пластин из первого склепа, названные М.И. Ростовцевым нащечником и налобником, обломаны, не исключено, что в действительности они являются фрагментами одного предмета – нагрудника. Детали конского убора (ворворки, псалии, бляхи и пр.), найденные в конском погребении первого склепа Васюриной горы (Ростовцев, 1914. Табл. XVIII), позволяют датировать его III-II вв. до н.э.

Бронзовая пластина, являющаяся частью нагрудника, обнаружена в подкурганном склепе могильника № 2 Татарского городища (южная окраина г. Ставрополя) (Кудрявцев и др., 2000. С.

40-47; Кудрявцев, Прокопенко, 1977. С.13-18). Эта находка отличается от тенгинской несколько иной орнаментальной схемой: пластина украшена концентрическими кругами. Круги расположены в два ряда: на широкой центральной части - большего диаметра, на боковой, более узкой - меньшего диаметра. Широкая часть пластины по низу оформлена тремя полукруглыми выступами. Круги выполнены гравировкой, в декоре отсутствует пуансон, иначе орнаментирована подвеска-лунница. Длина пластины 30 см (рис. 6,2).

Нагрудник из склепа могильника № 2 Татарского городища найден в комплексе с бронзовым налобником (рис. 6,3), керамическим горгонейоном и разнотипными железными псалиями (в том числе и стержневидными петельчатыми) (рис. 6,1). Подобные налобники встречаются в кубанских курганах IV - начала III вв. до н.э. (Говердовский курган, Начерзийский курган № 30, Ново-Николаевский I курганный могильник, курган у ст. Пластуновской и т.д.), этим же временем датируются и керамические диски с изображением Медузы Горгоны (Малышев, 1993. С. 50). Со II в. до н.э. в кубанских памятниках появляются стержневидные петельчатые псалии (Лунев, 2001. С. 74-78), а стержневидные двудырчатые в это время еще бытуют. II в. до н.э. подтверждает и клейменная ручка родосской (?) амфоры из насыпи, датированная концом III - началом II вв. до н.э. (около 220 - около 180 гг. до н.э.). Таким образом, время функционирования склепа с IV по II в. до н.э.

В качестве ближайшей аналогии нагруднику из второго Татарского могильника авторы статьи приводят находку из

кургана у г. Никополь (Мурзин, Черненко, 1980. С. 156. Рис. 1, 2, 3) (рис. 6,4). Там же был найден и подобный бронзовый налобник. Нагрудник из никопольского кургана украшен четырьмя концентрическими кругами в центральной части, и одним - в более узкой боковой части. Нижний край оформлен двумя более крупными полукруглыми выступами, между которыми расположены маленькие полукруглые выступы. Концентрические круги выполнены гравировкой(?). В нижней части семь отверстий для подвесок, которые не сохранились. Первый автор, опубликовавший никопольскую пластину, Г. Павлуцкий датировал ее V в. до н.э. (Павлуцкий, 1903. С. 37-40).

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем небольшую, но весьма яркую выборку бронзовых предметов, украшавших коней и происходящих из элитных комплексов Юга России.

Не вызывает сомнений парадный характер бронзовых деталей конского убора из Тенгинского могильника. Маловероятно, что тонкие бронзовые налобники, украшенные подвесками, могли быть частью защитного конского доспеха, как и пластины нагрудника. Представляется, что эти вещи были изготовлены в одно время для какого-то особого события, с которым, не исключено, было связано и сооружение тризны. Местом их производства является предположительно Боспор, где существовала мастерская или мастерские, удовлетворявшие заказы варварской знати. Однако решение этого вопроса требует большей выборки подобных предметов и дополнительного исследования.

Библиография

Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // Донская археология. № 2. Ростов-на-Дону, 2000.

Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А. Две бронзовые пластины из комплекса предметов конского убора скифского времени из могильника Татарского городища // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1977.

Лунев М.Ю. Стержневидные петельчатые псалии. // Третья кубанская археологическая конференция. Тез. докл.. Краснодар – Анапа, 2001.

Малышев А.А. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре МГУ 1989-1990 гг. М., 1993.

Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Павлуцкий Г. Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде // Археологическая летопись Юга России. М., 1903.

Пьянков А.В. Отчет о раскопках курганов в урочище Циплеевский Кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 г. // Архив ИА АНР. Р-1. № 13448.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

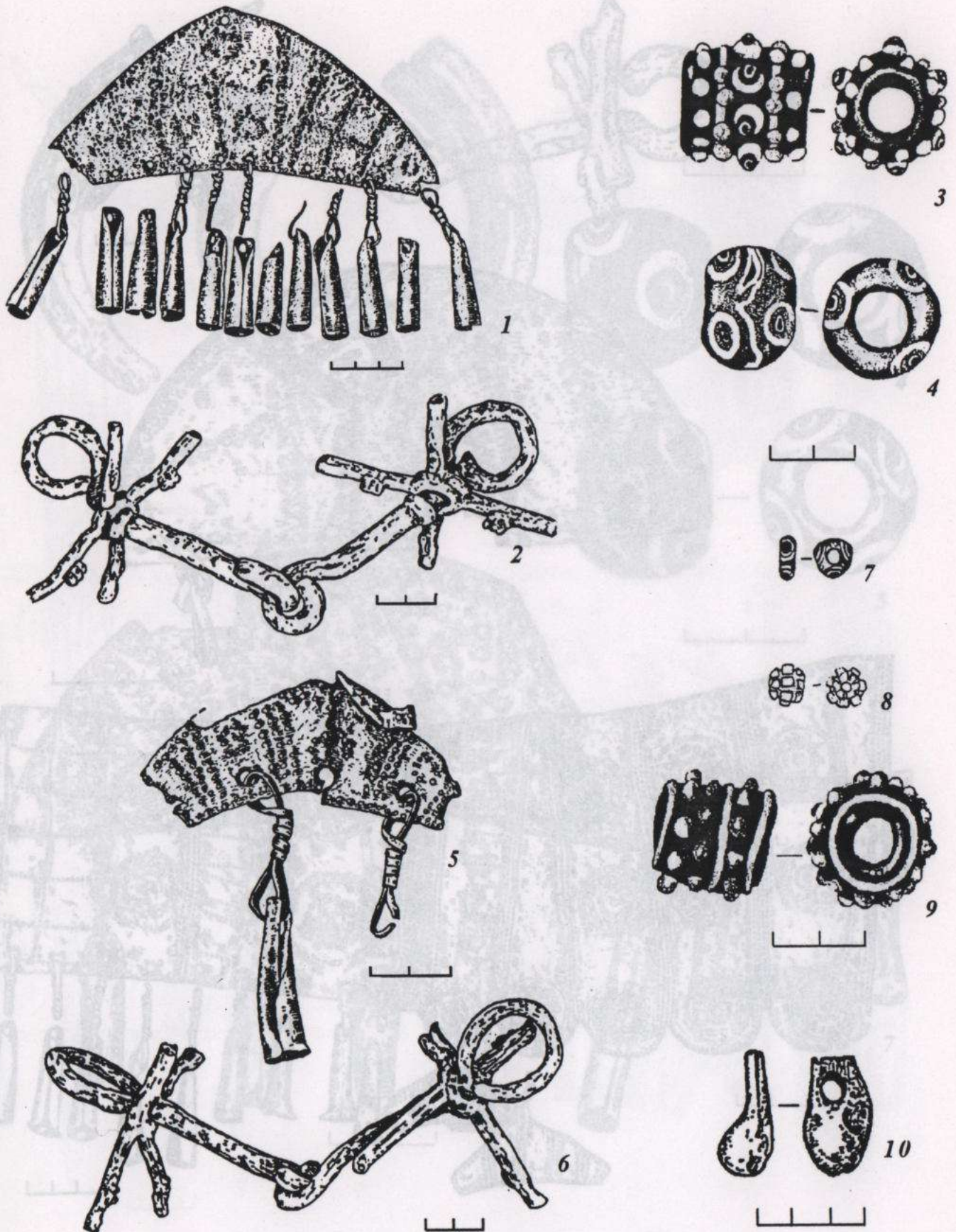

Рис. 1. Тенгинский грунтовый могильник, погребение 140

1 - 4 - конь № 1

5 - 10 - конь № 2

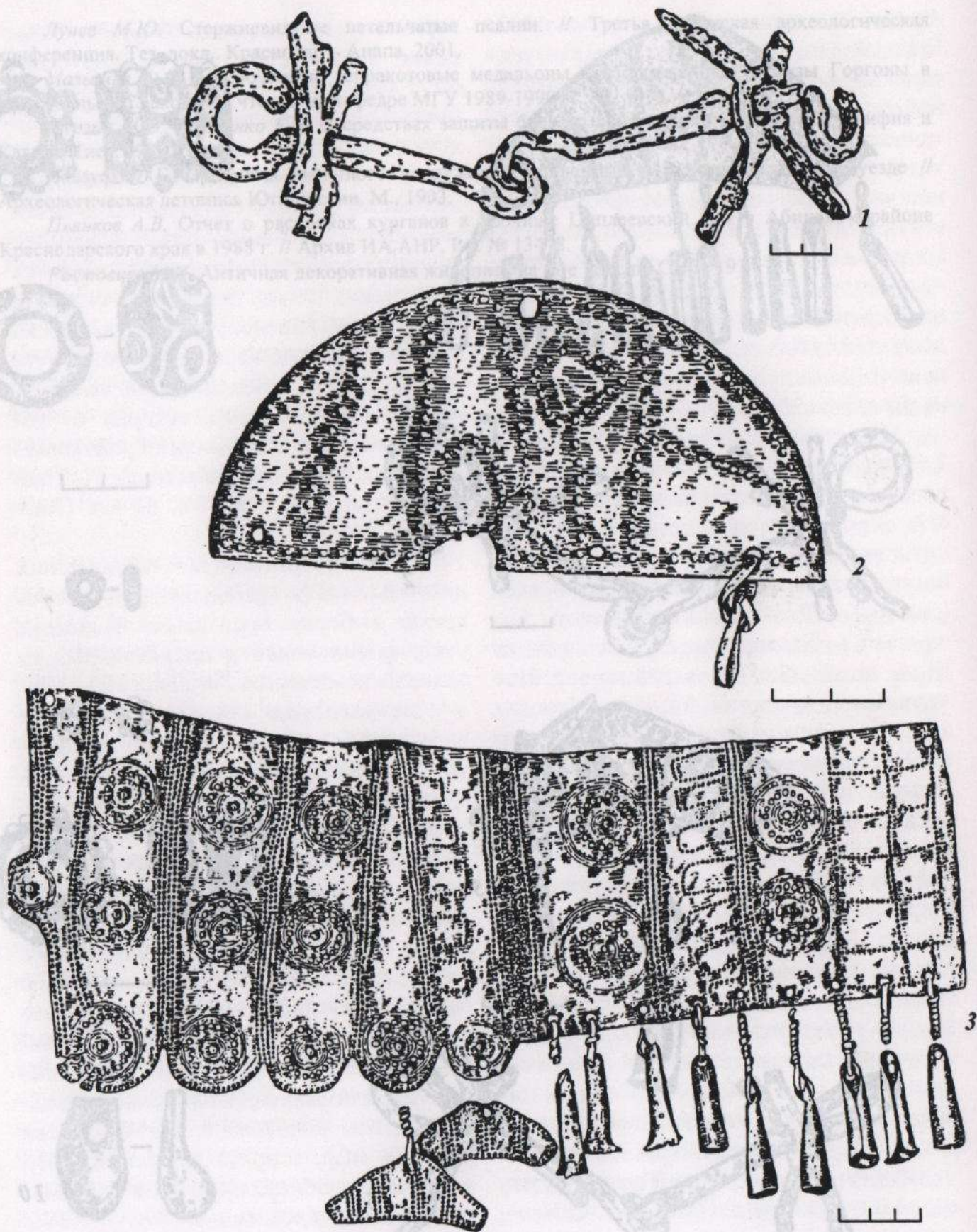

Рис. 2. Тенгинский грунтовый могильник, погребение 140

1 - конь № 3

2 - 3 - конь № 4

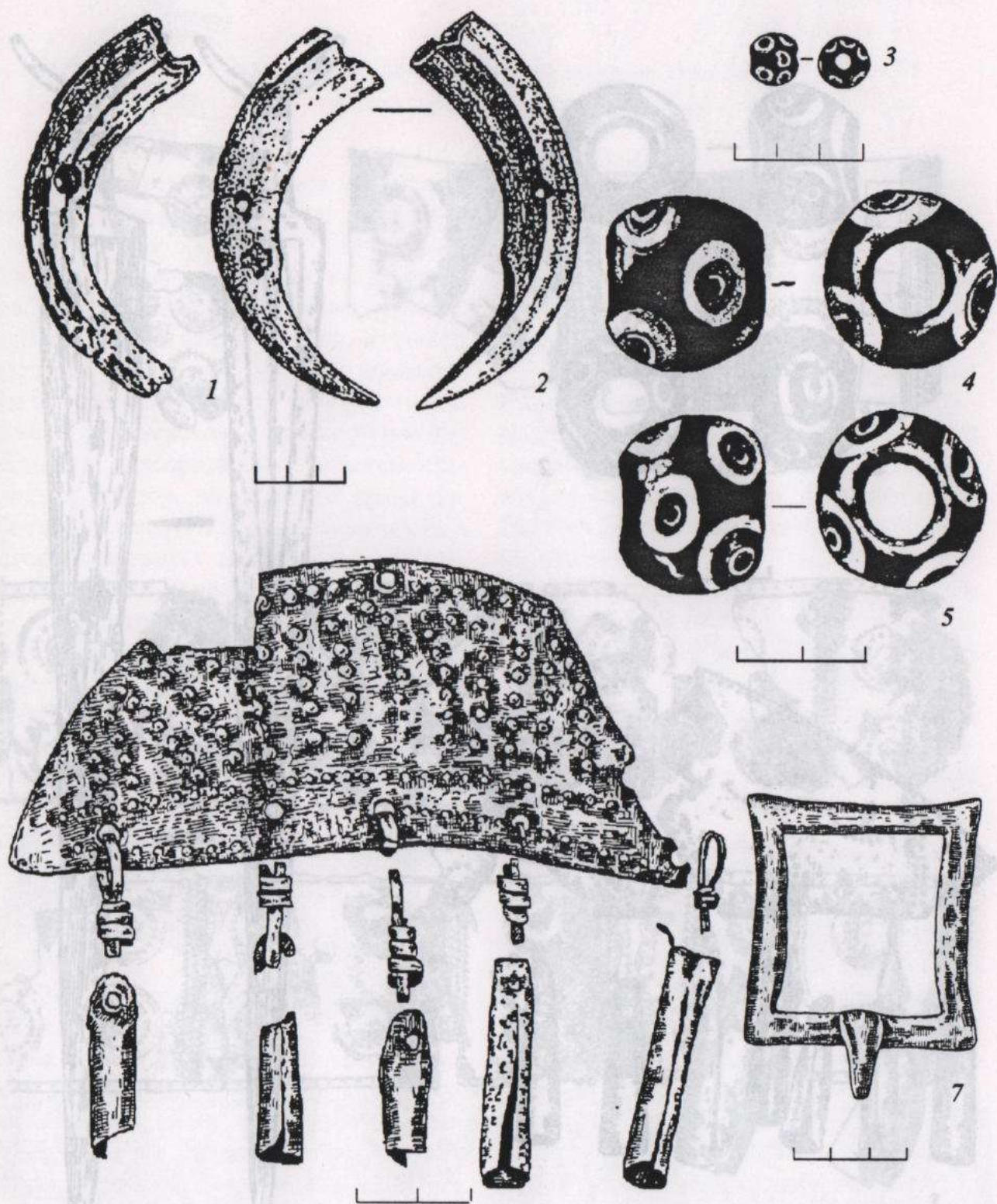

Рис. 3.

1 - 3 - Восторжия гора, конские гробницы первого склепа

Рис. 3. Тенгинский грунтовый могильник, погребение 140

1 - 6 - конь № 4

7 - пряжка из комплекса

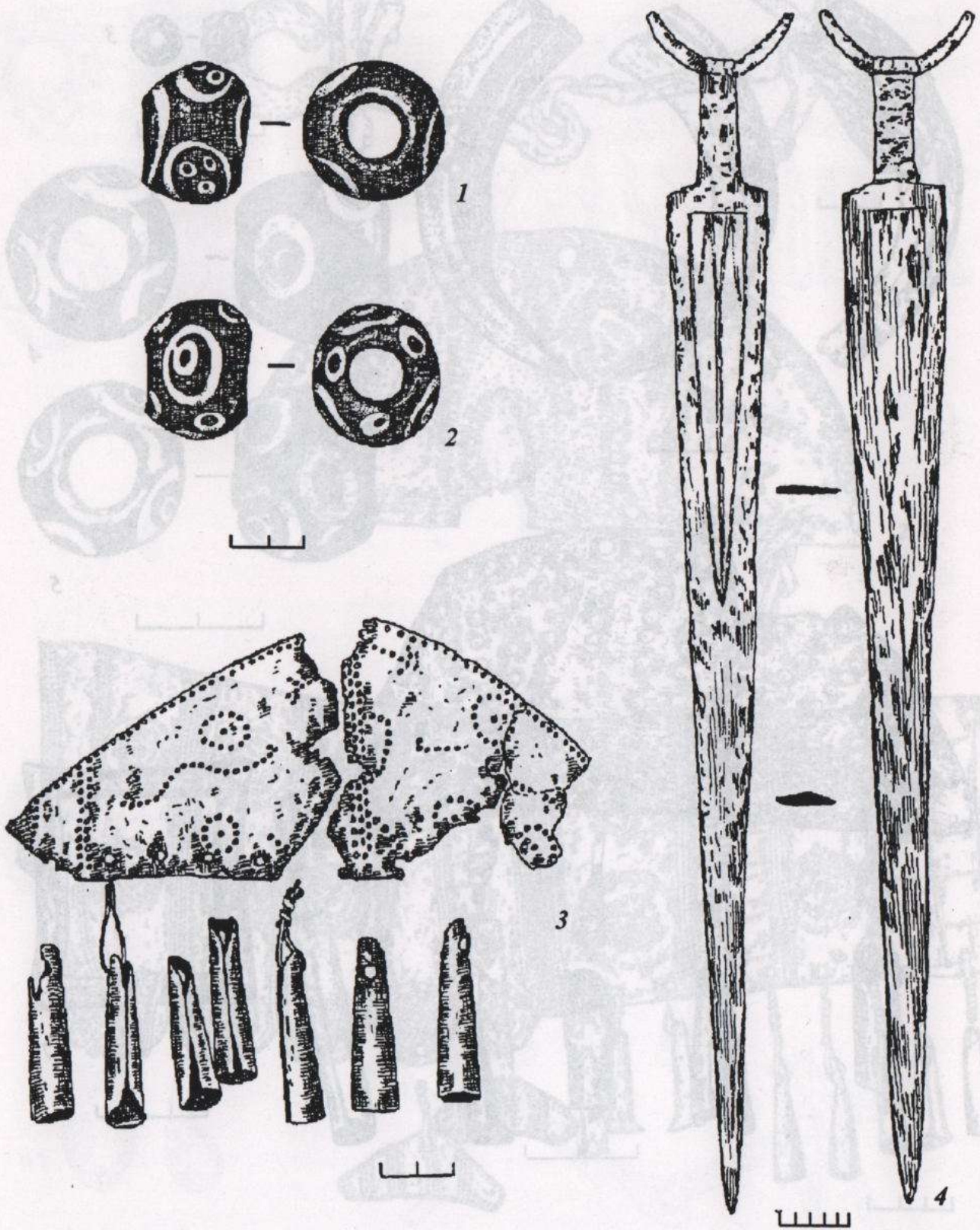

Рис. 2. Тенгинский грунтовый могильник, погребение 140

Рис. 4. Тенгинский грунтовый могильник, погребение 158

1 - концы
2 - концы
3 - пряжки из комплекта

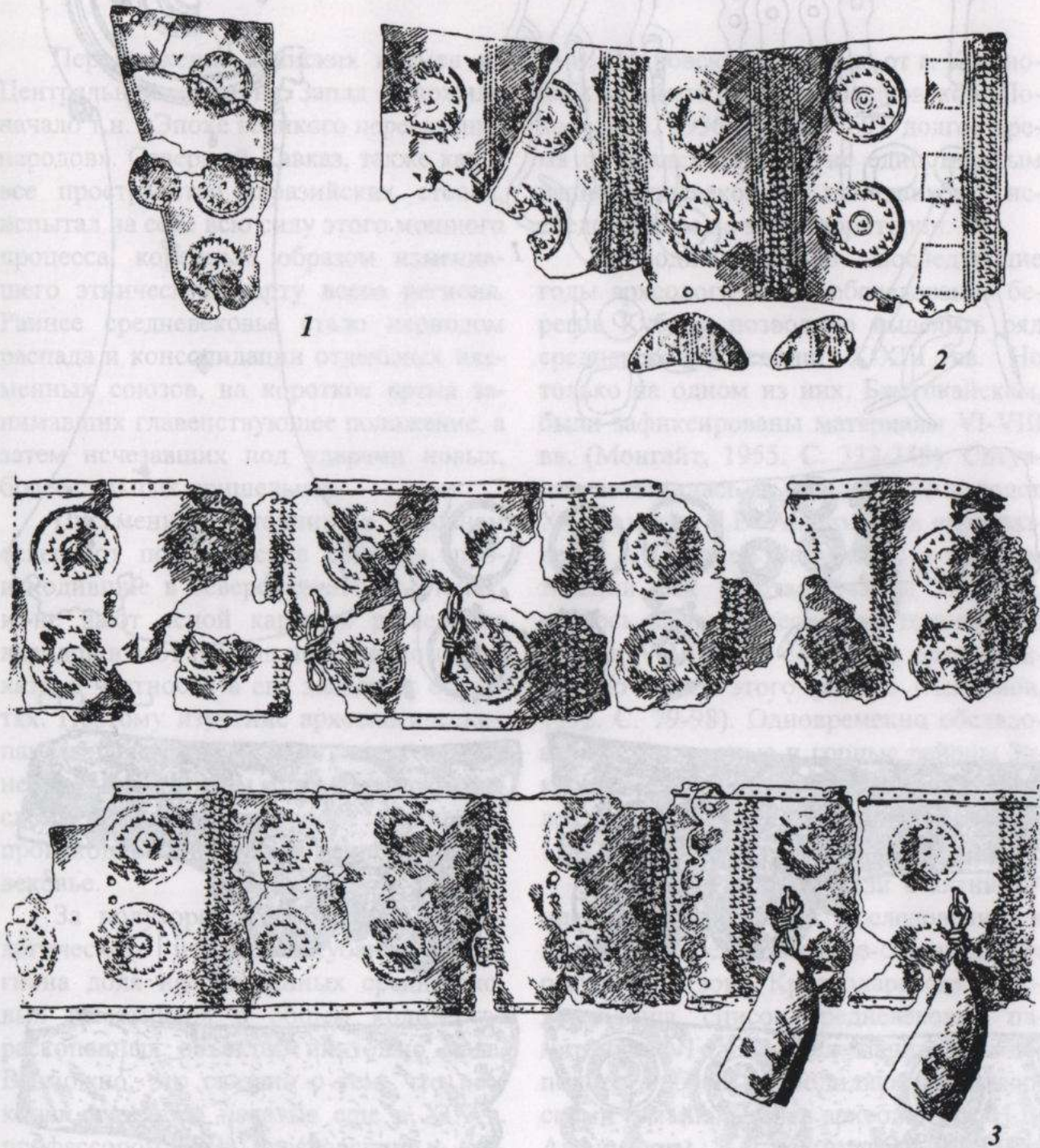

Рис. 5.

1 - 3 - Васюрина гора, конская гробница первого склепа

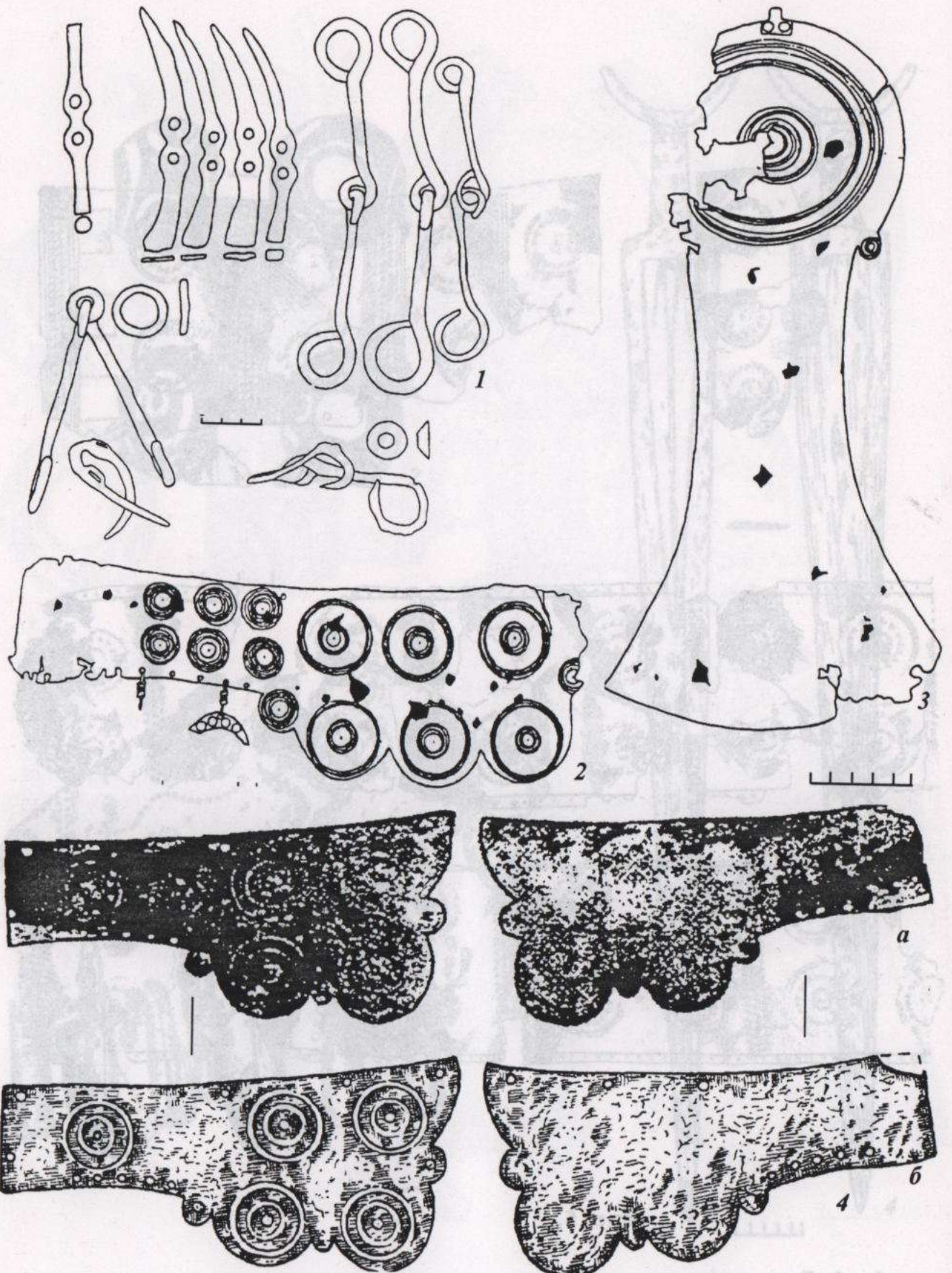

Рис. 6.

- 1 - 3 - Татарский могильник 2, склеп 1
 4 - курган у г. Никополь
 (а - фото, б - прорисовка)

К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья

Передвижение гуннских племен из Центральной Азии на Запад положило начало т.н. «Эпохе великого переселения народов». Северный Кавказ, также как и все пространство евразийских степей, испытал на себе всю силу этого мощного процесса, коренным образом изменившего этническую карту всего региона. Раннее средневековье стало периодом распада и консолидации отдельных племенных союзов, на короткое время занимавших главенствующее положение, а затем исчезавших под ударами новых, более сильных пришельцев.

Письменные источники в основном освещают политические события, происходившие в северокавказских степях, и не дают ясной картины расселения народов в этот период на Северном Кавказе, в частности в его западных областях. Поэтому изучение археологических памятников по-прежнему остается важнейшим источником для восстановления сложного этнокультурного процесса, происходившего здесь в раннем средневековье.

За полуторавековой период археологического изучения Кубанского региона доля исследованных средневековых памятников в общем количестве раскопанных объектов ничтожно мала. Возможно, это связано с тем, что раскопки курганов, начатые еще в XIX в. профессором Н.В. Веселовским и давшие богатейший материал по более ранним эпохам, в дальнейшем и определили основные направления в научном изучении данной территории: эпоха бронзы и ранний железный век. Что же касается материалов по раннему средневековью, то их практически не было.

Пашковский могильник № 1, открытый в конце 20-х – начале 30-х годов

М.В. Покровским недалеко от г. Краснодара в районе станицы Пашковской (Покровский, 1936. С. 159-169), долгое время оставался едва ли не единственным раннесредневековым памятником, исследованным на этой территории.

Проводившееся в последующие годы археологическое обследование берегов Кубани позволило выделить ряд средневековых селищ X-XIII вв. Но только на одном из них, Бжегокайском, были зафиксированы материалы VI-VIII вв. (Монгайт, 1955. С. 332-340). Ситуация изменилась в середине 50-х годов XX в., когда Н.В. Анфимову в ходе разведок в Среднем Закубанье, в нижнем течении рек Марта, Пчас и Псекупс, удалось выявить несколько городищ со слоями V-VI вв. и составить археологическую карту этого района (Анфимов, 1972. С. 79-98). Одновременно обследовались предгорные и горные районы Закубанья (Дитлер, 1961. С. 127-187; Аулев, 1972. С. 99-116; Дитлер, 1995. С. 138-237).

В 70-80-е годы в связи с активизацией археологических исследований, в первую очередь охранно-спасательных раскопок в зоне Краснодарского водохранилища, список средневековых памятников VI-IX вв. был значительно дополнен. Работы проводились краснодарскими и майкопскими археологами: Н.В. Анфимовым, В.Н. Каминским, И.В. Каминской, А.В. Пьянковым, В.А. Тарабановым, П.А. Дитлером, Н.Г. Ловпаче и др. В степных районах работала Северо-Кавказская археологическая экспедиция ИА РАН.

На Кубанском правобережье в Красноармейском районе были открыты впускные раннесредневековые погребения в курганном могильнике Старони-

жестеблиевском I. исследованы поселения и могильник недалеко от Краснодара у ст. Старокорсунской и Васюринской. В Западном Закубанье раскопан Молдавановский могильник, открыты новые объекты в Абинском районе. На южном берегу Краснодарского водохранилища производились раскопки раннесредневековых могильников у аула. Казазово, в устье р. Псекупс, в районе аула Ленинахабль на р. Пшиш (Паромов, 1989. С. 143-144; Атавин, Паромов, 1991. С. 151-155; Тарабанов, 1993а. С. 115-116; Тарабанов, 1993б. С. 96; Каминский, 1983. С. 118-119; Каминский, 1987. С. 187-205; Тарабанов, 1992. С. 76-79; Гей и др., 1988. С. 118; Пьянков, 1998а. С. 20-28; Пьянков, 2001. С. 209. Рис.1, 2; Тарабанов, 1983. С. 148-155; Тарабанов, 1999. С. 20-26; Пьянков, 1990. С. 158-165; Ловпаче, 1985. С. 16-64). В предгорной полосе обследовалось поселение Руфабго, Баракаевские пещеры и средневековые памятники в Лабинском и Отраденском районах (Ловпаче, 1995а. С. 238-278; Каминская, 1992. С. 30-31). И это далеко не полный список объектов, пополнивших археологическую карту Кубанского региона.

В 1981 г. к этим работам подключилась Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея Востока. В 1982-1989 гг. с целью выявления новых археологических памятников было проведено обследование южного берега Краснодарского водохранилища по трем районам: Теучежскому, Белореченскому и Красногвардейскому. Благодаря разведкам, в дополнение к археологическим картам, составленным в 50-е годы Н.В. Анфимовым и в 70-е годы И.С. Каменецким, удалось добавить еще целый ряд объектов, в том числе и средневековых, которые появились в результате размыва береговой полосы (Носкова, 1983. № 8969; Носкова, 1987. № 13766; Носкова, 1990а. № 14085-86).

В 1983 г. экспедиция начала исследование Ново-Вочепшийского городища

в Теучежском районе Адыгеи на р. Псекупс в 8 км к югу от его впадения в Краснодарское водохранилище, а в 1985 г. стал изучаться Ново-Вочепшийский грунтовый могильник, который, как предполагалось, мог дать синхронный материал (Носкова, 1984. С. 13-14; Носкова, 1990б. С. 147-157). Одновременно на размываемом берегу водохранилища, вернее на обнаженном после спуска воды дне, проводились охранно-спасательные работы, расчищались выступившие из воды погребения и собирался археологический материал, который по своему объему, разнообразию и хронологическому диапазону значительно превзошел тот, что был получен в результате расчистки погребений. Привязка этих случайных находок к конкретным участкам на исследуемой территории позволила определить месторасположение археологических объектов и выделить среди них раннесредневековые комплексы.

Еще во время разведывательных работ Н.В. Анфимова в 50-е годы по левым притокам Кубани (Псекупс, Марта, Пчас и др.) было установлено, что некоторые городища на этих реках продолжали существовать в V-VI вв. н.э. (Анфимов, 1972. С. 87). Выводы базировались на керамическом материале, полученном в результате шурфовок. Четко же датированных комплексов не было. Верхняя дата устанавливалась по отсутствию на них характерной для хазарского времени керамики салтово-маяцкого типа. И лишь стационарные раскопки на Тахтамукайском городище позволили более четко определить слои V-VI вв. (Анфимов, 1985. С. 92-114). К сожалению, во время наших работ не удалось обследовать территории около городищ, отмеченных Н.В. Анфимовым. Но в прибрежной полосе было открыто несколько раннесредневековых комплексов.

В районе хут. Городской, в 0,5 км к северу от него, на левом берегу р. Пшиш

были зафиксированы остатки полностью размытого поселения и несколько разновременных могильников. Среди погребений, расчищенных в северной части возвышенности, два относились к раннему средневековью, причем к разным периодам.

Наиболее сохранившееся захоронение по времени было более ранним. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу; руки вытянуты, ноги параллельны. В погребении были найдены красноглиняный гончарный сосуд, три серебряные калачевидные серьги, фрагментированная серебряная фибула, низка из янтарных бус биконической, бипирамидальной и шаровидной формы и круглых сердоликовых, а также отдельные крупные бусины: 2 хрустальные, 2 янтарные и 1 округлая мозаичная из синего полупрозрачного стекла (рис. 1, 1,1-7).

Второе погребение (практически не сохранившееся) было более поздним. Судя по положению остатков костей, погребенный был захоронен на спине, головой на северо-восток. При нем была найдена бронзовая пряжка и фрагмент ручки со стенкой, возможно, от какого-то бронзового сосуда.

В первом погребении основными датированными предметами являются фибула и серьги. Фибула относится к типу пластинчатых с ленточной спинкой, украшенной поперечными полосами, и отогнутым низким приемником (рис. 1,2). Подобные застежки на Кубани найдены в могильниках: Мешоко, Ясенова поляна, Пашковский № 1 (Дитлер, 1995. Табл. XXIX,4; Дитлер, 1961. С. 149; Покровский, 1936. Рис. 2,10). В Восточном Причерноморье - в Сопино, Борисовском и на р. Дюрсо (Анфимов, 1980. Рис. 13,3; Саханев, 1914. С. 131. Рис. 22,14; Дмитриев, 1982. С. 76. Рис. 3,13). На могильнике Дюрсо, по А.В. Дмитриеву (Дмитриев, 1982. С. 106), эти фибулы появляются в конце VI в. и су-

ществуют весь VII в. В Закубанских предгорьях погребения с этими предметами датируются V-VI вв. (Дитлер, 1995. С. 191). Калачевидные серьги (рис. 1,1), по мнению В.Б. Ковалевской, являются спецификой Северо-Западного Кавказа и района Кавказских Минеральных Вод и характерны для памятников послегуннского времени, вплоть до VII в. (Ковалевская, 1995. С. 150-151). В значительной мере это касается янтарных биконических и бипирамидальных, которые в VIII-IX вв. известны в единичных экземплярах (Деопик, 1963. С. 142). Крупные янтарные бусины неправильной округлой формы и стеклянная синяя мозаичная бусина с красными вставками более характерны для наборов IV-VI вв. Красноглиняный гончарный кувшинчик с низким приземистым туловом и высоким слегка расширяющимся горлом (рис. 1,3), возможно, был покрыт лощением, но оно не сохранилось. Однако остались глубокие частые вертикальные линии, какие обычно бывают при лощении. Подобные кувшинчики найдены в Пашковском могильнике № 1, близкие формы известны в Мешоко и на Псекупсе (Покровский, 1936. С. 167. Рис. 8; Дитлер, 1995. Табл. XXVI,8; Ловпаче, 1985. Табл. XXI,5). Отличаются они лишь серым цветом поверхности и местом крепления верхнего конца ручки, но пропорции их практически совпадают. Весь рассмотренный комплекс предметов позволяет датировать данное захоронение V-VI вв.

Во втором погребении датированной является пряжка (рис. 1,16). Она относится к типу треугольнорамчатых с неподвижно соединенным щитком в виде прорезной рамки. Аналогичные встречаются на памятниках VIII-IX вв. в Крыму, Башкирии, Поволжье и в Средней Азии (Ковалевская, 1963. С. 37-38; Распопова, 1980. С. 87. Рис. 61,1,2).

К этим вещам можно добавить еще некоторое количество предметов, случайно найденных на этом же участке:

Фрагмент двухпластинчатой бронзовой фибулы (рис. 1,15) с двускатной спинкой, головной щиток, который имеет дуговидный край и кнопку, либо выступ, имитирующий кнопку. По А.К. Амброзу, этот тип (групп 21. подгруппа I, вар. IBA) на Кавказе известен с V в. н.э. (Амброз, 1966. С. 77). Основные находки происходят с Центрального Предкавказья и Восточного Причерноморья (Казанский, Мастыкова, 1998. С. 105. Рис. 3,1-9). В кубанских древностях из-за малой изученности памятников V-VII вв. их известно несколько экземпляров: 2 - с Пашковского могильника № 1, 1 - из Мешоко и 2 - из района Майкопа (Казанский, Мастыкова, 1998. С. 105. Рис. 3,10-15; Дитлер, 1995. Табл. XXIX,11). Основные хронологические рамки данного типа: V-VI вв.

К этому же периоду относятся две крупные бронзовые пряжки с хоботковидным язычком и со щитком из прямоугольной пластины (рис. 1,17-18). Наиболее близкие аналогии им можно найти среди материалов керченских склепов (склепы 154 и 165), которые И.П. Засецкая датирует концом IV - первой половиной V в. (Засецкая, 1979. Рис. 3,18,34,39). А.В. Комар предлагает более узкие хронологические рамки - 440-455 гг. (Комар, 2000. С. 26), т.е. середина V в. Язычки, украшенные на заднем конце поперечными рельефными полосками, известны в Крыму - в Беляусе (Комар, 2000. Рис. 1,2,8), на Северном Кавказе - в Гиляче (Абрамова, 1977. Рис. 74,3) и датируются V в. В раннесредневековых могильниках Центрального Предкавказья зооморфные мотивы на пряжках появляются во второй половине V - первой половине VI в. (Афанасьев, 1980. С. 150; Флеров, 2000. Рис. 42,20). Это дает основание и наши случайные находки датировать этим же временем.

Бронзовый псалий с ромбовидными заклепками на боковой петле (рис. 1,15) вполне соответствует так называемым Г-образным псалиям из Беляуса и Унтер-

зибенбрунна (Австрия), получившими распространение в V в. (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Рис. 2,2,3).

К VIII-IX вв. относятся треугольно-рамчатые пряжки (рис. 1,18-21) и бронзовая серьга (рис. 1,17) с неподвижной привеской из литых шариков и с шариком-упором в верхней части дужки. В.Б. Ковалевская объединяет такие серьги в единый тип (тип 8) и приводит многочисленные северокавказские, поволжские, крымские аналогии (Ковалевская, 1995. С. 163).

Второй участок, где удалось обнаружить раннесредневековые слои, находился в 2,5 км к западу по берегу водохранилища, на развалинах бывшего аула Ленинахабль. Еще в 1973-1975 гг. на этом месте П.А. Дитлером и А.М. Ждановским проводились раскопки разновременного Ленинахабльского могильника. Часть погребений относилась к VIII-IX вв. и не отличалась по обряду и инвентарю от синхронных погребений Казазовского I могильника. Кроме того, Н.Г. Ловпаче выделил группу захоронений с ориентировкой в западный сектор и датировал их V-VI вв. (Ловпаче, 1995б. С. 212-213). В дополнение к этому материалу во время раскопок на Ленинахабльском кремационном могильнике среди урновых захоронений XI-XII вв. было расчищено одно кремационное погребение (погр. 11), по времени относящееся к более раннему периоду: VI-VII вв. Оно представляло собой золистое пятно, где лежали фрагменты гончарного сероглиняного сосуда, бронзовая фибула и два железных ножа разных размеров (рис. 2,1). Фибула с длинной осью пружины и дисковидными утолщениями на концах относится к типу пластинчатых с подвязным приемником (рис. 2,1,1-4). У А.В. Дмитриева подобные застежки объединены в тип 2 («прогнутые подвязные») и имеют широкий хронологический диапазон: с V по VII вв. (Дмитриев, 1982. С. 102-106). Кувшинчик с высоким, слегка расширяю-

щимся вверх горлом и уплощенно-шаровидным туловом имел двуствольную ручку, которая верхним концом крепилась к краю венчика, образуя горизонтальную площадку. Горло до середины покрыто горизонтальными желобками, на тулове орнамент из вертикальных полос, сгруппированных по шесть - семь штук в 15 зон (рис. 2,2). По характеру крепления ручки и орнаментации этому сосуду ближе всего кружки из ранне-средневековых катакомбных могильников V-VII вв. из района Кавказских Минеральных Вод (Абрамова, 1977. Рис. 71,22; Афанасьев, 1979. Рис. 7,1; Флеров, 2000. Рис. 49,2,4).

Здесь же на территории кремационного могильника было расчищено целое скопление разнообразной посуды: два кувшина, кубышка, миска, горшок и многочисленные фрагменты невосстановливаемых сосудов (рис. 2,II.). Аналогии сероглиняному кувшину со сливом и витой ручкой, украшенной двумя дисковидными налечами (рис. 2,6), встречаются в погребениях V-VII вв. на р. Дюрсо (Дмитриев, 1982. Рис. 8,36). Второй кувшин, более крупный по размерам, имеет яйцевидное тулово, невысокое узкое горло и слив, образованный изгибом венчика. Сосуд сильно фрагментирован, поэтому количество ручек восстановить не удалось. Корпус его покрыт вертикальным лощеным орнаментом. Подобные кувшины известны на Тахтамукайском городище, Н.В. Анфимов датирует их V-VI вв. (Анфимов, 1985. С. 96,103). Сероглиняные сосудики в виде кубышки с невысоким цилиндрическим горлышком и отогнутым венчиком (рис. 2,5) появляются в могильниках Северо-Западного Кавказа с VI в. Аналогичные им найдены около Майкопа, в Пашковском могильнике № 1, на р. Дюрсо (Ловпаче, 1995б. Табл. II,57,312; Ковалевская, 1984. Рис. 2,1; Дмитриев, 1982. Рис. 10,8). Появление этого типа керамики в керамическом наборе Кубанского региона В.Б. Кова-

левская связывает с болгарским влиянием (Ковалевская, 1984. С. 107). Сероглинянные миски с вертикальным бортиком (рис. 2,8) есть в верхних слоях Ново-Вочепшийского городища, здесь же встречается орнамент из вдавлений и горизонтальных рифленых линий, каким украшен горшочек (рис. 2,7). Вполне возможно, что обнаруженное скопление имело неслучайный характер и являлось частью разрушенного погребального комплекса VI в.

Кроме того, по береговой линии на участке между бывшим аулом Ленинахабль и аулом Тауйхабль (приблизительно 5 км) был найден целый ряд предметов VI-VII и VIII-IX вв.

К ранним вещам можно отнести бронзовые калачевидные серьги, двупластинчатую фибулу (рис. 3,8), несколько литых круглорамчатых и сегменторамчатых пряжек из круглого в сечении дрота, массивного в передней части, с длинным хоботковидным язычком и уступом у основания (рис. 3,1-5). По крымским материалам такие пряжки показательны для комплексов позднееримского времени, которые А.И. Айбабин датирует IV – первой половиной V в. (Айбабин, 1984. С. 111. Рис. 5,16 и 7,17). В могильниках Центрального Предкавказья, к примеру в Мокрой Балке, они встречаются в погребениях второй половины V – первой половины VI в. (Афанасьев, 1980. Рис. 6,3,4). К таким же ранним экземплярам можно отнести и железную пряжку с В-образной рамкой (рис. 3,7). Они известны на Северном Кавказе и в Крыму (Ковалевская, 1963. С. 40; Айбабин и др., 1997. Рис. 9,8). Тем же временем датируются бронзовые литые пряжки из круглого в сечении дрота, массивного в передней части, с хоботковидным язычком и прямоугольным выступом (рис. 3,6). Аналогии бронзовому зеркалу (рис. 3,9) известны в памятниках V-VII вв. Восточного Причерноморья, Центрального Предкавказья и Кубани (Анфимов, 1980. Рис. 13,2; Саханев,

1914. Табл. II,5; Дитлер, 1995. Табл. XXXII,1-3; Ковалевская, 1984. Рис. 1,31).

Другая группа находок относится к хазарскому периоду. Бронзовые серьги имеют параллели в степных и лесостепных районах распространения салтовомаяцкой культуры (рис. 3,12-14). Бронзовый перстень с прямоугольным щитком и арабской надписью (рис. 3,11) идентичен найденному в катакомбе Е у с. Чми, который автор публикации датирует VIII-IX вв. (Хайнрих, 1995. С. 193. Табл. XXIII,2). Другой перстень (рис. 3,10) относится к типу литых с круглой вставкой, закрепленной крестообразно расположенными "лапками"; подобные украшения широко распространены на Кавказе, в Крыму, Подонье и Приазовье. Наш экземпляр отличается лишь "бантикообразной" площадкой под камнем.

Среди амулетов можно выделить два типа. Кольцевидные солярные подвески (рис. 3,16) известны в Псекупском могильнике (Ловпаче, 1985. Табл. XXXIII,26) и в Карачаево-Черкессии (Ковалевская, 1995. С. 137. Рис. 1,25). Амулет (сохранилась половинка) из парных птицевидных головок (рис. 3,15) имеет аналогии в Салтовском, Дмитровском, Крымском, Казазовском II могильниках (Плетнева, 1989. С. 96. Рис. 48; Плетнева, 1967. С. 176. Рис. 49,16,17; Савченко, 1986. Рис. 8,32; Пьянков, 1990. Рис. 51,1). Для аланских памятников Северного Кавказа они не характерны и больше связаны с тюрко-угорскими погребальными комплексами. Бронзовые подвески-печатки (рис. 3,22) встречаются в материалах Дмитровского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 56). Железные пружинные фибулы с высокой спинкой, с низким пластинчатым приемником на конце и специальным пружинным упором (рис. 3,17-18) получили широкое хождение в VIII-IX вв. в Подонье, Приазовье, в Восточном Причерноморье и на Кубани (Плетнева, 1989. Рис. 59; Саханев, 1914. Табл. V,22-25; Пьянков,

1990. Рис. 50,1-11). К тому же времени относятся бронзовые бляшки-накладки от поясной гарнитуры (рис. 3,19-20) и бронзовое зеркало (рис. 3,23) с орнаментом в виде замкнутой ломаной линии (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Табл. 62,167).

Третий участок – это территория в устье р. Псекупс, на ее правом берегу. В 1982 г. во время обследования удалось определить несколько участков, где локализовались раннесредневековые объекты: погребения и случайные находки. Одновременно там же работала майкопская экспедиция под руководством Н.Г. Ловпаче, которая исследовала могильники, в том числе относящиеся к VIII-IX вв., с кремационным и ингумационным обрядом погребения. Все ингумационные захоронения имели восточную и северо-восточную ориентировку. Два погребения (одно ингумационное и одно кремационное) были датированы Н.Г. Ловпаче V – VI вв. (Ловпаче, 1985. С. 24-27). На этой же территории им был обнаружен железный кинжал с боковыми выступами у основания рукояти (Ловпаче, Тов, 1983. Табл. 4). Подобный тип вооружения хорошо известен в могильниках Восточного Причерноморья VI-VII вв. (Саханев, 1914. Рис. 16,8; 10,4; Покровский, 1936. Рис. 2) и Крыма IV-V вв. (Зайцев, 1997. С. 110. Рис. 62, склеп 26; С. 110,114. Рис. 64, склеп 30).

Во время наших разведок удалось зафиксировать лишь комплексы VIII-IX вв. Это несколько размытых погребений с западной ориентировкой. В одном был боевой топорик, а в другом – набор вещей, характерных для хазарского времени. Среди погребального инвентаря выделяется связка бубенчиков с так называемыми «подвесками-распределителями», видимо, крепившаяся к поясу; несколько бронзовых перстней с овальным гладким щитком и большое количество разноцветного рубленого бисера и мелких сердоликовых бусин, рассы-

паных в районе грудной клетки. Весь подъемный материал укладывается в рамки второй половины VIII – конца IX в. и позже. Это относится к оружию, конскому снаряжению, украшениям и различного рода амулетам (рис. 4). Вещи вполне идентичны найденным Н.Г. Ловпаче в закрытых комплексах и имеют прямое отношение к Псекупским могильникам. Они также соответствуют материалам соседних Казазовских некрополей, расположенных на противоположном берегу р. Псекупс.

К этому участку примыкает комплекс Ново-Вочепшийского городища и могильника. Верхние слои городища, судя по материалам, относятся к V – концу VI в. (рис. 5). V в. датируется бронзовая фибула с пластинчатой слабо расширяющейся спинкой (рис. 5,2) – тип 2в по А. В. Дмитриеву (Дмитриев, 1982. Рис. 3,3. С. 100). Более широкие временные рамки имеют бронзовые гривны (рис. 5,5,6). В могильнике на р. Дюрсо подобные украшения встречаются в погребениях второй половины V – второй трети VI в. (Дмитриев, 1982. Рис. 9,3,4,33); в Пашковском могильнике № 1, по В.Б. Ковалевской, они из погребений VII в. (Ковалевская, 1984. С. 107. Рис. 1,38,39). Наиболее поздней, видимо, является железная фибула с витой спинкой и остатками трубчатого приемника (рис. 5,1). Основная масса таких застежек характерна для памятников хазарского времени. Возможно, наша находка попала на городище случайно. Керамический комплекс практически полностью соответствует материалам Тахтамукайского городища, подробную характеристику которым дал Н.В. Анфимов (Анфимов, 1985. С. 95-104).

Средневековые погребения Ново-Вочепшейского могильника датируются VIII-IX вв. По инвентарю (рис. 6,1-14; 7,1,2,4,7-13) и погребальной практике большая их часть идентична и синхронна Казазовскому I могильнику. Лишь одно погребение (погр. 20),

возможно, связано с обрядом кремации, так как находки – два железных наконечника стрел, фрагменты ножа, и остатки костяка найдены рядом со следами кострища и древесным углем. Такой вывод вполне соотносится с мнением А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова, что в Кубанском регионе стрелы с прорезной рамкой в основном «использовались в погребальной практике только носителями кремационного обряда» (Пьянков, Тарабанов, 1998. С. 21-22). Еще одно погребение (погр. 22), ранее считавшееся разрушенным поздними земляными работами, следует выделить в особый разряд «преднамеренно обезвреженных». Но это стало возможным только после знакомства автора с работами В.С. Флерова (Флеров, 2000а; Флеров, 2000б. С. 55-74).

Вполне вероятно, на могильнике существовали и более ранние средневековые погребения. Но они оказались в зоне затопления р. Псекупса при строительстве Краснодарского водохранилища. На наличие таких захоронений указывают случайные находки, собранные на затопляемой территории. Это маленькое зеркало IV-VII вв., украшенное концентрическими кругами (рис. 7,3), сероглиняная кружка (рис. 7,5) (подобные формы есть в верхних слоях Ново-Вочепшийского городища), сероглиняный кувшинчик с вертикальным лощением (рис. 7,6) – аналогичные сосуды известны на Пашковском могильнике № 1 (Покровский, 1936. Рис. 8).

Таким образом, весь раннесредневековый материал, полученный в результате археологических работ на территории Среднего Прикубанья и Закубанья, укладывается в рамки двух хронологических периодов: V – начало VII в. и вторая половина VIII – X в.

В первом периоде, несмотря на то, что происходит резкое сокращение археологических памятников, известных в этом районе в первые века нашей эры до

гуннского нашествия, все-таки некоторая часть городищ продолжает существовать. Видимо, наибольшему разорению подверглось Кубанское Правобережье. Левобережье пострадало меньше, хотя по количеству городищ и малочисленности могильников видно, что и здесь население резко сократилось. Однако каких-либо существенных изменений в этническом составе не произошло.

Подтверждением может служить тот факт, что, во-первых, не происходит смены погребального обряда. Для всех могильников этого времени характерен устойчивый ингумационный обряд с преобладающей западной ориентировкой. Это зафиксировано на Пашковском могильнике № 1 (единственном на Правобережье Кубани) и на левобережных: Тахтамукайском, в районе бывшего аула Ленинахабль, а также хут. Городской, в более восточных предгорьях: Ясенова Поляна, Мешоко, т.е. в районах, где должно было оставаться местное постмеотское население.

Во-вторых, на городищах не наблюдается резкой смены культурных традиций. Это относится ко всем сторонам хозяйственной деятельности. Раскопки на Ново-Вочепшийском городище показали, что и на позднем этапе основной хозяйства по-прежнему остается земледелие с разведением крупного и мелкого рогатого скота, а также свиней. Причем свиньи в процентном отношении занимают второе место*. Количество костей лошади незначительно. Именно такое процентное соотношение костных остатков позволяет говорить об оседлом образе жизни жителей левобережных кубанских городищ. Не меняются строительные традиции: основными постройками остаются турлучные дома. Массовыми находками в культурном слое по-прежнему являются глиняные плитки —

*Исследование остеологических материалов проведено старшим научным сотрудником Института археологии РАН, кандидатом биологических наук В.П. Данильченко

один из характерных признаков предшествующего периода. Керамическое производство развивается в рамках старых меото-сарматских традиций: преобладание сероглиняной керамики, практически равный процент лепной и гончарной, нет резкой смены керамических форм. Некоторые новшества появляются в обработке поверхности: увеличивается количество керамики с полосчатым лощением. По мнению Н.В. Анфимова, лощеный орнамент появляется в Прикубанье и на Тамани с IV в. (Анфимов, 1985. С. 103). Но следует заметить, что такой способ орнаментации встречается на нововочепшийских сосудах из более ранних слоев, относящихся к первым векам нашей эры. На отдельных лепных горшках появляется волнистый орнамент; чаще это одинарная волнистая линия и горизонтальное рифление верхней части сосуда. Края венчиков горшков часто орнаментированы косыми насечками или углублениями округлой формы, что, в общем-то, не характерно для керамики этого региона.

Все вышеперечисленные признаки позволяют сделать вывод, что в первом периоде в Закубанье не происходит резкой смены этнического состава. Основная территория, кроме самых восточных районов, по-прежнему остается заселенной меото-сарматским населением, что неоднократно подчеркивали в своих работах Н.В. Анфимов, Е.П. Алексеева, П.А. Дитлер и др. (Анфимов, 1980. С. 111; Алексеева, 1971. С. 178; Дитлер, 1995. С. 191).

Некоторые изменения намечаются в конце первого периода, где-то на рубеже VI-VII в. В остеологическом материале Ново-Вочепшийского городища можно заметить процентное перераспределение костных остатков: резко возрастает количество лошадей и практически исчезают кости свиней. Подобное явление можно связать лишь с попыткой населения перейти на новые формы хозяйства. Однако этот процесс, видимо, не полу-

чил дальнейшего развития, так как в начале VII в. жизнь на городищах прекращается, а вместе с ними исчезают могильники с западной ориентировкой. Видимо, это связано с политическими событиями, происходившими в степных районах Северного Кавказа, вынудившими кубанских болгар переселиться в закубанские степи и окончательно вытеснить отсюда местное постмеотское население.

Второй период в этнической истории Среднего Закубанья связан с памятниками VIII-IX вв. Именно в это время на обоих берегах Кубани, к западу и востоку от современного Краснодара, возникают открытые поселения – селища. Некоторые из них были отмечены в 50-е годы А.Л. Монгайтом, а новые – исследованы в 80-90-е годы В.А. Тарабановым. На Левобережье остатки синхронных поселений были открыты Краснодарской экспедицией в районе аулов Казово и Ленинахаль (Тарабанов, 1993а. С. 115-122; Тарабанов, 1987. С. 57-58). Во время наших работ на водохранилище также были отмечены целые комплексы керамических скоплений с характерной керамикой салтовского типа. Большое селище находилось на левом берегу р. Белой, в излучине при ее впадении в Кубань, в зоне постоянного затопления. Судя по встречающимся там фрагментам керамики, оно занимало значительную территорию и было синхронно правобережным.

Основываясь на результатах исследований, проведенных В.А. Тарабановым на кубанских селищах, и сделанных им выводах, можно определенно говорить о существенных социально-экономических изменениях. Исследования остеологического материала с селищ дали процентное преобладание крупного рогатого скота и лошадей. Остатки жилищ представляют собой полуземлянки и юртообразные конструкции с открытыми очагами (Тарабанов, 1993б. С. 96). По всей видимости, население ведет по-

луоседлый образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством и земледелием. Об этом свидетельствуют находки земледельческих орудий труда в культурном слое селищ. Два клада таких вещей были найдены в Адыгее, они аналогичны предметам с поселений салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967. Рис. 38). В керамическом материале появляются новые формы сосудов, не характерные для предшествующего периода.

Подобные изменения можно связать с массовым притоком в эти районы нового населения. И это четко подтверждается сменой погребального обряда. Причем следует отметить, что для территории Средней Кубани характерна пестрота погребальных комплексов – явный признак этнической неоднородности оставившего их населения. Выделяется несколько типов захоронений: в грунтовых ямах, в катакомбах и кремации.

Катакомбные погребения могильника в районе станицы Старокорсунской автор раскопок В.Н. Каминский связывает с аланами, испытавшими интенсивное влияние степных племен, а захоронения в простых грунтовых ямах – с болгарями (Каминский, 1987. С. 201-202). Аланскими считаются Горькобалковские 1 и 2 могильники, открытые близ г. Армавира (Виноградов и др., 2001. С. 138-168).

На нынешнем этапе изучения этнической истории Северо-Западного Кавказа часть исследователей, занимающихся этой проблемой, западной границей распространения аланских племен считают бассейн р. Псекупс (Каминский, 1993. С. 70-79; Пьянков, 2001. С. 201-202). Однако однозначно на этот вопрос сейчас ответить сложно. Могильники на Левобережье Кубани дают иной расклад погребальных обрядов, а по сопровождающему инвентарю можно говорить лишь о культурных заимствованиях при более менее единых социально-экономических условиях и культурно-идеологических представлениях.

На Левобережье выделяются могильники двух типов: ингумационные и кремационные. Все ингумационные захоронения произведены в грунтовых ямах, погребенные имеют вытянутое положение и преобладающую северо-восточную ориентировку, с небольшим процентом ориентированных на северо-запад и восток-юго-восток. Наиболее представительным является Казазовский I могильник (ранняя группа), опубликованный В.А. Тарабановым (Тарабанов, 1983. С. 148-155). В большей части погребений зафиксированы кости животных, погребальный инвентарь состоит из оружия, предметов конского снаряжения, поясных наборов, украшений и сосудов (гончарных и лепных). Аналогичен Казазовскому Ново-Вочепшийский могильник с более устойчивой северо-восточной ориентировкой, но скудным погребальным инвентарем. Группа таких же погребений раскопана Н.Г. Ловпаче в устье р. Псекупс на его правом берегу, П.А. Дитлером – в районе аула Ленинахабль, одно погребение у хут. Городской – во время наших разведок Единственное захоронение с такой же ориентировкой обнаружено в Молдавановском кремационном могильнике в Крымском районе Краснодарского края (Тарабанов, 1997. С.24-27).

По мнению В.А. Тарабанова, население, оставившее эти могильники, принадлежало к болгарской группе племен, поселившихся в Прикубанье в постгуннское время (Тарабанов, 1983. С. 155; Тарабанов, 1997. С. 25). Этой же точки зрения придерживается и автор данной статьи.

Второй, не менее значительный и по количеству открытых могильников и раскопанных погребений – кремационный обряд. Наиболее полная сводка памятников с кремационным обрядом приведена в статье А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова (Пьянков, Тарабанов, 1998. С. 18-32). Авторы объединяют их в Кубано-Черноморскую группу кремаций.

По их данным, таких погребальных памятников и отдельных комплексов – 17, семь из них происходят с территории Среднего Закубанья, причем восточная граница их распространения доходит до р. Псекупс, а на западе наибольшая их концентрация отмечается в причерноморских районах от Анапы до Геленджика. Для этих погребений характерно сжигание умерших на стороне с сопутствующим инвентарем и дальнейшее захоронение в обычных ямках или в урнах, для которых использовались кухонные горшки и корчаги. Устойчивым признаком является ритуальная порча вещей. Наиболее представительными в Закубанье являются Казазовский II могильник и Молдавановский, который находится ближе к причерноморским районам. Этническая принадлежность этих памятников до сих пор не определена. Аналогичные им известны в бассейне Северского Донца. В.К. Михеев на основании находок там коньковых подвесок связывает их с угорским этносом, осевшим в среде алано-болгарских племен (Михеев, 1982. С. 166). Этой же точки зрения придерживается В.А. Тарабанов (Тарабанов, 1997. С. 25). В.А. Дмитриев кремационные погребения могильника на р. Дюрсо, относящиеся к VIII-IX вв., связывает с тюркским этносом (Дмитриев, 1979. С. 56). По мнению Е.П. Алексеевой, кремационный обряд в среде кубанских и причерноморского населения имеет южное абазинское происхождение (Алексеева, 1971. С. 194-196), но археологические исследования последних лет выявили рядом с могильниками одновременные поселения с типичными признаками полуоседлого кочевнического быта, что не характерно для абазин.

Таким образом, на основании имеющихся материалов можно сделать вывод, что в VIII-IX вв. в Закубанье происходит окончательная смена этнического состава, а предшествующее постмеотское население либо исчезает,

либо подчиняется новым пришельцам, плекс культурно-идеологических воз- полностью воспринимая не только их зрений. хозяйственный уклад, но и весь ком-

Библиография

- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н.э. М., 1977.
- Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеантичного периода // СА. 1984. № 1.
- Айбабин А.И., Мульд С.А., Хайрединова Э.А.* Исследование раннесредневекового могильника у с. Лучистое // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
- Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.
- Амброс А.К.* Фибулы Юга Европейской части СССР (I в. до н.э.-I в. н.э.) // САИ Д I-30. М., 1966.
- Анфимов Н.В.* Археологические памятники нижнего течения р. Марта, Пчаса и Псекупса // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1972.
- Анфимов Н.В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Анфимов Н.В.* Тахтамукаевский могильник // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Атавин А.Г., Паромов Я.М.* Болгарское погребение с золотым поясным набором из нижнего Прикубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Афанасьев Г.Е.* Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. 1979. № 3.
- Афанасьев Г.А.* Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Аутлев П.У.* Новые раннесредневековые памятники бассейна р. Лабы // СМАА. Т. III. Майкоп, 1972.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В.* Горькобалковский могильник 2 VIII-IX вв. (публикация материалов) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Гей А.И., Мельник В.И., Орловская Б., Сатеев О.И., Сорокина И.А.* О работе Северо-Кавказской экспедиции // АО-1986 года. М., 1988.
- Деоник В.Б.* Классификация и хронология аланских украшений // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА № 114. М., 1963.
- Дитлер П.А.* Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс // СМАА. Т. II. Майкоп, 1961.
- Дитлер П.А.* Раннесредневековый могильник Мешоко // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158.
- Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. «Советско-венгерский сборник». М., 1982.
- Зайцев Ю.П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
- Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1998.
- Каминская И.В.* Исследования Лабинского отряда в бассейне рек Урупа и Лабы // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992.
- Каминский В.Н.* Работы Краснодарского музея-заповедника // АО-1981 года. М., 1983.
- Каминский В.Н.* Алано-болгарский могильник близ ст. Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.
- Каминский В.Н.* Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е 1-2. М., 1963.
- Ковалевская В.Б.* Датировка Пашковского могильника I // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы. История и культура. III. Владикавказ, 1995.
- Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. I. Донецк, 2000.
- Ловпаче Н.Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Ловпаче Н.Г.* Средневековые памятники Закубанской Адыгеи // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995а.

- Ловпаче Н.Г.* Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп, 1995б.
- Ловпаче Н.Г., Тов А.А.* Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983.
- Михеев В.К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомельша // СА. 1982. № 2.
- Монгайт А.Л.* Средневековые памятники Северо-западного Кавказа // СА. 1955. № XXIII.
- Носкова Л.М.* Отчет о работах Псекупского отряда КАЭ ГМИНВ в 1982 году. М., 1983 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8969.
- Носкова Л.М.* Раскопки на Ново-Вочепшийском городище // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984.
- Носкова Л.М.* Отчет о работах Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1986 году. М., 1987 // Архив ИА РАН. Р-1. № 13766.
- Носкова Л.М.* Отчет о работах Теучежского отряда КАЭ ГМИНВ в 1989 году. М., 1990а // Архив ИА РАН. Р-1 3 14085-86.
- Носкова Л.М.* Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990б.
- Паромов Я.М.* Раскопки Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в Красноармейском районе Краснодарского края в 1988 г. // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Покровский М.В.* Пашковский могильник № 1 // СА. 1936. № I
- Пьянков А.В.* Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Пьянков А.В.* Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Вып. 10. Краснодар, 1998.
- Пьянков А.В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар, 1998.
- Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Савченко Е.И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. I. М., 1986.
- Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. Вып. 56. Пг., 1914.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Тарабанов В.А.* Исследование средневекового селища у хутора им. Ленина // АО-1980 года. М., 1981.
- Тарабанов В.А.* Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983.
- Тарабанов В.А.* Гончарный комплекс селища II аула Казазово // Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
- Тарабанов В.А.* Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992.
- Тарабанов В.А.* Поселения болгар на правом берегу Кубани // Древности Кубани и Черноморья. I. Краснодар, 1993а.
- Тарабанов В.А.* Поселение салтово-маяцкой культуры на правом берегу Кубани близ ст. Васюринской // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993б.
- Тарабанов В.А.* Ингумационное погребение в Молдавановском кремационном могильнике (по раскопкам 1989 г.) // Древности Кубани. Краснодар, 1997.
- Тарабанов В.А.* Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар, 1999.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000а.
- Флеров В.С.* Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. I. Донецк, 2000б.
- Хайнрих А.* Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы. История и культура. III. Владикавказ, 1995.

КАЭ-86. гм. Городской, погр. 1

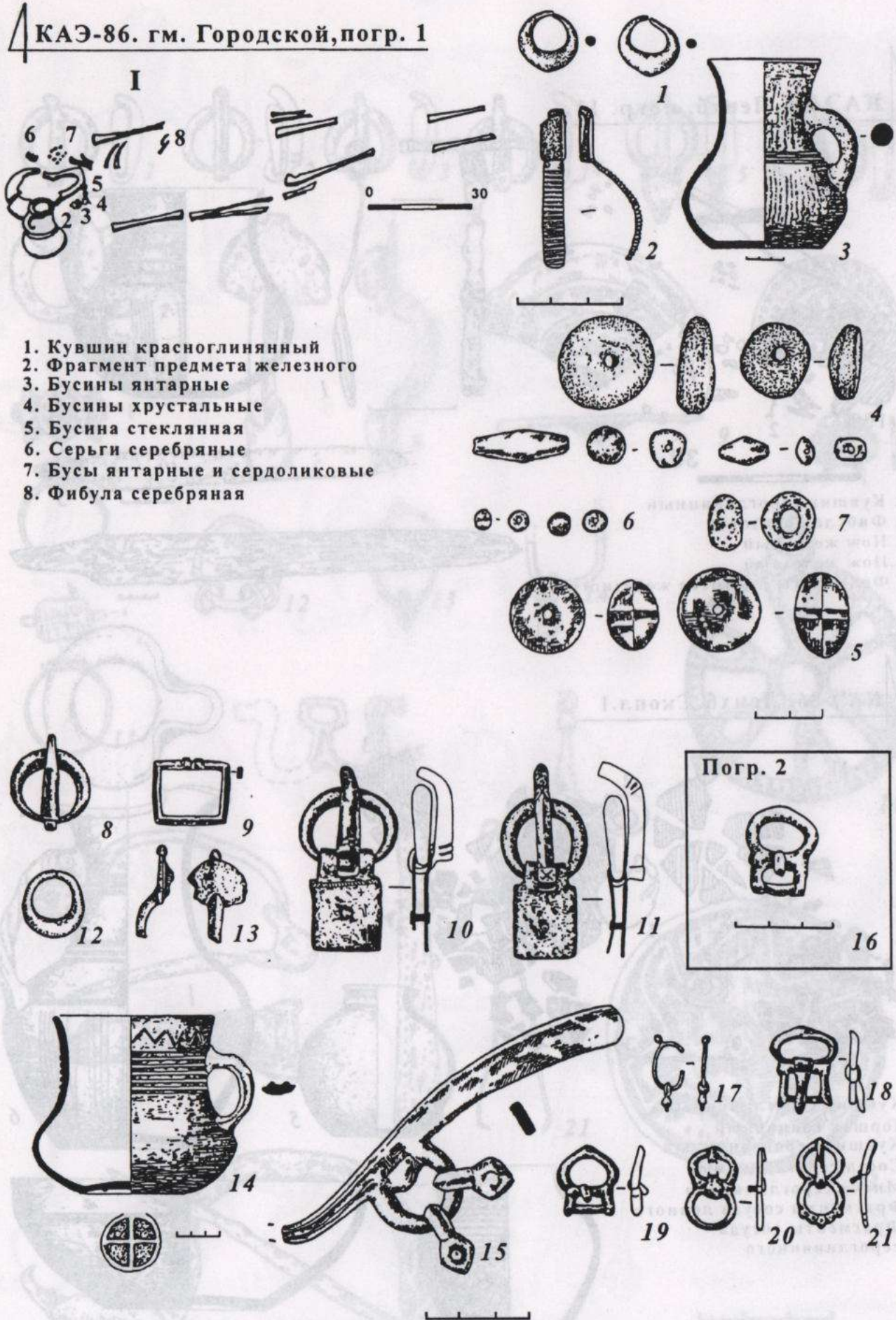

Рис. 1. Район хут. Городской

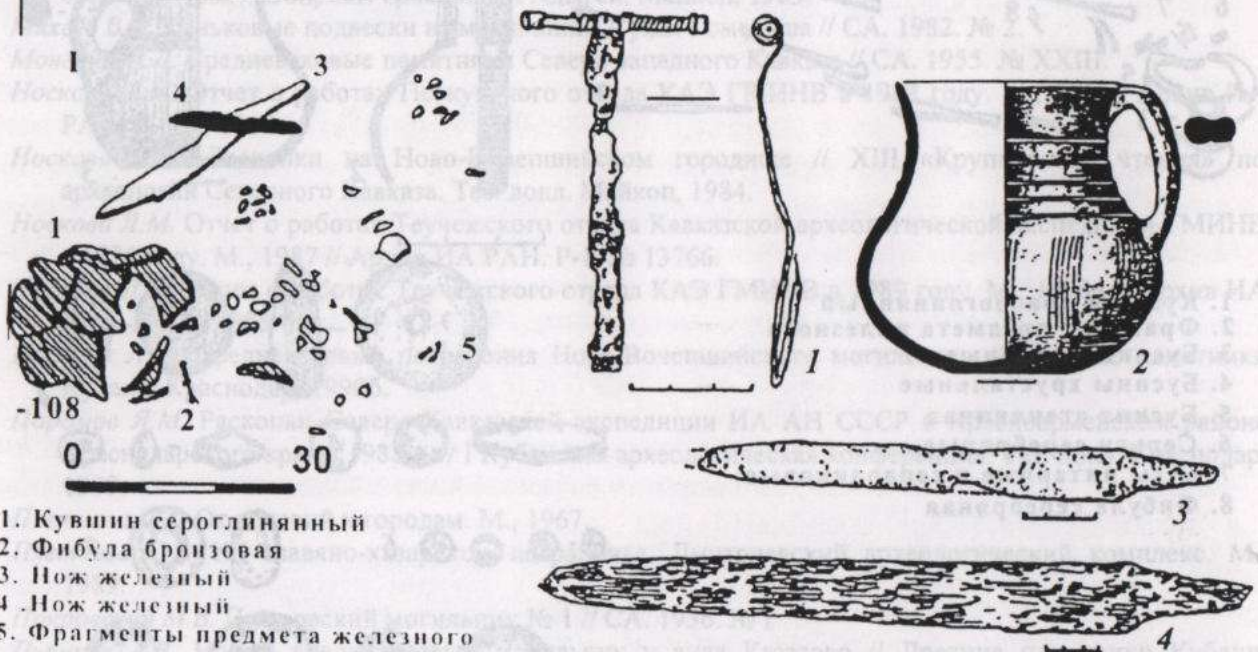
I - план погр. 1; 1-7 - инвентарь погр. 1;

8-15 - случайные находки V-VII вв.;

16 - погр. 2; 17-21 - случайные находки VIII-IX вв.

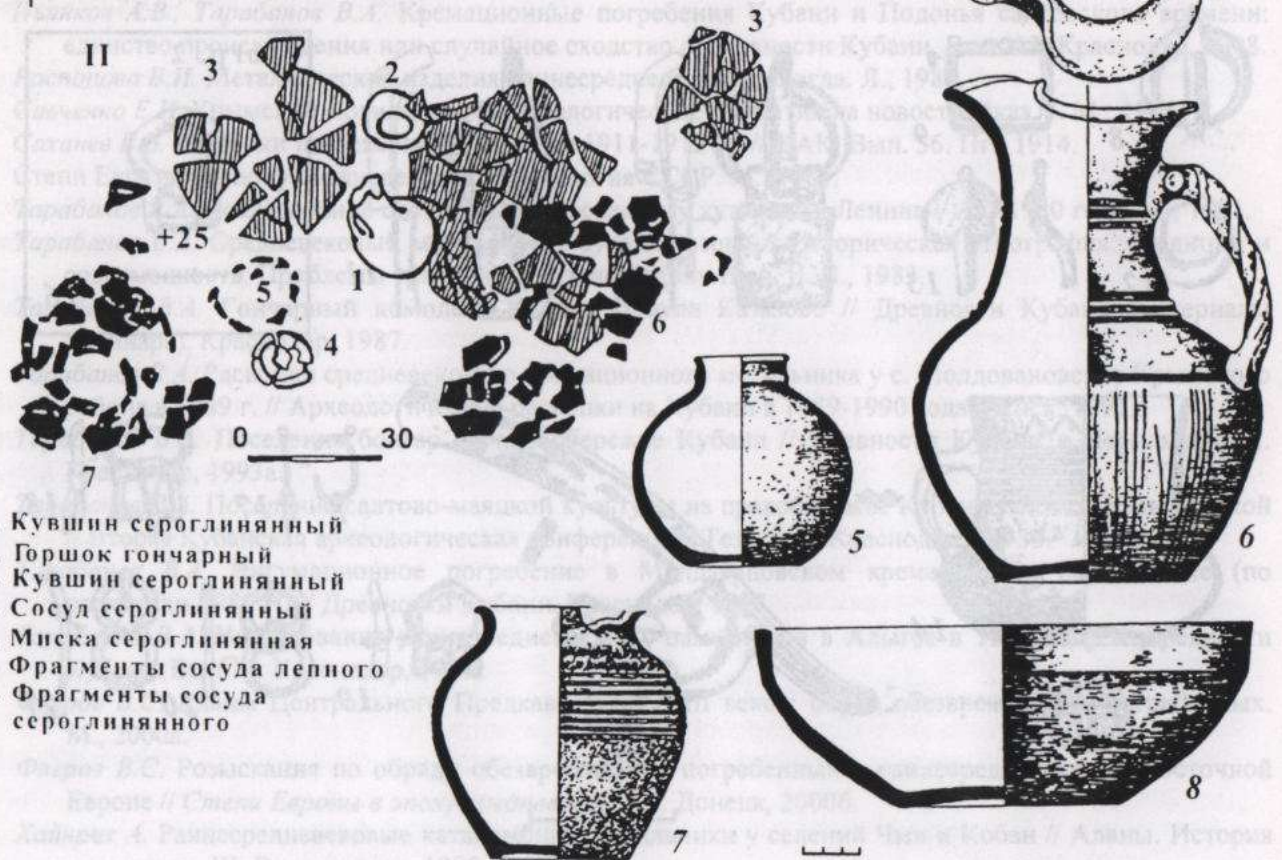
10-23 - случайные находки VIII-IX вв.

КАЭ-86. Ленхб. погр. 11

- 1. Кувшин сероглинянный
- 2. Фибула бронзовая
- 3. Нож железный
- 4. Нож железный
- 5. Фрагменты предмета железного

КАЭ-86. Ленхб. Скопл. 1

- 1. Кувшин сероглинянный
- 2. Горшок гончарный
- 3. Кувшин сероглинянный
- 4. Сосуд сероглинянный
- 5. Миска сероглинянная
- 6. Фрагменты сосуда лепного
- 7. Фрагменты сосуда сероглинянного

Рис. 2. Планы и инвентарь погр.11 и скопл. 1.

I - план погр.11; 1-4 - инвентарь погр.11

II - план скопл. 1; 5-8 - инвентарь скопления 1

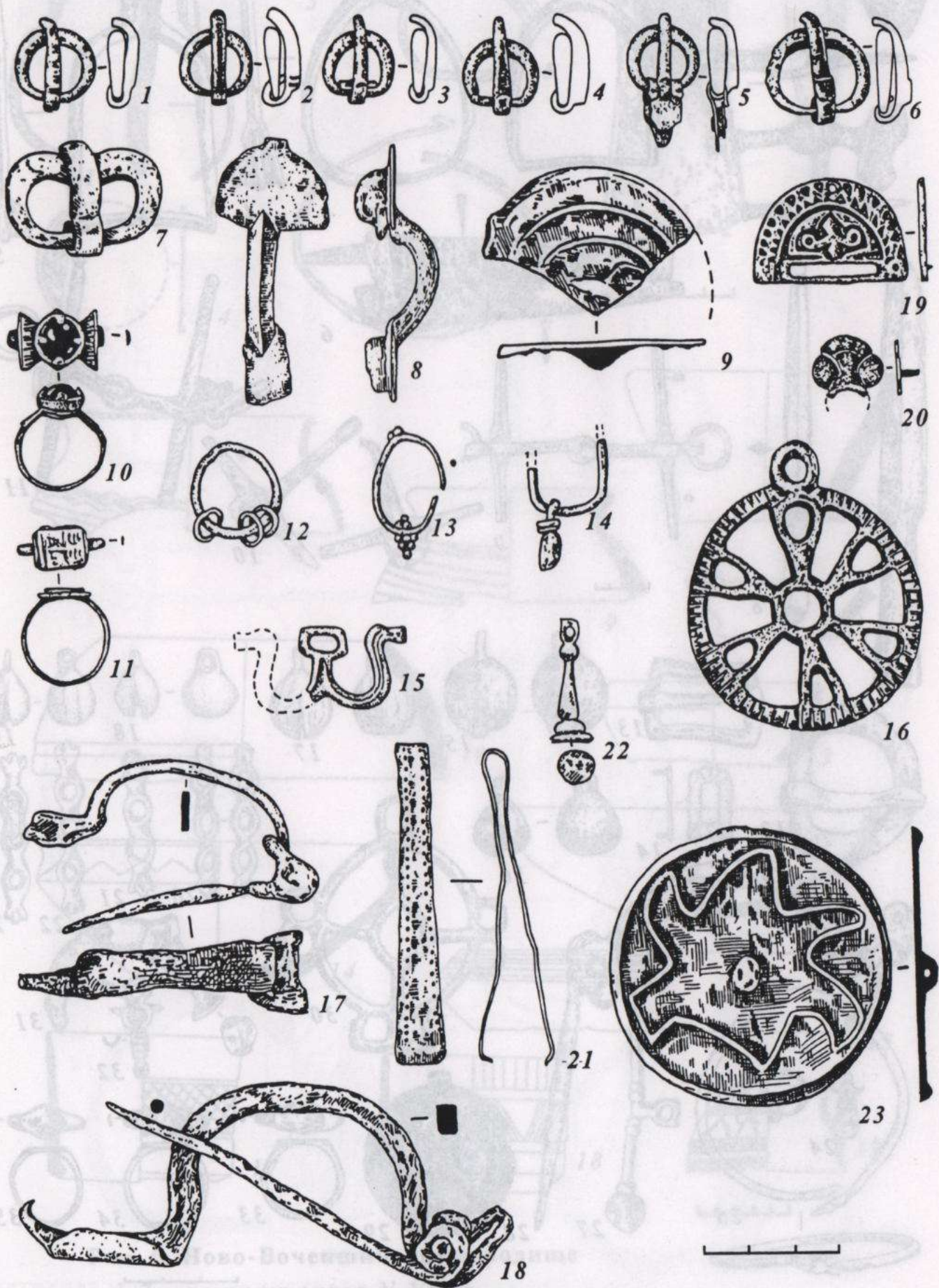

Рис.3. Район аула Тауйхабль
 1-9 - случайные находки V-VII вв.
 10-23 - случайные находки VIII-IX вв.

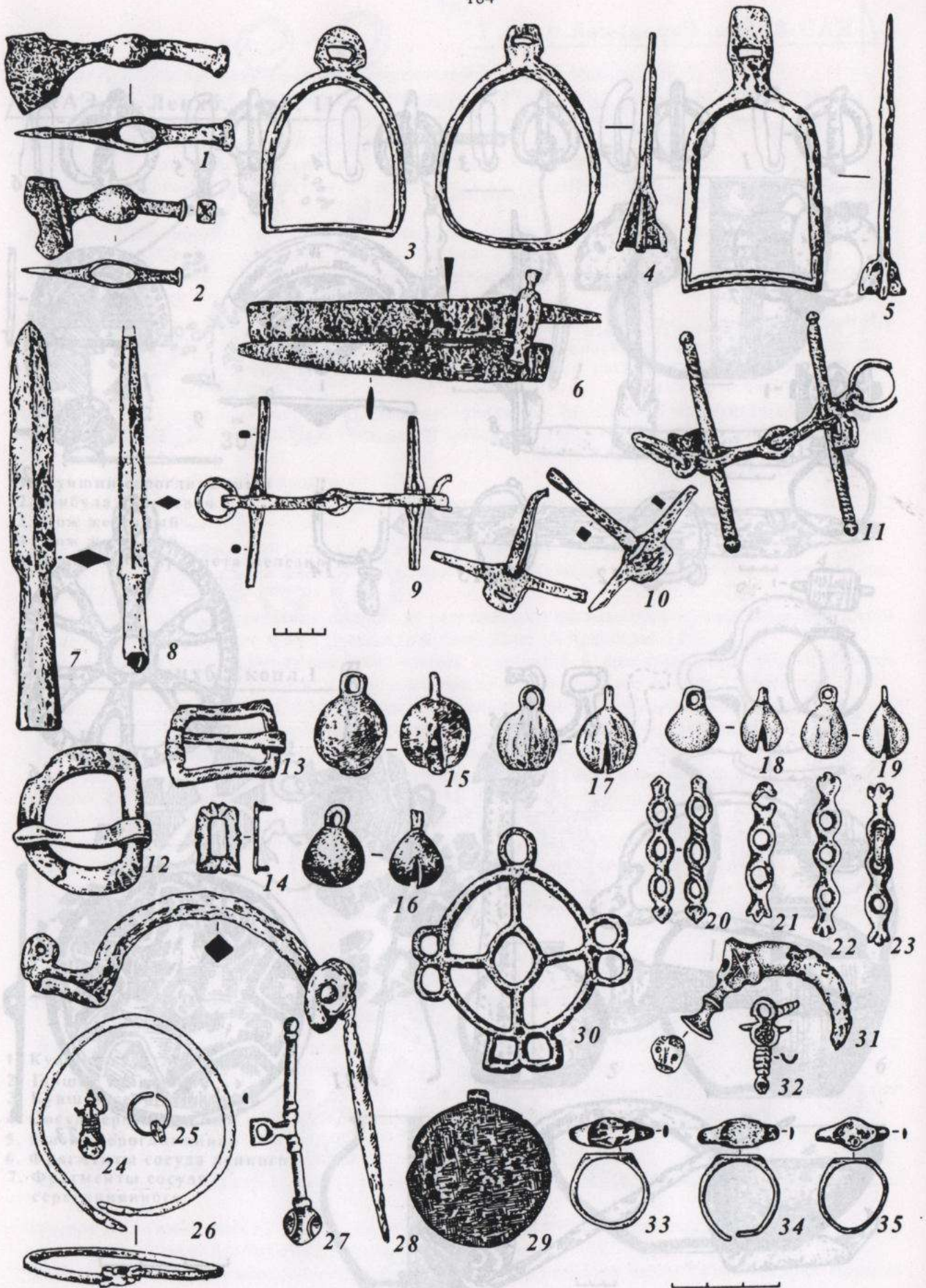

Рис. 4. Устье реки Псекуп
1-35 - случайные находки VIII-IX вв.

для XIV-XV веков и для XV-XVI веков
для XI-XIV веков и для XV-XVI веков - 23-01

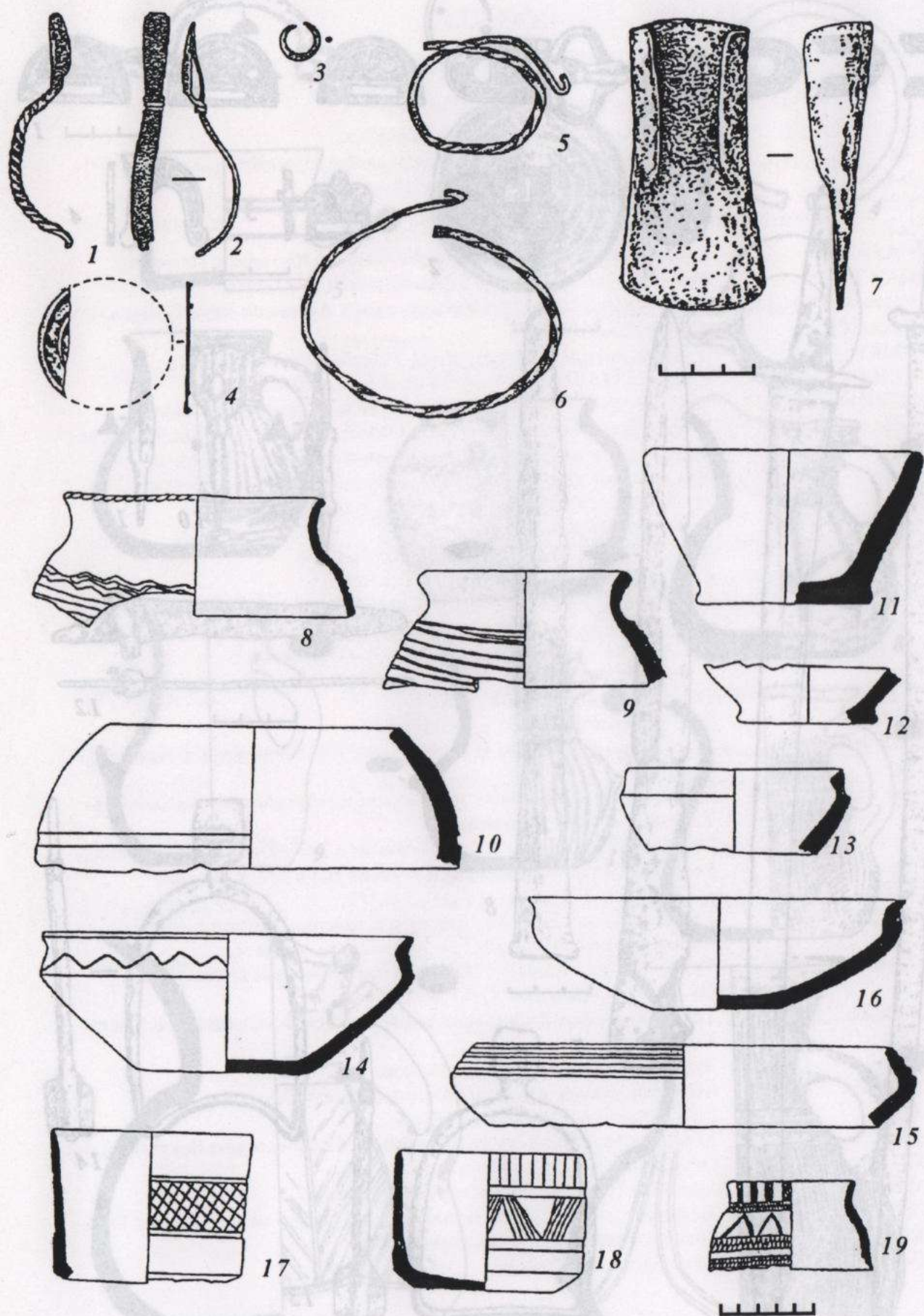

Рис. 5. Ново-Вочепшійское городище

1-7 - вещи из слоев V-VI вв.

8-13 - керамика лепная

14-19 - керамика гончарная сероглиняная

1, 2, 4 - украшения из бронзы VIII - IX вв.
7 - 13 - сосуды из керамики

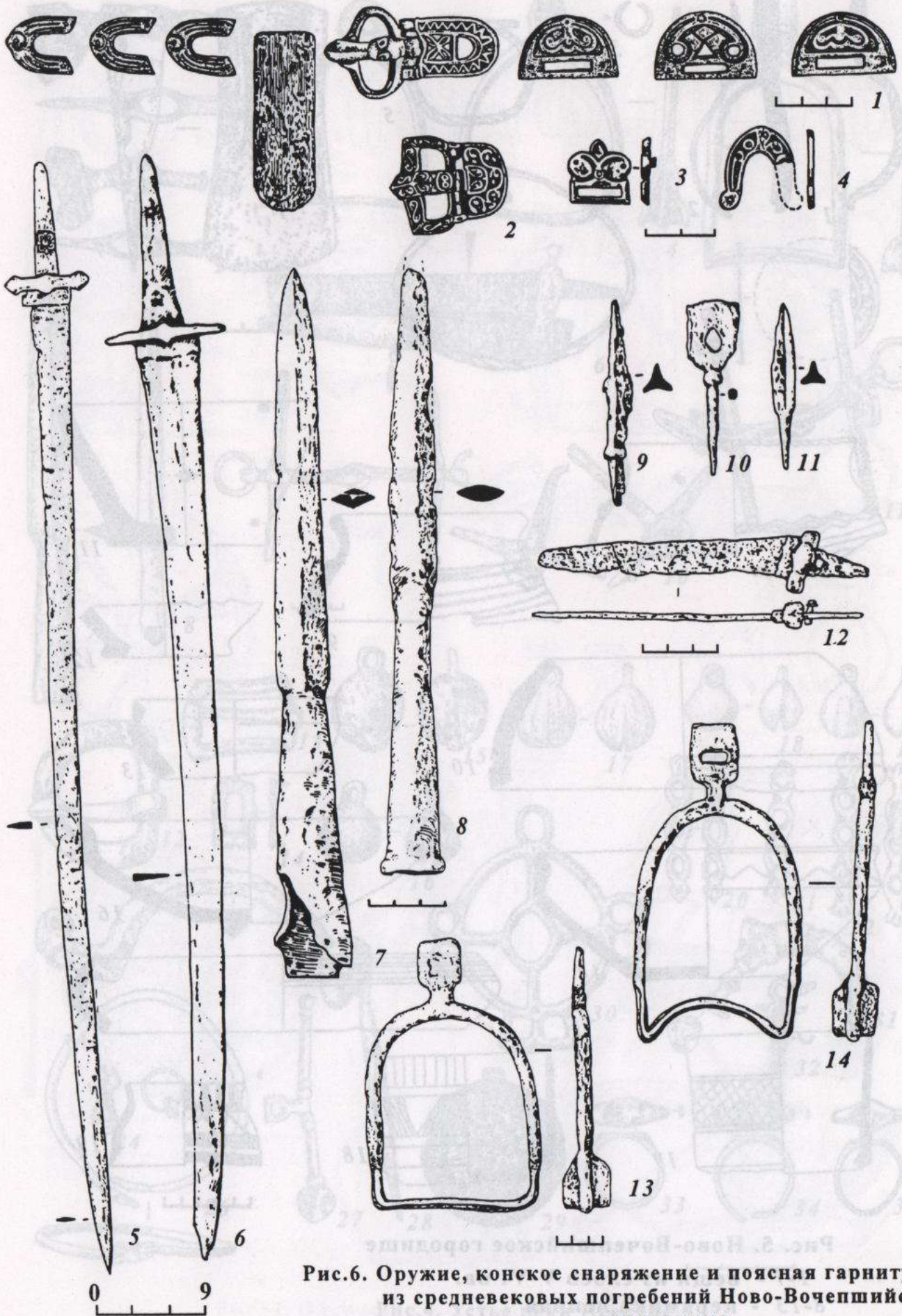

Рис. 6. Оружие, конское снаряжение и поясная гарнитура из средневековых погребений Ново-Вочепшйского могильника

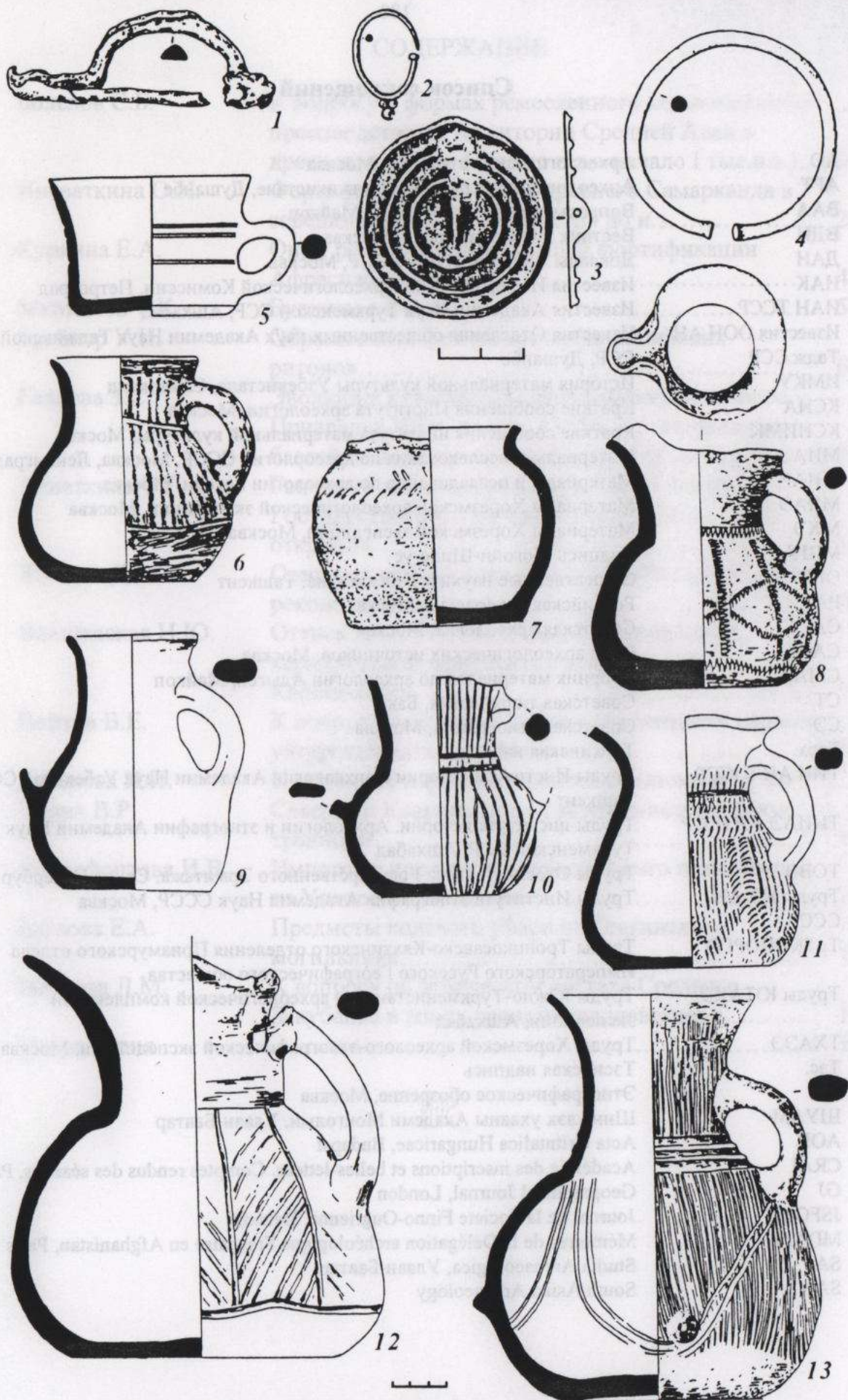

Рис.7. Инвентарь из средневековых погребений
Ново-Вочипшійского могильника

- 3,5,6 - случайные находки V-VI вв. с могильника
1,2,4 - украшения из погребений VIII - IX вв.
7 - 13 - сосуды из погребений

Список сокращений

АО	Археологические открытия, Москва
АРТ	Археологические работы в Таджикистане, Душанбе
ВАА	Вопросы археологии Адыгеи, Майкоп
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ДАН	Доклады Академии Наук СССР, Москва
ИАК	Известия Императорской Археологической Комиссии, Петроград
ИАН ТССР	Известия Академии Наук Туркменской ССР, Ашхабад
Известия ООН АН Тадж.ССР	Известия Отделения общественных наук Академии Наук Таджикской ССР, Душанбе
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана, Самарканд
КСИА	Краткие сообщения Института археологии, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения института материальной культуры, Москва
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, Ленинград
МИАР	Материалы и исследования по археологии России, Москва
МХАЭ	Материалы Хорезмской археологической экспедиции, Москва
МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции, Москва
МШУ	Надпись Могойн-Шине-ус
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане, Ташкент
РА	Российская археология, Москва
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
СМАА	Сборник материалов по археологии Адыгеи, Майкоп
СТ	Советская тюркология, Баку
СЭ	Советская этнография, Москва
Терх.	Терхинская надпись
ТИИ АН УзССР	Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР, Ташкент
ТИИАЭ АНТССР	Труды института истории. Археологии и этнографии Академии Наук Туркменской ССР, Ашхабад
ТОВЭ	Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
Труды ИЭ АН СССР	Труды Института этнографии Академии Наук СССР, Москва
ТрТКОПОРГО	Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества
Труды ЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Москва
Тэс.	Тэсинская надпись
ЭО	Этнографическое обозрение, Москва
ШУАМ	Шинжлэх ухааны Академи Монголын, Улаан-Баатар
АОН	Acta Oritntalica Hungaricae, Budapest
CRAI	Académie des inscriptions et belles-lettées. Comptes rendus des séances, Paris
GJ	Geographical Journal, London
JSFOu	Journal de la Societe Finno-Ougrienne, Helsinki
MDAFA	Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan, Paris
SA	Studia Archaeologica, Улаан-Баатар
SAA	South Asian Archaeology

СОДЕРЖАНИЕ

Болелов С.Б.	К вопросу о формах ремесленного керамического производства на территории Средней Азии в древности (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.)..	3
Иневаткина О.Н.	Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э.	24
Куркина Е.А.	Опыт реконструкции древней фортификации Афрасиаба	47
Мкртычев Т.К.	Буддизм в Согде	56
Трейнер У.И.	Образы кентавров на протомах нисийских ритонов.....	65
Галиева З.С.	Эволюция культурных ландшафтов Восточного Приаралья VII в. до н.э. – VII в. н.э. на примере бассейна Эскидарьялька. Методы реконструкции	71
Алпаткина Т.Г.	Ганчевый декор дворца Варахши из фондов Государственного музея Востока: новые открытия.....	86
Жулина Д.А.	Орнаментальный декор дворца Варахши: опыт реконструкции.....	99
Вишневская Н.Ю.	Оттиск штампа с изображением корабля на керамическом фрагменте из коллекции Кастаньского.....	102
Войтов В.Е.	К вопросу о летних и зимних резиденциях первых уйгурских каганов в Монголии.....	109
Терехова Н.Н. Эрлих В.Р.	К проблеме перехода к раннежелезному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции.....	134
Ксенофонтова И.В.	Импортные предметы хозяйственного назначения из Уляпского могильника.....	153
Беглова Е.А.	Предметы конского убора из Тенгинского могильника.....	157
Носкова Л.М.	К вопросу об этническом составе Среднего Закубанья в эпоху раннего средневековья.....	169
Сокращения	188

